

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2024. Т. 20. № 2

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

2024. Vol. 20. No. 2

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2024

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 2

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 2

Editorial board

Editor-in-Chief - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 2

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Уланов А.А., Савельев Н.А., Тетенькин А.В. Материалы 9–9А культурных горизонтов стоянки Усть-Хайта I в контексте археологии мезолита – раннего голоцена юга Прибайкалья	8
Яншина О.В. О начальном этапе заселения Курильских островов (в связи с открытием культуры длинных могил)	36
Комарова О.С., Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Максимович Л.А., Вдовенкова М.В., Ван Сяокунь, Цюань Цянькунь, Чжан Вэньцзин. Культурно-хронологические комплексы ансамбля памятников Пискуновские камни в южной тайге Среднего Енисея	51

ЭТНОЛОГИЯ

Шалыгина Н.В. Формирование новой идентичности русскоязычных иммигрантов в США	66
---	----

ИСТОРИЯ

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В., Черкасов А.Н. Многофакторный анализ вероятного местонахождения Албазинского Спасского монастыря	77
Наумова О.Е., Наумов И.В. Строительство православных храмов в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века	91
Шафоростов А.И. Логика в университетах Российской империи	104
Сысоев А.А. Бродяжничество в Сибири и борьба с ним в досоветское время	113
Данчевская А.В. История полиции губерний Новороссии второй половины XIX – начала XX в. по материалам Полного собрания законов Российской империи	125
Кузнецов С.И. Газеты военнопленных Первой мировой войны в Японии (1914–1918 гг.)	141
Олейников А.В. Лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк в битве на Стоходе, июль 1916 г.	152
Беломестнов А.В. Антибольшевистский переворот во Владивостоке 26 мая 1921 г.	161
Суржко А.В. Основные направления развития советско-монгольских отношений в 1946–1991 гг.: содержание, характеристика, итоги важнейших договоров и соглашений	176

РЕЦЕНЗИЯ

Кискидосова Т.А. «Повседневность женской доли успевать всегда и везде»	189
Карасёв С.В. Военная подготовка пополнения как основа успешного выполнения боевых задач	195

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 2

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

- Ulanov A.A., Savel'ev N.A., Tetenkin A.V.** Materials of the 9-9A cultural layers of Ust-Khayta I site in context of the archeology of Mesolithic - Early Holocene of the south of Cis-Baikal8
- Yanshina O.V.** On the initial peopling of the Kuril island (to the discovery of the long barrows culture)36
- Komarova O.S., Mandryka P.V., Biryuleva K.V., Maksimovich L.A., Vdovenkova M.V., Wang Xiaokun, Quan Qiankun, Zhang Wenjing.** Cultural and chronological assemblages of the ensemble of sites Piskunovskie Kamni in the southern taiga of the Middle Yenisey51

ETHNOLOGY

- Shalygina N.V.** Formation of a new identity Russian-speaking immigrants to the USA66

HISTORY

- Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V., Cherkasov A.N.** Multifactorial analysis of the probable location of Albazin Spassky Monastery77
- Naumova O.E., Naumov I.V.** Construction of Orthodox churches in Eastern Siberia in the 17th - first half of the 19th century91
- Shaforostov A.I.** Logic at universities in Russian Imperia.....104
- Sysoev A.A.** Vagrancy in Siberia and its persecution in pre-Soviet times113
- Danchevskaya A.V.** The history of the police of the provinces of Novorossiia in the second half of the XIX - early XX century based on the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire125
- Kuznetsov S.I.** Newspapers from World War I prisoners of war in Japan (1914-1918).....141
- Oleynikov A.V.** Life Guards 3rd Rifle Regiment in the Battle of Stokhod, July 1916152
- Belomestnov A.V.** The anti-Bolshevik coup in Vladivostok on May 26, 1921161
- Surzhko A.V.** Main directions of development of Soviet-Mongolian relations in 1946-1991: content, characteristics, results of important treaties and agreements176

REVIEW

- Kiskidosova T.A.** "The reality of a woman's burden is to keep up always and everywhere"189
- Karasev S.V.** Military training of troops as the basis for successful implementation combat missions.....195

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2024. Т. 20. № 2

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- рецензия,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2024. Vol. 20. No. 2

Dear Readers!

**We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».**

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Review,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 903.02(571.53)
EDN: GBRXBF
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-8-35>

Материалы 9–9А культурных горизонтов стоянки Усть-Хайта I в контексте археологии мезолита – раннего голоцена юга Прибайкалья

А.А. Уланов ¹, Н.А. Савельев ², А.В. Тетенькин ³

¹ Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

³ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Местонахождение Усть-Хайта I исследовалось в ходе спасательных работ в 2000 г. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот и анализ материалов 9 и 9А культурных горизонтов, открывая этим серию публикаций по Усть-Хайте I. Данные культурные горизонты возрастом около 12–10,7 тыс. л. н. (средний мезолит) содержат представительную коллекцию каменных и костяных артефактов, а также фаунистические остатки, сохранившиеся в рамках определенных планиграфических структур, таких как кострища и компактные скопления дебитажа и кости. Анализ материалов 9–9А культурных горизонтов предоставляет данные о хозяйственном комплексе раннего голоцена охотников-собирателей юга Восточной Сибири, включающем охоту, сфокусированную на добыче на средних копытных, наиболее раннее свидетельство существования домашней собаки в регионе, а также охоту на крупных копытных, в числе которых характерные для плейстоцена лошадь и бизон и рыболовство, имеющие вспомогательную роль. Рыболовство не имеет четко выраженной специализации, что отличает комплекс 9–9А культурных горизонтов Усть-Хайты от хозяйственных комплексов эпохи мезолита стоянки Усть-Белая. Характеристика хозяйственного комплекса вместе с анализом технологических качеств каменных индустрий 9–9А культурных горизонтов, таких как техно-морфологическая вариабельность микронуклеусов и разнообразие вкладышевых орудий, проливает свет на специфику пост-плейстоценовой адаптации древнего населения. Наличие трех основных техно-морфологических групп микронуклеусов, с нашей точки зрения, свидетельствует об изменениях в стратегии мобильности и адаптации охотников-собирателей к условиям перехода от плейстоцена к голоцену.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Усть-Хайта, хозяйственный комплекс, охотники-собиратели, микропластинчатая индустрия, клиновидный микронуклеус, призматический микронуклеус, вкладышевое орудие, пост-плейстоценовая адаптация, ранний голоцен

Для цитирования: Уланов А.А., Савельев Н.А., Тетенькин А.В. Материалы 9–9А культурных горизонтов стоянки Усть-Хайта I в контексте археологии мезолита – раннего голоцена юга Прибайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 8–35. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-8-35. EDN: GBRXBF.

Archaeology

Original article

Materials of the 9-9A cultural layers of Ust-Khayta I site in context of the archeology of Mesolithic - Early Holocene of the south of Cis-Baikal

Aleksandr A. Ulanov ¹, Nikolai A. Savel'ev ², Aleksei V. Tetenkin ³

¹ Hokkaido University, Sapporo, Japan

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

³ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Ust-Khayta I site was excavated during a rescue project in 2000. This article aims to introduce and analyze materials of cultural layers 9 and 9A, thus opening a series of publications on Ust-Khayta I. These cultural components dated back to 12-10.7 thousand years (Middle Mesolithic) and contain a representative collection of stone and osseous artifacts, as well as faunal remains

© Уланов А.А., Савельев Н.А., Тетенькин А.В., 2024

preserved within identifiable spatial structures, such as hearths and compact clusters of debitage. The analysis of materials from cultural layers 9-9A provides data on the subsistent economic complex of early Holocene hunter-gatherers of southern Eastern Siberia, including specialized hunting of medium-sized ungulates, the earliest evidence of domestic dogs in the region, as well as hunting of large ungulates, including horse and bison, common for the Pleistocene, and fishing, which had a secondary role. Fishing has no well-defined specialization, distinguishing 9-9A cultural layers of the Ust-Khayta from the Mesolithic subsistent economic complexes described at the Ust-Belaya site. The characterization of the subsistent economic complex together with the analysis of technological qualities of stone industries of 9-9A cultural layers, such as the techno-morphological variability of microblade cores and diversity of slotted tools, sheds light on the specificity of post-Pleistocene adaptation of the ancient population. From our point of view, the presence of three main techno-morphological groups of microblade cores indicates changes in the mobility strategy and adaptation of hunter-gatherers to the conditions of the transition from the Pleistocene to the Holocene.

Keywords: Eastern Siberia; Ust-Khayta, subsistent economic complex, hunter-gatherers, microblade industry, wedge-shaped microblade core; prismatic microblade core, slotted tool, post-Pleistocene adaptation, early Holocene

For citation: Ulanov A.A., Savel'ev N.A., Tetenkin A.V. (2024) Materials of the 9-9A cultural layers of Ust-Khayta I site in context of the archeology of Mesolithic - Early Holocene of the south of Cis-Baikal. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 8-35. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-8-35. EDN: GBRXBF.

Введение

В 2000 г. одним из самых значительных событий в археологии Прибайкалья стали раскопки многослойного местонахождения Усть-Хайта I. Раскопки были спасательными, велись на месте строительства моста через устье р. Хайты на территории дер. Мишелевка Усольского района Иркутской области (рис. 1). Спасательные работы проводились двумя научными подразделениями: Лабораторией палеоэкологии ИГУ (руководитель отряда Н.А. Савельев) и Иркутской лабораторией археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ (руководитель отряда А.В. Тетенькин). В составе первого отряда работали Н.А. Савельев, Т.А. Абдулов, Е.С. Игумнова. В составе второго отряда – археологи А.В. Тетенькин, В.М. Ветров, Е.М. Инешин. Общая раскопная площадь была поделена между отрядами: 250 кв. м (раскоп 1) – ИЛАП ИАЭТ СО РАН–ИГУ и 500 кв. м (раскоп 2) – ЛП ИГУ. Общее научное руководство работами вел Н.А. Савельев. Геологическую часть работ проделали С.С. Осадчий (геологический ф-т ИГУ), Н.А. Слагода (ИЛАП ИАиЭ СО РАН-ИГУ), Открытый Лист на право проведения спасательных раскопных работ получил и Научный отчет по нему выполнил А.В. Тетенькин.

Усть-Хайта I, в силу срочного характера широкомасштабных спасательных работ в течение одного сезона, стала наряду с Горелым Лесом по объему полученной информации и материала наиболее обеспеченным объектом. Уже в ходе обширных и в то же время срочных работ сложилось представление о памятнике как о многослойном высокоинформативном, способном дать обильную инфор-

мацию о развитии культуры населения Прибайкалья в мезолите – неолите – бронзовом веке. Спустя двадцать четыре года после раскопок этот потенциал Усть-Хайты I стал, в общем, признанным, но не реализованным как мог бы. В свет прошли лишь публикации, имеющие предварительно-ознакомительный, тезисный характер (Осадчий, Тетенькин и др., 2000; Савельев, Тетенькин и др., 2001; Игумнова, Савельев и др., 2001). Вместе с тем, не будучи в должной мере освещен, объект мало-помалу оказывается включенным в орбиту научных разработок в области геоархеологии (Бердников, Бердникова, Воробьева, 2017), мезолитоведения (Бердников, Бердникова и др., 2014) и неолитоведения (Уланов, Бердников, 2015; Савельев, Уланов, 2019; Савельев, Уланов, 2020; Бердников, Горюнова и др., 2020; Уланов, 2022¹). В том числе и в рамках Байкальского археологического проекта (McKenzie, 2009; Losey, Fleming et al., 2017). Давно назрела необходимость полной публикации Усть-Хайты I. Авторами запланирована серия статей поэтапного ввода в научный оборот материалов. Настоящая статья посвящена 9–9А культурным горизонтам, нижним в пачке культурных горизонтов Усть-Хайты I.

История исследований в среднем течении

р. Белой и открытия стоянки Усть-Хайта I

Первые сведения об археологическом материале в районе села Мишелевка были получены в

¹ Уланов И.В. Древнее гончарство юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции : автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 25 с.

Рис. 1 Карта, план и панорама местонахождения Усть-Хайта I
Fig. 1. A map and panorama of the Ust-Khaita I site

результате археологической экскурсии М.М. Герасимова в 1934 г. (Куделя, 1999)². В 1950 г. подъемный материал собирал П.П. Хороших (Куделя, 1999)³.

С 1968 года район исследуется иркутскими археологами во главе с Н.А. Савельевым. В этом году разведочный отряд ИГУ (Н.А. Савельев, Ю.С. Пархоменко, В.Б. Шергин, Э.Н. Тюменцев) обнаружил в с. Нижний Булай пункты Булай I–III. В этом же году геоморфолог М.К. Молотков, работавший в данном районе, открыл местонахождение, названное впоследствии его именем (Молотковка). В 1969 г. при Ангаро-Бельской археологической экспедиции ИГУ сформирован Бельский отряд (Н.А. Савельев, Н.И. Дроздов). В этом году были открыты местонахождения Плотбище, Луговая, Мишелевка, Мишелевка-Сад, Узкий Луг.

В 1970 году в структуре, реорганизованной Археологической экспедиции ИГУ, отряд получил название «Бельский неолитический отряд». Выдающимся результатом работ этого года было открытие опорного многослойного археологического местонахождения Горелый Лес. В течение сезонов 1971–1972, 1974, 1994–1996, 1998 годов на нем проводились стационарные раскопочные работы (Савельев, Горюнова, 1973⁴; Савельев, Горюнова, Генералов, 1974; Игумнова, Куделя, 1996; Weber, 1997⁵; Куделя, 1999⁶). В последний этап (1994–1996 гг.) работы велись совместной российско-канадской экспедицией, с канадской стороны, в которой принимали участие специалисты из Университета г. Эдмонтон под руководством А. Вебера (Weber, 1997)⁷. Помимо него стационарные раскопочные работы проводились на местонахождениях

Плотбище и Луговая (1970 г.), Хайтинский Мост I–II (1991 г.).

В изучении Мишелевского геоархеологического субрайона в разные годы помимо основного участника, научного руководителя многолетних археологических исследований Н.А. Савельева принимали участие Н.И. Дроздов (1969 г.), О.И. Горюнова (1970–1972 гг.), И.Л. Лежненко (1974–1978 гг.), Н.Е. Бердникова (1982, 1991 гг.), В.И. Базалийский (1982 г.), А.Г. Генералов (1971–1972, 1974, 1983 гг.), А. Вебер (Эдмонтон, Канада) (1994–1996 гг.), В.М. Ветров (1991, 2000 гг.), Е.М. Инешин (2000 г.), А.В. Тетенькин (1991, 2000 гг.), Т.А. Абдулов (2000 г.), Е.С. Игумнова (1991, 1994–2006 гг.) и другие. Специальные палеопедологические, геоморфологические, литологические исследования в разные годы проводили Г.А. Воробьева (с 1981 г. по настоящее время), П.А. Ребриков, Ш.З. Мухарамов (1994–1996 гг.), С.С. Осадчий (1994–2000 гг.) и другие.

Значительными результатами полевого сезона 2000 года в Прибайкалье были отмечены раскопки нового многослойного местонахождения Усть-Хайта I. (Памятник Усть-Хайта I открыт в 1996 году Н.А. Савельевым и Е.С. Игумновой). Находящееся в зоне строительства моста через р. Хайта, оно было раскопано в 2000 г. в ходе спасательных работ в пос. Мишелевка в среднем течении р. Белой, в 120 км к северо-западу от Иркутска.

После спасательных работ в 2000 г., вышло несколько небольших по объему публикаций по Усть-Хайте I (Осадчий, Тетенькин и др., 2000; Савельев, Тетенькин и др., 2001; Игумнова, Савельев и др., 2001). В 2001 г. информация о местонахождении впервые была озвучена на конференции, посвященной 130-летию открытия палеолита в России, в ходе которой состоялась экскурсия на объект. В 2009 г. в Великобритании вышла книга «Ceramics before farming» (под редакцией П. Джордана и М. Звелебила) с главой «Обзор ранней керамики охотников-собираателей в Восточной Сибири» (McKenzie, 2009), написанной участником Байкальского археологического проекта Х. Маккензи. Усть-Хайте в ней посвящен раздел, обсуждены проблемы определения возраста ранне-неолитических культурных горизонтов, типов керамики, найденных в них и др. Отсылки на Усть-Хайту можно встретить в работе О.И. Горюновой и

² Куделя М.В. Мишелевско-Холмушинский археологический район (среднее течение р. Белой : дипломная работа. Иркутск, 1999. 104 с.

³ Там же.

⁴ Савельев Н.А., Горюнова О.И. Исследования многослойной стоянки Горелый Лес на реке Белой в 1972 году. Отчет о полевых работах Бельского неолитического отряда КАЭ. Иркутск, 1973. 18 с.

⁵ Weber A. (1997) Report on Excavations at the Gorelyi Les site (Siberia) 1994–1996. Edmonton.

⁶ Куделя М.В. Мишелевско-Холмушинский археологический район (среднее течение р. Белой : дипломная работа. Иркутск, 1999. 104 с.

⁷ Weber A. (1997) Report on Excavations at the Gorelyi Les site (Siberia) 1994–1996. Edmonton.

Т.Ю. Номоконовой (Номоконова, Горюнова, 2004). Фаунистическая коллекция местонахождения Усть-Хайта была проанализирована в 3-й главе монографии “Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal” (Losey, Fleming et al., 2017). В этой же главе были опубликованы новые AMS даты, полученные в лаборатории университета Оксфорда. Опубликованы определения рыб и исследование по использованию косули в хозяйственной деятельности населения стоянки (Mamontov, Savel'ev, Igumnova, 2006; Никулина, 2019). В новейшее время керамические материалы Усть-Хайты I были использованы в кандидатской диссертации И.В. Уланова (Уланов, 2022)⁸.

На сегодняшний день Мишелевский геоархеологический субрайон в системе геоархеологического районирования Байкальской Сибири 1996 г. является одним из опорных районов именно в силу имеющегося обширного фонда многослойных археологических объектов и полученных в ходе более чем 30-летних исследований сведений разнообразного собственно археологического и геоархеологического характера (Медведев, Генералов и др., 1996).

Геоморфология и стратиграфия местонахождения Усть-Хайта I

Верхняя пойма – 1-я терраса правого берега р. Белой в районе пос. Мишелевка характерны практически непрерывным залеганием археологических остатков, в отдельных случаях исследований, выделенных в самостоятельные пункты (сверху вниз по течению): Мишелевка-Сад, Усть-Хайта, Мишелевка, Луговая I–III, Горелый Лес I–VII (Бердникова, Лежненко, Савельев и др., 1991)⁹. Все пункты выделены в ситуациях многослойного залегания культурных остатков.

Местонахождение Усть-Хайта расположено на правом берегу р. Белой в месте впадения в нее

правого притока р. Хайты и приурочено к 6-метровой высокой пойме, на которой располагается д. Мишелевка (Осадчий, Тетенькин и др., 2000) (рис. 1; рис. 2). Поверхность поймы ровная, субгоризонтальная, очень полого понижается вниз по долине; в этом же направлении ширина террасы быстро уменьшается и сходит на нет на северо-восточной окраине деревни, а затем также быстро увеличивается до 1 км и более 3 км ниже, где совместно с широкой (до 600 м) левобережной поймой образует сильно расширенную долину реки, которая применительно к региону в целом относится к так называемым озеровидным расширениям долин. На противоположном, левом устьевом мысе р. Хайты находится стоянка Усть-Хайта II.

Для правобережной верхней поймы с хорошо выраженными в рельефе субгоризонтальной поверхностью и крутым уступом характерны некоторые специфические черты строения, связанные с неодинаковым высотным положением коренного цоколя, которое определяет различную мощность рыхлых отложений в ее разрезе. Так, в приустьевой части р. Хайты, на месте раскопок неполная, вскрытая скважинами мощность их превышает 12 м; ниже по долине р. Белой, поблизости от северо-восточной окраины села, цоколь залегает почти на уровне поверхности террасы, т. е. мощность отложений очень мала, а еще ниже в створе памятника Горелый Лес, мощность отложений и высота террасы равны. Об этом можно судить по тому, что руслом р. Белой здесь эродированы коренные породы цоколя – доломиты булайской свиты нижнего кембрия.

Повышенная мощность рыхлых наносов на участке мостового перехода связана скорее всего с наличием древнего переуглубления долины, приуроченного к зоне пересечения бельского (СВ простирания) и Булай-Хайтинского (СЗ простирания) разломов.

Наиболее представительные, цельные разрезы многослойной стоянки получены в продольном, вдольбереговом (рис. 2) и поперечном сечении раскопа. Последние ориентированы в северном и восточном направлениях соответственно. Вскрыта толща субаэральных, а в нижней части – субаквальных отложений общей мощностью более 3 м, в которой выделяются несколько ярко выраженных почвенных горизонтов и разделяю-

⁸ Уланов И.В. Древнее гончарство юга Байкало-Енисейской Сибири: культурные и технологические традиции : автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2022. 25 с.

⁹ Бердникова Н.Е., Лежненко И.Л., Савельев Н.А., Медведев Г.И., Георгиевская Г.М. Указатель археологических памятников Иркутской области: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Усольский район. Иркутск : РИО Упрполиграфиздата, 1991. 112 с.

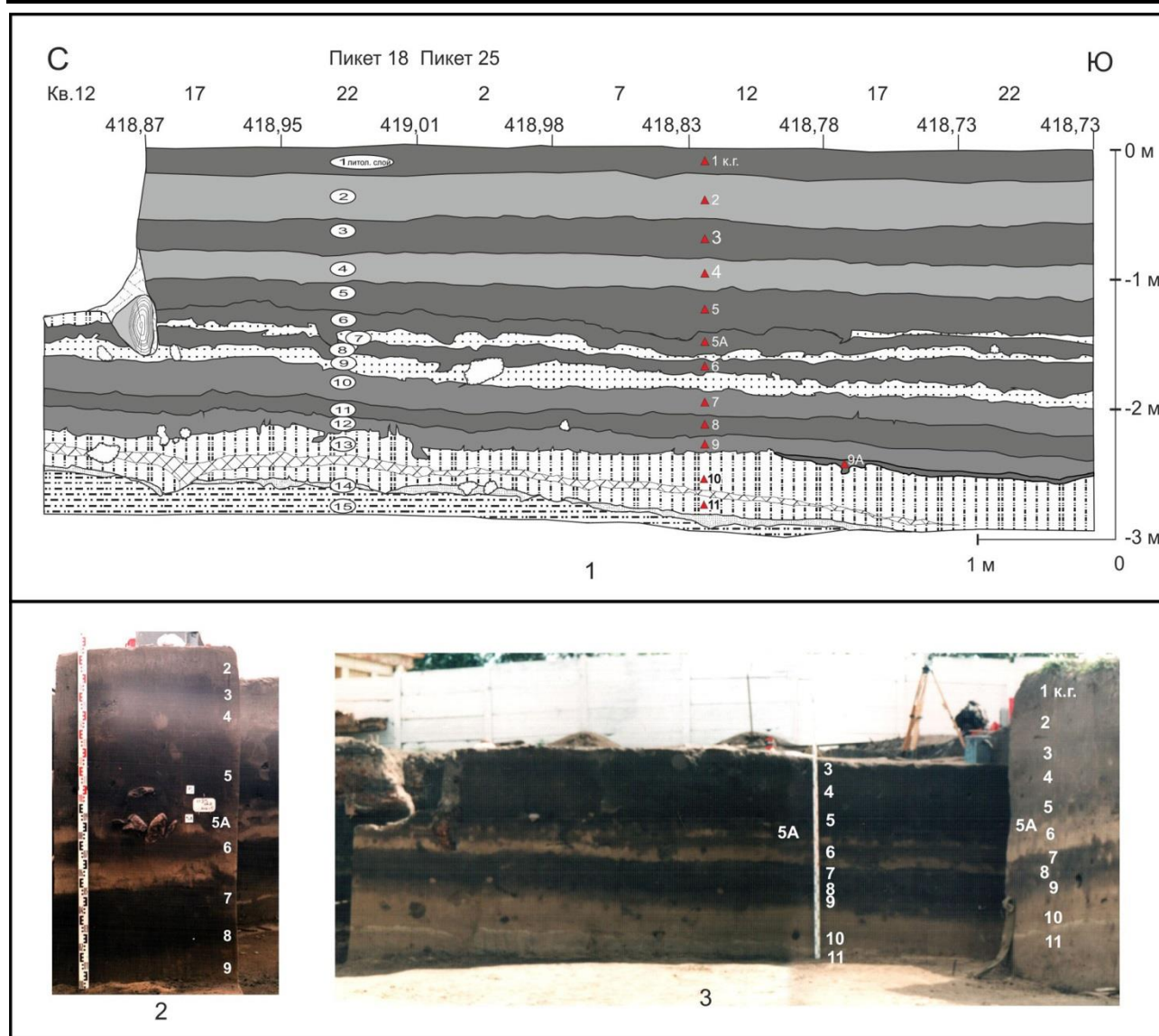

Рис. 2. Стратиграфия стоянки Усть-Хайта I: 1 – продольный профиль Н-Ж, 2 – фото стенки (пикет 25, кв. 2), вид с севера, 3 – фото профиля Н-Ж, вид с запада

Fig. 2. Stratigraphy of the Ust-Khayta I site: 1 - longitudinal profile H-J, 2 - photo of the section (picket 25, square 2), view from the north, 3 - photo of the profile H-J, view from the west

щих их супесей, в совокупности придающих разрезу вид слоеного пирога. Для залегания слоев в целом характерна пологая мульдообразная прогнутость, что обусловлено, видимо, неровностью поверхности накопления подпочвенных супесей, созданной процессами прируслового валообразования и наличием «первичного» понижения в тыловой, пойменной части древнего вала. Эта прогнутость слоев хорошо выражена как в продольном, так и в поперечном разрезах раскопа. При этом к «прогнутой» части тяготеют повышенная мощность всех слоев, их выраженность и максимальные объем и концентрация археологического материала. Ниже приводится краткое описание

слоев вскрытого разреза с привязкой к ним культурных горизонтов (сверху вниз) (рис. 2). Сверху вниз:

1. Почвенно-растительный слой – гумусированная супесь черного цвета: 1 культурный горизонт – 0,3 м.

2. Супесь землистая слабо осветленная, с маловыразительными желтовато-серыми пятнами, массивного сложения, слабоуплотненная с невыразительными верхней и нижней границами: 2 культурный горизонт – 0,3 м.

3. Погребенная почва – сильно гумусированная землистая супесь черного цвета с редкими включениями обломков доломитов и корней рас-

тений, редкими кротовинами: *3 культурный горизонт* – 0,3 м.

4. Супесь землистая слабоосветленная, аналогичная супеси слоя 2, с теми же невыразительными контактами и пятнистостью: *4 культурный горизонт* – 0,3 м.

5. Погребенная почва – черная гумусированная уплотненная порода с обильными включениями артефактов (орудия, изделия из камня и кости, костные остатки и т. п.): *5 культурный горизонт* – 0,3 м.

6. Супесь темно-серая пятнисто окрашенная черными и желто-серыми пятнами, с линзами алевроит-пелита. Изобилует археологическим материалом. По слою наблюдаются многочисленные кротовины: *5А культурный горизонт* – 0,2 м.

7. Песок желтый, желто-серый, мелкозернистый, полевошпат-кварцевый, хорошо сортированный, промытый (без пыли). Местами «поражен» кротовинами, затеками гумуса из вышележащего слоя. Верхняя и нижняя границы мелко (острозубчато) пилообразные – до 0,1 м.

8. Погребенная почва – темно-серая землистая сильнослюдистая супесь с многочисленными кротовинами. Границы слоя в целом слабоволнистые, в деталях мелкопилообразные: *6 культурный горизонт* – 0,15–0,20 м.

9. Песок желтый, серовато-желтый, тонкозернистый, кварц-полевошпатовый, слюдистый, слабопылеватый, хорошо сортирован, почти без темноцветных минералов. В целом аналогичен песку слоя 7. Тот же и характер границ – 0,15–0,20 м.

10,11,12. Комплекс погребенных почв. Состоящий из трех совмещенных почвенных горизонтов, наиболее развитый из которых – средний (11), залегающий в средней части комплекса и отличающийся от темно-серых слоев 10 и 12 черным цветом. Мощность комплекса составляет в среднем 50–60 см, достигая в центральной части мутьды максимума 70 см. Здесь же в основании горизонта 10, слое 11, средней части и подошве горизонта 12 залегают линзы прокаленных почв мощностью 6–10 см – древние кострища: *7 (слой 10), 8 (слой 11), 9 и 9А (слой 12) культурные горизонты* – 0,50–0,70 м.

13. Алевроит серовато-желтый, массивного сложения, рыхлый, пористый, слюдистый, с линзами тонкозернистого кварцевого песка мощностью до 6 см и кротовинами. Линзы песка приурочены к

наиболее прогнута части мутьды – ее крыльям. В нижней части залегает слабовыраженная погребенная почва (до 0,15 м) с единичными переотложенными артефактами (10 и 11 культуросодержащие уровни) – до 0,40 м.

14. Песок светло-серый, среднезернистый, кварцевый, слюдистый, хорошо промыт и сортирован. Залегает в виде очень выдержанного по мощности и четко выраженного слоя, местами нарушенного мелкими линзами типа псевдоморфоз или пережимами – 0,05–0,06 м.

15. Алевроит серо-желтый с ярко выраженной горизонтальностью, выраженной чередованием прослоек собственно алевроитов мощностью в 2–3 см и тонкого песка (до 1 см). Вниз по разрезу наблюдается увеличение глинистости породы и с глубины около 2,75 м – постепенный переход в супесь, а ниже – в суглинок. Для слоя характерны частые включения пирокластики в виде рассеянных пятен, а в центральной части мутьды – линз и прослоек черного сажистого порошка мощностью до 0,5 см. Видимая мощность – более 70 см.

Общая вскрытая мощность разреза отложений превышает 3 м. Характерно, что основные черты его строения повторяются, судя по пройденным шурфам и врезкам, на всем приустьевом участке р. Хайты. Из описания разреза видно, что его составляют два принципиально разных комплекса пород, нижний из которых (слои 14, 15) образовался в условиях подпрудного водоема, а верхний (слои 1–6, 8, 10–12) представляют собой мощный почвенный комплекс. Его формирование лишь дважды прерывалось накоплением аллювиально-озерных отложений (слои 7 и 9) в условиях, видимо, высоких половодий.

В целом разрез характеризует собой процесс формирования полициклового толщи террасы и многократного заселения ее человеком в течение всего голоцена. По радиоуглеродным данным возраст отложений определяется как позднесартанский (слои 14, 15), ранне-среднеголоценовый (слои 4–13) и позднеголоценовый (слои 1–3).

Культурные остатки вмещены в отложения пойменного аллювиального и субэвразального генезиса на глубину до 3,5 метров. По количеству почв и культурных горизонтов местонахождение без преувеличения можно отнести к уникальному (Осадчий, Тетенькин и др., 2000).

Тафономические особенности местонахождения Усть-Хайта I

Разборка верхней гумусированной пачки (слои 1–6) показала стратиграфически сложное залегание культурных остатков: условно выделенные культурные горизонты не представляли собою стратиграфически выдержанных слоев или «поверхностей обитания», а являлись взвешенными по вертикали отдельными находками или комплексами в составе гумусированных, литологически и по цвету слабодифференцируемых супесей. Раскопки показали, что мы, по-видимому, имеем дело с прирусловым валом, внешняя часть которого вместе с частью памятника некогда была уничтожена водно-эрозионной активностью р. Белой. Верхняя часть вала являет собой наиболее компрессионную ситуацию. В тыловой части наблюдается более благоприятная картина стратификации археологических остатков, позволившая из состава 5 культурного горизонта выделить 5А горизонт и из состава 9-го – 9А культурный горизонт. Основанием для выделения культурных горизонтов в силу приведенных причин достаточно условных явилось размещение их в тот или иной литологический слой. Таким образом, выделены 1, 2, 3, 4, 5, 5А, 6, 7, 8, 9 и 9А культурные горизонты (всего 11). Кроме того, единичные находки артефактов зафиксированы в аллювиальной песчаной прослойке между 6 и 7 культурными горизонтами и в субаквальной пачке отложений сартанского возраста, подстилающей пачку культуросодержащих голоценовых слоев (культурные горизонты 10 и 11). Сохранность кости во вмещающих отложениях удовлетворительная. Отмечена активная деятельность землеройных животных, как правило, хорошо выделяемая по четким границам и цветности заполнения нор-сусловин. На внешней части террасы зафиксированы блоки отседания.

Возраст 9 и 9А культурных горизонтов

Возраст 9 и 9А культурных горизонтов может быть оценен на основе двух серий радиоуглеродных датировок (табл. 1). Первая серия радиоуглеродных дат получена на основе трех образцов кости из кухонных остатков и одного образца древесного угля. Календарный возраст этих образцов был определен в диапазоне от 10,765–9,629 до 9,518–8,552 л. н. Эти даты получены с помощью осцилля-

ционного метода радиоуглеродного датирования, который требует значительных объемов материала для анализа, в результате чего в большинстве случаев стандартные ошибки датирования достаточно велики. В 2013 г. материалы 9 к. г. датированы повторно в лаборатории Оксфордского университета. Два образца кости из к. г. 9 были датированы дважды (образцы E2011.085 – 10380 ± 45 (OxA Lab-27343); 10065 ± 45 (OxA Lab-32409) и E2011.087 – 10245 ± 45 (OxA Lab-27344); 10205 ± 45 (OxA Lab-32345)) (Losey, Fleming et al., 2017. Table 3.2). В общей сложности получено 9 AMS дат с календарным возрастом в диапазоне от 12,400 до 10,750 л. н. (табл. 1). В ходе повторного датирования было проанализировано содержание $\delta^{15}N$ в датированных образцах. Исключение датировок с более высокими ($>8,0\%$) значениями $\delta^{15}N$ незначительно сокращает нижний возрастной предел интервала с 12400 до 12000 календарных лет назад. В итоге возраст 9–9А к. г. может быть определен как 12000–10750 кал. л. н. (Losey, Fleming et al., 2017), т. е. возраст рубежа плейстоцен-голоцена – пребореала (Воробьева, 2010. Табл. 3).

Планиграфия 9 и 9А культурного горизонта

9 культурный горизонт представлен в основном в центральной части раскопа, в пониженной межвальной части рельефа в составе литологического слоя 12 (рис. 3). 9А к. г. как отдельный культурный горизонт фиксировался лишь в пониженной межвальной, центральной части раскопа в тех случаях, когда, возможно, было выделение в подошве литологического слоя 12 более темной, гумусированной прослойки и на этом основании стратиграфически отдельного культуросодержащего слоя (рис. 2).

Планиграфический рисунок 9–9А к. г. представляет собой два шлейфа культурных остатков, протяженных с СВ на ЮЗ с увеличением концентрации к юго-западной части. Первый шлейф находился ближе к р. Белой, второй – к тыловой части. Расстояние между ними около 7,5–8 м. Длина первого от реки шлейфа в пределах раскопа – 25 м, ширина до 7 м. Длина второго шлейфа – около 28 м, ширина до 5 м. Первый шлейф более мощный. В южной части он представляет собою палимпсест из 32 кострищ и приочажных скоплений культурных остатков. В том числе 16 из них выяв-

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки 9а-9 к. г. (по: Losey, Fleming et al., 2017)
Table 1. Radiocarbon dates of the 9a-9 cultural layers (after: Losey, Fleming et al., 2017)

Индекс	Материал	Горизонт	Датировка	+/-	Калиброванный возраст, л. н.
COAH 4437	уголь	10–9	9105	190	10765 – 9629
COAH 4432	кость	9–9 а	8125	210	9518 – 8552
COAH 4651	кость	9 а	8350	175	9730 – 8777
COAH 4650	кость	9	8275	100	9470 – 9024
OxA Lab 27343	кость, Capreolus	9	10380	45	12418 – 12063
OxA Lab 32409	кость, Capreolus	9	10065	45	11916 – 11343
OxA Lab 23873	кость, Canis c.f. familiaris	9	10375	45	12415 – 12037
OxA Lab 27344	кость, Capreolus	9	10245	40	12128 – 11815
OxA Lab 32345	кость, Capreolus	9	10205	50	12110 – 11715
OxA Lab 27236	кость, Capreolus	9	10070	45	11956 – 11354
OxA Lab 27240	кость, Capreolus	9	9650	45	11198 – 10787
OxA Lab 27239	кость, Cervus	9	9630	45	11180 – 10776
OxA Lab 27238	кость, Cervus	9	9600	45	11155 – 10757

лены в 9А к. г. В северо-восточной части этого шлейфа 3 кострища 9 к. г. лежат буквально менее чем в метре от трех кострищ 9А к. г. Второй, тыловой шлейф менее мощный, на уровне 9А к. г. не выявлен. В нем зафиксировано 9 кострищ, из которых 5 лежат в юго-западной концентрации (рис. 4).

Кострища представляют собой углистые линзы субовальной или округлой формы, варьируя в длину от 1,5 до 0,5 м и в ширину от 1,0 до 0,3 м. Эти кострища не оборудованы, в некоторых случаях были доломитовые плитки среди углей, не имеющие признаков порядка. Это особенно контрастно на фоне оборудованных очагов 6, 5А и 5 к. г. Наблюдение за кострищами в северной части обоих шлейфов показывает, во-первых, асимметричный характер залегания возле них культурных остатков, а во-вторых, различия в составе остатков, ставшие результатом различных деятельности ситуаций.

Так, самое северное в первом шлейфе в 9А к. г. кострище имеет малочисленное скопление 1,0 × 0,7 м в восточной части. Буквально менее чем в 1 метре к СЗ от него в 9 к. г. раскопано кострище, чрезвычайно плотно насыщенное жженой костью, количество которой превышает несколько сотен фрагментов. Кострище имеет округлую форму. Диаметр центральной части прокала – 0,5 м.

У второго с СЗ на ЮВ кострища в 9А к. г. лежал сломанный пополам костяной однопазовый вкла-

дышевый нож (рис. 4) с двумя сохранившимися вкладышами рядом.

Во втором шлейфе в 9 к. г. крайнее северо-восточное кострище овальной формы (0,70 × 0,50 м) имело на поверхности 6 небольших плитчатых отдельностей доломита. В 0,60–1,60 м к северу от него зафиксировано скопление из 33 микропластин и нуклеуса.

Материалы культурных горизонтов 9 и 9А

Культурный горизонт 9А было возможно выделить как самостоятельный культурный уровень лишь на ряде участков раскопа. В остальных случаях фиксировался единый 9 культурный горизонт. Поэтому имеет смысл приводить совокупную характеристику коллекции 9 – 9А к. г. Артефакты культурных горизонтов 9 и 9А представлены фрагментированными фаунистическими остатками и продуктами расщепления камня. Всего коллекция насчитывает 2541 экземпляр, из которых 368 ед. составляют отщепы и 1690 ед. фрагменты костей. Каменные индустрии 9-го культурного горизонта представлены галечными орудиями, скребками, резцами, а также продуктами микропластинчатого расщепления. Субстрат микронуклеусов, пластин и изделий представлен кремнем и аргиллитом (табл. 2) (рис. 5; рис. 6).

Коллекция 9–9А культурных горизонтов содержит 35 нуклеусов конической, призматической

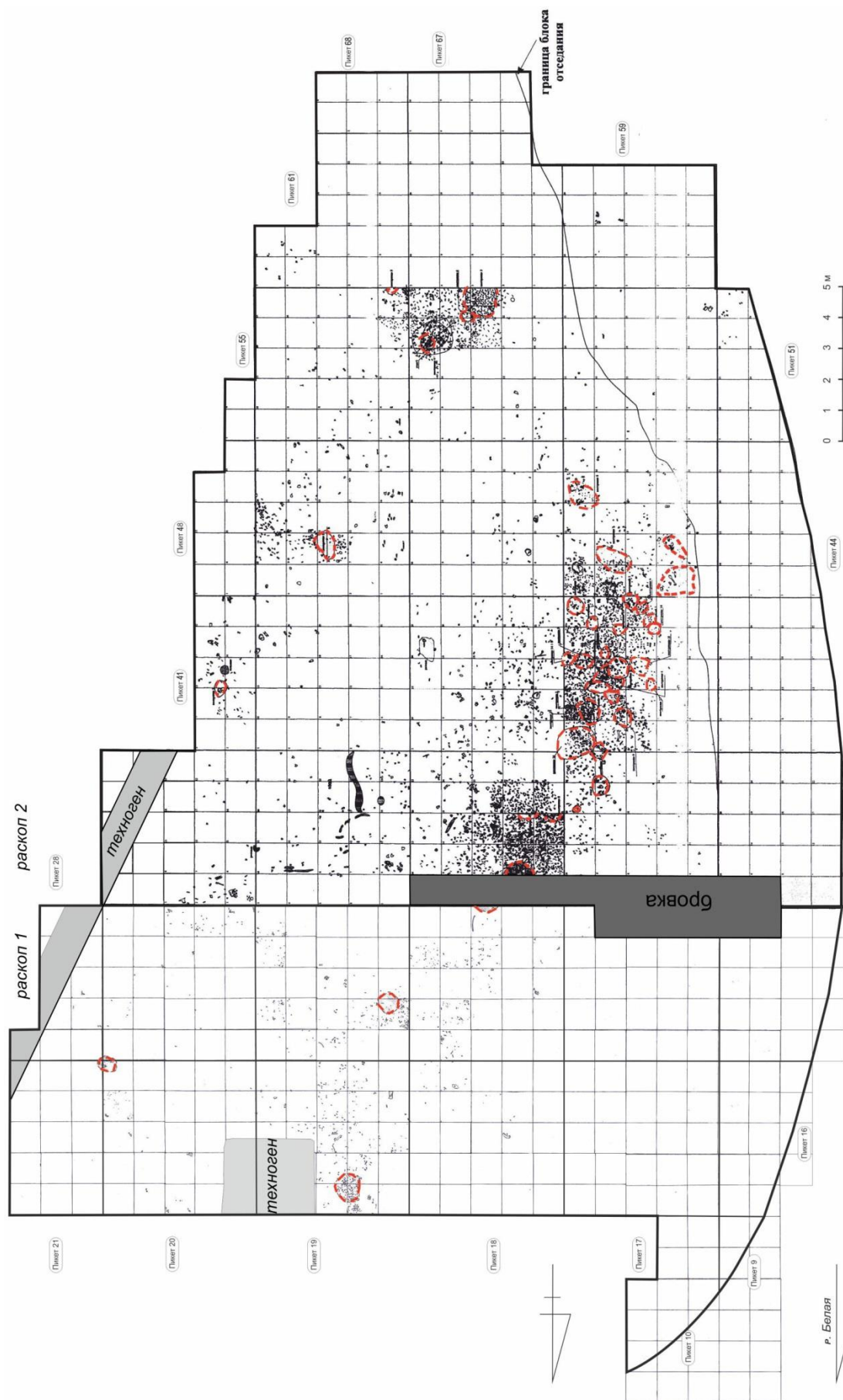

Рис. 3. Планиграфия 9 культурного горизонта. Красными линиями обозначены кострища
 Fig. 3. Plan-scheme of the archaeological findings in the 9 cultural layer. Red lines mark the hearths

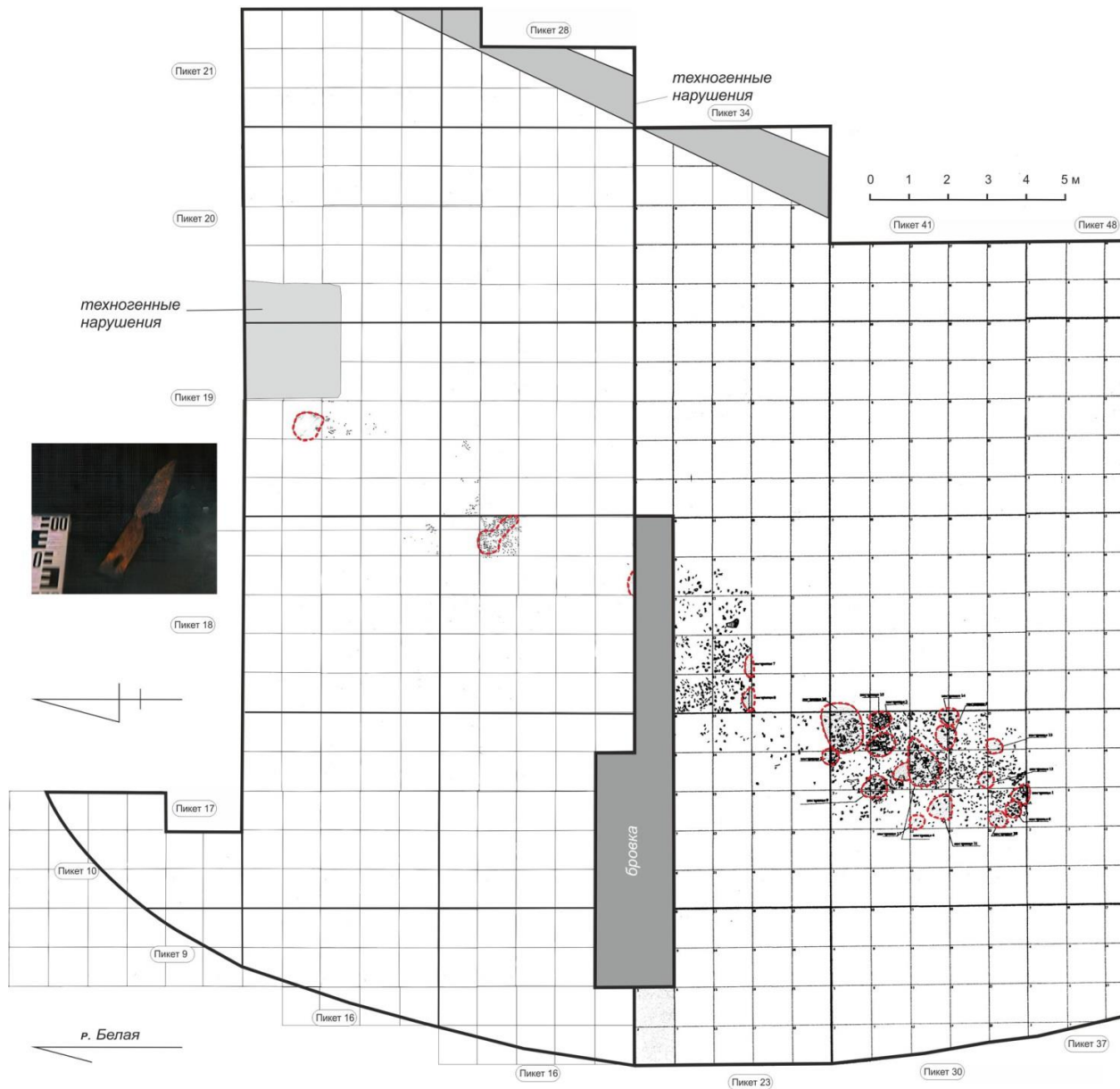

Рис. 4. Планиграфия 9А культурного горизонта. Красными линиями обозначены кострища
Fig. 4. Plan-schema of the archaeological findings in the 9A cultural layer. Red lines mark the hearths

и торцовой морфологии. Преформы призматических нуклеусов представлены ретушированными сколами, в т. ч. с галечной коркой. Ударные площадки имеют подтреугольный абрис. Они оформлены серией сколов с латерали и фронта. Фронт нуклеусов в большинстве случаев имеет полукруглый незамкнутый контур. Торцовые микронуклеусы имеют разнообразную морфологию. Преформы представлены первичным сколом без ретуши, ретушированными сколами унифасами и бифасами. Ударные площадки выполнены комбинацией сколов с фронта и латерали. Фронт в ряде случаев перенесен с торца на латераль.

Таблица 2. Количественные и процентные показатели основных групп артефактов 9–9А культурных горизонтов
Table 2. Quantitative and percentage indicators of the main groups of artifacts from 9–9A cultural layers

Артефакты из камня	%	n
галечные орудия	2,2 (1,27)	11
скребки	13,03 (7,5)	65
резцы	19,24 (11,07)	96
микронуклеусы	7,01 (4,04)	35
микропластины	58,52 (33,68)	292
всего:	100 (57,55)	499
отщепы	– (42,45)	368
всего:	– (100)	867

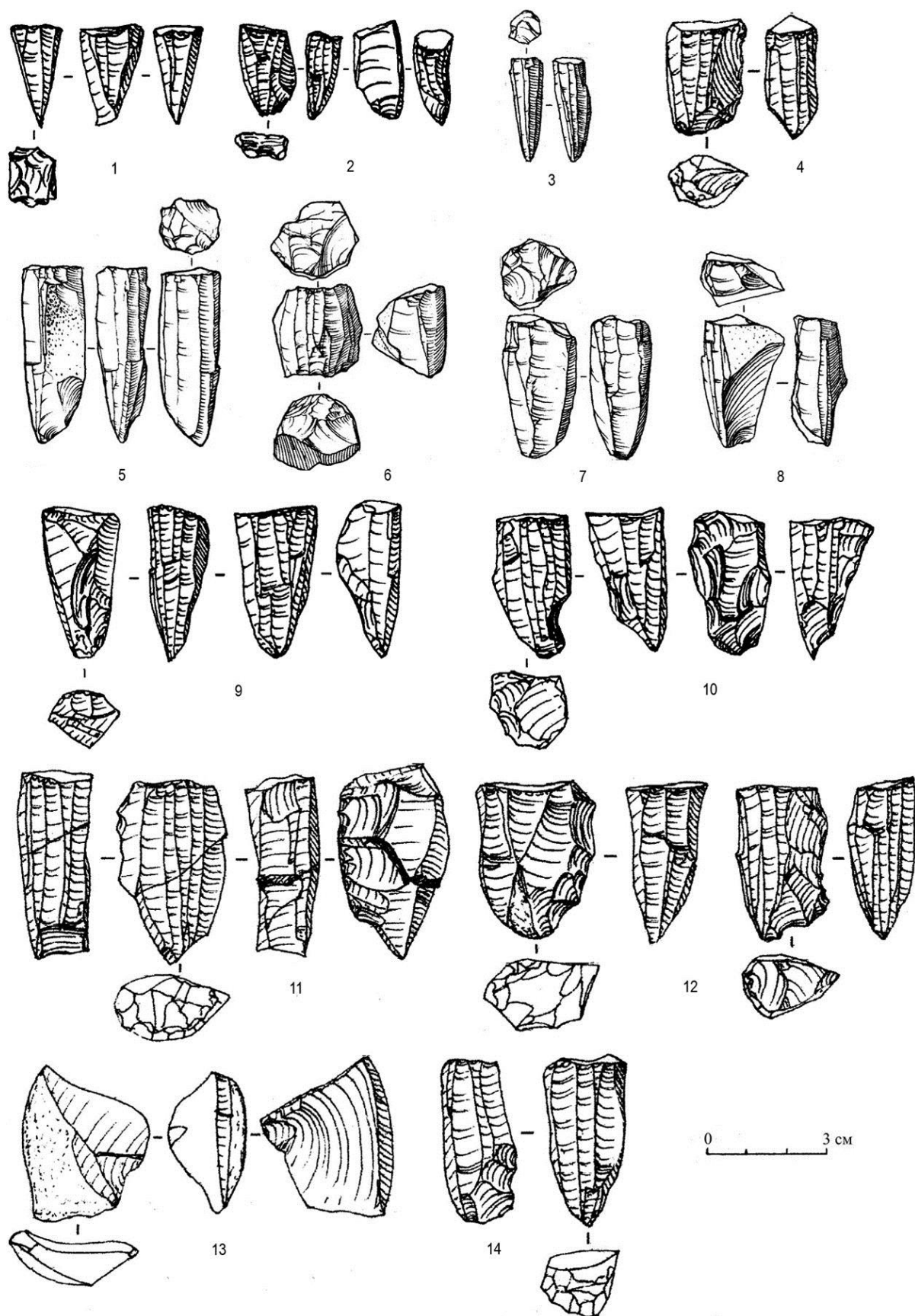

Рис. 5. Микронуклеусы 9–9А культурных горизонтов: 1, 3, 5, 7 – конические микронуклеусы; 4, 8, 12, 13 – торцовые микронуклеусы; 2, 6, 9, 10, 11, 14 – призматические микронуклеусы
 Fig. 5. Microblade cores of the 9–9A cultural layers: 1, 3, 5, 7 - conical microblade cores; 4, 8, 12, 13 - wedge-shaped microblade core; 2, 6, 9, 10, 11, 14 - prismatic microblade cores

Рис. 6. Каменные артефакты 9–9А культурных горизонтов: 1 – конический микронуклеус; 2 – полиэдрический резец; 3, 9 – призматические микронуклеусы; 4, 6, 7 – скребки на отщепках; 5, 8 – торцовые микронуклеусы.

Фото предоставлены НИЦ “Байкальский Регион”

Fig. 6. Lithic artifacts of 9-9A cultural layers: 1 - conical microblade core; 2 - polyhedral burin; 3, 9 - prismatic microblade cores; 4, 6, 7 - end-scrapers on flakes; 5, 8 - wedge-shaped microblade cores. Photo source Scientific Research Center “Baikalsky Region”

Серия пластин представлена как целыми пластинами, так и значительным количеством сегментов (рис. 7). Всего 292 экз., что составляет 34,3 % от общего числа каменных артефактов. Значительное количество пластин ретушировано. Среди них выделены такие группы как пластины и фрагменты пластин с краевой (рабочей) ретушью по одному из краев по дорсальному фасу; пластины и фрагменты пластин с краевой (рабочей) ретушью по одному из краев по вентральному фасу; пластины и фрагменты пластин с ретушью по одному из краев с различными участками лезвия, ретушированными по антитезе; пластины и фрагменты пластин, двусторонне ретушированные по дорсальному фасу; остроконечники на одном из концов пластины.

Резцы, составляющие 96 экз., состоят из таких форм как полиэдрические резцы, а также резцы на пластинах, среди которых выделяются угловые резцы с ретушированным краем, диагональный резец с ретушированным рабочим углом, трансверсальный резец на пластине (рис. 8). Однако необходимо заметить, что как минимум часть угловых резцовых сколов могут представлять собой следы использования в качестве составной части метательного оружия (Fischer, Vemming, Rasmussen, 1984; Gauvrit Roux, Teten'kin, Henry, 2021; Gauvrit Roux, Coutouly et al., 2024). Идентификация следов использования на пластинках и микропластинах, в том числе следов метания, требует отдельного исследования и выходит за рамки данной статьи.

Скребки представлены 65-ю экземплярами. Морфология скребков крайне разнообразна и включает концевые скребки на пластинах и отщепках, боковые, диагональные и округлые скребки, а также скребки овальных форм, ретушированные по контуру и один скребок с вогнутым рабочим краем (анкошем). Все скребки, за исключением скребков на пластинах, выполнены на выпуклых в плане и в сечении отщепках или сколах (рис. 9).

Галечные орудия представлены скреблами, чопперами и чоппингом. Чопперы (рис. 10.3, 6) характеризуются выпуклым лезвием и выраженным выступом. Лезвие чопперов в двух случаях диагонально контуру галечной преформы, в остальных перпендикулярно. Чопперы изготовлены на гальках удлинённых пропорций, в двух случаях рассечённых продольным сколом (рис. 10.6). Чоппинг

изготовлен на поперечно рассечённой гальке (рис. 10.4). Рабочий край оформлен двумя крупными сколами с одного фаса и серией из шести сколов с противоположного фаса.

Скребла (рис. 10.1) выполнены из крупных галечных сколов. В первом случае лезвие оформлено на вентральном фаса, на дистальном конце широкого скола. С проксимального конца имеются три негатива широких коротких сколов в области ударного бугорка. Во втором случае полукруглое в контуре лезвие оформлено серией последовательных сколов от рудимента ударной площадки до дистального конца по правому краю. Левый край оформлен серией из двух сколов с ударной площадки, образующих обушок. Третье скребло обладает таким же обушком на правом маргинале. Лезвие оформлено на проксимальном конце и на левом маргинале.

Отдельный интерес представляют два галечных орудия, интерпретируемые как заготовки тесел. Орудия оформлены серией центрально направленных сколов, в одном случае захватывающих весь периметр, во втором – покрывающих весь периметр за исключением дистального конца. В обоих случаях в медиальной части орудия серией сколов достаточно четко оформлено утончение тела орудия, т. н. перехват (рис. 10.2,5).

Изделия из кости и рога насчитывают 17 экземпляров. Эта категория артефактов представлена роговым отбойником, гарпуном, остриями, в т. ч. вкладышевыми, вкладышевым ножом, а также заготовками изделий из кости разнообразной морфологии (рис. 11). Гарпун однорядный, с обломанными острием, зубцами и насадом, что препятствует более детальному типологическому определению этого изделия (рис. 11.5). Костяное однопалочное вкладышевое острие представлено проксимальным сегментом (рис. 11.8). Второе костяное острие, обнаруженное в 9 культурном горизонте, также представлено проксимальным сегментом (рис. 11.7).

Вкладышевый нож изготовлен из рассечённой трубчатой кости (рис. 11.1; рис. 12). Лезвие ножа оформлено пазом, вмещающим микропластины. Острие ножа образовано конвергентным схождением линии обушка и лезвия. В дистальной части клинка выполнено отверстие удлинённо-овальной формы. Само орудие имеет обширный вылом со

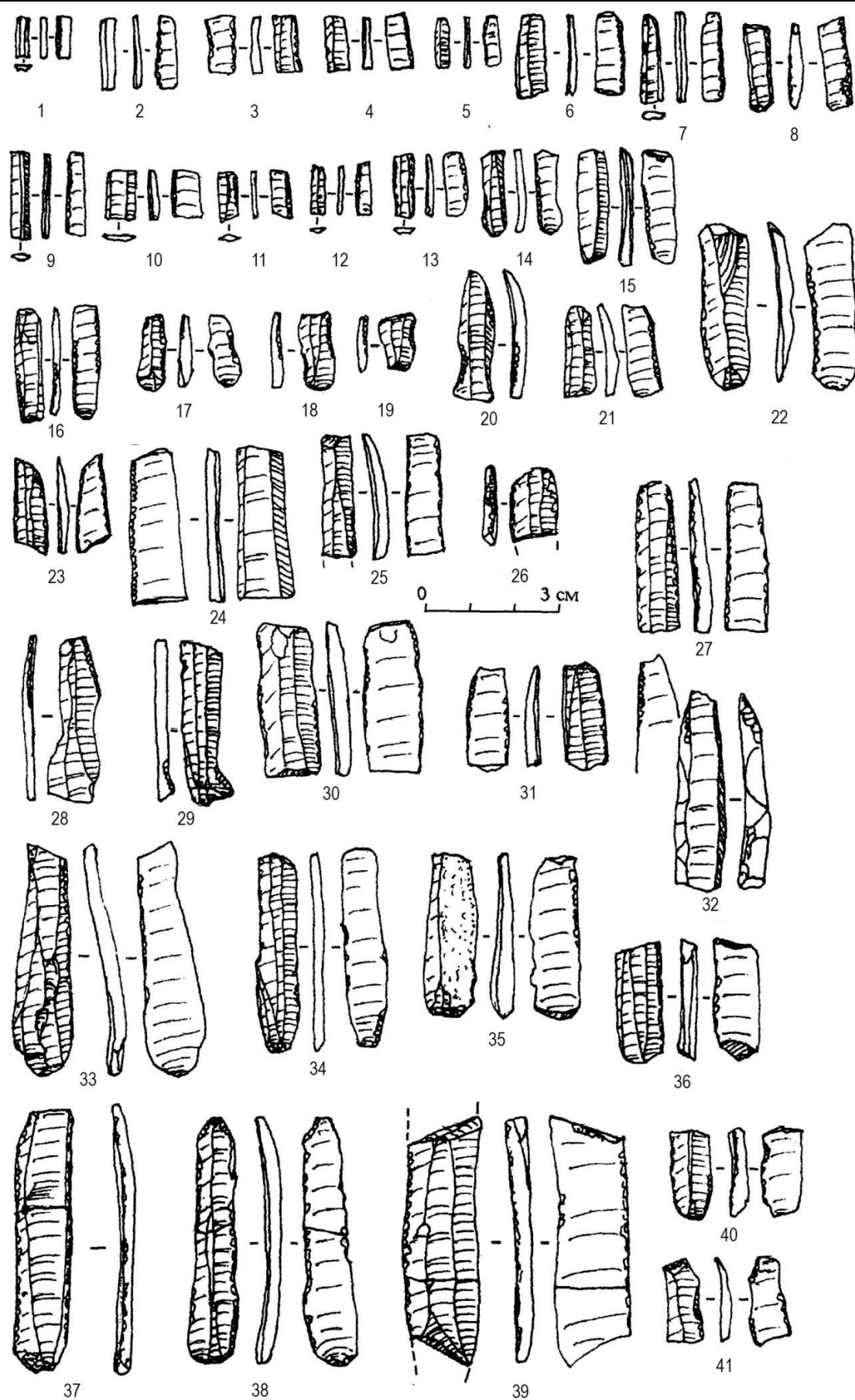

Рис. 7. Микропластины 9–9А культурных горизонтов
Fig. 7. Microblades of the 9-9A cultural layers

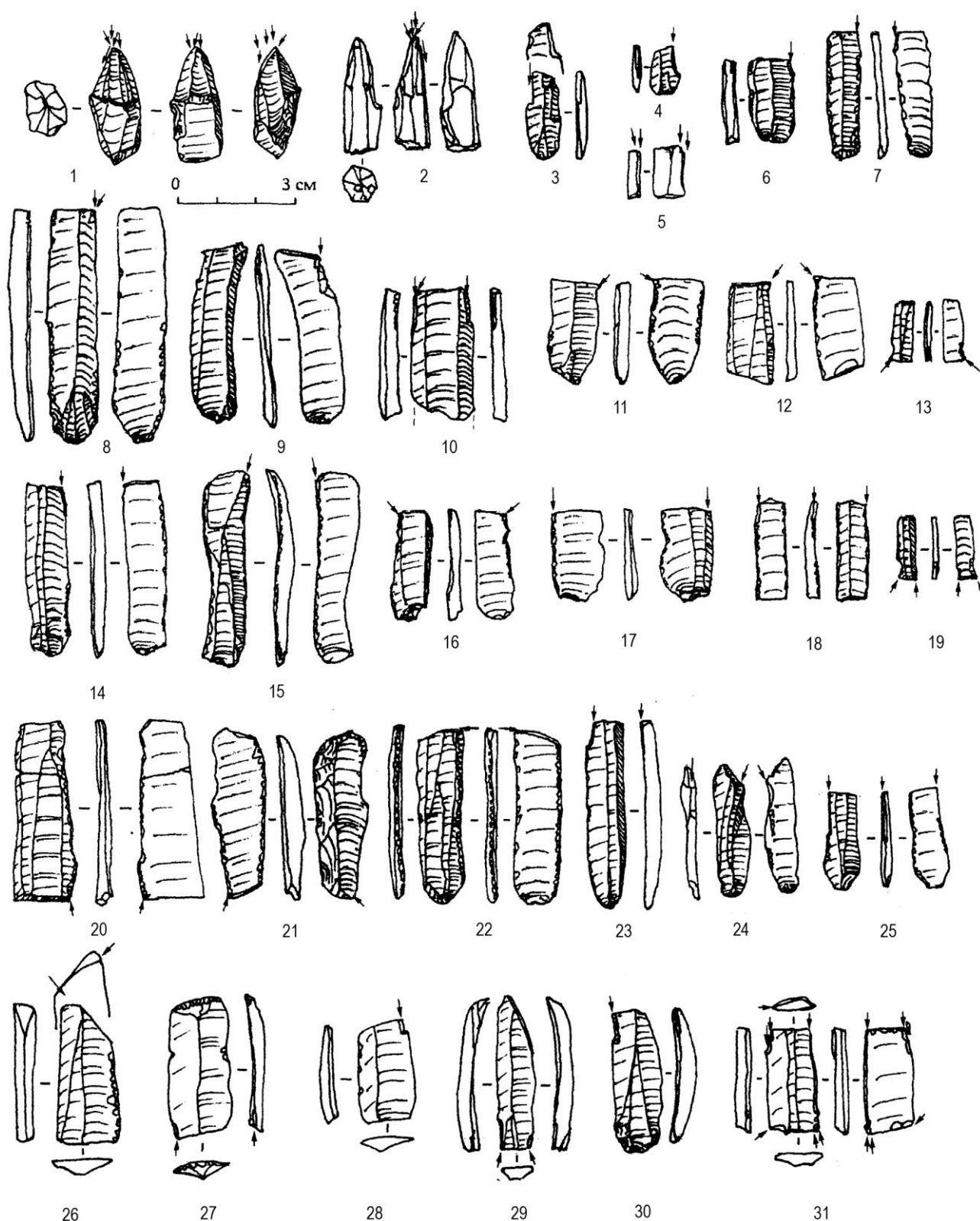

Рис. 8. Резцы 9–9А культурных горизонтов: 1–2 – полиэдрические резцы; 3–10, 12–15, 17–21, 23–25, 27–31 – угловые резцы на микропластинах; 11, 16, 22, 26 – трансверсальные резцы на микропластинах

Fig. 8. Burins of the 9-9A cultural layers: 1-2 - polyhedral burins; 3-10, 12-15, 17-21, 23-25, 27-31 - angle burins on microblades; 11, 16, 22, 26 - transversal burins

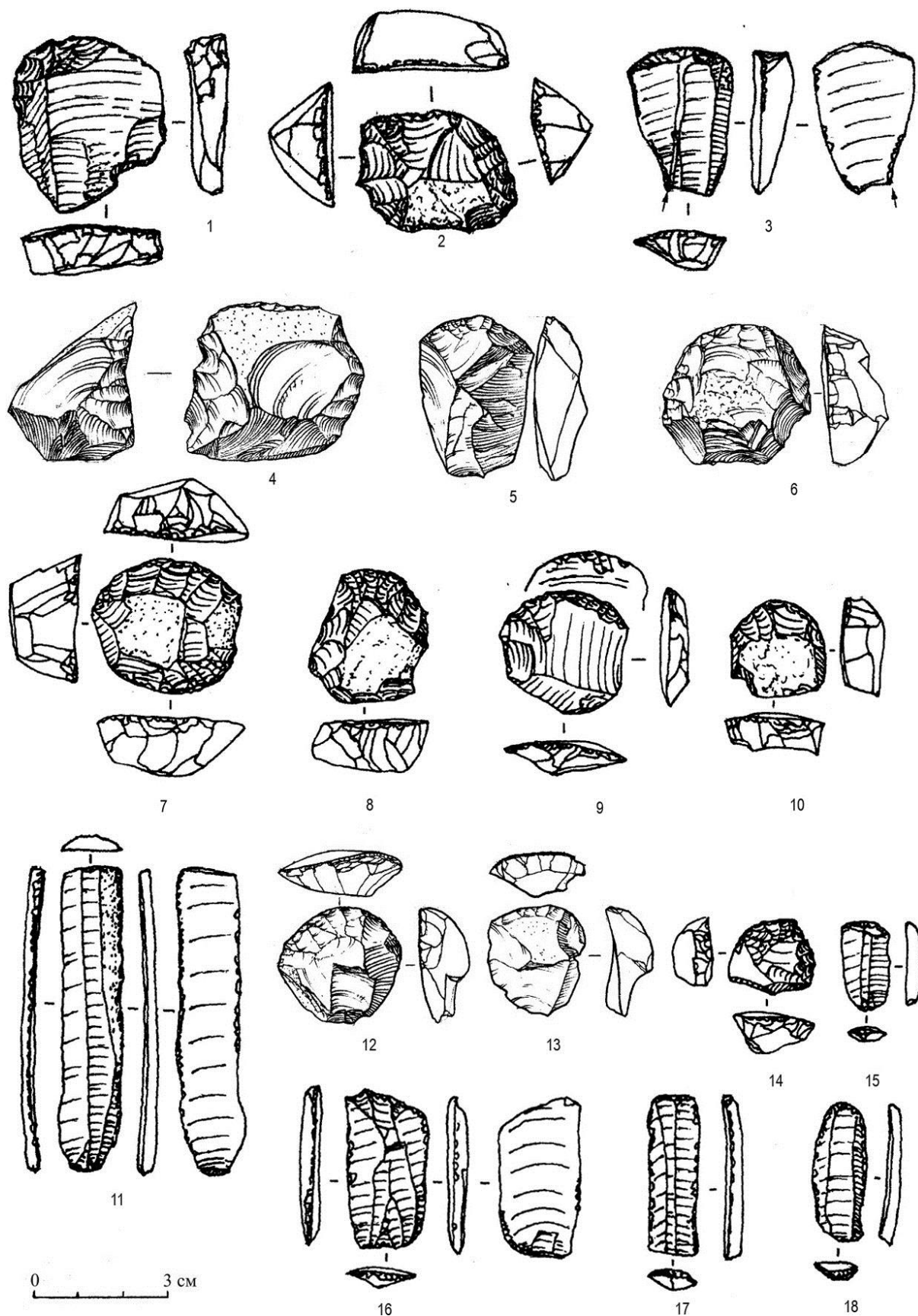

Рис. 9. Скребки 9–9А культурных горизонтов: 1, 3, 5, 8, 9, 10, 13 – концевые скребки на отщепах;

4, 6, 7, 12, 14 – круглые скребки; 11, 15, 16–18 – концевые скребки на пластинах

Fig. 9. Scrapers of the 9-9A cultural layers: 1, 3, 5, 8, 9, 10, 13 - end-scrapers of flakes; 4, 6, 7, 12, 14 - round end-scrapers; 11, 15, 16-18 - end-scrapers on blades

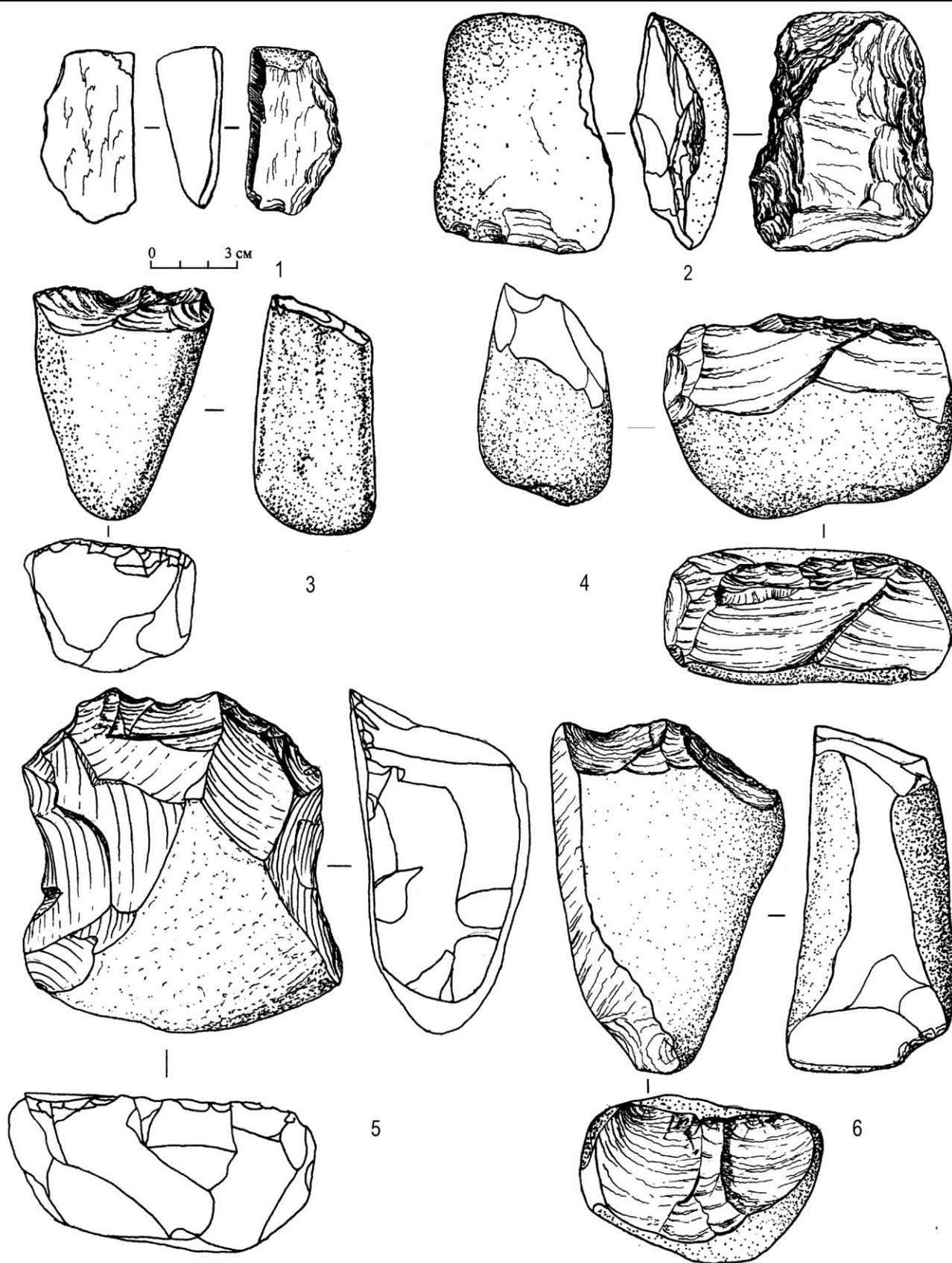

Рис. 10. Галечные орудия 9–9А культурных горизонтов: 1 – скребло; 2, 5 – тесловидные изделия; 3, 6 – чопперы;
 4 – чоппинг

Fig. 10 Pebble tools of the 9-9A cultural layers: 1 - large side-scraper; 2, 5 - adze-like artifacts; 3, 6 - choppers; 4 - chopping tool

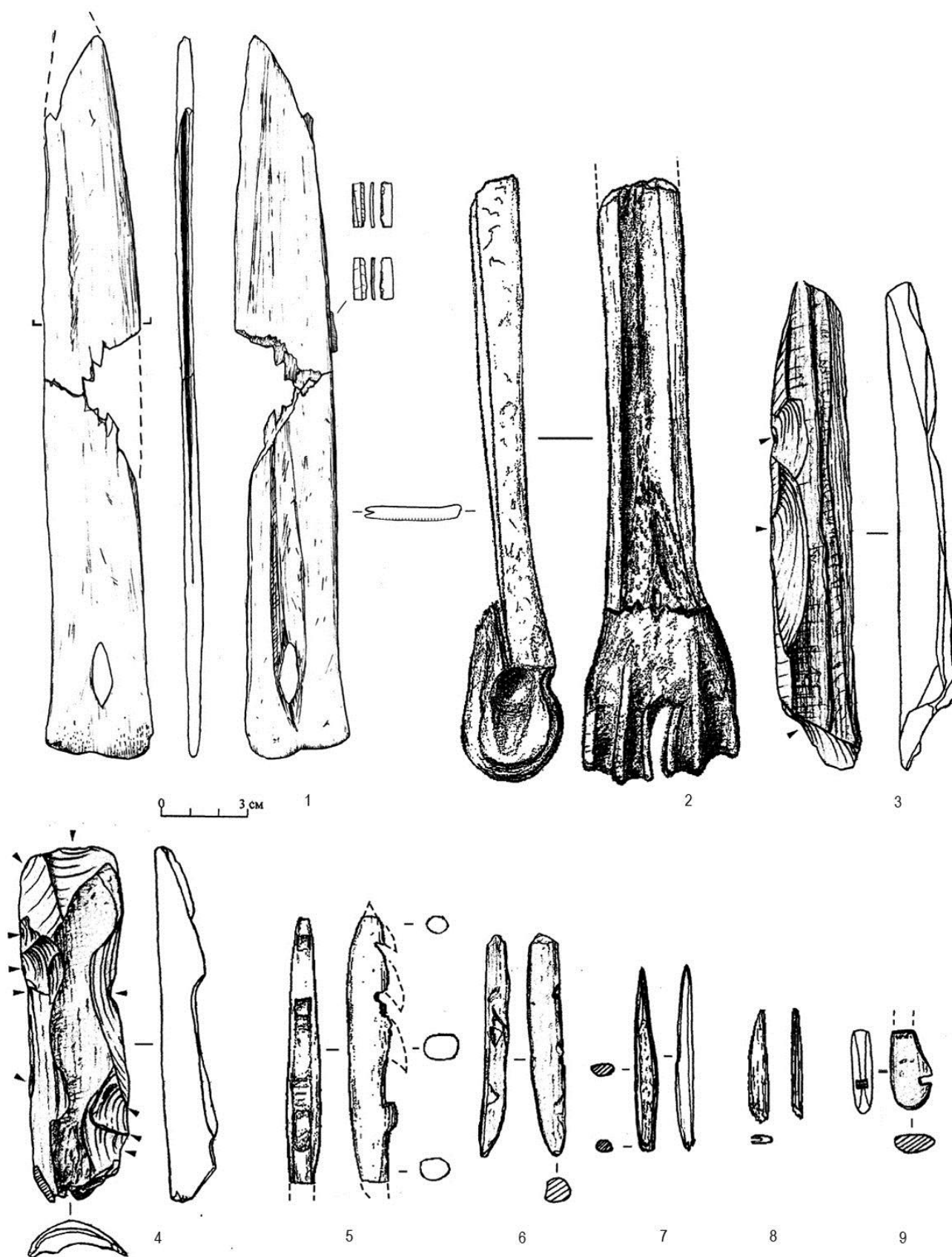

Рис. 11. Костяные орудия 9–9А культурных горизонтов: 1 – вкладышевый нож; 2–4 кость со следами обработки; 5 – гарпун; 6–7 – фрагменты острия; 8 – вкладышевое острие; 9 – базальный фрагмент гарпуна (?)

Fig. 11. Osseous artifacts of the 9-9A cultural layers: 1 - slotted knife; 2-4 processed fragments of bone; 5 - harpoon; 6-7 - fragments of point; 8 - slotted point; 9 - base of harpoon (?)

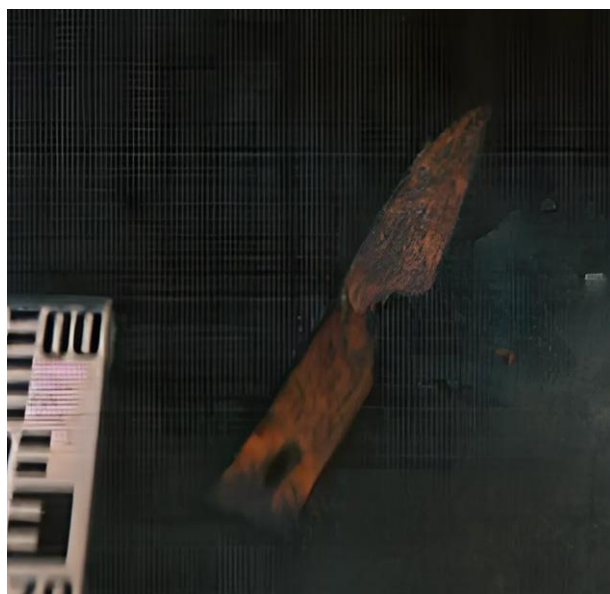

Рис. 12. Костяной вкладышевый нож в культурном горизонте 9А

Fig. 12. Slotted osseous knife in the cultural layer 9A

стороны обушка и по этому вылому поперек переломлено. Обломан также конец острия. В пазовом лезвии ножа обнаружены два медиальных фрагмента микропластин с амортизационной ретушью на маргинале-лезвии, противолежащем пазу. Первая микропластина имеет трапецевидное сечение, вторая – треугольная в сечении.

Фаунистические остатки 9-го культурного горизонта (табл. 3) представлены костями млекопитающих и ихтиофауны. Видовые определения костных остатков млекопитающих и рыб 9 и 9А были осуществлены А.М. Кlementьевым и А.М. Мамонтовым. Остеологические остатки млекопитающих представлены костями домашней собаки *Canis familiaris* (череп и посткраниальные остатки (Кlementьев, Игумнова, Савельев, 2005)), лося *Alces alces*, лошади *Equus sp.* и бизона или крупного быка *Bison sp. aut Bos sp.* Принимая во внимание радиоуглеродные датировки к. г. 9 и 9А, фаунистическая коллекция Усть-Хайты I содержит наиболее древнее свидетельство использования домашней собаки в хозяйственной деятельности для юга Восточной Сибири. Однако абсолютное большинство находок фаунистического материала представлено костями косули *Capreolus pygargus* и благородного оленя *Cervus elaphus* (Losey, Fleming et al., 2017).

Коллекция определимой ихтиофауны содержит кости щуки *Esox lucius*, налима *Lota lota*, речного окуня *Perca fluviatilis* и сига обыкновенного

Таблица 3. Определимые остатки фауны 9–9А к. г. (по: Савельев, Тетенькин и др., 2001)

Table 3. Identified faunal remains of 9-9A cultural layers. (after: Савельев, Тетенькин и др., 2001)

Виды		%	Определимые кости
косуля	<i>Capreolus pygargus</i>	26,24	111
благородный олень	<i>Cervus elaphus</i>	33,81	143
бизон / бык	<i>Bison sp. aut Bos sp</i>	0,24	1
лошадь	<i>Equus sp.</i>	7,33	31
лось	<i>Alces alces</i>	3,78	16
собака	<i>Canis familiaris</i>	28,61	121
всего	–	100	423

Coregonus lavaretus pidschian (Mamontov, Savel'ev, Igumnova, 2006). Ни один из определимых видов не является преобладающим в коллекции 9-го культурного горизонта.

Обсуждение

Планиграфия 9–9А к. г. представляет собой палимпсест из наложенных деятельностных ситуаций очажных комплексов, различающихся по объему и видам деятельности. Особенностью их является многократное поселение на одном и том же месте в два ряда, один из которых, судя по меньшей плотности и отсутствию следов в 9А к. г., начат позднее первого. Хронологический интервал поселения определен 12000–10750 кал. л. н.

Культура каменного производства представлена следующими основными группами изделий: 1) призматические микронуклеусы; 2) призматические микропластины с краевой ретушью в различной конфигурации; 3) в том числе резцы из них, а также резцы полиэдрические; 4) скребки; 5) галечные орудия – чопперы, скребла, тесло с перехватом.

Микропластинчатая индустрия 9–9А к. г. крайне разнообразна по морфологическим и технологическим характеристикам. Торцовые микронуклеусы (рис. 6.5, 8), в целом идентичные терминально-краевым микронуклеусам плейстоцена, дополнены коническими микронуклеусами с зам-

кнутым фронтом (рис. 6.1; рис. 5.1, 3, 5) и призматическими нуклеусами с незамкнутым фронтом (рис. 5.2, 6, 9). Среди последней категории можно выделить микронуклеусы условно переходной морфологии (рис. 5.12, 14). Преформы данных микронуклеусов по абрису сходны с преформами торцовых микронуклеусов, но имеют подтреугольную в плане ударную площадку. Фронт микронуклеусов «переходной морфологии» в ряде случаев локализован не только на торце, но и продолжен на латерали микронуклеуса.

Микропластинчатый компонент каменной индустрии является наиболее информативной частью артефактов для характеристики адаптации древнего населения Северо-Восточной Азии (Gomez Coutouly, 2018; Goebel, 2002; Zhang, 2020). Повышенное морфологическое и технологическое разнообразие микропластинчатых индустрий, зафиксированное в контексте периода перехода от плейстоцена к голоцену, с нашей точки зрения, может характеризовать процесс адаптации. Ранее неоднократно отмечалась связь микропластинчатого расщепления и конкретных техник редукции микронуклеуса, таких как юбецу и ошорокко, с мобильностью древнего населения (Goebel, 2002; Nakazawa, Akai, 2017; Yi, Gao et al., 2016). Гипотетически, ландшафтно-климатические флуктуации рубежа плейстоцен-голоцена отразились на паттернах мобильности охотников-собирателей Восточной Сибири, в результате чего сокращалось использование торцовых микронуклеусов и увеличивалось расщепление призматических микронуклеусов с полукруглым или замкнутым фронтом, а это увеличивало выход микропластин.

Совокупность техно-морфологических, фаунистических и планиграфических характеристик 9–9А культурного горизонта позволяет провести общую оценку адаптационно-хозяйственного комплекса охотников-собирателей рубежа плейстоцен-голоцена. В первую очередь, мы обращаем внимание на сохранение, а также добычу некоторых видов плейстоценовой фауны, таких как бизон и лошадь, на рубеже плейстоцен-голоцена. Находки костей зубра и лошади зафиксированы в более раннем III к. г. стоянки Сосновый Бор возраста финала МИС-2 (Медведев, Георгиевский и др., 1971). Такая специфика, то есть сохранение характерных для плейстоцена черт ландшафтно-экологических

условий с наибольшей вероятностью определила отличие каменных индустрий этого региона, сохранивших производство микропластин в голоцене, от индустрий Дальнего Востока, где микропластины исчезают на рубеже плейстоцен-голоцена (Takakura, 2020; Zhang, 2021). Во-вторых, абсолютное преобладание в фаунистических остатках костей косули и благородного оленя показывает охотничью специализацию встреченных в 9–9А культурных горизонтах деятельности ситуаций. В данном контексте зафиксированы кости конечностей, осевого и краниального скелета, т. е. на местонахождении представлены кости от всех частей тела косули, из чего можно сделать предположение, что животные добывались в непосредственной близости и разделка производилась на месте (Никулина, 2019; Reitz, Wing, 2008). Наличие костей собаки в культурных остатках 9 культурного горизонта позволяет предположить роль собаки в охотничьем промысле. Ситуация с высокой специализацией охоты контрастирует с отсутствием какой-либо видимой специализации в рыболовстве, продукты которого представлены четырьмя видами рыб без существенного преобладания того или иного вида. Орудия рыболовства также представлены фрагментарно (1 гарпун и 1 обломок костяного острия, который гипотетически может быть интерпретирован как фрагмент остроги). Из чего можно заключить, что рыболовство в конкретной сезонной или деятельности хозяйственной ситуации носило вспомогательный характер. Таким образом, хозяйственно-адаптационный комплекс стоянки демонстрирует сложную картину, состоящую из: а) специализированной охоты на средних копытных; б) вспомогательной охоты на крупных копытных; в) использования домашней собаки в охотничьем промысле; а также г) вспомогательного рыболовства. Такой сложносоставной хозяйственный комплекс, по всей видимости, маркирует адаптацию к ландшафтно-климатическим условиям перехода от плейстоцена к голоцену. Состав фаунистических остатков делает комплекс 9–9А к. г. сравнимым с раннеголоценовым комплексом стоянок Остров Лиственичный пункт 1 и пункт 2. Среди сходств стоит отметить преобладание костей косули и наличие домашней собаки, а также бизона. Отличиями является более высокий процент находок лося, наличие костей хищников (соболь и мед-

ведь) и отсутствие остеологического материала лошади (Кузнецов, 2020¹⁰; Kuznetsov, Rogovskoi et al., 2022). Набор артефактов также имеет широкие аналогии, однако основным отличием является отсутствие в материалах 9–9А к. г. вкладышевых наконечников стрел, которые обнаружены в материалах Северного Приангарья (Кузнецов, Роговской, Таракановский, 2017).

Мобильность охотников собирателей раннего голоцена Северной Ангары оценена как комбинация резидентной и логистической (Кузнецов, 2020)¹¹. То есть в соответствии с моделью вариантов мобильности, предложенной Л. Бинфордом, характеризуется как «сборщики» (Collectors) (Binford, 1980) или «обработчики» в соответствии с моделью Беттингера-Баунхоффа (Bettinger, Baumhoff, 1982). Сходство археологического и фаунистического материала раннего голоцена юга и севера Ангары позволяет, как минимум, предположить сходство паттернов мобильности. Так или иначе, добыча основной массы пищевого ресурса в непосредственной близости от стоянки позволяет охарактеризовать мобильность населения Усть-Хайты как резидентную (Kelly, 1983; Hamilton, Lobo et al., 2016; Grove, 2009).

Основной корреляционный фон для культурно-типологической оценки 9–9А к. г. Усть-Хайты I составляют мезолитические памятники Малого моря – Приольхонья и р. Белой. Первые в силу многочисленности, многослойности, изученности получили весьма детализированную и разработанную культурно-хронологическую схему мезолита (Горюнова, Новиков, 2000). Вторые стали опорными объектами для выделения мезолита в Южном Приангарье (Медведев, Георгиевский и др., 1971). На их основе проведена первая в Восточной Сибири реконструкция хозяйственного уклада эпохи мезолита (Медведев, 1971). Для сравнительного анализа с Усть-Хайтой I стоянки Горелый Лес, Сосновый Бор и Усть-Белая важны, поскольку они находятся на той же реке, т. е., по сути, в тех же экологических условиях.

¹⁰ Кузнецов А.М. Система адаптации охотников-сборщиков раннего голоцена Северного Приангарья: по материалам стоянок острова Лиственичный Като-Ёдарминского расширения р. Ангары : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2020. 264 с.

¹¹ Там же.

В Приольхонье к культурным комплексам среднего мезолита – пребореала, 10,3–9,3 некал. тыс. л.н. относятся VIII слой Берлоги, II слой Тагота II, XI слой Саган-Нугэ, VI слой Кулары III (Горюнова, Новиков, 2000). Основная доля орудий в них изготовлена из призматических пластин. Это вкладыши с краевой ретушью, угловые и поперечные резцы, резчики. Весомую группу составляют скребки, преимущественно, концевые из отщепов. Немногочисленны, но характерны массивные ретушированные сколы. Обязательным компонентом являются рубящие орудия из галек, в т. ч. тесла с перехватом. Затем следуют гальки-отбойники и грузила. В группе нуклеусов – клиновидные, призматические с полужамкнутой формой, среди которых сработанные нуклеусы имеют коническую форму. Группу костяных орудий составляют вкладышевые обоймы, одно- и двухрядные гарпуны, цельнорезные крючки, иглы. Подобный набор изделий демонстрирует и недавно опубликованный VII культурный слой Саган-Забы II, несколько более поздний, около 8,0–7,9 некал. тыс. л. н. / 9,0–8,6 кал. тыс. л. н. (Новиков, Воробьева и др., 2023). На этом фоне ассамбляж 9–9А к. г. Усть-Хайты I оказывается презентативным комплексом среднего мезолита, положительно коррелируемым по всем позициям, не имея, разве что, цельнорезных крючков, игл, грузил. С другой стороны, в нем есть не отмеченная в Байкальских комплексах форма полиэдрического резца.

Материалы 9–9А к. г. Усть-Хайты находят широкие аналогии в мезолитическом комплексе VII культурного горизонта стоянки Горелый Лес, (Савельев, Горюнова, Генералов, 1974), II горизонта стоянки Сосновый Бор (Медведев, Георгиевский и др., 1971) по основным категориям артефактов, таким как скребки на отщепах, торцовые и призматические микронуклеусы, галечные орудия, включая чопперы, чоппинги и скребла. Коррелирует также высокая доля микропластин в общей массе каменных артефактов.

Наиболее хронологически близким к 9–9А к. г. является VIII к. г. Усть-Белой с некалиброванной датой 9850±500 л. н. (ГИН-483) (Бердникова, 2001. С. 122). При общих сходствах предметов материальной культуры этих комплексов отличия заключаются в процентной доле микропластин, которая выше в 9–9А культурных горизонтах (34 % против

25 % в XIII–II мезолитич. к. г. Усть-Белой) (Медведев, Георгиевский и др., 1971. С. 77), большей представленностью орудий рыболовства в XIII–II мезолитических к. г. Усть-Белой, а также присутствием в них бусин, наконечников стрел, трансверсальных резцов, и большего количества торцовых микронуклеусов.

Особое значение, с нашей точки зрения, имеют множественные сходства хозяйственных комплексов 9–9А к. г. Усть-Хайты и мезолитических горизонтов стоянки Усть-Белая. Анализ хозяйственного уклада мезолитического населения Усть-Белой проведен Г.И. Медведевым (Медведев, 1971). Среди сходств стоит отметить высокий процент добычи косули, наличие костей всех отделов скелета в культурном горизонте, что указывает на добычу косули в непосредственной близости от стоянки, эпизодический характер охоты на крупных копытных. К отличиям хозяйственных комплексов Усть-Хайты от Усть-Белой стоит отнести, во-первых, больший процент добычи благородного оленя в 9 к. г. Усть-Хайты, который составляет 33,81 % (Никulina, 2019). В то время как в мезолитическом комплексе Усть-Белой находки костей благородного оленя не превышают 3 % (Медведев, 1971). Во-вторых, в хозяйственном комплексе мезолита Усть-Белой прослеживается четкая специализация рыбной ловли на добыче осетра, а набор орудий рыболовства представлен гарпунами, острогами, и цельнорезными крючками. В то же время в 9–9А к. г. Усть-Хайты не отмечается какой-либо рыболовной

специализации, а орудия рыболовства, как указано выше, слабо представлены. Данные различия могут быть связаны как с сезоном обитания, так и с физико-географическими свойствами конкретного участка водоёма (Losey, Nomokonova, White, 2012).

Закключение

Несмотря на некоторые отличия в инвентаре и хозяйственном комплексе, ансамбль 9–9А к. г. демонстрирует типичную и репрезентативную для мезолита – раннего голоцена юга Приангарья картину материальной культуры и хозяйственных комплексов. Представительная коллекция фаунистических материалов позволяет оценить общие палеоэкологические характеристики региона и хозяйственный комплекс охотников-собирателей изучаемого периода, включающий специализацию в охоте на средних копытных, использование домашней собаки (наиболее раннее для региона юга Восточной Сибири) в хозяйственной деятельности, а также вспомогательную роль охоты на крупных копытных и рыболовства. Коллекция каменных и костяных орудий демонстрирует высочайшую роль производства микропластин и использования композитных орудий и охотничьего оружия как пример развития микропластинчатой индустрии в раннем голоцене юга Восточной Сибири. Вводимый в научный оборот комплекс 9–9А к. г. в означенных аспектах имеет широчайшие перспективы дальнейших исследований.

Список источников

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 21. С. 5–32. EDN: YPOVYZ.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Роговской Е.О., Клементьев А.М., Уланов И.В. и др. Геоархеологические комплексы раннего голоцена на юге Средней Сибири. Оценка данных и перспективы исследований // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 46–76. EDN: TMMAYH.

Бердников И.М., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Бердникова Н.Е., Уланов И.В., Соколова Н.Б. и др. Хронология неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: основные идеи и новые данные // Известия Иркутского

References

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorobieva G.A. (2017) Multilayered sites as a basis for paleogeographic and cultural reconstructions in the Middle Holocene of Baikal-Yenisei Siberia. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, ethnology, anthropology series*. Vol. 21. P. 5-32. (In Russ.). EDN: YPOVYZ.

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorobyova G.A., Rogovskaya E.O., Klement'ev A.M., Ulanov I.V. et al. (2014) Geoarchaeological complexes of the Early Holocene in the south of Middle Siberia. Data evaluation and research prospects. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, ethnology, anthropology series*. Vol. 9. P. 46-76. (In Russ.). EDN: TMMAYH.

Berdnikov I.M., Goryunova O.I., Novikov A.G., Berdnikova N.E., Ulanov I.V., Sokolova N.B. et al. (2020) Chronology of the Neolithic ceramics of Baikal-Yenisei Siberia: basic ideas and new data. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoar-*

государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 23–53. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.23. EDN: DEELAA.

Бердникова Н.Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район / Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии», 1–9 августа 2001 г., г. Иркутск. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2001. Т. 2. С. 113–146, 208–240. EDN: XVOTWT.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. 205 с. EDN: QLBDAX.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз. Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2000. С. 51–57.

Игумнова Е.С., Куделя М.В. Археологическое поселение Горелый Лес: новые данные // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXVI РАСК. Иркутск, 1996. Ч. 1. С. 82–85.

Игумнова Е.С., Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Батракова Н.А., Самарина Ю.В. Новое многослойное местонахождение в долине реки Белой – Усть-Хайта // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий : материалы XLI регион. археол.-этногр. конф. Барнаул, 25–30 марта 2001 г. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2001. С. 153–155.

Клементьев А.М., Игумнова Е.С., Савельев Н.А. Хищники (Carnivora, Mammalia) Усть-Хайтинского археологического местонахождения // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Материалы I (XLV) Российской с Международным участием археологической и этнографической конференции студентов и молодых ученых (РАЭСК-XLV). Иркутск, 12–16 апреля 2005 г. Иркутск : Радан, 2005. С. 26–29. EDN: DPKOKE.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Таракановский С.П. Вкладышевые наконечники стрел из раннеголоценового культурного слоя стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. № 6. С. 207–214. EDN: TAUVTZ.

Медведев Г.И. Хозяйственный уклад мезолитического населения Усть-Белой // Мезолит верхнего Приангарья:

archaeology, ethnology, anthropology series. Vol. 33. P. 23–53. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.23. EDN: DEELAA.

Berdnikova N.E. (2001) Geoarchaeological site Ust-Belaya. Cultural complexes. Stone Age of the Southern Angara Region: International Guide. Symposium “Modern problems of Paleolithic studies of Eurasia, August 1-9, 2001. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 2. Belsky Geoarchaeological Region. P. 113–146, 208–240. (In Russ.). EDN: XVOTWT.

Vorobyova G.A. (2010) Soil as a chronicle of natural events in the Baikal region: problems of evolution and classification of soils. Irkutsk: Irkutsk State University. 205 p. (In Russ.). EDN: QLBDAX.

Goryunova O.I., Novikov A.G. (2000) Non-ceramic complexes of the Olkhon region (Lake Baikal). Archaic and traditional cultures of North-East Asia. Problems of origin and transcontinental connections. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 51–57. (In Russ.).

Igumnova E.S., Kudelya M.V. (1996) The archaeological settlement of the Gorelyi Les: new data. Archeology, paleoecology and ethnology of Siberia and the Far East: Abstracts of RASK XXXVI. Irkutsk. Pt. 1. P. 82–85. (In Russ.).

Igumnova E.S., Savelyev N.A., Tetenkin A.V., Batrakova N.A., Samarina I.V. (2001) A new multi-layered site in the valley of the Belaya River - Ust-Khaita. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Severnoi Azii: Itogi i perspektivy izucheniya na rubezhe tysyacheletii : materialy XLI region. arkheol.-etnogr. konf. Barnaul, 25-30 marta 2001 g* = *The historical and cultural heritage of North Asia: The results and prospects of studying at the turn of the millennium. Proceedings of the regional Archaeological and Ethnographic Conference, Barnaul, March, 25-30, 2001. Barnaul: Altai State University. P.153-155. (In Russ.).*

Klementyev A.M., Igumnova E.S., Savelyev N.A. (2005) Predators (Carnivora, Mammalia) Ust-Khaitinsky archaeological site. *Istoki, formirovanie i razvitie evraziiskoi polikul'turnosti. Kul'tury i obshchestva Severnoi Azii v istoricheskom proshlom i sovremennosti. Materialy I (XLV) Rossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem arkheologicheskoi i etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (RAESK-XLV). Irkutsk, 12-16 aprelya 2005 g.* = *The origins of the formation and development of Eurasian multiculturalism. Cultures and societies of North Asia in the historical past and present. Proceedings of the I (XLV) Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists with International Participation, Irkutsk, April, 12-16, 2005. Irkutsk: Radian. P. 26-29. (In Russ.). EDN: DPKOKE.*

Кузнецов А.М., Роговской Е.О., Таракановский С.П. (2017) Slotted arrowhead from early Holocene layer of Ostrov Listvenichnyi site (Northern Angara region). *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures*. No. 6. P. 207–214. (In Russ.). EDN: TAUVTZ.

Medvedev G.I. (1971) The economic structure of the Mesolithic population of Ust-Belaya. *Mesolithic of the Upper*

сб. статей. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1971. Ч. 1. Памятники Ангара-Бельского и Ангара-Идинского районов. С. 111–126.

Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И., Лбова Л.В., Акимова Е.Б., Бердникова и др. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ : Арком, 1996. 53 с. EDN: WJPNTV.

Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л., Савельев Н.А. Памятники мезолита Верхнего Приангарья // Мезолит верхнего Приангарья : сб. статей. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1971. Ч. 1. Памятники Ангара-Бельского и Ангара-Идинского районов. С. 26–110.

Никулина Е.Д. Использование косули в хозяйственной деятельности населения объекта Усть-Хайта по материалам 8 и 9 горизонтов // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных, Благовещенск – Хэйхэ, 08–12 апреля 2019 г. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2019. С. 33–35. EDN: ZPHFIE.

Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Вебер А.В. Многослойный геоархеологический объект Сagan-Заба II на Байкале: археология и палеоэкология. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 278 с. DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив, оз. Байкал) // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2004. Вып. 2. С. 117–123. EDN: VYXGAF.

Осадчий С.С., Тетенькин А.В., Савельев Н.А., Игумнова Е.С. Геоморфология и стратиграфия нового многослойного археологического местонахождения Усть-Хайта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2000. Т. VI. С. 192–197.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1974. Вып. 1. С. 160–199. EDN: SLIAXH.

Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С. и др. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта (предварительные данные) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения : материалы докл. Международ. симпозиума, посвящ. 130-летию открытия палеолита в России (г. Иркутск, 1–9 авг. 2001 г.). Новосибирск, 2001. С. 338–352.

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика раннего неолита мультислойчатого местонахождения Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного

Angara region: Sites of Angara-Belsky and Angara-Idinsky Districts. Irkutsk: Irkutsk State University. Pt. 1. P. 111-126. (In Russ.).

Medvedev G.I., Generalov A.G., Drozdov N.I., Lbova L.V., Akimova E.B., Berdnikova N.E. et al. (1996) Problems of scientific expertise and practice of studying geoarchaeological sites of Baikal Siberia (methodology, methods, recommendations). Krasnoyarsk; Irkutsk; Ulan-Ude: Arkom. 53 p. (In Russ.). EDN: WJPNTV.

Medvedev G.I., Georgievskii A.M., Mikhnyuk G.N., Lezhnenko I.L., Savel'ev N.A. (1971) Mesolithic sites of the Upper Angara region. Mesolithic of the Upper Angara region: Sites of Angara-Belsky and Angara-Idinsky Districts. Irkutsk: Irkutsk State University. Pt. 1. P. 26-110. (In Russ.).

Nikulina E.D. (2019) Utilization of roe deer bones by Ust-Khaita site population based on materials 8 and 9 layers. *Materialy LIX Rossiiskoi arkhologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, Blagoveshchensk - Kheikhe, 08-12 aprelya 2019 g.* = *Materials of the LIX Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists. Blagoveshchensk - Heihe, April 08-12, 2019.* Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. P. 33-35. (In Russ.). EDN: ZPHFIE.

Novikov A.G., Vorob'eva G.A., Goryunova O.I., Weber A.V. (2023) Multilayer geoarchaeological site Sagan-Zaba II on Lake Baikal: archeology and paleoecology. Irkutsk : Irkutsk State University. 278 p. (In Russ.). DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Nomokonova T.Yu., Goryunova O.I. (2004) Neolithic complexes of multilayer settlement Katun' I (Chivyrkuisky Bay, Lake Baikal). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Iss. 2. P.117-123. (In Russ.). EDN: VYXGAF.

Osadchii S.S., Teten'kin A.V., Savel'ev N.A., Igumnova E.S. (2000) Geomorphology and stratigraphy of the new multilayer archaeological site of Ust-Khayt. *Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories.* Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. Vol. VI. P. 192-197. (In Russ.).

Savel'ev N.A., Goryunova O.I., Generalov A.G. (1974) Excavations of the multi-layered Gorely Les site (preliminary report). *Ancient History of the Peoples of the South of Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 1. P. 160-199. (In Russ.). EDN: SLIAXH.

Savel'ev N.A., Teten'kin A.V., Igumnova E.S., Abdulov T.A., Ineshin E.M., Osadchii S.S., et al. (2001) Multilayer geoarchaeological site of Ust-Khaita (preliminary data). *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya : materialy dokl. mezhdunarod. simpoziuma, posvyashch. 130-letiyu otkrytiya paleolita v Rossii (g. Irkutsk, 1-9 avg. 2001 g.).* = *Modern Problems of Eurasian Paleolithic Studies. Proceedings of the International Symposium on the 130th Anniversary of the Discovery of the Paleolithic in Russia,* Irkutsk, August, 1-9, 2001. Novosibirsk. P. 338-352. (In Russ.).

Savel'ev N.A., Ulanov I.V. (2019) Early Neolithic pottery of the multilayered site Ust-Khaita (Southern Angara region). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Eth-*

университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 29. С. 38–72. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.38. EDN: BQIRQR.

Савельев Н.А., Уланов И.В. Керамика посольского типа многослойной стоянки Усть-Хайта (Южное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 34. С. 38–48. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.34.38. EDN: WBEIVR.

Уланов И.В., Бердников И.М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 47–80. EDN: UIWOTL.

Bettinger, R.L., Baumhoff, M.A. (1982) The Numic spread: Great Basin cultures in competition. *American Antiquity*. Vol. 47. No. 3. P. 485-503.

Binford, L.R. (1980). Willow smoke and dogs' tails: hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation. *American Antiquity*, 45(1), pp. 4-20. DOI: 10.2307/279653.

Fischer, A., Vemming, P. and Rasmussen, P. (1984) Macro and micro wear traces on lithic projectile points: Experimental results and prehistoric samples. *Journal of Danish Archaeology*. Vol. 3. P. 19-46. DOI: 10.1080/0108464X.1984.10589910.

Gauvrit Roux E., Teten'kin A.V., Henry A. (2021) Which uses for the Late Glacial microblades of Eastern Siberia? Functional analysis of the lithic assemblage of Kovrizhka IV, level 6. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 9–22. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-9-22. EDN: GBXXXU.

Gauvrit Roux E.G., Coutouly Y.A.G., Holmes C.E., Hirasawa Y. (2024) Early Beringian Traditions: Functioning and Economy of the Stone Toolkit from Swan Point CZ4b, Alaska. *American Antiquity*, 89(2), pp. 279-301. DOI: 10.1017/aaq.2024.10.

Goebel T. (2002) The "microblade adaptation" and recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene. *Archaeological Papers of the American Anthropological Association*, 12(1), pp. 117-131. DOI: 10.1525/ap3a.2002.12.1.117.

Gomez Coutouly Y.A. (2018). The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia. *Radiocarbon*, 60(3), pp. 821-855. DOI: 10.1017/RDC.2018.30.

Grove M. (2009). Hunter-gatherer movement patterns: causes and constraint. *Journal of Anthropological Archaeology*, 28(2), pp. 222-233. DOI: 10.1016/j.jaa.2009.01.003.

Hamilton M.J., Lobo J., Rupley E., Youn H., West G.B. (2016). The ecological and evolutionary energetics of hunter-gatherer residential mobility. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, 25(3), pp. 124-132. DOI: 10.1002/evan.21485.

Kelly R.L. (1983). Hunter-gatherer mobility strategies. *Journal of anthropological research*. Vol. 39, Nr. 3. P. 277-306. DOI: 10.1086/jar.39.3.3629672.

Kuznetsov, A.M., Rogovskoi, E.O., Klementiev, A.M., & Mamontov, A.M. (2022). North Angara Early Holocene

nology, Anthropology series. Vol. 29. P. 38-72. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2019.29.38. EDN: BQIRQR.

Savel'ev N.A., Ulanov I.V. (2020) Posolskaya-type ceramics of the multilayered site Ust-Khaita (Southern Angara region). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, Anthropology Series*. Vol. 34. P. 38-48. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2020.34.38. EDN: WBEIVR.

Ulanov I.V., Berdnikov I.M. (2015) Ceramic complexes of Ust-Belaya: systematization, chronometry, chronology. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, Anthropology series*. Vol. 12. P. 47-80. (In Russ.). EDN: UIWOTL.

Bettinger, R.L., Baumhoff, M.A. (1982) The Numic spread: Great Basin cultures in competition. *American Antiquity*. Vol. 47. No. 3. P. 485-503.

Binford, L.R. (1980). Willow smoke and dogs' tails: hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation. *American Antiquity*, 45(1), pp. 4-20. DOI: 10.2307/279653.

Fischer, A., Vemming, P. and Rasmussen, P. (1984) Macro and micro wear traces on lithic projectile points: Experimental results and prehistoric samples. *Journal of Danish Archaeology*. Vol. 3. P. 19-46. DOI: 10.1080/0108464X.1984.10589910.

Gauvrit Roux E., Teten'kin A.V., Henry A. (2021) Which uses for the Late Glacial microblades of Eastern Siberia? Functional analysis of the lithic assemblage of Kovrizhka IV, level 6. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 9-22. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-9-22. EDN: GBXXXU.

Gauvrit Roux E.G., Coutouly Y.A.G., Holmes C.E., Hirasawa Y. (2024) Early Beringian Traditions: Functioning and Economy of the Stone Toolkit from Swan Point CZ4b, Alaska. *American Antiquity*, 89(2), pp. 279-301. DOI: 10.1017/aaq.2024.10.

Goebel T. (2002) The "microblade adaptation" and recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene. *Archaeological Papers of the American Anthropological Association*, 12(1), pp. 117-131. DOI: 10.1525/ap3a.2002.12.1.117.

Gomez Coutouly Y.A. (2018). The emergence of pressure knapping microblade technology in Northeast Asia. *Radiocarbon*, 60(3), pp. 821-855. DOI: 10.1017/RDC.2018.30.

Grove M. (2009). Hunter-gatherer movement patterns: causes and constraint. *Journal of Anthropological Archaeology*, 28(2), pp. 222-233. DOI: 10.1016/j.jaa.2009.01.003.

Hamilton M.J., Lobo J., Rupley E., Youn H., West G.B. (2016). The ecological and evolutionary energetics of hunter-gatherer residential mobility. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, 25(3), pp. 124-132. DOI: 10.1002/evan.21485.

Kelly R.L. (1983). Hunter-gatherer mobility strategies. *Journal of anthropological research*. Vol. 39, Nr. 3. P. 277-306. DOI: 10.1086/jar.39.3.3629672.

Kuznetsov, A.M., Rogovskoi, E.O., Klementiev, A.M., & Mamontov, A.M. (2022). North Angara Early Holocene

hunter-gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy. *Archaeological Research in Asia*, 31(5), 100369. DOI: 10.1016/j.ara.2022.100369.

Losey R.J., Fleming L., Nomokonova T., Bazaliiskii V.I., Klemen'tev A.M., Savel'ev N.A. (2017) Angara-Southwest Baikal // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal / eds. Losey R., Nomokonova T. German Archaeological Institute, Darmstadt. Pp. 27-52.

Losey R.J., Nomokonova T., White D. (2012) Fish and fishing in Holocene Cis-Baikal, Siberia: a review. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 7(1), pp. 126-145. DOI: 10.1080/15564894.2011.611854.

Mamontov A.M., Savel'ev N.A., Igumnova E.S. (2006) Species composition of fish from archeological site Ust'-Haita (Belaya River - tributary of Angara River). *Hydrobiologia* 568 (Suppl 1), pp. 273-276. DOI: 10.1007/s10750-006-0303-0.

McKenzie H.G. (2009) Review of Early Hunter-Gatherer Pottery in Eastern Siberia // Ceramics before farming. The dispersal of pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Left Coast Press, Walnut Creek, California. P. 167-208.

Nakazawa Y., Akai F. (2017) Late-Glacial bifacial microblade core technologies in Hokkaido: An implication of human adaptation along the northern Pacific Rim. *Quaternary international*. Vol. 442. Part B, pp. 43-54. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.07.019.

Takakura J. (2020) Rethinking the disappearance of microblade technology in the Terminal Pleistocene of Hokkaido, northern Japan: Looking at archaeological and palaeoenvironmental evidence. *Quaternary*, 3(3), p. 21. DOI: 10.3390/quat3030021.

Yi M., Gao X., Li F., Chen F. (2016). Rethinking the origin of microblade technology: A chronological and ecological perspective. *Quaternary International*, 400, pp. 130-139. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.07.009.

Zhang M. (2020) Microblade-based societies in North China at the end of the Ice Age. *Quaternary*, 3(3), p. 20. DOI: 10.3390/quat3030020.

Zhang M. (2021). Rethinking microblade technology research in northeastern Asia. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 4(3), p. 17. DOI: 10.1007/s41982-021-00095-4.

Reitz E.J., Wing E.S. (2008) Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, Second edition. 533 p.

Информация об авторах

Уланов Александр Андреевич,

аспирант, факультет гуманитарных наук и наук о человеке, Университет Хоккайдо,
060-0808, 5 Чоме Кита 8 Дзёниши, Кита-ку, Саппоро, Хоккайдо, Япония,
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8419-6586>

Савельев Николай Александрович,

кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: archeolog@inbox.ru

hunter-gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy. *Archaeological Research in Asia*, 31(5), 100369. DOI: 10.1016/j.ara.2022.100369.

Losey R.J., Fleming L., Nomokonova T., Bazaliiskii V.I., Klemen'tev A.M., Savel'ev N.A. (2017) Angara-Southwest Baikal // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal / eds. Losey R., Nomokonova T. German Archaeological Institute, Darmstadt. Pp. 27-52.

Losey R.J., Nomokonova T., White D. (2012) Fish and fishing in Holocene Cis-Baikal, Siberia: a review. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 7(1), pp. 126-145. DOI: 10.1080/15564894.2011.611854.

Mamontov A.M., Savel'ev N.A., Igumnova E.S. (2006) Species composition of fish from archeological site Ust'-Haita (Belaya River - tributary of Angara River). *Hydrobiologia* 568 (Suppl 1), pp. 273-276. DOI: 10.1007/s10750-006-0303-0.

McKenzie H.G. (2009) Review of Early Hunter-Gatherer Pottery in Eastern Siberia // Ceramics before farming. The dispersal of pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Left Coast Press, Walnut Creek, California. P. 167-208.

Nakazawa Y., Akai F. (2017) Late-Glacial bifacial microblade core technologies in Hokkaido: An implication of human adaptation along the northern Pacific Rim // *Quaternary international*. Vol. 442. Part B, pp. 43-54. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.07.019.

Takakura J. (2020) Rethinking the disappearance of microblade technology in the Terminal Pleistocene of Hokkaido, northern Japan: Looking at archaeological and palaeoenvironmental evidence. *Quaternary*, 3(3), p. 21. DOI: 10.3390/quat3030021.

Yi M., Gao X., Li F., Chen F. (2016). Rethinking the origin of microblade technology: A chronological and ecological perspective. *Quaternary International*, 400, pp. 130-139. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.07.009.

Zhang M. (2020) Microblade-based societies in North China at the end of the Ice Age. *Quaternary*, 3(3), p. 20. DOI: 10.3390/quat3030020.

Zhang M. (2021). Rethinking microblade technology research in northeastern Asia. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 4(3), p. 17. DOI: 10.1007/s41982-021-00095-4.

Reitz E.J., Wing E.S. (2008) Zooarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, Second edition. 533 p.

Information about the authors

Aleksandr A. Ulanov

PhD student, Faculty of Humanities and Human Science, Hokkaido University,
060-0808, 5 Chome Kita 8 Jonishi, Kita-ku, Sapporo, Hokkaido, Japan,
e-mail: ulanov.alexandr1998@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8419-6586>

Nikolai A. Savel'ev,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Scientific Research Center "Baikalskii Region",
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: archeolog@inbox.ru

Тетенькин Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический
университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: altet@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Aleksei V. Tetenkin,
Dr. Sci (History), Associate Professor Department of the
History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: altet@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 мая 2024 г.; одобрена после рецензирования 7 июня 2024 г.; принята к публикации 17 июня 2024 г.

Article info

The article was submitted May 10, 2024; approved after reviewing June 7, 2024; accepted for publication June 17, 2024.

Научная статья

УДК 902.1

EDN: WUZULG

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-36-50>

О начальном этапе заселения Курильских островов (в связи с открытием культуры длинных могил)

О.В. Яншина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В 2022 г. в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» вышла статья «Начальный неолит Курильских островов: культура длинных могил». В ней вводятся в научный оборот новые уникальные материалы, представляющие эпоху рубежа плейстоцена и голоцена. Это первые источники столь раннего времени в археологии Курильских островов. Более того, они столь необычны, что не вписываются ни в одну региональную систематику соответствующих им по времени памятников. Аналогий им нет ни на Амуре, ни на Сахалине, ни на Хоккайдо. На основании собранных материалов авторы статьи выделяют в истории Курильских островов новую эпоху – «начального неолита» (13,0–8,5 тыс. кал. л. н.) – и новую связанную с ней культуру – «культуру длинных могил». Предложенное авторами толкование новых источников радикально меняет наши представления не только о начале заселения собственно Курильских островов, но и о том, как шли процессы неолитизации в островной части дальневосточного региона в целом. Это и побудило к подготовке небольшого аналитического обзора, основная цель которого состоит в том, чтобы понять, насколько валидна концепция, предложенная в упомянутой статье. Сравнив новые материалы с уже известными на Курилах, Сахалине и Хоккайдо, мы в результате приходим к выводу, что новые источники в массе своей представляют эпоху, связанную с повсеместным установлением в бассейне Японского моря неолитического образа жизни (поселения с полуподземными жилищами, керамическое производство, украшения) и соответствующую рубежу бореального и атлантического периодов. Что же касается более ранних дат, уходящих в конец плейстоцена и самое начало голоцена, то для их понимания представленных в публикации данных недостаточно. Пока ни сами «длинные могилы», ни какие-либо иные находки из числа опубликованных невозможно непротиворечиво соотнести с ними.

Ключевые слова: Дальний Восток, Курильские острова, Сахалин, Хоккайдо, археология, ранний неолит, керамика, жилища, погребения

Для цитирования: Яншина О.В. О начальном этапе заселения Курильских островов (в связи с открытием культуры длинных могил) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 36–50. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-36-50. EDN: WUZULG.

Archaeology

Original article

On the initial peopling of the Kuril island (to the discovery of the long barrows culture)

Oksana V. Yanshina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. In 2022, the journal “Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia” published the article “The Incipient Neolithic of the Kurile Islands: The Culture of Long Barrows”. It introduces new unique materials dated to the Pleistocene-Holocene boundary. These are the first sources of such an early epoch in the archeology of the Kuril Islands. Moreover, they are so unusual that they do not fit into any regional archaeological taxonomy. There are no analogues to them either on the Amur, or on Sakhalin, or on Hokkaido. Based on the collected artifacts and dates, the authors identified a new era in the history of the Kuril Islands - the “Incipient Neolithic” (13.0-8.5 thousand cal BP) – and a new associated culture – the Long Barrows. The interpretation of new relics

proposed by the authors radically changes our perceptions not only of the initial peopling of the Kuril Islands proper, but also of how the neolithization took place in the island part of the Far Eastern region as a whole. This prompted the preparation of a small analytical review, the main purpose of which is to understand how valid the concept proposed in the mentioned article is. Having compared the new materials with those already known in the Kuril Islands, Sakhalin and Hokkaido, we ultimately come to the conclusion that the new sources for the most part represent the epoch associated with the widespread establishment of the Neolithic way of life in the Sea of Japan area (settlements with semi-underground dwellings, ceramic production, jewelry) and corresponding to the boundary of the Boreal and Atlantic periods. As for the earlier dates, going back to the end of the Pleistocene and the very beginning of the Holocene, the data presented in the publication is not enough to understand them. So far, neither the "long barrows" themselves nor any other published finds can be consistently correlated with them.

Keywords: Far East, the Kuril Islands, Sakhalin, Hokkaido, archaeology, Early Neolithic, pottery, dwellings, burials

For citation: Yanshina O.V. (2024) On the initial peopling of the Kuril island (to the discovery of the long barrows culture). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 36-50. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-36-50. EDN: WUZULG.

Введение

В последние 20 лет произошел качественный скачок в изучении древнейшего прошлого Курильской островной гряды. Масштабные разведки и исследования были проведены в это время на северо-среднекурильских островах (Fitzhugh, Shubin et al., 2002; Fitzhugh, Moore et al., 2004; Tezuka, Fitzhugh, 2004; Phillips, Speakman, 2009; Phillips, 2010; Fitzhugh, 2012; Fitzhugh, 2018; Fitzhugh, 2019; Fitzhugh, Gjesfjeld et al., 2016; Gjesfjeld, Etnier et al., 2019 и др.), Кунашире (Самарин, Шубина, 2013; Дедахин, 2013) и Итуруп, на котором, кроме того, была фактически впервые раскопана целая серия памятников (Шубина, Яншина, 2014; Пташинский, 2011; Пташинский, 2014; Пашенцев, 2014; Такасэ, Шубина и др., 2017; Можаяев, 2019; Моисеев, Зубова и др., 2019; Яншина, 2021b; Грищенко, Пашенцев, Василевский, 2022; Yanshina, Kuzmin, 2010; Kuzmin, Yanshina et al., 2012; Kuzmin, Yanshina, Grebennikov, 2023).

Интерпретация новых материалов между тем вызывает немало вопросов. Один из них, связанный с обстоятельствами первичного заселения южной части Курильских островов, и предлагается к обсуждению в данной публикации. Поводом для ее подготовки стала недавно вышедшая в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» статья «Начальный неолит Курильских островов: культура длинных могил» (Грищенко, Пашенцев, Василевский, 2022). В ней вводятся в научный оборот не только новые материалы, происходящие, строго говоря, из первых масштабных раскопок, когда-либо проводившихся в этом регионе (общая вскрытая площадь на двух соседних и идентичных памятниках Китовое-2 и Китовое-4 ок. 5000 кв. м),

но и материалы, отражающие эпоху рубежа плейстоцена и голоцена. Это первые источники столь раннего времени на Курильских островах. Более того, они столь уникальны, что не вписываются ни в одну региональную систематику. Аналогий им нет ни на Амуре, ни на Сахалине, ни на Хоккайдо.

Строго говоря, опубликованные в этой статье данные переворачивают все наши десятилетиями складывавшиеся представления о том, когда начался и как протекал процесс первоначального заселения Курильских островов. Это и побудило к подготовке небольшого аналитического обзора, посвященного этому вопросу. Его основная цель состоит в том, чтобы понять, насколько интерпретация новых материалов, предложенная авторами упомянутой статьи, валидна, а также привлечь внимание специалистов к этим источникам.

Для начала обозначим общую фабулу. В 2019–2020 гг. на о. Итуруп около пос. Китовый сотрудниками Сахалинского государственного университета были проведены спасательные раскопки двух, рядом расположенных памятников. Их материалы, в том числе стратиграфия, выявленные в ходе работ объекты, даты и находки оказались идентичны. Всего было раскопано пять жилищ и три ритуальных объекта с так называемыми длинными могилами: на ст. Китовый 2 – одно жилище (№ 5) и три ритуальных объекта (№ 1–3), на ст. Китовый 4 – три жилища (№ 1–3) и один ритуальный объект (№ 4).

Радиоуглеродные даты (далее – ^{14}C)¹, полученные по образцам угля, показали следующую

¹ Даты получены в ЦКП Института географии РАН (индекс IGAN) и лаборатории геологии кайнозоя, палеоклиматологии и минералогических индикаторов климата Институ-

картину: жилище № 1 – 7375 ± 30 – 7990 ± 120 ^{14}C л. н.; жилище № 2 – 7005 ± 175 ^{14}C л. н.; жилище № 3 – 11775 ± 30 – 10775 ± 30 ^{14}C л. н.; жилище № 5 – 9800 ± 130 ^{14}C л. н.; ритуальный объект № 4 – 7570 ± 30 ^{14}C л. н. В ходе полевых работ была также собрана необычная керамическая посуда архаичного облика – либо с гладкими стенками, либо украшенная горизонтальными налепными валиками. Возраст ее по нагару 8140 ± 35 – 7940 ± 40 ^{14}C л. н. Каменная индустрия ориентирована на получение бифасиальных орудий, среди которых бифасы листовидных очертаний, в том числе крупные, наконецники стрел, тесла и долота, абразивы. Изготавливались орудия из базальта, кремня (яшмы), в единичных случаях из обсидиана. Из необычных находок отмечены «жировая лампа» на базальтовой плитке с выбитым квадратным углублением и керамические бусины цилиндрической формы.

По мнению авторов публикации, полученные в ходе раскопок обоих памятников материалы представляют единую культуру, названную ими «культурой длинных могил», а также самый ранний этап в освоении Курильских островов, названный ими «начальным неолитом» и датированный 13,0–8,5 тыс. календарных л. н. (далее – кал. л. н.).

Поскольку практически все собранные в ходе этих работ материалы не имеют прямых аналогий на соседних территориях, правильно оценить их можно только поместив в более широкий контекст. Поэтому далее мы рассмотрим, насколько «начальный неолит» Курильских островов соответствует общей канве развития соседних регионов, прежде всего, Сахалина и Хоккайдо, на этапе перехода от палеолита к неолиту.

Начало неолита на Сахалине и Хоккайдо

Ближайшими территориями, откуда мог начаться процесс заселения Курильских островов, являются Хоккайдо и Сахалин. В эпоху, о которой идет речь, они вместе с южными Курильскими островами представляли собой единый Сахалино-Хоккайдский полуостров, соединенный с материком в районе современного Татарского пролива. К северо-восточной окраине этого полуострова примыкал остров Итуруп, а с ним и вся цепь Куриль-

ских островов. В интервале 12,0–8,0 тыс. кал. л. н. береговая линия стала приобретать современные очертания. Сначала отделились друг от друга Хоккайдо, Сахалин и южные Курильские острова, а затем уже Сахалин отделился от материка (Кузьмин, 2005).

Переход от палеолита к неолиту в этом островном регионе занял не одну тысячу лет и проходил по общему сценарию, хотя на Сахалине и Курилах он изучен еще недостаточно (Yanshina, 2019). Имеются также трудности с синхронизацией основных событий этой эпохи, поскольку ее внутренняя динамика по-разному фиксируется исследователями, работающими в каждом из трех районов. Термин «начальный неолит»², использованный в обсуждаемой работе, является калькой с японской терминологии, соответствия которому в работах сахалинских и вообще российских археологов нет. По этой причине при сопоставлении материалов Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов обращать внимание на термины не имеет смысла, а вместо этого нужно фиксировать содержание процессов.

В археологии Японии начало неолитизации ассоциируют с эпохой становления культуры протодемона³ (Incipient Jomon) (16,5–11,5 тыс. кал. л. н.). С ней было связано появление целого комплекса инноваций – отказ от составных орудий и пластинчатых технологий их изготовления в пользу

² Следует обратить внимание на несоответствие терминов, использованных авторами при подготовке статьи. Для перевода термина «начальный неолит» на английский язык ими использовано словосочетание “Incipient Neolithic”. В археологии Японии оно обозначает самую раннюю фазу процесса неолитизации, связанную с появлением керамики. В отечественной литературе это словосочетание обычно переводится на русский язык как «изначальный» или «зарождающийся» неолит. Это важно, поскольку переводу «начальный неолит» на русский язык в японской археологии соответствует термин “Initial Neolithic”, а это уже следующая эпоха. В связи с этим неясно, имеем ли мы дело в статье с неудачным переводом, или же авторы намеренно использовали термин “Incipient Neolithic” в целях синхронизации новой эпохи с соответствующей эпохой на Японском архипелаге.

³ Возможно, было бы правильнее в отечественной литературе во избежание путаницы с переводами использовать для обозначения на русском языке эпохи “Incipient Jomon” более нейтральный термин протодемон / прото-неолит.

орудий цельного типа, появление керамической посуды, новых категорий орудий (стрел, топоров, калибраторов древков стрел и др.) и новых технологий обработки камня (абразивной, фасиальной, пикетажа), полуподземных жилищ, а также переход к новому более оседлому образу жизни. Особенности Хоккайдо и Сахалина в том, что все эти новации не получили здесь распространения, а вместо этого продолжали развиваться традиционные верхнепалеолитические культуры.

Визитной карточкой Хоккайдо в это время были микропластинчатые индустрии, сопровождавшиеся в комплексах тонкими бифасами и крупными пластинами, служившими нуклеусам, а также открытые стоянки с многочисленными очагами, вокруг которых, как правило, и концентрировались находки. Из новаций этого времени, возникших под влиянием южных соседей, здесь получили некоторое распространение наконечники стрел типа тачикава и шлифованные топоры / тесла. Кроме этого, на Хоккайдо известны три памятники, где была найдена керамическая посуда (Yanshina, 2017; Natsuki, 2022).

Стоянки Тайсо-3 и Татикарусюнай М расположены на юго- и северо-востоке Хоккайдо. Первая датируется по нагару на керамике 14700–13900 cal BP, вторая по углю – 15000–13800 кал. л. н. По своему облику керамика с обоих памятников близка к синхронным им комплексам на Хонсю, где посуда украшалась горизонтальными рядами оттисков ногтя или скрученного шнура. Сосуды эти имели шиповидное или приостренное дно и высокий конический резервуар. Третья стоянка Оаса-1 расположена на юго-западе Хоккайдо и датируется на основании типологии ок. 11 тыс. кал. л. н. Ближайшие ей аналогии можно найти также на Хонсю – в памятниках типа Муроя. Посуда здесь имела приземистый резервуар с плоским квадратным дном и украшалась линейными и геометрическими узорами из оттисков и проката шнура, а также имела мелкие «ушки» на устье.

Что же касается Сахалина, то местные памятники, синхронные эпохе протодземоно, совсем не имеют «неолитоидных» элементов (Василевский, 2003; Василевский, 2008).

На смену эпохе протодземоно в Японии приходит очень длительный период начального дземоно (Initial Jomon) (11,5–7,0 тыс. кал. л. н.), во-

бравший в себя все предшествующие достижения. С ним связано распространение раковинных куч и поселений со стационарными жилищами, появление новых керамических традиций, основанных на использовании техники проката и веревки, и пока еще редких первых погребений, украшений и ритуальных объектов. Однако и Хоккайдо, за исключением его юго-западной оконечности, и Сахалин развивались в это время по-прежнему обособленно от остальной части Японского архипелага и находились в стороне от этого процесса. Публикации последних лет позволяют выделить в их развитии три этапа (Грищенко, 2011; Грищенко, 2013; Василевский, Грищенко, Орлова, 2010; Morisaki, Kunikita, Sato, 2018; Fukuda, Grishchenko, 2017; Natsuki, 2022; см. также Яншина, 2017; Яншина, 2021a; Yanshina, 2019).

Ранний этап (11,5–9,5 тыс. кал. л. н.) был периодом относительной нестабильности. К этому времени микропластинчатые индустрии уже в основном исчезли на Хоккайдо (Takakura, 2020), но местные культуры еще сохраняли преимущественно верхнепалеолитический образ жизни. Новации в основном были связаны с распространением бифасиальных и отщеповых технологий. В комплексах этого времени отмечается мозаичность и сочетание черт, характерных для эпохи протодземоно как на Хонсю, так и на Хоккайдо, причем последние преобладали. Керамическая посуда все еще отсутствовала, хотя один памятник с керамикой этого времени все-таки известен. Это стоянка Тайсо-6 с датами 11050–10300 кал. л. н., полученными по нагару на сосудах. На Сахалине надежно датированные памятники этого времени отсутствуют.

Второй этап (9,5–8,0 тыс. кал. л. н.) начинается с массового распространения на северо-востоке Хоккайдо и Сахалине керамической посуды, жилищ и первых украшений. Строго говоря, этот этап открывает здесь эпоху раннего неолита, по всем признакам сопоставимую с начальным дземоно остальных островов Японского архипелага, хотя и отличающуюся по целому ряду параметров, в том числе и керамическими традициями.

Памятники этого времени представляют собой поселения с большими полуподземными жилищами, при этом размер поселений на Хоккайдо был больше, чем на Сахалине. Жилища могли иметь

подквадратные или округленные очертания. Очаги и столбовые ямы могли располагаться как внутри котлованов, так и снаружи. На Хоккайдо есть также памятники, предположительно имеющие ритуальный характер. К таковым относится Чуйо А. Здесь раскопаны десятки ям, по размеру сопоставимые с ямами от вторичных захоронений, и в каждой из них найдено по одному сосуду и два-три каменных изделия.

Сосуды этого времени представлены несколькими типами. Для всех них характерно плоское дно и простой открытый резервуар. Украшались сосуды оттисками фигурных штампов и палочек, обмотанных веревкой, или же прочерченными композициями. Стенки их либо оставались гладкими, либо выравнивались гребенчатыми инструментами. Снаружи на дне у них часто имеются отпечатки раковины, текстиля, древесного листа или коры. Наибольшее разнообразие типов керамики отмечается на Хоккайдо. Здесь выделены типы акацуки, нумадзири, хигаси-кусиро, меманбецу, урагоро и др. На Сахалине керамика имеет аналогии с типами акацуки и меманбецу. Из нее примерно к 8,000 тыс. кал. л. н. вырастает керамическая традиция южно-сахалинской культуры (Яншина, 2017).

В комплексах этого этапа керамика сопровождалась, помимо новых неолитических категорий каменных орудий, либо пластинчатыми индустриями, либо бифасиальными и отщеповыми, соотношение которых было разным на Хоккайдо и Сахалине.

На Хоккайдо первые неолитические памятники появились, судя по датам с нагара на посуде, около 9,5 тыс. кал. л. н. Они содержали керамику типа акацуки и нумадзири, а также орудия, изготовленные на отщепах с применением фасиальной вторичной обработки, а в некоторых случаях – на палеолитических по облику толстых пластинах. Спустя примерно тысячу лет, около 8,4 тыс. кал. л. н., здесь произошла полная замена этих индустрий на пластинчатую призматическую технику, и вместе с ней возникли новые типы керамической посуды – меманбецу, тогоро-14, футадзума, тайсо IV, урагоро и др. В археологической литературе эти своеобразные комплексы получили название культуры пластинчатых наконечников стрел (Kimura, 1999). Спустя еще несколько столетий, около 8,2 тыс. кал. л. н., на смену этой культуре пришли уже развитые

бифасиальные индустрии и опять же – новые типы керамики.

На Сахалине первые неолитические памятники появляются примерно тогда же – в интервале 9,5–8,5 тыс. кал. л. н. Они также связаны с несколькими типами керамики, причем каждый из них так или иначе близок к керамической посуде Хоккайдо. Самый ранний керамический комплекс Сахалина (Славная-4) воспроизводит традиции, характерные для самой ранней керамики Хоккайдо, – типа акацуки, главной отличительной чертой которой является отпечаток раковины морского гребешка на дне. Чуть более поздние сахалинские типы керамики (Адо-Тымово-2, Стародубское-3, Чайво-6) отражают уже традиции более поздней керамики Хоккайдо, связанной с пластинами. На это указывают такие их черты, как подпрямоугольные / овальные донышки сосудов, отпечатки древесной коры и текстиля на дне, ушки-выступы на венчиках, выравнивание стенок гребенкой, примесь ракушки в тесте, узоры из фигурных штампов, расположенных в шахматном порядке.

Особенность Сахалина, однако, в том, что здесь пока не устанавливается отчетливая смена во времени бифасиальных индустрий на пластинчатые при переходе от бескерамической фазы развития к керамической. Вместо этого здесь выделяется короткий период, когда конкретные типы ранне-неолитической керамики сочетаются в комплексах то с пластинчатыми, то с бифасиальными индустриями. Уверенным можно быть лишь в том, что начиная с 8,0–8,2 тыс. кал. л. н. на Сахалине, как и на Хоккайдо, вместе с южно-сахалинской культурой окончательно устанавливаются бифасиальные технологии.

Таким образом, пластинчатые техники обработки камня как бы вклиниваются в естественный ход эволюции неолитических культур островного региона, связанный с заменой палеолитических микропластинчатых технологий неолитическими бифасиальными.

Считается, что пластинчатая техника имеет северное континентальное происхождение и попала на Хоккайдо через Сахалин (Kimura, 1999), что отчасти подтверждается ¹⁴C датами (табл.). Кроме того, на это указывает и облик керамической посуды, сопровождавшей пластинчатые комплексы. Она в корне отличалась от керамики

Таблица. Датировки первых памятников с пластинчатыми наконечниками в районе Японского моря
Table. The earliest radiocarbon dates of blade arrowheads assemblages across Sea of Japan area

Регион	Дата, кал. л.н. ¹	Опорный памятник	Источник
Средний Амур	9540–9030	Новопетровка-3	Деревянко, Нестеров и др., 2020
Нижний Амур	9450–7700	Ямхита (Кондон-3)	Fukuda, Shewkomud et al., 2014. P. 75-76
Сахалин	9500–8500	Адо-Тымово-2, Славная-4	Fukuda et al., 2015a; Fukuda et al., 2015b
Хоккайдо	8600–7900	Ячийо, Хигаси-Кусиро, Тайсо	Morisaki, Kunikita, Sato, 2018; Obihiro. Yachiyo A site, 1990
Приморье	~ 9000–8500 ¹	Чертовые Ворота, Рудная пр.	Батаршев, 2009; Kuzmin, Keally et al., 2012

как из синхронных, так и из более ранних протодзёмонских памятников, расположенных к югу от Хоккайдо, и, напротив, вполне узнаваемо воспроизводила черты более ранней осиповской и гриматухинской керамики, распространенной на Амуре. Это плоское дно, цилиндрический резервуар, выравнивание стенок гребенчатым инструментом, оттиски текстиля на донышках. В раннем неолите посуда такого типа вообще распространилась очень широко. Она известна на о. Кюсю, северо-востоке Китая, в Нижнем и Среднем Приамурье, а также в Приморье.

Таким образом, рубеж второго и третьего этапов на Сахалине и Хоккайдо приходится на 8,0–8,2 тыс. кал. л. н. Маркирует его отказ от пластинчатых технологий и переход к бифасиальным, уже гораздо более совершенным, а также появление новых типов керамики. Однако в археологической систематике обоих регионов этот рубеж и третий этап в целом отражены по-разному.

В археологии Сахалина с этим моментом связано окончательное установление южно-сахалинской культуры, существование которой сахалинские археологи ассоциируют с развитым неолитом, заканчивающимся примерно 5,5–5,0 тыс. кал. л. н. В археологии Хоккайдо этот рубеж, напротив, не акцентирован и проходит внутри эпохи начального дзёмона, хотя установившиеся в тот момент новые типы керамики переживают ее и исчезают только около 6,0 тыс. кал. л. н. – уже в эпоху раннего дзёмона.

К сожалению, исторически сложившееся в археологии Хоккайдо использование одного термина – начальный дзёмон – для столь длительной эпохи выглядит не вполне удачным. На самом деле интервал 8,0–8,2 тыс. кал. л. н. оказался очень важ-

ным для островного мира. После него развитие сахалинских и хоккайдских культур полностью расходитсся на несколько тысячелетий вплоть до начала палеометалла.

Начало неолита на Курильских островах

Такова общая канва эпохи, связанной с начальными этапами неолитизации на Сахалине и Хоккайдо. Теперь рассмотрим, как соотносятся с ней материалы, происходящие с Курильских островов. С этой точки зрения, помимо «культуры длинных могил», о которой речь пойдет далее, интерес здесь представляет только один единственный датированный памятник, расположенный всего в 5 км к северу от стоянок с «длинными могилами». В литературе он известен как стоянка Янкито или стоянки Янкито-1 и 2 (Yanshina, Kuzmin, Bur, 2009). На основании ¹⁴C хронологии материалы его раннего комплекса датируются временем ок. 8000 кал. л. н., что в археологической периодизации Сахалина и Хоккайдо соответствует рубежу второго и третьего этапов начального дзёмона. До обнаружения ст. Китовый-2 и 4, это были самые ранние свидетельства заселения Курильских островов (Kuzmin, Yanshina et al., 2012; Fitzhugh, Gjesfjeld et al., 2016).

Керамика со ст. Янкито является точной копией керамики типа *урахоро*, которая была распространена на Хоккайдо в памятниках культуры пластинчатых наконечников стрел. Основным отличительным признаком последней являются орудия труда на крупных ножевидных пластинах. Однако на Янкито керамика типа *урахоро* сочеталась с индустрией, основанной на технике отщепы и фасиальной вторичной обработке. Такое несоответствие, конечно, вызывает много вопросов о причинах различий. В то же время есть несколько аргу-

ментов, которые все же позволяют ставить стоянку Янкито в один ряд с другими памятниками культуры пластинчатых наконечников Сахалина и Хоккайдо.

Во-первых, за все годы исследований на Янкито все-таки найдены три артефакта, отражающих пластинчатую технику, и все три изготовлены из обсидиана, источники которого расположены на Хоккайдо (Kuzmin, Yanshina, Grebennikov, 2023). Их наличие свидетельствует о том, что люди, жившие на Янкито, все же были знакомы с пластинчатыми индустриями и поддерживали хотя бы эпизодические контакты с жителями Хоккайдо.

Во-вторых, помимо Янкито, на Курильских островах есть еще как минимум один памятник с близким составом находок. Речь идет о материалах, собранных на стоянке Река Темная-2, расположенной на Кунашире в 8 км к югу от мыса Ивановского в устье реки Темной, впадающей в Кунаширский пролив (Самарин, Шубина, 2013. С. 66–67).

Коллекция этого памятника содержит крупный фрагмент керамического сосуда и два обломка пластин из темно-серого обсидиана (СОКМ, колл. № 8139). Сосуд имел простую форму, почти вертикальные стенки и прямой венчик со слегка скругленной кромкой. Изготовлен из формовочной массы с добавками крупной минеральной примеси. Толщина стенок 0,8–0,9 см. Поверхности покрыты обмазкой. Обожжен при невысокой температуре, цвет его неровный тусклый желтовато-сероватый, изломы почти черные. На обеих стенках следы заглаживания твердой гребенкой. По своим характеристикам этот сосуд идентичен керамике типа *урахоро*, за исключением декоративного орнамента, которого на нем нет. Но это как раз вполне соответствует керамическим традициям Хоккайдо и Сахалина, т. к. в раннем неолите сосуды там чаще всего орнамента не имели.

Учитывая все в целом скорее всего стоянка на реке Темной относится к тому же времени, что и комплекс с керамикой типа *урахоро* на стоянке Янкито, и тот факт, что на ней также найдены пластины из обсидиана, весьма показателен.

В-третьих, бифасиальный характер индустрии, сочетающейся с керамикой типа *урахоро* на Итуруп, вполне может быть объяснен двумя обстоятельствами. С одной стороны, как мы знаем, и на Сахалине есть комплексы, в которых одна и та же керамика сопровождается то бифасиальной, то

пластинчатой индустрией. Следовательно, на Янкито мы вполне можем иметь дело с аналогичным явлением. С другой стороны, керамика типа *урахоро* – самая поздняя из всех керамических типов, связанных на Хоккайдо с пластинчатыми наконечниками, а на Итурупе она имеет еще чуть более поздний возраст, когда и на Хоккайдо, и на Сахалине уже установились бифасиальные комплексы. Это значит, керамика типа *урахоро* вполне могла попасть на Курилы уже вместе с бифасами.

Учитывая все изложенное, по-видимому, мы все-таки можем сказать, что остров Итуруп входил в область распространения культуры пластинчатых наконечников стрел и являлся самой крайней северо-восточной точкой ее распространения. Причем с этим согласуется не только хронология находок, но и облик найденных здесь артефактов.

Проблемы интерпретации «культуры длинных могил». С учетом изложенного выше, анализ находок, сделанных на ст. Китовый-2 и 4, рисует довольно противоречивую картину. Прежде всего, выделенная авторами эпоха «начального неолита» выглядит чрезмерно длительной (13,0–7,5 тыс. кал. л. н.), т. к. охватывает не только конец эпохи протодзэмона, но и всю эпоху начального дзэмона на соседних территориях. Несмотря на это, по мнению авторов, «культура длинных могил» существовала на протяжении всего этого времени без каких-либо заметных изменений. На фоне Сахалина и Хоккайдо, где за эти несколько тысячелетий произошла не одна смена культур, такая устойчивость выглядит совершенно невероятной. Это заставляет думать, что далеко не все находки, которые могли иметь отношение к полученным датам, были опубликованы в обсуждаемой статье или приняты во внимание ее авторами.

Далее, ни один из признаков, характеризующих на Хоккайдо и Сахалине эпоху протодзэмона, а также ранний этап начального дзэмона, т. е. эпохи, предшествующие массовому распространению керамики, жилищ и украшений и сохраняющие верхнепалеолитические традиции, не представлен среди материалов ст. Китовый-2 и 4. Причем, здесь нет ключевых для этого времени находок. Это пластины, микропластины, микропластинчатые нуклеусы или дериваты микропластинчатого расщепления, обсидиан, наконечники типа тачикава или по-

суда с характерными формами и орнаментом (шиповидным дном, ногтевыми оттисками и т. п.). В то же время здесь есть объекты, которые, несмотря на ранние даты, противоречат облику соседних синхронных им культур. Это наземное жилище № 3 со стоянки Китовый-4 (12950–12720 кал. л. н.) и углубленное жилище № 5 со стоянки Китовый-2 (11650–10760 кал. л. н.). И здесь надо отметить два обстоятельства.

Во-первых, жилища столбовой конструкции с расположенными внутри очагами, не важно, углубленные или наземные, появляются в островном регионе не ранее 9,5 тыс. кал. л. н. Сама по себе эта традиция на востоке Азии зародилась еще в эпоху протодзедмона, но на самом юге Японского архипелага (см. обзор: Яншина, 2021а), и уже оттуда стала распространяться сначала на Хонсю, а затем, видимо, и на материк. На север Китая, в Маньчжурию, в Приморье и Приамурье, а также на Хоккайдо и Сахалин эта новация попадает лишь 9,0–8,0 тыс. кал. л. н., и убедительных возможных предшественников среди местных культур она пока не имеет. Было бы очень странно, если бы в самую отдаленную часть этого региона – на Курилы – она проникла намного раньше.

Во-вторых, жилища, раскопанные на ст. Китовый-2 и 4, делятся на два типа. Три из них (№ 1, 2 и 5) полуподземные с очагами и столбовыми ямами в центре и одно (№ 3) наземное без очага и со столбовыми ямами по периметру. Это означает, что конструктивно жилище № 5 с ранними датами (11650–10760 кал. л. н.) ничем не отличается от жилищ № 1 и 2 с более поздними датами (9260–7520 кал. л. н.). Что же касается наземного жилища № 3 – самого раннего, то характер его не вполне понятен. Обе его отличительные черты характерны для ритуальных площадок с «длинными могилами», возраст которых 8400–8340 кал. л. н. Поэтому здесь необходима дополнительная информация.

В данном контексте надо упомянуть еще один сюжет. Наличие на некоторых сосудах со ст. Китовый-2 и 4 налепных валиков, позволило авторам обсуждаемой публикации провести прямую связь между ними и керамикой *рюсэнмон* эпохи протодзедмона, для которой была характерна аналогичная орнаментация. Дополнительным указанием на «до-дзедмонский» возраст керамики со ст.

Китовый-2 и 4 стало также отсутствие на ней веревочных оттисков и гладкие стенки сосудов. Однако и здесь есть свои нюансы.

Во-первых, керамика *рюсэнмон* эпохи протодзедмона отличалась округлым или приостренным дном и вообще не имела хождения на Хоккайдо. Более того, в эпоху похолодания молодого дриаса (12900–11650 кал. л. н.), с которым соотносятся даты из самого раннего наземного жилища № 3, керамика *рюсэнмон* выходит из употребления даже на Хонсю – как минимум в северной его части. На Хоккайдо и Сахалине посуда с плоским дном массово появляется не ранее 9,5 тыс. кал. л. н., а с учетом единственного исключения – керамики стоянки Тайсо-6 – 11,1–10,3 тыс. кал. л. н. Но эта керамика не имела валикового орнамента и отличалась почти обязательным оттиском морского гребешка на дне. На Сахалине следы этой традиции видны вполне отчетливо, а на ст. Китовый-2 и 4 их нет.

Во-вторых, гладкие стенки действительно характерны для керамики *рюсэнмон*, однако не только для нее. На Хоккайдо самая ранняя плоскодонная керамика также зачастую отличалась гладкими стенками, а на Сахалине эта черта была вообще ведущей и в раннем неолите, и в развитом, и в позднем. Гладкими стенками отличалась в островном мире и поздняя керамика охотской культуры. Поэтому эту черту в конечном счете необходимо рассматривать только в комплексе с другими характеристиками.

Таким образом, среди опубликованных материалов ст. Китовый-2 и 4 нет ничего, чтобы могло бы указывать на эпохи протодзедмона и раннего этапа начального дзедмона, которым соответствует часть полученных на этих памятниках ¹⁴C датировок.

Следующее наблюдение касается керамической посуды. Если она никак не вписывается в круг керамических традиций эпохи протодзедмона, то с керамикой начального дзедмона она все же имеет вполне определенные сходства. Это в первую очередь плоская форма дна, а также простые ситулообразные формы сосудов, хотя они выглядят более приземистыми, чем на Хоккайдо, где были распространены преимущественно высокие вытянутые емкости. Низкие формы более характерны для Сахалина и особенно для южно-сахалинской культуры эпохи развитого неолита, по сахалинской классификации. Соответствуют самой первой керамике

островного региона и общая грубость сосудов со ст. Китовый-2 и 4, причем на Хоккайдо она более всего характерна для типа *акацуки*.

Показательно и наличие на дне этих сосудов оттисков, похожих на текстиль, хотя точный их характер по опубликованным иллюстрациям определить затруднительно. Отпечатки разных фактур на дне действительно появляются вместе с первой плоскодонной керамикой, как на Сахалине (веревочные циновки, древесина, имитация оттиска раковины гребешка), так и на Хоккайдо (раковина гребешка, древесный лист, веревочные циновки). Хотя впоследствии эта традиция сохраняется длительное время, как минимум на Японском архипелаге, для керамики охотской культуры она совершенно не характерна, что позволяет исключить ее из возможного круга поиска аналогий. Не соответствует охотским и морфология сосудов с обсуждаемых здесь стоянок.

Таким образом, несмотря на оригинальную орнаментацию в виде валиков, опоясывающих сосуд вдоль устья, нетипичную для начального дзёмона не только Сахалина, но и Хоккайдо, керамическая посуда ст. Китовый-2 и 4 все же более всего соответствует керамическим традициям именно этой эпохи. Как и почему возникла такая необычная орнаментация – вопрос, требующий отдельного внимания. Она была распространена на севере Маньжурии в культурах, связанных с пластинчатыми индустриями, а также на юге Кореи, но имеет там чуть более поздние (!) даты.

Продолжая анализ находок на ст. Китовый-2 и 4, нужно отметить, что некоторые из них имеют облик, который противоречит даже раннеголоценовым их датировкам, не говоря уже о еще более раннем времени. Среди них цилиндрические бусины из керамики, «жировая лампа», полностью отшлифованные тесла, крупные асимметрично-листовидные бифасы, – все эти находки скорее всего имеют более поздний возраст.

В эпоху протодзёмона украшения как таковые еще отсутствовали на островах – даже к югу от Хоккайдо, нет их в это время и на материке – в Приморье и Приамурье, а в раннеголоценовых комплексах они изготавливались из камня. Жировая лампа, по-видимому, представляет собой терочную плиту, хотя такие их формы среди раннеголоценовых находок Хоккайдо и Сахалина мне

не встречались. Первые тесловидные орудия в островном регионе шлифовались только по рабочим поверхностям. Крупные асимметричные бифасы листовидных очертаний, показанные в публикации, были скорее характерны для материковых культур рубежа плейстоцена и голоцена, прежде всего, Приморья, а на Сахалине и Хоккайдо они появляются все же позже – с рубежа второго и третьего этапов.

И, наконец, последнее замечание касается «длинных могил». Все четыре объекта имеют одинаковую конструкцию. Это подквадратные или подпрямоугольные площадки, оконтуренные по периметру столбовыми ямками или узкими канавками. В центре каждой из них вдоль длинной оси располагались узкие длинные насыпи, обложенные по периметру базальтовой галькой. Длина насыпей 2,8–5,5 м, ширина 0,5–0,8 м, высота 0,2–0,3 м, ориентация – «восток – запад» (т. е. перпендикулярно береговой линии). В основании насыпей выявлены горелые пятна, форма и локализация которых не описывается, в составе насыпей обнаружены угольки, а из находок – только керамические бусины.

Отсутствие костяков и наличие следов горения в сочетании с формой насыпей позволило авторам раскопок сделать предположение, что это погребальные сооружения, имитирующие погребения в лодках, а сам обряд интерпретировать как кремацию.

Напрямую датирован только один объект, по возрасту он сопоставим с двумя поздними жилищами (№ 1–2), и в целом с концом эпохи начального дзёмона или раннего неолита. Но дата получена из загадочного «прямка», отношение которого ко всему сооружению не совсем понятно исходя из опубликованных данных. Находки же керамических бусин указывают, скорее, на эпоху палеометалла или средневековья.

Как показывает обзор литературы, погребальная практика даже в самых отдаленных регионах Северной Евразии развивалась в русле тех традиций, которые существовали в тот или иной момент времени на окружающих территориях. Эпохальные изменения, чем бы они не были вызваны, затрагивали эту сферу культуры также, как и любую иную, а, следовательно, они должны быть вполне узнаваемы. Однако аналогий «длинным могилам» нет,

в какие бы эпохи и на каких бы территориях мы их не искали.

Особенность региона, о котором мы говорим, состоит в том, что регулярная погребальная деятельность появляется здесь поздно: в конце неолита на Хоккайдо и в палеометалле на Сахалине и Курильских островах. Источником новаций в данной сфере в это и последующее время выступали два основных центра: южный, связанный с культурами эпидземона, яей и кофун, и северный, связанный с культурами раннего железного века и средневековья тунгусо-маньчжурского круга. Однако во всех погребальных памятниках данного региона господствовали совершенно иные традиции.

Ключевые отличия «длинных могил» – насыпи, кремации, каменные оградки, отсутствие инвентаря, огороженная площадка. Для поиска аналогий ключевое значение имеют первые две традиции, т. к. они проникают в дальневосточные обряды только в средние века, хотя и не в комплексе друг с другом, по-видимому, в силу разного происхождения. Ближайшие, но все равно очень отдаленные параллели «длинным могилам» можно найти только в покровской культуре Приамурья (Васильев, 2006). Часть погребений совершалась здесь с использованием кремации / огня для обезвреживания покойника, часть – с последующим сооружением надмогильных насыпей, некоторые из них со временем становились длинными за счет неоднократного дозахоронения. Кроме того, здесь встречаются парциальные ограды из камней (не насыпей, а могил – !), огораживание курганов ровиками, а также ориентировка могил по линии «запад–восток».

Что же касается эпохи начального дземона, с которой авторы публикации связывают «длинные могилы», даже финального ее этапа, то доказанных погребений этого времени на Сахалине и Хоккайдо пока нет. Строго говоря, сам факт использования кремации в «длинных могилах» остается в публикации недоказанным, как и то, что перед нами действительно могилы. Но даже если предположить, что это остатки не погребений, а обычных ритуальных объектов, все равно их не с чем сопоставить.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что удивительные в своей уникальности материалы двух новых стоянок Китовый-2 и 4 на Итурупке распадаются на три группы.

С первой группой пока связаны только три даты, свидетельствующие о том, что заселение Курильских островов могло начаться, как минимум, еще в эпоху похолодания молодого дриаса, т. е. на несколько тысяч лет раньше, чем предполагалось. Однако представленные в публикации материалы «культуры длинных могил» не только никак не соотносятся с синхронными материалами Сахалина и Хоккайдо, но и в определенной мере противоречат им. Прежде всего, это касается, более раннего появления на Курилах, чем на Сахалине и Хоккайдо, плоскодонной керамики и жилищ столбовой конструкции с очагами внутри, а также полного отсутствия пластинчатой техники. Поэтому вопросы о том, какому комплексу соответствуют столь ранние даты со стоянок Китовый-2 и 4 и не могут ли они быть ошибочными, остаются главным в понимании этой части их материалов.

Со второй группой связаны оставшиеся даты, все полуподземные жилища, керамическая посуда и, возможно, часть другого инвентаря, которую пока трудно установить. Эти находки синхронизируются со вторым и третьим этапами начального дземона по классификации японских археологов или ранним неолитом – началом развитого неолита по сахалинской классификации, иначе говоря, с началом распространения по островам неолитического образа жизни, связанным с появлением первых стационарных жилищ, массового керамического производства и первых украшений. Нельзя исключить, что это самая ранняя в настоящий момент группа находок на Курильских островах, по крайней мере, она вполне может иметь чуть более ранний, чем материалы Янкито, возраст.

С третьей группой связаны все остальные находки и в первую очередь ритуальные объекты, названные «длинными могилами». Хотя единственная прямая дата относит их к тому же времени, что и находки второй группы, уникальность этих объектов, полное отсутствие им аналогий, хотя бы отдаленных, в неолите соседних регионов, заставляет сомневаться в правомерности подобной их

датировки, а также вообще в обоснованности их интерпретации как погребений. Для правильного понимания этих сооружений необходимы более детализированная публикация полевых материалов и более полный анализ всех собранных на памятнике находок, в том числе и самых поздних.

Список источников

Батаршев С.В. Руднинская археологическая культура в Приморье. Владивосток : Рея, 2009. 198 с. EDN: TYLLSL.

Василевский А.А. Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоньки-5 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 51–69.

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 2008. 409, [2] с. EDN: QPNMRB.

Василевский А.А., Грищенко В.А., Орлова Л.А. Периодизация, рубежи и контактные зоны эпохи неолита в островном мире дальневосточных морей (в свете радиоуглеродной хронологии памятников Сахалина и Курильских островов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 10–25. EDN: LBDKCR.

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н. э.). Владивосток : Дальнаука, 2006. 371 с. EDN: QPEDHT.

Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2011. 183 с. EDN: UBBGND.

Грищенко В.А. Ранний неолит Сахалина – вопросы периодизации и содержания этапных признаков // Интернет-журнал СахГУ: Наука, образование, общество. 2013. № 1 (7). С. 3. EDN: TQMRVT.

Грищенко В.А., Пашенцев П.А., Василевский А.А. Начальный неолит Курильских островов: культура длинных могил // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 2. С. 3–12. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.2.003-012. EDN: DZSIYM.

Дедахин О.Ю. Археологические памятники долины реки Илюшина (о. Кунашир) // Вестник Сахалинского музея. 2013. № 1 (20). С. 3–24. EDN: YSFQTB.

Деревянко А.П., Нестеров С.П., Табаров А.В., Алкин С.В., Учида К., Куникита Д., Морисаки К., Мацудзаки Х. Ранненеолитическое поселение Новопетровка III в Западном Приамурье и его хронология // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48. № 4. С. 57–66. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.4.057-066. EDN: GCNKGR.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток : Тихоок. ин-т географии ДВО РАН, 2005. 282 с. EDN: QPCMZJ.

Можаев А.В. Раскопки стоянки Село Рыбаки-2 на острове Итуруп Курильского архипелага // Археологические открытия 2016 г. 2019. № 2016. С. 479–482.

И, наконец, представляется ошибкой включение всех трех названных групп находок в рамки единой культуры, растянутой во времени на несколько тысячелетий.

References

Batarshch S.V. (2009) Rudninskaya archaeological culture in Primorsky region. Vladivostok: Reya. 198 p. (In Russ.). EDN: TYLLSL.

Vasilevskii A.A. (2003) Periodization of the Upper Paleolithic of Sakhalin and Hokkaido in the light of research conducted at the Ogonki-5 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. No. 3 (15). P. 51-69. (In Russ.).

Vasilevskii A.A. (2008) *The Stone age of Sakhalin island*. Juzhno-Sahalinsk: Sahalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 409 p. (In Russ.). EDN: QPNMRB.

Vasilevskii A.A., Grishchenko V.A., Orlova L.A. (2010) Periods, Boundaries, and Contact Zones in the Far Eastern Insular World of the Neolithic (Based on the Radiocarbon Chronology of Sites on the Sakhalin and Kuril Islands). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. No. 1 (41). P. 10-25. (In Russ.). EDN: LBDKCR.

Vasil'ev Yu.M. (2006) Funeral ritual of Pokrovka culture (9th -13th centuries). Vladivostok: Dal'nauka. 371 p. (In Russ.). EDN: QPEDHT.

Grishchenko V.A. (2011) The Early Neolithic of Sakhalin island. Juzhno-Sahalinsk: Sakhalin State University. 183 p. (In Russ.). EDN: UBBGND.

Grishchenko V.A. (2013) Early Neolithic of Sakhalin island - a questions of periodization and contents of signs stages. *Internet-Journal of Sakhalin State University: Science, Education, Society*. No. 1 (7). P. 3. (In Russ.). EDN: TQMRVT.

Grishchenko V.A., Pashencev P.A., Vasilevskii A.A. (2022) The Incipient Neolithic of the Kurile Islands: The Culture of Long Barrows. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 50. No. 2. P. 3-12. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.2.003-012. EDN: DZSIYM.

Dedyakhin O.Yu. (2013) The archaeological sites along the Iljushina river valley. *Bulletin of the Sakhalin Regional Museum*. No. 1 (20). P. 3-24. (In Russ.). EDN: YSFQTB.

Derevyanko A.P., Nesterov S.P., Tabarev A.V., Alkin S.V., Uchida K., Kunikita D. et al. (2020) Novopetrovka III-an early Neolithic site in the Western Amur basin and its chronology. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 48. No. 4. P. 57-66. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.4.057-066. EDN: GCNKGR.

Kuz'min Ya.V. (2005) Geochronology and paleoenvironment in the Late Paleolithic and Neolithic of temperate East Asia. Vladivostok: Pacific Geographical Institute FEB RAS. 282 p. (In Russ.). EDN: QPCMZJ.

Mozhaev A.V. (2019) Excavations an archaeological site Selo Rybaki 2 on the island Iturup Kuril Archipelago. *Archaeological Discoveries of 2016*. No. 2016. P. 479-482 (In Russ.).

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.479-482.
EDN: YUWJJI.

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Де Ла Фуэнте К., Яншина О.В., Кишкурно М.С., Чикишева Т.А. Новые краниологические и палеогенетические данные к проблеме происхождения коренного населения Хоккайдо и Сахалина // *Camera Praehistorica*. 2019. № 2 (3). С. 137–146. DOI: 10.31250/2658-3828-2019-2-137-146. EDN: HGGGPE.

Пашенцев П.А. Археологические источники рубежа I–II тыс. н. э. в южной части острова Уруп: Итоги предварительного изучения // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, Казань, 20–25 октября 2014 года. Казань: Отечество, 2014. Т. 2. С. 223–225. EDN: VDBBCL.

Пташинский А.В. Результаты археологических исследований на острове Матуа (Курильские острова) // Россия и АТР. 2011. № 3 (73). С. 37–49. EDN: OODJRR.

Пташинский А.В. Предварительные результаты археологических исследований на островах Северо-Курильского района Сахалинской области // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). С. 13–33. EDN: SFMLVN.

Самарин И.А., Шубина О.А. Памятники истории и культуры Южно-Курильского района. Южно-Сахалинск : Сахалинский обл. краеведческий музей : Сахалинская обл. тип., 2013. 159 с.

Такасэ К., Шубина О.А., Фицхью Д.Б., Этниер М., Тэзука К., Самарин И.А., Марков И.Г., Шепова А.Л. Археологические исследования на острове Шумшу в 2016 г. // Вестник Сахалинского музея. 2017. № 1 (24). С. 21–35. EDN: YSDZPF.

Шубина О.А., Яншина О.В. Предварительные итоги археологического исследования поселения Янкито-2 на о. Итуруп в 2013 г. // Вестник Сахалинского музея. 2014. № 1 (21). С. 3–47. EDN: YSFFJR.

Яншина О.В. Новые данные о керамике культуры соны и ее происхождении // Археология CIRCUM-PACIFIC: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда. Владивосток : Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2017. С. 195–219. EDN: XZFPNZ.

Яншина О.В. Переход от палеолита к неолиту в Китае. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2021а. 418 с.

Яншина О.В. Могильник на озере Танковое (о. Итуруп): краткая история и результаты исследований // *Camera praehistorica*. 2021b. № 2 (7). С. 58–81. DOI: 10.31250/2658-3828-2021-2-58-81. EDN: NVASRL.

Fitzhugh, B. (2012). Hazards, Impacts, and Resilience among Hunter-Gatherers of the Kuril Islands. In J. Cooper & P. Sheets (Eds.), *Surviving Sudden Environmental Change: Answers From Archaeology* University Press of Colorado. Pp. 19–42. DOI: 10.2307/j.ctt1wn0rbs.6/.

Fitzhugh, B. (2018) The Kuril Biocomplexity Project: Anatomy of an Interdisciplinary Research Program in the North Pacific. *Engaging Archaeology: 25 Case Studies in Research Practice*, S.W. Silliman (Ed.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. P. 61–69. DOI: 10.1002/9781119240549.ch7.

DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-260-5.479-482.
EDN: YUWJJI.

Moiseev V.G., Zubova A.V., De La Fuente K., Yanshina O.V., Kishkurno M., Chikisheva T.A. (2019) Origin of indigenous peoples of Sakhalin and Hokkaido according to new cranial metric and genetic data. *Camera Praehistorica*. Vol. 3. No 2. P. 137-146. (In Russ.). DOI: 10.31250/2658-3828-2019-2-137-146. EDN: HGGGPE.

Pashencev P.A. (2014) The preliminary results of investigation of archaeological sources in the southern part of Urup island: at the turn of the first and second millennia AD. *Trudy IV(XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani, Kazan', 20–25 oktyabrya 2014 goda = Proceedings of IV(XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan'*. Kazan', October 20-25, 2014. Kazan': Otechestvo. Vol. 2. P. 223-225. (In Russ.). EDN: VDBBCL.

Ptashinskii A.V. (2011) The results of archaeological research on Matua island (the Kuril islands). *Russia and the Pacific*. No. 3. P. 37-49. (In Russ.). EDN: OODJRR.

Ptashinskii A.V. (2014) Preliminary results of archaeological research on the Northern Kuril islands of Sakhalin region. *Bulletin KRASEC. Humane studies*. Vol. 23. No. 1. P. 13-33. (In Russ.). EDN: SFMLVN.

Samarin I.A., Shubina O.A. (2013) Historical and cultural monuments of the South Kuril region. *Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskii obl. kraevedcheskii muzei : Sakhalinskaya obl. tip.* 159 p. (In Russ.).

Takase K., Shubina O.A., Fitskh'yu D.B., Etnier M., Tezuka K., Samarina I.A. et al. (2017) Archaeological research on Shumshu island in 2016. *Bulletin of the Sakhalin Regional Museum*. No. 1. Vol. 24. P. 21-35. (In Russ.). EDN: YSDZPF.

Shubina O.A., Yanshina O.V. (2014) The preliminary results of archaeological research at the Yankito-2 site on the Iturup island in 2013. *Bulletin of the Sakhalin Regional Museum*. Vol. 21. No. 1. P. 3-47. (In Russ.). EDN: YSFFJR.

Yanshina O.V. (2017) New data on the ceramics of the soni culture and its genesis. *CIRCUM-PACIFIC archaeology: in Memoria of Igor' Yakovlevich Shevkomud*. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh". P. 195-219. (In Russ.). EDN: XZFPNZ.

Yanshina O.V. (2021a) Paleolithic-to-Neolithic transition in China. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. 418 p. (In Russ.).

Yanshina O.V. (2021b) The burial ground on Tankovoye Lake (Iturup island): brief history and results of research. *Camera Praehistorica*. Vol. 7. No. 2. P. 58-81. (In Russ.). DOI: 10.31250/2658-3828-2021-2-58-81. EDN: NVASRL.

Fitzhugh, B. (2012). Hazards, Impacts, and Resilience among Hunter-Gatherers of the Kuril Islands. In J. Cooper & P. Sheets (Eds.), *Surviving Sudden Environmental Change: Answers From Archaeology* University Press of Colorado. Pp. 19–42. DOI: 10.2307/j.ctt1wn0rbs.6/.

Fitzhugh, B. (2018) The Kuril Biocomplexity Project: Anatomy of an Interdisciplinary Research Program in the North Pacific. *Engaging Archaeology: 25 Case Studies in Research Practice*, S.W. Silliman (Ed.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. P. 61–69. DOI: 10.1002/9781119240549.ch7.

Fitzhugh, B. (2019) Settlement History and Archaeology of the Kuril Islands in a Regional Context. In, Tradition and Culture of North Pacific Rim Area: 3 Kamchatka Peninsula and Kuril Islands, edited by A. Nakada. The Proceedings of the 33rd International Abashiri Symposium. Abashiri, Japan: The Association for the Promotion of Northern Cultures. Pp. 15-24.

Fitzhugh, B., Gjesfjeld, E., Brown, W.A., Hudson, M., Shaw, J.D. (2016) Resilience and the population history of the Kuril Islands, Northwest Pacific: A study in complex human ecodynamics. *Quaternary International*. Vol. 419. P. 165-193. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.02.003.

Fitzhugh, B., Moore, S., Lockwood, C., & Boone, C. (2004) Archaeological Paleobiogeography in the Russian Far East: The Kuril Islands and Sakhalin in Comparative Perspective. *Asian Perspectives*, 43(1), 92-121. DOI: 10.1353/asi.2004.0001.

Fitzhugh B., Shubin V., Tezuka K., Ishizuka Y., and Mandryk C.A.S. (2002) Archaeology in the Kuril Islands: Advances in the study of human Paleobiogeography and Northwest Pacific Prehistory. *Arctic Anthropology*. 39(1-2), 69-94. <https://www.jstor.org/stable/40316566>.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Kumaki T., Kunikita D., Morisaki K., Sato H., Mozhaev A.V., Pashentsev P.A., Peregudov A.S., Yakushige M., Natsuki D., Koroku A. (2015b) A report of archaeological excavation at the Early Neolithic site of Slavnaya-5, Sakhalin Island, Russia. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: Tokyo University, No. 29. pp. 121-146.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Sato H., Kumaki T., Kunikita D., Peregudov A., Uchida K., Morisaki K., Yakushige M., Natsuki D., Yamashita Y. (2015a) Sakhalin Chubu Ado-Tymovo isekigun no Kokogaku-teki Chosa (2014) (The 2014 Archaeological investigation of the Ado-Tymovo sites, Middle Sakhalin). In the Proceeding of the 16th Annual meeting of the RANA (Dai-16-kai Kita Asia Chosa Kenkyu Houkokukai Happyou Yoshi) / Edited by Sato H. Tokyo: Tokyo University. pp. 35-42.

Fukuda M., Grishchenko V.A. (2017) The Adaptations of Neolithic Cultures in the Sakhalin-I / Japanese Archipelago. The Proceedings of the 31 st International Abashiri Symposium: Tradition and Culture of North Pacific Rim Area 1: Sakhalin. Abashiri: Hokkaido Northern Ethnic Museum. P. 7-12.

Fukuda M., Shewkomud I., Morisaki K., and Kumaki T. (2014) An archaeological study on prehistoric cultural Interaction in the northern Circum Japan sea area: Yamikhta site excavation report. Tokoro Research Laboratory of the University of Tokyo. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: The University of Tokyo. Vol. 26. 171 p.

Gjesfjeld, E., Etnier M.A., Takase K., Brown W.A., and Fitzhugh, B. (2019) Biogeography and adaptation in the Kuril Islands, Northeast Asia. *World Archaeology*, 51(3), pp. 429–453. DOI: 10.1080/00438243.2019.1715248.

Kimura, H. (1999) The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Archaeological Series №2. Sapporo: Sapporo University. ed. by Kimura Hideaki. 218 p.

Kuzmin, Y.V., Keally, C.T., Jull, A.J., Burr, G.S., and Klyuev, N.A. (2012) The earliest surviving textiles in East Asia

Fitzhugh, B. (2019) Settlement History and Archaeology of the Kuril Islands in a Regional Context. In, Tradition and Culture of North Pacific Rim Area: 3 Kamchatka Peninsula and Kuril Islands, edited by A. Nakada. The Proceedings of the 33rd International Abashiri Symposium. Abashiri, Japan: The Association for the Promotion of Northern Cultures. Pp. 15-24.

Fitzhugh, B., Gjesfjeld, E., Brown, W.A., Hudson, M., Shaw, J.D. (2016) Resilience and the population history of the Kuril Islands, Northwest Pacific: A study in complex human ecodynamics. *Quaternary International*. Vol. 419. P. 165-193. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.02.003.

Fitzhugh, B., Moore, S., Lockwood, C., & Boone, C. (2004) Archaeological Paleobiogeography in the Russian Far East: The Kuril Islands and Sakhalin in Comparative Perspective. *Asian Perspectives*, 43(1), 92-121. DOI: 10.1353/asi.2004.0001.

Fitzhugh B., Shubin V., Tezuka K., Ishizuka Y., and Mandryk C.A.S. (2002) Archaeology in the Kuril Islands: Advances in the study of human Paleobiogeography and Northwest Pacific Prehistory. *Arctic Anthropology*. 39(1-2), 69-94. <https://www.jstor.org/stable/40316566>.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Kumaki T., Kunikita D., Morisaki K., Sato H., Mozhaev A.V., Pashentsev P.A., Peregudov A.S., Yakushige M., Natsuki D., Koroku A. (2015b) A report of archaeological excavation at the Early Neolithic site of Slavnaya-5, Sakhalin Island, Russia. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: Tokyo University, No. 29. pp. 121-146.

Fukuda M., Grishchenko V., Vasilevskii A., Onuki S., Sato H., Kumaki T., Kunikita D., Peregudov A., Uchida K., Morisaki K., Yakushige M., Natsuki D., Yamashita Y. (2015a) Sakhalin Chubu Ado-Tymovo isekigun no Kokogaku-teki Chosa (2014) (The 2014 Archaeological investigation of the Ado-Tymovo sites, Middle Sakhalin). In the Proceeding of the 16th Annual meeting of the RANA (Dai-16-kai Kita Asia Chosa Kenkyu Houkokukai Happyou Yoshi) / Edited by Sato H. Tokyo: Tokyo University. pp. 35-42.

Fukuda M., Grishchenko V.A. (2017) The Adaptations of Neolithic Cultures in the Sakhalin-I / Japanese Archipelago. The Proceedings of the 31 st International Abashiri Symposium: Tradition and Culture of North Pacific Rim Area 1: Sakhalin. Abashiri: Hokkaido Northern Ethnic Museum. P. 7-12.

Fukuda M., Shewkomud I., Morisaki K., and Kumaki T. (2014) An archaeological study on prehistoric cultural Interaction in the northern Circum Japan sea area: Yamikhta site excavation report. Tokoro Research Laboratory of the University of Tokyo. Bulletin of the Department of Archaeology the University of Tokyo. Tokyo: The University of Tokyo. Vol. 26. 171 p.

Gjesfjeld, E., Etnier M.A., Takase K., Brown W.A., and Fitzhugh, B. (2019) Biogeography and adaptation in the Kuril Islands, Northeast Asia. *World Archaeology*, 51(3), pp. 429–453. DOI: 10.1080/00438243.2019.1715248.

Kimura, H. (1999) The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Archaeological Series №2. Sapporo: Sapporo University. ed. by Kimura Hideaki. 218 p.

Kuzmin, Y.V., Keally, C.T., Jull, A.J., Burr, G.S., and Klyuev, N.A. (2012) The earliest surviving textiles in East Asia

from Chertovy Vorota Cave, Primorye Province, Russian Far East. *Antiquity*, 86(332), pp. 325-337. DOI: 10.1017/S0003598X00062797.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., Fitzpatrick, S.M., and Shubina, O.A. (2012) The Neolithic of the Kurile Islands (Russian Far East): Current State and Future Prospects. *Journal of Island & Coastal Archaeology*, 7(2), pp. 234-254. DOI: 10.1080/15564894.2011.652762.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., and Grebennikov, A.V. (2023) Obsidian in prehistoric complexes of the southern Kurile islands (the Russian Far East): A review of sources, their exploitation, and population movements. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 18(1), pp. 118-135. DOI: 10.1080/15564894.2021.1904061.

Morisaki, K., Kunikita, D., and Sato, H. (2018) Holocene climatic fluctuation and lithic technological change in north-eastern Hokkaido (Japan). *Journal of Archaeological Science: Reports*, 17, pp. 1018-1024. DOI: 10.1016/j.jasrep.2016.04.011.

Natsuki, D. (2022) Migration and adaptation of Jomon people during Pleistocene/Holocene transition period in Hokkaido, Japan. *Quaternary International*, 608-609, pp. 49-64. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.01.009.

Obihiro. Yachiyo A site (Articles). Obihiro: Obihiro City Board of Education, 1990. 101 p.

Phillips, S.C. (2010) Bridging the Gap between Two Obsidian Source Areas in Northeast Asia: LA-ICP-MS Analysis of Obsidian Artefacts from the Kuril Islands of the Russian Far East // Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim, edited by Kuzmin, Yaroslav V. and Glascock, Michael D., British Archaeological Reports (S2152). Oxford: Archaeopress. Pp. 121-136.

Phillips, S.C., and Speakman, R.J. (2009) Initial Source Evaluation of Archaeological Obsidian from the Kuril Islands of the Russian Far East Using Portable XRF. *Journal of Archaeological Science*, 36(6), pp. 1256-1263. DOI: 10.1016/j.jas.2009.01.014.

Takakura, J. (2020) Rethinking the Disappearance of Microblade Technology in the Terminal Pleistocene of Hokkaido, Northern Japan: Looking at Archaeological and Palaeoenvironmental Evidence. *Quaternary*, 3(3), 21. DOI: 10.3390/quat3030021.

Tezuka, K., and Fitzhugh, B. (2004) New Evidence for Expansion of the Jomon Culture and the Ainu into the Kuril Islands: from IKIP 2000. Anthropological Research in the Kuril Islands. *Bulletin of the Hokkaido University Museum*. Vol. 2. P. 85-95.

Yanshina, O.V. (2017) The earliest pottery of the eastern part of Asia: Similarities and Differences. *Quaternary International*, 441, part B, 69-80. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.10.035.

Yanshina, O. (2019) Understanding the specific nature of the East Asia Neolithic transition. *Documenta Praehistorica*, 46, pp. 6-29. DOI: 10.4312/dp.46.1.

Yanshina, O.V., and Kuzmin, Y.V. (2010) The Earliest Evidence of Human Settlement in the Kurile Islands (Russian Far East): the Yankito Site Cluster, Iturup Island. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 5(1), 179-184. DOI: 10.1080/15564891003663927.

from Chertovy Vorota Cave, Primorye Province, Russian Far East. *Antiquity*, 86(332), pp. 325-337. DOI: 10.1017/S0003598X00062797.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., Fitzpatrick, S.M., and Shubina, O.A. (2012) The Neolithic of the Kurile Islands (Russian Far East): Current State and Future Prospects. *Journal of Island & Coastal Archaeology*, 7(2), pp. 234-254. DOI: 10.1080/15564894.2011.652762.

Kuzmin, Y.V., Yanshina, O.V., and Grebennikov, A.V. (2023) Obsidian in prehistoric complexes of the southern Kurile islands (the Russian Far East): A review of sources, their exploitation, and population movements. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 18(1), pp. 118-135. DOI: 10.1080/15564894.2021.1904061.

Morisaki, K., Kunikita, D., and Sato, H. (2018) Holocene climatic fluctuation and lithic technological change in north-eastern Hokkaido (Japan). *Journal of Archaeological Science: Reports*, 17, pp. 1018-1024. DOI: 10.1016/j.jasrep.2016.04.011.

Natsuki, D. (2022) Migration and adaptation of Jomon people during Pleistocene/Holocene transition period in Hokkaido, Japan. *Quaternary International*, 608-609, pp. 49-64. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.01.009.

Obihiro. Yachiyo A site (Articles). Obihiro: Obihiro City Board of Education, 1990. 101 p.

Phillips, S.C. (2010) Bridging the Gap between Two Obsidian Source Areas in Northeast Asia: LA-ICP-MS Analysis of Obsidian Artefacts from the Kuril Islands of the Russian Far East // Crossing the Straits: Prehistoric Obsidian Source Exploitation in the North Pacific Rim, edited by Kuzmin, Yaroslav V. and Glascock, Michael D., British Archaeological Reports (S2152). Oxford: Archaeopress. Pp. 121-136.

Phillips, S.C., and Speakman, R.J. (2009) Initial Source Evaluation of Archaeological Obsidian from the Kuril Islands of the Russian Far East Using Portable XRF. *Journal of Archaeological Science*, 36(6), pp. 1256-1263. DOI: 10.1016/j.jas.2009.01.014.

Takakura, J. (2020) Rethinking the Disappearance of Microblade Technology in the Terminal Pleistocene of Hokkaido, Northern Japan: Looking at Archaeological and Palaeoenvironmental Evidence. *Quaternary*, 3(3), 21. DOI: 10.3390/quat3030021.

Tezuka, K., and Fitzhugh, B. (2004) New Evidence for Expansion of the Jomon Culture and the Ainu into the Kuril Islands: from IKIP 2000. Anthropological Research in the Kuril Islands. *Bulletin of the Hokkaido University Museum*. Vol. 2. P. 85-95.

Yanshina, O.V. (2017) The earliest pottery of the eastern part of Asia: Similarities and Differences. *Quaternary International*, 441, part B, 69-80. DOI: 10.1016/j.quaint.2016.10.035.

Yanshina, O. (2019) Understanding the specific nature of the East Asia Neolithic transition. *Documenta Praehistorica*, 46, pp. 6-29. DOI: 10.4312/dp.46.1.

Yanshina, O.V., and Kuzmin, Y.V. (2010) The Earliest Evidence of Human Settlement in the Kurile Islands (Russian Far East): the Yankito Site Cluster, Iturup Island. *The Journal of Island and Coastal Archaeology*, 5(1), 179-184. DOI: 10.1080/15564891003663927.

Yanshina, O.V., Kuzmin, Y., and Bur, G.S. (2009) Yankito, the Oldest Archaeological Site Cluster on the Kurile Islands (Russian Far East). *Current Research in the Pleistotsen*, 26, 30-33.

Информация об авторе

Яншина Оксана Вадимовна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
отдел этнографии народов Америки,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3,
Россия,
e-mail: oyanshina@mail.ru,
<https://orcid.org/000-0003-1121-308X>

Вклад автора

Яншина О.В. выполнила исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провела обобщение
и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 марта 2024 г.;
одобрена после рецензирования 12 мая 2024 г.; принята к
публикации 20 мая 2024 г.

Yanshina, O.V., Kuzmin, Y., and Bur, G.S. (2009) Yankito, the Oldest Archaeological Site Cluster on the Kurile Islands (Russian Far East). *Current Research in the Pleistotsen*, 26, 30-33.

Information about the author

Oksana V. Yanshina
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, the department of
America Peoples Ethnography,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: oyanshina@mail.ru,
<https://orcid.org/000-0003-1121-308X>

Contribution of the author

Yanshina O.V. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted March 6, 2024; approved
after reviewing May 12, 2024; accepted for publication
May 20, 2024.

Научная статья
УДК 903.2(282.256.3)|637|
EDN: WWTTXL
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-51-65>

Культурно-хронологические комплексы ансамбля памятников Пискуновские камни в южной тайге Среднего Енисея

О.С. Комарова¹, П.В. Мандрыка¹, К.В. Бирюлева^{1,2}, Л.А. Максимович¹,
М.В. Вдовенкова¹, Ван Сяокунь³, Цюань Цянькунь⁴, Чжан Вэньцзин⁵

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, Енисейск, Россия

³ Китайский университет Жэньминь, Haidian District Beijing, China

⁴ Цзилиньский университет, Changchun City, China

⁵ Университет Чифэн, Chifeng City, China

Аннотация. В статье представлены материалы ансамбля археологических памятников Пискуновские камни, расположенного в южно-таежной подзоне среднего Енисея. В границах объекта берег Енисея защищен от размыва восемью скальными останцами (Быками), названными Пискуновские камни, которые обеспечили сохранность культурных слоев по краю и в глубине террасы. Археологическими разведочными работами 2017 и 2018 годов выявлены разновременные культурно-хронологические комплексы, приуроченные к разным участкам территории. Материалы эпохи Средневековья представлены керамической посудой лесосибирской культуры усть-ковинского типа и фрагментами сосуда с прямой шейкой и горизонтальными рядами гребенчатых оттисков. С ранним Средневековьем сопоставляются каменные грузила, которые дислоцируются в южной части ансамбля и маркируют здесь стоянку рыболовов. К бронзовому веку относятся разрозненные участки с керамикой бобровского типа, а также керамическим сосудом с замытыми текстильными оттисками, поясом ямок под венчиком и трех горизонтальных прочерченных полос. Неолитические находки распространены по всей площади ансамбля. Здесь найдены каменные изделия, среди которых – каменный рыболовный стерженек китойского типа и топоры-пешни с ушками, а также каменные скребки, поперечное скребло с дорсальной ретушью, обломок ножа, абразивы на песчанике, орудия на гальках. Керамика в слоях эпохи неолита не обнаружена. Культурный слой мезолита был привязан к карбонатизированным прослойкам в толщах первой и второй енисейской террас. Хорошая защищенность от размывов борта енисейских террас в границах ансамбля позволяет изучать планиграфию заселения берега в разные периоды древней истории.

Ключевые слова: Средний Енисей, средневековье, усть-ковинский тип керамики, бронзовый век, бобровский тип керамики, неолит, рыболовные стерженьки, каменные орудия, керамика, мезолит

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Молодежной программы Национального фонда социальных наук 19CKG006 (Китай).

Для цитирования: Комарова О.С., Мандрыка П.В., Бирюлева К.В., Максимович Л.А., Вдовенкова М.В., Ван Сяокунь, Цюань Цянькунь, Чжан Вэньцзин. Культурно-хронологические комплексы ансамбля памятников Пискуновские камни в южной тайге Среднего Енисея // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 51–65. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-51-65. EDN: WWTTXL.

Original article

Cultural and chronological assemblages of the ensemble of sites Piskunovskie Kamni in the southern taiga of the Middle Yenisey

Olga S. Komarova¹, Pavel V. Mandryka¹, Kseniya V. Biryuleva^{1,2}, Liliia A. Maksimovich¹,
Margarita V. Vdovenkova¹, Wang Xiaokun³, Quan Qiankun⁴, Zhang Wenjing⁵

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

² Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov, Yeniseisk, Russia

³ Renmin University of China, Haidian District Beijing, China

⁴ Jilin University, Changchun City, China

⁵ Chifeng University, Chifeng City, China

Abstract. The article is dedicated to the studies of materials from the ensemble of the archaeological sites “Piskunovskie Kamni” located in the southern taiga subzone of the Middle Yenisey. Within the boundaries of the site, the Yenisei River bank is protected from erosion by eight rocky promontories (called Bulls), named Piskunovsky Kamni, which ensured the preservation of cultural layers along the edge and within the terrace. Archaeological exploration work in 2017 and 2018 revealed culturally and chronologically diverse assemblages associated with different areas of the site. Materials from the Middle Ages are represented by ceramic vessels of the Lesosibirskaya culture, Ust'-Kova-type pottery, and fragments of a vessel with a straight neck and horizontal rows of comb-like stamp. Stone sinkers, located in the southern part of the ensemble, date to this period and mark a fishing camp here. Bronze Age finds include scattered areas with ceramics of the Bobrovka-type, as well as a ceramic vessel with erased textile prints, a belt of pits under the rim, and three horizontal lines. Neolithic finds are distributed throughout the entire area of the ensemble. Stone artifacts found here include a stone fishhook of the Kitoi-type and ice axes with ledges-“ears”, as well as stone scrapers, a transverse scraper with dorsal retouch, a fragment of a knife, sandstone abrasives, and pebble tools. Ceramics from the Neolithic layers were not found. The Mesolithic cultural layer was associated with carbonated layers in the strata of the first and second Yenisei terraces. The well-protected uneroded banks of the Yenisei terraces within the ensemble boundaries make it possible to study the location of settlements in different periods of ancient history.

Keywords: Middle Yenisei region, Middle Ages, Ust-Kova-type of ceramics, Bronze Age, Bobrovka-type of ceramics, Neolithic, fishhook, stone tools, ceramics, Mesolithic

Acknowledgements: this research was supported by the Youth Program of the National Social Science Foundation 19CKG006 (China).

For citation: Komarova O.S., Mandryka P.V., Biryuleva K.V., Maksimovich L.A., Vdovenkova M.V., Wang Xiaokun, Quan Qiankun, Zhang Wenjing. (2024) Cultural and chronological assemblages of the ensemble of sites Piskunovskie Kamni in the southern taiga of the Middle Yenisey. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 51-65. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-51-65. EDN: WWTTXL.

Введение

Ансамбль археологических памятников Пискуновские камни находится на южной окраине д. Пискуновки Казачинского района Красноярского края и расположен в южно-таежной подзоне Среднего Енисея, у западных склонов Енисейского края (Средняя Сибирь, 1964. С. 81). Памятник расположен в Казачинской островной лесостепи на правом берегу р. Енисей, где основания аллювиальных террас сложены скальными выходами, восемь из которых как останцы выступают из края берега в виде мысовидных уступов (Быков). Данная местность называется Пискуновские камни. Ландшафт памятника сочетает ровные площадки и склоны разновы-

сотных енисейских террас, разрезаемые поперечными логами.

Первые археологические находки южнее д. Пискуновки известны со второй половины XX в., когда в 1977 г. Н.И. Дроздовым в обнажении края террасы была найдена двухголовая каменная рыбка-приманка (Дроздов, 1978; Привалихин, 2011. Рис. 4). В 1980-е годы местность неоднократно посещалась участниками Северо-Ангарской археологической экспедиции Красноярского государственного педагогического института, где проводились зачистки и сборы материалов неолитического облика (Леонтьев, Макулов, 1989). В 1988 г. на одном из мысов сотрудником Красноярского краевого краеведческого

музея Н.П. Макаровым закладывается шурф, в котором выявлены каменные отщепы и пластины, а также керамика без орнамента. В 2017 г. на объекте начинают полевые разведочные работы сотрудники АЭ СФУ. Отрядом под руководством М.В. Вдовенковой по лесной дороге вдоль края террасы были собраны: тесловидное орудие на галечном сколе, концевой скребок на пластинчатом сколе, одноплощадочный монофронтальный конический нуклеус, продукты дебитаж неолитического времени. С осыпей террасы поднимаются фрагменты керамики с тонкими обмазочными валиками и неолитическая каменная пешня с ушками. В 2018 г. работы проводились совместной Археологической экспедицией Сибирского федерального университета, Института истории Китайского университета Женьминь и Института археологии Цзилинского университета под общим руководством П.В. Мандрыки. Кроме расширенных разведочных работ на памятнике проводились и стационарные раскопки.

В настоящей статье рассмотрены результаты разведочных работ 2017 и 2018 гг., в ходе которых стратиграфически и планиграфически выделены разновременные комплексы.

Методы и материалы

Работы 2017 г. включали в себя сбор подъемного материала и выполнение трех зачисток – двух на естественных обнажениях склона первой надпойменной террасы и одной по борту грейдерной врезки на поверхности террасы. В 2018 г. для поиска участков с культурным слоем и определения границ их распространения на территории ансамбля проведен сбор подъемного материала и заложено 25 археологических шурфов. Раскрытия размещались по условным линиям, параллельно краю берега. Шурфы первой линии дислоцировались у края енисейской террасы и на мысах. Вторая линия шурфов проходила по поверхности первой надпойменной террасы в 20–40 м от ее края. Шурфы третьей линии размещались на расстоянии в 40–60 м от края берега, а четвертой – на поверхности грив второй надпойменной террасы на расстоянии 100–150 м от берега. В шурфах четвертой линии на 20–24 метровых террасах археологический материал практически не обнаружен.

В настоящем исследовании приводятся только те находки, которые имели стратиграфическую

привязку. Материалы, полученные из компрессионных культурных слоев и подъемных сборов, в статье не рассматриваются.

По археологическим раскрытиям на террасах разного уровня в центральной части ансамбля построен сводный стратиграфический разрез, который характеризуется следующими почвенными наслоениями, сверху вниз, мощность в см (рис. 1):

1) 4–6 – черная супесь, дерн с включением корней растений, лесная подстилка, местами наброс, переход четкий, граница ровная;

2) 12–16 – темно-серая супесь, переход четкий, граница волнообразная;

3) 10–43 – светло-серая супесь, переход плавный, граница волнообразная;

4) 16–21 – бурая супесь, переход плавный, граница ровная;

5) 50–53 – желтый песок, переход плавный, граница ровная;

6) 30–76 – серый песок с включением солей карбонатов. В слое встречаются тонкие прослои темно-серого и черного песка с включением углей.

Из прослоя темно-серого песка с пятнами угля и прокаленной почвой в подошве слоя карбонизированного песка шурфа № 2, расположенного в северной части памятника, был взят образец для AMS^{14C} датирования. Датирование проведено в Научно-технической археологической Лаборатории школы археологии и музееведения Пекинского университета (Science and Technology Archaeology Laboratory, Archaeology and Museology School of Peking University) Китая. Калибрование дат происходило в программе OxCal Оксфордского университета (<https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal/OxCal.html>). В результате уголь из слоя серого карбонизированного песка датирован в интервале 11384–11166 кал. л. н.

В пределах ансамбля выделяются следующие геоморфологические участки:

1. Средняя пойма, защищенная скальными выходами и валунами, сложенная песчаными и супесчаными отложениями, аллювиальными слоистыми песками. Здесь в мешанных, переотложенных почвах отмечены разновременные археологические находки, а в южной части объекта – однослойная стоянка Средневековья.

2. 8–12-метровая терраса (первая надпойменная терраса). Толща представлена песчаными и супесчаными отложениями. На высоте до 8,5 м

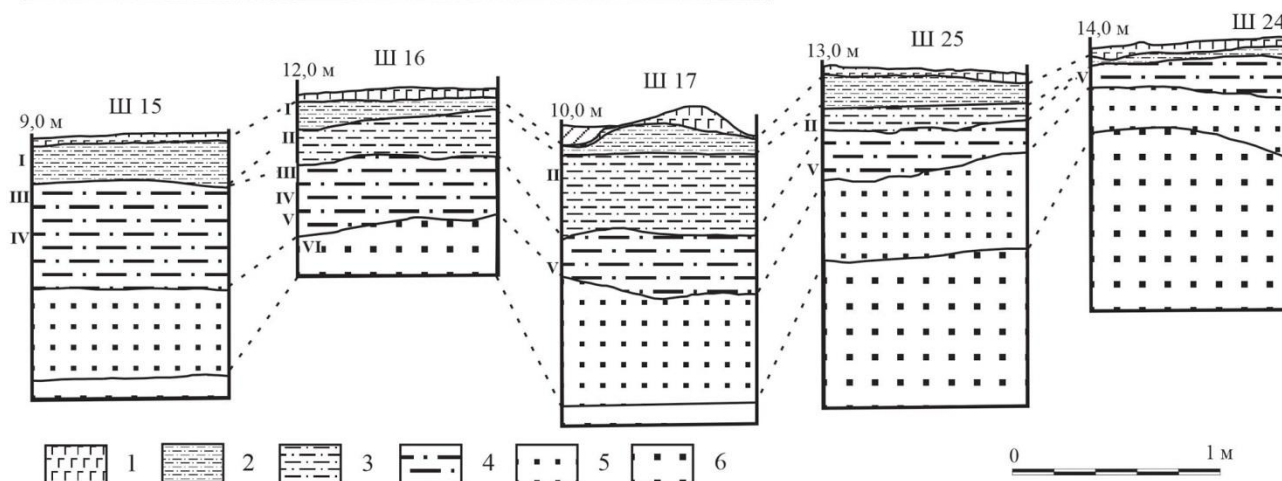

Рис. 1. Сводный стратиграфический разрез по центральной части памятника: 1 – почвенно-дерновый слой; 2 – темно-серая супесь; 3 – светло-серая супесь; 4 – бурая супесь; 5 – желтый песок; 6 – серый песок. Римскими цифрами показаны культурные слои. Уровни шурфа указаны в гипсометрических отметках относительно уровня реки в метрах

Fig. 1. Consolidated stratigraphy of the central part of ensemble: 1 - soil-turf layer; 2 - dark-gray loam; 3 - light-gray loam; 4 - brown loam; 5 - yellow sand; 6 - gray sand. Roman numerals indicate cultural layers. Tranche levels are indicated in hypsometric markers above the river level in meters

здесь отмечены скопления камней, нанесенные ледоходами. В толще почвенных отложений выявлены разновременные многослойные стратифицированные археологические стоянки.

3. 18–22-метровая терраса (вторая надпойменная терраса). Толща представлена песчаными и супесчаными отложениями. В основании террасы – аллювиальные слоистые пески. На относительно ровных уступах склонов террасы выявлены участки

с культурными слоями бронзового века, раннего неолита и мезолита.

В границах ансамбля, на разных уровнях супесчаных и песчаных отложений, выделено шесть культурных слоев (рис. 2).

Первый культурный слой связан с толщей поддерновой темно-серой супеси. Материалы слоя приурочены к ровным площадкам первой надпойменной террасы, расположенным на высоте 8–9 м

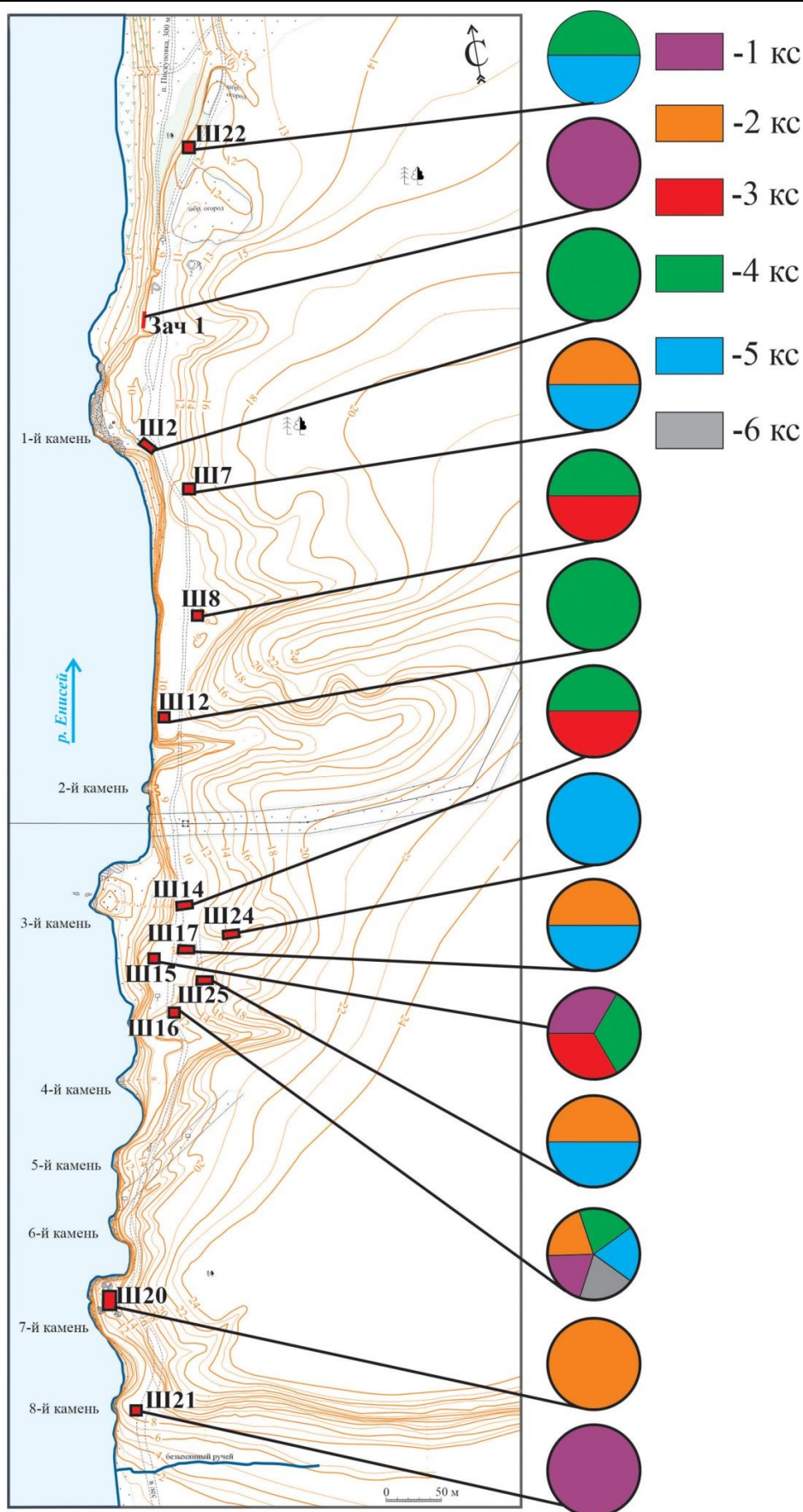

Рис. 2. Места закладки шурфов и схема распределения в них культурного слоя на Ансамбле археологических памятников Пискуновские камни

Fig. 2. The test-pit places and the cultural layer distribution diagram on the Ensemble of archaeological sites Piskunovskie Kamni

от уреза воды. В северной части памятника обнаружены фрагменты одного керамического сосуда с прямой вертикальной шейкой, украшенной горизонтальными рядами гребенчатых наков. Возле слома черепка сохранилось отверстие, служившее для стяжки трещины лопнувшего сосуда (рис. 3.1). В центральной части памятника в слое найдены орудия на гальках, железные шлаки, обломки костей животных, фрагменты керамики без орнамента (рис. 3.3, 7–8). Здесь же обнаружены фрагменты от четырех разнотипных сосудов.

Первый сосуд закрытой формы с налепным расщепленным валиком по краю. На плечиках читается шеврон из прочерченных линий, образующих три вписанных друг в друга треугольника с обращенными вверх вершинами (рис. 3.4). Форму второго сосуда можно частично представить по обнаруженным черепкам. Это горшок с отогнутым и утолщенным краем, венчик которого изнутри и снаружи украшен горизонтальной полосой из вертикальных гладких наков. Шейка и плечико орнаментированы тремя горизонтальными рядами гребенчатых наков. Ниже, до придонной части, спускаются вертикальные линии из отступающих наков палочки с прямоугольным окончанием (рис. 3.2). От третьего сосуда сохранился фрагмент

венчика с выраженной шейкой. Насечками покрыт только край емкости (рис. 3.5). Четвертый сосуд представлен гладкостенной небольшой емкостью, высотой не более 10 см, с невысокой слабопрофилированной шейкой и выпуклым туловом (рис. 3.6).

Локальный участок первого культурного слоя обнаружен и в южной части памятника, на небольшой мысовидной площадке высокой поймы. Находки здесь залегали в приподошвенной части террасы в буром песке на глубине 40 см. Опираясь на данные стратиграфического разреза, отмечено, что данная площадка периодически затопливалась, отчего образовались наслоения бурого и темно-серого песка, линзы сдвинутой погребенной почвы, а также включения галечников и валунов, принесенных ледоходами.

Здесь найден керамический горшок с узкой шейкой, украшенной двумя рядами овальных штампов, образующих мотив «ёлочка». На плечиках нанесены три пояса ногтевых наков, под которыми прочерченными линиями обозначен шеврон из двух вписанных друг в друга треугольников с обращенными вниз вершинами (рис. 3.9). Возле развала сосуда в куче лежали 16 каменных грузил с выемками-перехватами по краям и следами забитости на торцах, а также грузило с перекрестными

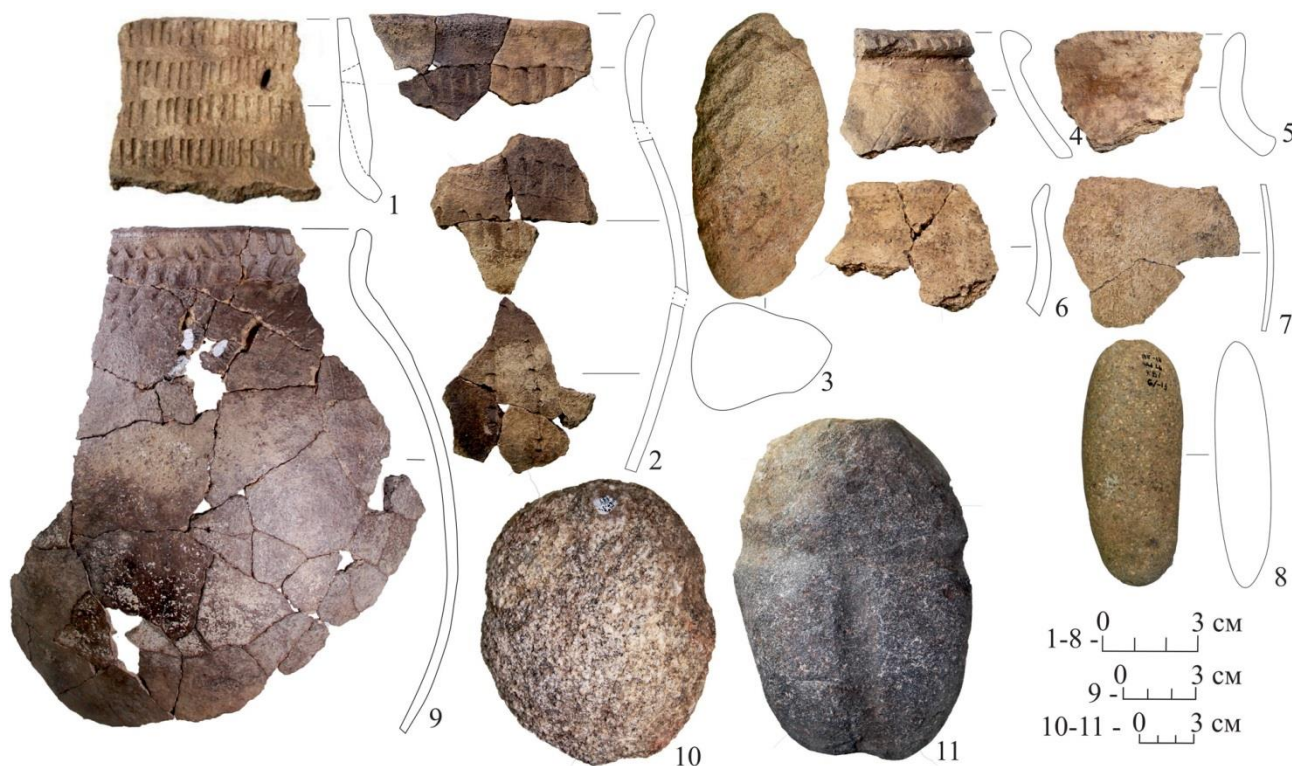

Рис. 3. Археологические находки из первого культурного слоя: 1–7, 9 – керамика; 8, 10–11 – камень

Fig. 3. Archaeological finds from the first cultural layer: 1-7, 9 - ceramics; 8, 10-11 - stone

желобками, выполненными пикетажем (рис. 3.10–11). Здесь же собраны фрагменты плитки сланца со следами забитости и затёртости на торцах.

Материалы второго культурного слоя связаны с почвой светло-серой супеси, которая фиксировалась на поверхности второй надпойменной террасы. В северной части памятника слой отмечен на площадке за Первым Камнем, и в нем найдены фрагменты керамики без орнамента и с горизонтальными рядами «личиночных» оттисков (рис. 4.1–3).

В центральной части памятника материалы этого слоя отмечены на площадке между 3-м и 4-м Камнями. Обнаружены фрагменты керамики без орнамента, каменный концевой скребок на отщепе (рис. 4.5), унифасиальное орудие на массивном сколе (рис. 4.4) и отщепы (рис. 4.6–10).

В южной части памятника находки второго культурного слоя найдены на мысовидной площадке Седьмого Камня. Значительная мощность слоя позволила выделить два уровня: на глубине

35–45 и 53–55 см соответственно. Верхний уровень (А) содержал скопление каменных отщепов, сколов, пластин, а также жженных неопределимых костей. Там же найден фрагмент керамики с рядами наклонных насечек (рис. 4.11–13). На нижнем уровне (Б) найдены каменные отщепы и расколотая галька (рис. 4.14–16).

Третий культурный слой приурочен к кровле бурой супеси и прослежен на поверхности первой надпойменной террасы. В центральной части памятника выделены две площадки. Одна расположена в сухом лого между гривами Первого и Второго Камней. Здесь найден развал археологически целого сосуда простой закрытой формы с округлым дном, на стенках которого отмечены замытые текстильные оттиски. Край сосуда скошен вовнутрь и украшен с внутренней стороны наколами. С внешней стороны орнамент состоит из пояса ямок и трех горизонтальных прочерченных полос (рис. 5.1). Вторая площадка выявлена над Третьим

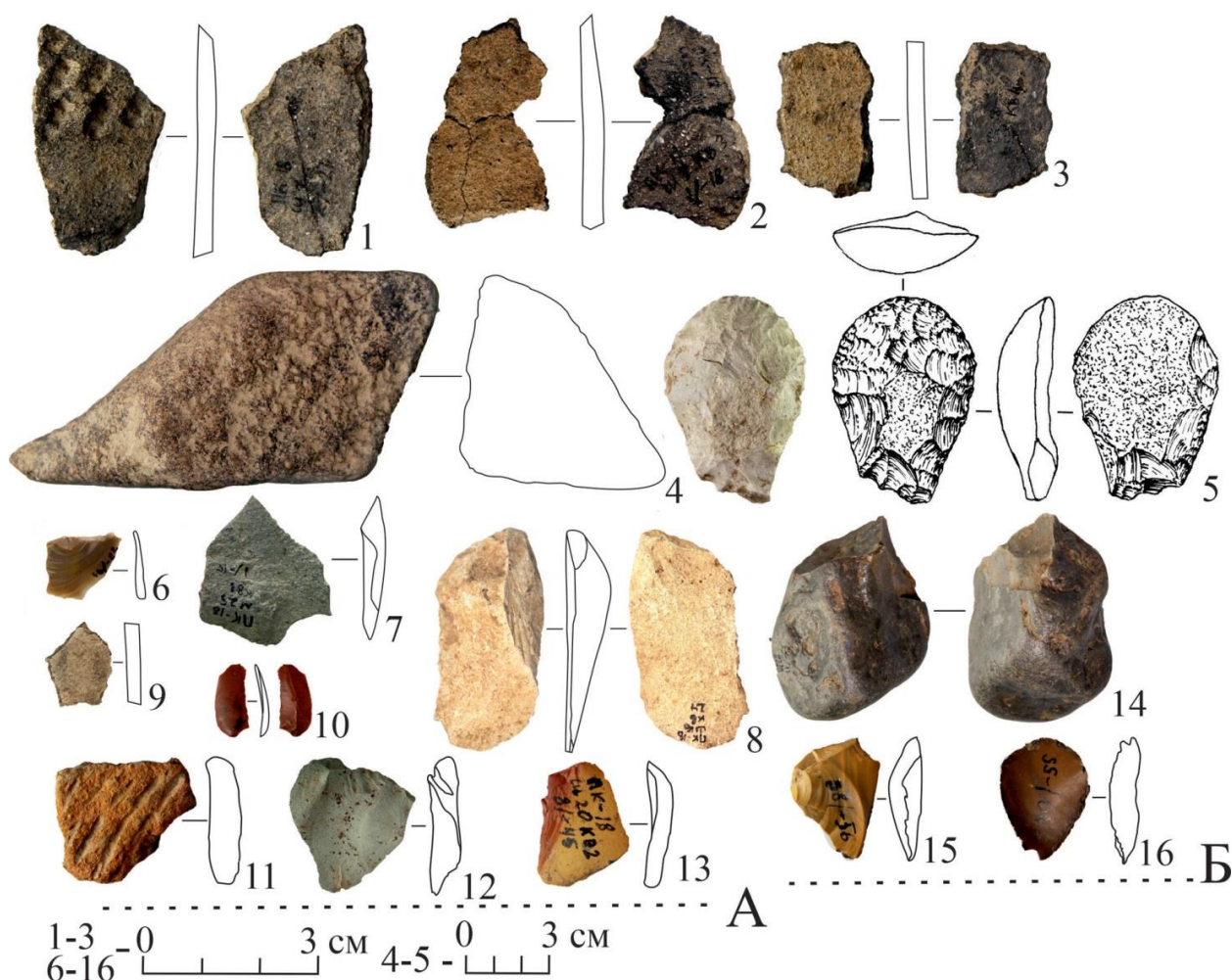

Рис. 4. Археологические находки из второго культурного слоя: 1–3, 9, 11 – керамика; 4–10, 12–16 – камень
 Fig. 4. Archaeological finds from the second cultural layer: 1–3, 9, 11 – ceramics; 4–10, 12–16 – stone

Камнем, где найдены: каменный абразив, сколы и отщепы, обломки костей животных (рис. 5.2–3,6), а также фрагменты от двух сосудов закрытой баночной формы. Один из них украшен горизонтальными рядами оттисков «личиночного» штампа, прочерченных полос и поясом ямок (рис. 5.4). Другой орнаментирован горизонтальными полосами зубчатого проката, дополненными на тулове зигзагообразной полосой (рис. 5.5).

Четвертый культурный слой расположен в северной половине территории памятника, на поверхностях первой и в основании второй надпойменных террас. Слой приурочен к толще бурой супеси, залегающей на глубине 31–45 см. На северных участках находки представлены обломком каменного ножа на пластине (рис. 6.3), долотовидным орудием на гальке (рис. 6.4), каменным пестом на гальке (рис. 6.6), галькой с двумя сколами (рис. 6.5).

Планиграфически выделяется площадка в основании второй надпойменной террасы над Третьим Камнем. В зачистке 2017 г., в толще этого слоя, был найден отщеп (рис. 6.11). В 2018 г. среди высокой концентрации каменных отщепов здесь найдены: двулезвийный скребок на отщепе (рис. 6.16); каменный скребок трапецевидной формы (рис. 6.13), поперечное скребло с дорсальной ретушью (рис. 6.17); стерженек от составного рыболовного крючка, один конец которого оформлен насечками, а другой имеет зауженную шейку (рис. 6.15); абразив (рис. 6.14).

Пятый культурный слой планиграфически повторяет вышележащий слой, но приурочен к склонам и ровным участкам второй надпойменной террасы. Обнаружены две площадки с наибольшей концентрацией материала, где находки залегают в подошве слоя бурой супеси на глубине 45–60 см. Одна из них расположена в северной части памятника, на краю 12-метровой террасы, над Первым Камнем. Здесь найдены сколы и отщепы из кремнистых пород камня с карбонатизированной патиной – белесой корочкой на поверхности, а также отщепы и обломки из халцедона (рис. 7.1–5). На краю второй террасы обнаружен скол с площадки нуклеуса («таблетка») (рис. 7.6).

Другая площадка выделена над Третьим Камнем. Из находок здесь отмечены каменный абразив («фрагмент выпрямителя древков стрел») (рис. 7.7), отбойник на гальке со следами забитости

(рис. 7.8), а также отщепы, сколы и пластины из кремнистых и халцедоново-кремнистых пород (Электронный петрографический справочник-определитель..., 2015)¹ (рис. 7.9–15).

В шестом культурном слое отмечена пока единственная находка, которая обнаружена в основании склона второй террасы между Третьим и Четвертым Камнями. Каменная пластина с утилизационной ретушью из халцедона (рис. 7.16) залегала в кровле слоя серого песка с включением солей карбоната на глубине 82 см.

Обсуждение

Материалы, полученные в ходе разведочных работ на памятнике, имеют аналогии на памятниках таежной зоны Средней Сибири, что позволяет рассмотреть их культурно-хронологическую принадлежность.

Эпоха Средневековья представлена тремя периодами.

К развитому Средневековью относятся участки культурных слоев с фрагментами керамической посуды и каменными орудиями лесосибирской культуры (XI–XIV вв.). Керамика с орнаментом из горизонтальных и наклонных рядов оттисков гладких орнаментов (рис. 3.2) отмечается по всему ареалу культуры (Сенотрусова, Мандрыка, 2020).

К раннему Средневековью относятся материалы, сопровождаемые керамикой, сопоставимой с усть-ковинским типом. Сосуды, украшенные «шевронами» из прочерченных линий (рис. 3.4,9) известны на ряде поселенческих комплексов в южной тайге Среднего Енисея, например, в культурных слоях 2 и 2а поселения Бобровка (Мандрыка, Ямских, Орлова и др., 2003. С. 115. Рис. 37), в третьем культурном слое поселения Шилка-9 (Мандрыка, 2005. С. 183), в первом культурном слое селища Шилка-13, на стоянке Посолинская Протока-1 (Абдулина, 2006). На Нижнем Енисее керамика встречается на городище Чермянском (Фокин, 2008. Рис. 1), датированном второй половиной VIII–X вв. (Фокин, Макаров и др., 2021), в устье р. Подкаменная Тунгуска (Николаев,

¹ Электронный петрографический справочник-определитель магматических, метаморфических и осадочных горных пород // Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского. URL: <https://vsegei.ru/ru/info/sprav/petro/index.php> (дата обращения 17.11.2023).

Рис. 5. Археологические находки из третьего культурного слоя: 1, 5-6 – керамика; 2-4, 7-8 – камень
 Fig. 5. Archaeological finds from the third cultural layer: 1, 5-6 - ceramics; 2-4, 7-8 - stone

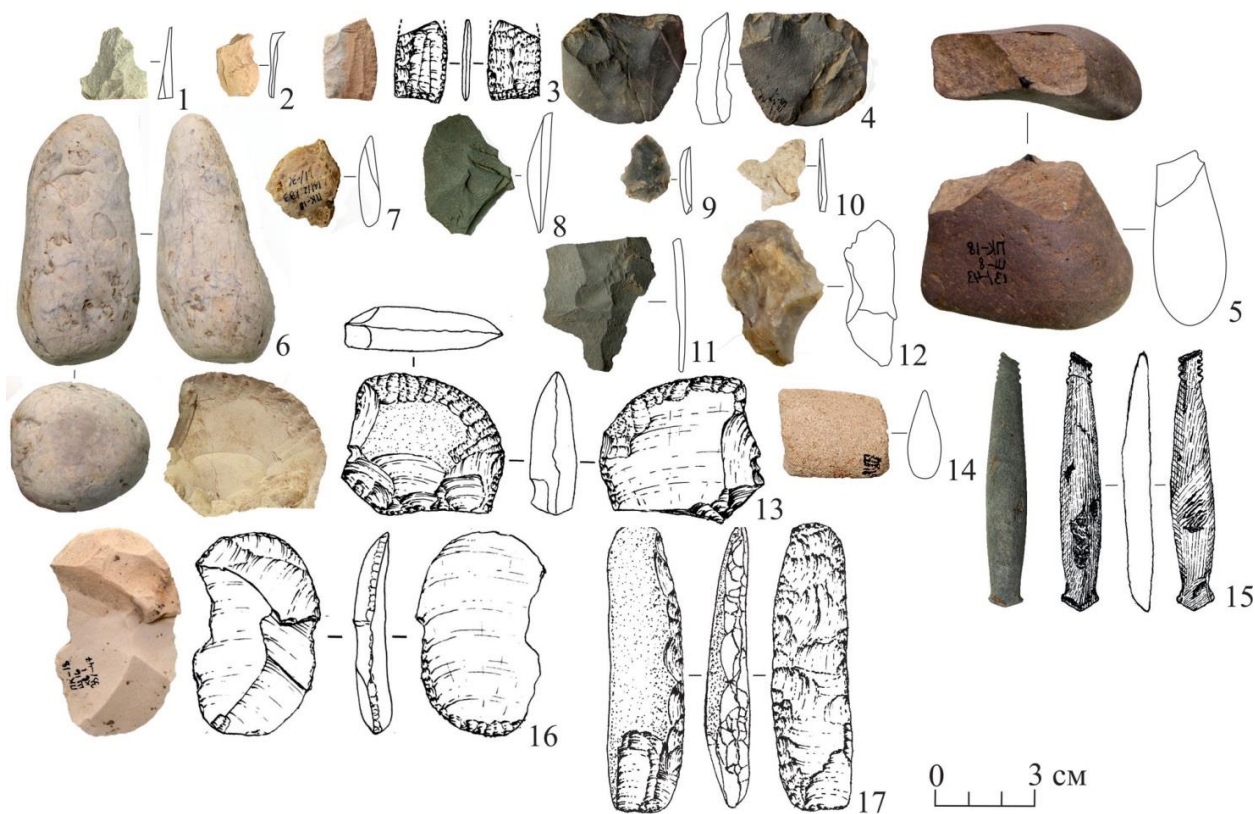

Рис. 6. Археологические находки каменных орудий из четвертого культурного слоя
 Fig. 6. Archaeological finds of stone tools from the fourth cultural layer

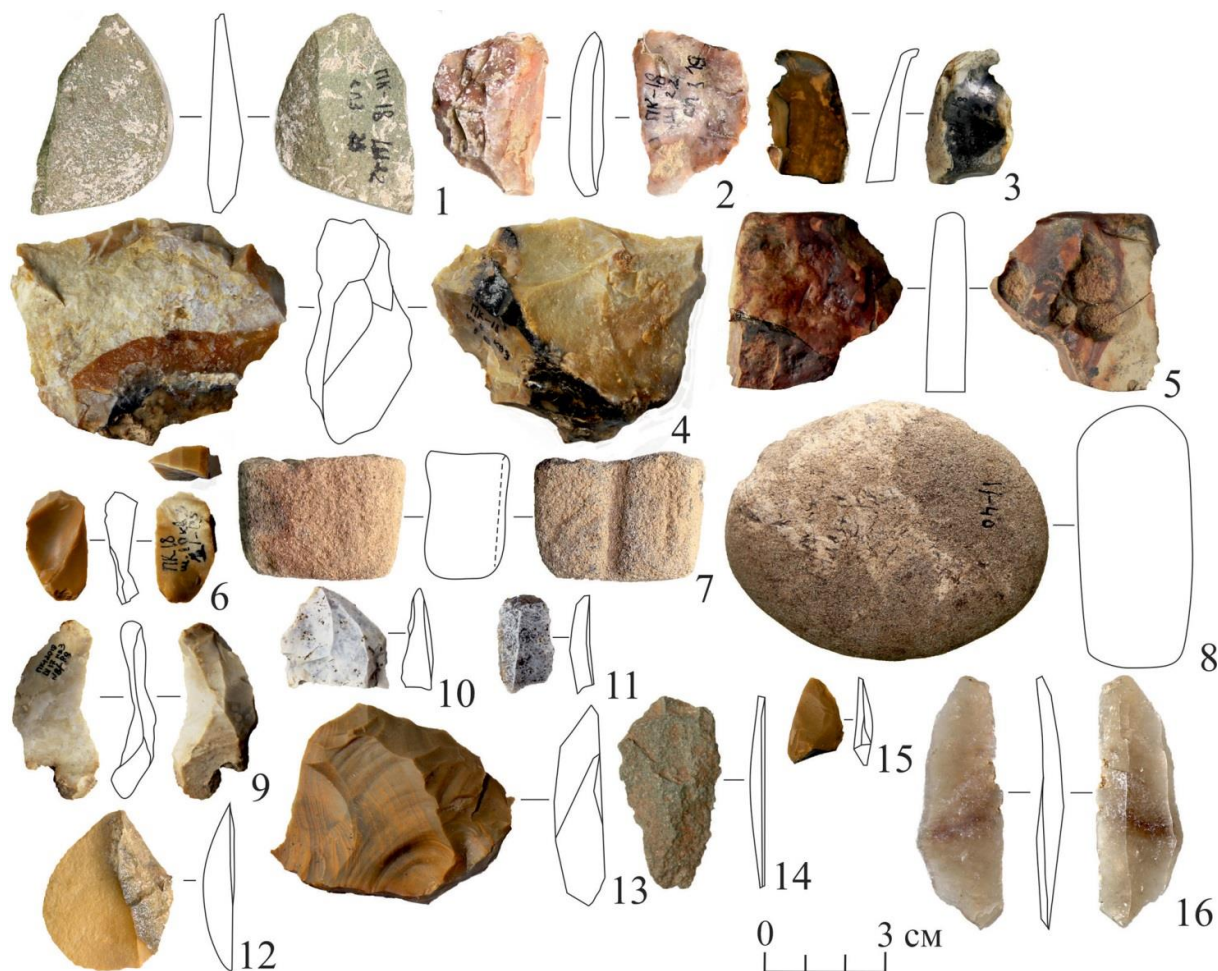

Рис. 7. Археологические находки каменных изделий из пятого и шестого культурных слоев
Fig. 7. Archaeological finds of stone products from the fifth and the sixth cultural layers

1963. Табл. 4). По морфологии, указанная посуда соотносится с керамикой усть-ковинского типа из Нижнего Приангарья, где она датируется второй половиной I тыс. н. э. (Гришин, Марченко и др., 2016). Однако для сосудов Среднего Енисея отмечается ряд своеобразных черт. Для ангарской керамики характерно украшение тулова горшков обмозочными валиками, а на енисейской посуде встречаются только либо налепные жгутиковые валики, либо замещающие их прочерченные линии.

В центральной части памятника отмечен участок с высокой концентрацией железных шлаков и их обломков, что позволяет предположить наличие здесь металлургической площадки. Скопление каменных грузил на площадке в южной части памятника указывает на кратковременную стоянку рыбаков.

К периоду раннего Средневековья относится керамический сосуд с прямой шейкой и горизонтальными рядами гребенчатых оттисков (рис. 3.1). Его датировка в интервале третьей четверти I тыс. н. э. основана на стратиграфическом положении

слоя. На Среднем Енисее такие же горшки обнаружены на многослойном поселении Бобровка (Мандрыка, Ямских, Орлова и др., 2003. С. 146. Рис. 50), на стоянках Усть-Каменный ручей и Нижнепорожнинская-2, в 3-м культурном слое поселения Шилка-9 (Мандрыка, 2005. Рис. 3).

К бронзовому веку относятся материалы второго культурного слоя. Большая часть находок состоит из продуктов расщепления камня, указывающих на приемы изготовления и подправки каменных орудий. Интересен скребок широкой языковидной формы (рис. 4.5), аналоги которому известны на стоянках бронзового века Нижнего Приангарья и Красноярского лесостепного района. Там же встречается керамика с орнаментом из рядов гребенчатых оттисков. Отсутствие узкодатирующихся материалов второго слоя позволяет сейчас лишь условно, на основании стратиграфической позиции, отнести их к бронзовому веку без культурной привязки.

К началу бронзового века относится обнаруженный в третьем культурном слое археологически

целый сосуд (рис. 5.1). По форме сосуда, сечению венчика, орнаментации из пояса ямок и прочерченных линий, он сопоставляется с керамикой бронзового века из стоянки Остров Сергушкин 1 (Леонтьев, Герман, 2019. Рис. 1.13; Рис. 5.2). С.Н. Леонтьев и П.В. Герман отмечали, что хронологическая атрибуция рассматриваемой керамики условна и отнесена к эпохе бронзы на основании аналогий с другими памятниками Северного Приангарья и сопредельных территорий. Стоит согласиться с выводами авторов, что такая керамика продолжает позднесредневековую традицию, время распространения которой относится к 5200–4300 л. н. (Бердников, 2013). Вместе с тем необходимо отметить, что, если ангарские сосуды формовались с помощью рубчатой выколотки или их стенки оставались гладкими, то на сосуде из ансамбля Пискуновские Камни читаются замытые текстильные оттиски.

Фрагменты керамических сосудов баночной формы, украшенные личиночными оттисками и следами гребенчатого проката (рис. 5.4–5), имеют аналогии с керамической посудой бобровского типа конца III – середины II тыс. до н. э. Ареал ее охватывает лесостепной и южнотаежный районы Среднего Енисея, где она встречена на многослойных памятниках Бобровка (Мандрыка, Ямских, Орлова и др., 2003), Усть-Шилка-2, Шилка-9 (Мандрыка, 2005).

Эпоха неолита представлена материалами из четвертого и пятого культурных слоев. В ранних неолитических комплексах пока не найдена керамика. О заселение стоянки в зимний период могут указывать находки предметов зимнего рыболовства: каменные пешни и рыба-приманка, а также стерженек для составного рыболовного крючка. Такие стерженьки с полулунной головкой на одном конце и выемками-нарезками с другой отмечены в материалах китойской культуры Прибайкалья (Номоконова, Горюнова, 2004; Новиков, Горюнова, 2005). Согласно типологии С.И. Эверстова, данная находка наиболее близка к стерженькам с оформленным полулунным основанием 7 типа, которые относятся к тому же времени (Эверстов, 1988). По имеющимся радиоуглеродным датам, китойская культура относится к 7500–7000 к. л. н. (Weber, Schulting, Ramsey et al., 2016).

К раннему неолиту условно отнесены и материалы из пятого культурного слоя. Отмеченные здесь находки (каменные сколы и отщепы, а также абразив

из песчаника) не позволяют провести культурную и хронологическую идентификацию. Поэтому датировка этих материалов основана на стратиграфической позиции в толще голоценого хроноряд.

Эпоха мезолита на ансамбле Пискуновские Камни представлена невыразительными материалами из шестого культурного слоя. Главный критерий определения возраста – привязка находок к толще серого песка с включением солей карбоната. Халцедоновые пластины с утилизационной ретушью отмечены в таких же почвах 4 культурного слоя стоянки Усть-Шилка-2 (Мандрыка, Акимова, Ямских и др., 2005), которая находится в 5 км южнее Пискуновских Камней. Подстилающие этот культурный слой прослойки серого карбонизированного песка, по AMS^{14C} датированию, формировались во второй половине 10 тыс. до н. э.

Заключение

Для археологических памятников Сибири выделяют несколько групп стоянок, расположенных в долинах крупных рек. Одна группа привязана к береговым террасам высотой более 25 м, которые в голоцене вышли из систематических затоплений половодьями. Другая группа памятников размещалась на берегах, которые периодически затоплялись, это уровни пойм и низких надпойменных террас высотой до 25 м (Мандрыка, Ямских, Орлова и др., 2003).

На ансамбле археологических памятников Пискуновские Камни на первой надпойменной террасе выделяются относительно широкие и ровные площадки, где отмечена наибольшая концентрация находок. Вторая надпойменная терраса характеризуется гривами, вытянутыми по направлению к реке, на которых археологический материал отмечен на склонах и поверхностях, а также в ложбинах и логах. В пределах ансамбля периодически подтапливаемые площадки, где фиксируются следы ледоходов, размещаются на участках средней поймы и первой надпойменной террасе высотой до 8,5 м от августовского уровня реки. Для террас по уровню выше 8,5 м признаков подтопления и разрушения берега воздействием наплавляющих во время ледоходов льдин не зафиксировано. Скальные останцы препятствовали разрушению береговой кромки, и это позволило сохраниться террасам, на которых проходило заселение человеком на всем протяжении голоцена.

Таким образом, начало освоения территории ансамбля Пискуновские Камни относится, предположительно, к эпохе мезолита. Люди продолжали селиться здесь и в отдельные эпизоды неолита, бронзового века и Средневековья. Обращает внимание отсутствие на ансамбле материалов скифского и хуннского времени. Это, очевидно, связано с не совсем благоприятными экологическими и па-

леоэкономическими условиями на этом участке реки (Гренадерова, Мандрыка, Ван Сяокунь и др., 2021). На всем протяжении раннего железного века более активно осваивался участок в 5–10 км выше Пискуновских Камней, по енисейским берегам Качинского порога, где известны многослойные поселения, селища, городища и могильники.

Список источников

Абдулина Ю.А. Новое поселение эпохи Средневековья красной лесостепи Посолинская протока-1 // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы 46 Региональной (2 Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 160-летию со дня рождения И.Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В.И. Громова, Красноярск, 28–30 марта 2006 года. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2006. С. 3–4. EDN: NBVMXS.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 203–229. EDN: QVKEHV.

Гренадерова А.В., Мандрыка П.В., Ван Сяокунь, Сенотрусова П.О., Михайлова А.Б., Цюань Цянькунь. Комплексные археолого-палеоэкологические исследования голоценового хроноряда в южной тайге Среднего Енисея // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 6. С. 299–313. DOI: 10.55086/sp21629931. EDN: HODJXV.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Гурьев Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кербс Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 168 с. EDN: YOHWDJ.

Дроздов Н.И. Новые находки каменных рыб в Красноярском крае // Археология и этнография Восточной Сибири. Тезисы докладов. Иркутск: Иркутский университет, 1978. С. 36–37.

Леонтьев В.П., Макулов В.И. Археологические памятники среднего течения Енисея // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Предварительные материалы. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1989. С. 261–272.

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамика эпохи бронзы памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Сб. науч. трудов. Вып. X. Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2019. Вып. X. С. 108–122. EDN: BCQYSB.

References

Abdulina Yu.A. (2006) A new settlement of the Middle Ages of the Krasnoyarsk forest-steppe, Posolinskaya Protoka-1. *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii i sopredel'nykh territorii: materialy 46 Regional'noi (2 Vserossiiskoi) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, posvyashchennoi 160-letiyu so dnya rozhdeniya I.T. Savenkova i 110-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Gromova, Krasnoyarsk, 28–30 marta 2006 goda* = *Archaeology, ethnology, paleoecology of Northern Eurasia and adjacent territories: materials of the 46th Regional (2 All-Russian) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists dedicated to the 160th anniversary of the birth of I.T. Savenkov and the 110th anniversary of the birth of V.I. Gromov, March 28-30, 2006*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. P. 3-4. (In Russ.). EDN: NBVMXS.

Berdnikov I.M. (2013) Key aspects of historical and cultural procedures in southern part of middle Siberia during the neolithic (based on pottery complexes). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology series*. No. 1. P. 203-229. (In Russ.). EDN: QVKEHV.

Grenaderova A.V., Mandryka P.V., Wang Xiaokun, Senotrusova P.O., Mikhailova A.B., Quan Qiankun. (2021) Comprehensive Archaeological and Palaeoecological Studies of the Holocene Chronosequence in the Southern Taiga of the Middle Yenisei. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. No. 6. P. 299-313. (In Russ.). DOI: 10.55086/sp21629931. EDN: HODJXV.

Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N. Gurulev D.A., Shnaider S.V., Kulik N.A. Vasil'ev S.K., Kerbs E.A. (2016) Pashina site in North Cis-Angaria (2008-2009 studies). Novosibirsk: Publishing house of the Siberian branch of the Institute of Archaeology of the RAS. 168 p. (In Russ.). EDN: YOHWDJ.

Drozдов N.I. (1978) New finds of stone fish in the Krasnoyarsk region. *Archaeology and Ethnography of Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 36-37. (In Russ.).

Leont'ev V.P., Makulov V.I. (1989) Archaeological sites of the middle Yenisei reaches. *Historical and cultural sites of Krasnoyarsk region*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Publishing House. P. 261-272. (In Russ.).

Leont'ev S.N., German P.V. (2019) Bronze Age pottery from Sergushkin island sites (Northern Angara region). *Antiquities of Yenisei Siberia*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Iss. X. P. 108-122. (In Russ.). EDN: BCQYSB.

Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 172–185. EDN: WAKAQB.

Мандрыка П.В., Акимова Е.В., Ямских А.А., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Орлова Л.А. Геоархеологические исследования раннеголоценовых слоев стоянки Усть-Шилка-2 на Среднем Енисее // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 109–124. EDN: WAKAON.

Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. Красноярск : Красноярский государственный университет, 2003. 221 с. EDN: QPBZBB.

Николаев Р.В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Археология. Красноярск : Красноярское книжное изд-во 1963. С. 127–131.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 125–134. EDN: WAKAOX.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. Вып. 2. С. 117–123. EDN: VYXGAF.

Привалихин В.И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» (По материалам исследований археолого-этнографической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея в зоне затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре // Второй век подвижничества: Сб. науч. статей. Красноярск : Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. С. 150–160.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Керамическая посуда лесосибирской культуры: вопросы типологии и генезиса // Поволжская Археология. 2020. № 2 (32). С. 93–106. DOI: 10.24852/pa2020.2.32.93.106. EDN: QQHYRH.

Средняя Сибирь / отв. ред. Л.Г. Каманин и Б.Н. Лиханов. М. : Наука, 1964. 480 с.

Фокин С.М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 210–214.

Фокин С.М., Макаров Н.П., Симпсон С.Дж., Картрайт К.Р. Радиоуглеродная датировка средневекового

Mandryka P.V. (2005) The date of the multilayer settlement Shilka-9 on Middle Yenisei and their means for the ancient history of southern taiga of Middle Siberia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 3. P. 172-185. (In Russ.). EDN: WAKAQB.

Mandryka P.V., Akimova E.V., Yamskikh A.A., Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Orlova L.A. (2005) Geoarchaeological researches of the Early Holocene horizons of site Ust'-Shilka-2 on Middle Yenisey. *Reports of the Laboratory of ancient technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 3. P. 109–124. (In Russ.). EDN: WAKAON.

Mandryka P.V., Yamskikh A.A., Orlova L.A., Yamskikh G.Yu., Gol'eva A.A. (2003) Archaeology and Palaeoecology of the Bobrovka Multilayered Site in the Middle Yenisei Valley. *Krasnoyarsk State University*. 221 p. (In Russ.). EDN: QPBZBB.

Nikolaev R.V. (1963) Materials for the archaeological map of the north of the Krasnoyarsk Territory. *Materials and research on archaeology, ethnography and history of the Krasnoyarsk Territory*. Archaeology. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Publishing House. P. 127-131. (In Russ.).

Novikov A.G., Goryunova O.I. (2005) Ancient fishing on the lake Baikal (upon the materials of the multilayered settlements of mesolithic-bronze age). *Reports of the Laboratory of ancient technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 3. P. 125-134. (In Russ.). EDN: WAKAOX.

Nomokonova T.Yu., Goryunova O.I. (2004) Neolithic complexes of multilayer settlement Katun'-i (Chivyrkuiskiy bay, lake Baikal). *Reports of the Laboratory of ancient technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 2. P. 117–123. (In Russ.). EDN: VYXGAF.

Privalikhin V.I. (2011) A cache of stone artifacts from the Neolithic period of the Sergushkin-1 site and burial ground, point "A" (Based on the research materials of the archaeological and ethnographic expedition of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore in the flooding zone of the Boguchanskaya HPS on the Lower Angara. *The second century of devotion: Collection of scientific articles*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. P. 150-160. (In Russ.).

Senotrusova P.O. Mandryka P.V. (2020) Pottery of Lesosibirsk culture: typology and genesis issues. *The Volga River Region Archaeology*. No. 2 (32). P. 93-106. (In Russ.). DOI: 10.24852/pa2020.2.32.93.106. EDN: QQHYRH.

Kamanin L.G., Likhonov B.N. (1964) Central Siberia. Moscow: Nauka. 480 p. (In Russ.).

Fokin S.M. (2008) On the issue of the spread of medieval roller ceramics in Yenisei Siberia. *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii: materialy XIV Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii = Time and Culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction: materials of the XIV West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference*. Tomsk: Agraf-Press. P. 210-214. (In Russ.).

Fokin S.M., Makarov N.P., Simpson S.Dzh., Kartrait K.R. (2021) Radiocarbon dating of an early medieval fortified set-

городища Чермянское // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий : материалы Международной научной конференции, Красноярск, 20–21 октября 2020 года. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2021. С. 64–67. EDN: PJKKUO.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск : Наука, 1988. 140 с.

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quaternary International*. 2016. Vol. 419. P. 74–98. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.003.

Информация об авторах

Комарова Ольга Сергеевна,
младший научный сотрудник Лаборатории археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, Россия,
e-mail: helgainvers@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0004-1810-6775>

Мандрыка Павел Владимирович,
доктор исторических наук, заведующий Лабораторией археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, Россия,
e-mail: pmandryka@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>

Бирюлева Ксения Викторовна,
старший научный сотрудник Лаборатории археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, Россия;
научный сотрудник-археолог,
Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова,
663180, г. Енисейск, ул. Ленина, 106, Россия,
e-mail: ksy36ss@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

Максимович Лилия Алексеевна,
специалист Лаборатории археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, Россия,
e-mail: lili_856@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5499-6996>

Вдовенкова Маргарита Владимировна,
младший научный сотрудник Музея археологии и этнографии Енисейской Сибири Гуманитарного института,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, Россия,
e-mail: mvdovenkova@sfu-kras.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-9736-1342>

tlement Chermlyanskoe. *Mezhdistsiplinarnye arkheologicheskie issledovaniya drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Krasnoyarsk, 20–21 oktyabrya 2020 goda* = *Interdisciplinary archaeological research of the ancient cultures of the Yenisei Siberia and adjacent territories Abstracts of the International Conference Krasnoyarsk, October 20–22 2020*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. P. 64-67. (In Russ.). EDN: PJKKUO.

Everstov S.I. (1988) Fishing in Siberia. Stone Age. Novosibirsk: Nauka. 144 p. (In Russ).

Weber A.W., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. (2016) Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quaternary International*. Vol. 419. P. 74-98. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.003.

Information about the authors

Olga S. Komarova,
Junior Researcher of the Laboratory of the Yenisey Siberia Archaeology,
Siberian Federal University,
82a, Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia,
e-mail: helgainvers@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0004-1810-6775>

Pavel V. Mandryka,
Dr. Sci. (History), Head of the Laboratory of Archeology of the Yenisei Siberia,
Siberian Federal University,
82a, Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia,
e-mail: pmandryka@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>

Kseniya V. Biryuleva,
Senior Researcher of the Laboratory of the Yenisey Siberia Archaeology,
Siberian Federal University,
82a, Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia;
Researcher-archeologist,
Yeniseysk Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov,
106, Lenin St., Yeniseisk 663180, Russia,
e-mail: ksy36ss@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

Liliia A. Maksimovich,
Specialist of the Laboratory of the Yenisey Siberia Archaeology,
Siberian Federal University,
82a, Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia,
e-mail: lili_856@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5499-6996>

Margarita Vdovenkova,
Research Assistant of Humanitarian Institute Museum of Archaeology and Ethnography of the Yenisey Siberia,
Siberian Federal University,
82a, Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk 660041, Russia,
e-mail: mvdovenkova@sfu-kras.ru,
<https://orcid.org/0009-0008-9736-1342>

Ван Сяокунь,

PhD, профессор Института истории,
Китайский университет Жэньминь,
No. 59 Zhongguancun Street, Haidian District Beijing, 100872,
China,
e-mail: wxk1973@163.com

Цюань Цянькунь,

Старший преподаватель Института археологии,
Цилиньский университет,
No. 2699 Qianjin Street, Changchun City, 130012, China,
e-mail: quanqiankun@jlu.edu.cn,
<https://orcid.org/0000-0002-9319-2616>

Чжан Вэньцзин,

PhD, факультет культуры и истории,
Университет Чифэн,
No. 1 Yingbing Road, Hongshan District, Chifeng City, Inner
Mongolia of China, 024000,
e-mail: zwj_faith@163.com,
<https://orcid.org/0009-0002-1347-4793>

Wang Xiaokun,

PhD, School of History,
Renmin University of China,
No. 59 Zhongguancun Street, Haidian District Beijing, 100872,
China,
e-mail: wxk1973@163.com

Quan Qiankun,

Assistant Professor School of Archaeology,
Jilin University,
No. 2699 Qianjin Street, Changchun City, 130012, China,
e-mail: quanqiankun@jlu.edu.cn,
<https://orcid.org/0000-0002-9319-2616>

Zhang Wenjing,

PhD, School of Culture and History,
Chifeng University,
No. 1 Yingbing Road, Hongshan District, Chifeng City, Inner
Mongolia of China, 024000,
e-mail: zwj_faith@163.com,
<https://orcid.org/0009-0002-1347-4793>

Вклад авторов

Комарова О.С. выполнила исследовательскую работу, провела обобщение по материалам каменного и бронзового веков, подготовила рукопись к печати.

Мандрыка П.В. руководил полевыми и исследовательскими работами, обобщил полученные результаты.

Бирюлева К.В. провела исследование для материалов эпохи Средневековья, участвовала в подготовке рукописи к печати.

Максимович Л.А. участвовала в полевых археологических работах, подготовке рукописи к печати.

Вдовенкова М.В. принимала участие в полевых археологических работах и обобщении материалов, полученных в 2017 г.

Ван Сяокунь участвовал в полевых работах, проводил систематизацию материала и естественнонаучные исследования.

Цюань Цянькунь участвовал в полевых исследованиях, проводил анализ и систематизацию материала, стратиграфических исследований, обобщал естественнонаучные данные.

Чжан Вэньцзин участвовала в полевых работах, проводила систематизацию материала и естественнонаучные исследования.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2024 г.; одобрена после рецензирования 7 мая 2024 г.; принята к публикации 20 мая 2024 г.

Contribution of the authors

Komarova O.S. got research work done, makes a synthesizing of materials from the Stone and Bronze Ages, and prepared the manuscript for publication.

Mandryka P.V. supervised field and research work, summarized the results.

Biryuleva K.V. conducted research for materials from the Middle Ages and participated in the preparation of the manuscript for publication.

Maksimovich L.A. participated in archaeological field work and preparing the manuscript for publication.

Vdovenkova M.V. participated in archaeological field work and synthesized of materials obtained in 2017.

Wang Xiaokun participated in field work, carried out systematization of material and natural science research.

Quan Qiankun participated in field research, carried out analysis and systematization of material, stratigraphic research, and made a natural-science data synthesis.

Zhang Wenjing participated in field work, carried out systematization of material and natural science research.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 7, 2024; approved after reviewing May 7, 2024; accepted for publication May 20, 2024.

Научная статья

УДК 39

EDN: YIUDDO

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-66-76>

Формирование новой идентичности русскоязычных иммигрантов в США

Н.В. Шалыгина

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влияющие на трансформацию этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в США. Рассматриваются различные методологические подходы к изучению трансформации социокультурной и этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в современных США. Перечислены несколько известных методологических школ (как зарубежных, так и отечественных), разработавших наиболее известные в научном мире теории, позволяющие составить представление о «маргинальном человеке» (Роберт Парк, Чикагская школа), проблемах иммигрантов, оказавшихся в «промежуточном состоянии» и испытывающих комплекс «неприкаянности» (А. фон Геннеп), возможностях изучения повседневной жизни иммигрантов с помощью микроисторического подхода (Леви), «домашней антропологии» (Андерсон) и др. Применительно к русскоязычному сообществу в США рассматривается теория аккультурации Д. Берри, основанной на нескольких моделях адаптации к инокультурной среде (ассимиляция, сепарация, интеграция). Обозначено направление, посвященное изучению нелинейной аккультурации молодежи в США, позволяющее провести сравнение между юношами и девушками в процессе их адаптации. Особое внимание в статье уделено феминистским теориям адаптации мигрантов и возможности их использования для исследования русскоязычных диаспор в США. Приводятся несколько теоретических направлений, позволяющих объяснить особенности адаптации к американской жизни среди представителей нескольких этнических групп, включая русскоязычные группы. Акцентируются процессы, деформирующие в иммиграции исходные модели мужского и женского поведения, появления у них дифференцированных форм гендерной идентичности как стратегии адаптации к американскому образу жизни, трансформации патриархальной системы поло-ролевого поведения (особенно в мусульманских общинах) и т. п. Феминистская методология изучения миграций включает в себя и философский уровень обобщения фактографического материала, позволяющего, например, проводить параллель между иммиграционными ограничениями (квоты) и доминирующим влиянием маскулинных ценностей в мире как присвоенным мужчинами правом ограничивать женскую свободу. В отношении русскоязычных женщин-иммигранток феминистская методология позволяет изучать степень резистентности традиционных поло-ролевых ценностей постсоветских переселенцев по отношению к американской культуре в целом.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, постсоветские иммигранты США, адаптация, конструктивизм, ассимиляция, глобализация, глокализация, бикультурализм, сепаратизм

Для цитирования: Шалыгина Н.В. Формирование новой идентичности русскоязычных иммигрантов в США // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 66–76. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-66-76. EDN: YIUDDO.

Ethnology

Original article

Formation of a new identity Russian-speaking immigrants to the USA

Nataliya V. Shalygina

Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS), Moscow, Russia

Abstract. The article examines the factors influencing the transformation of the ethnocultural identity of post-Soviet immigrants to the United States. The article examines various methodological approaches to studying the transformation of sociocultural and ethnocultural identity of post-Soviet immigrants in the modern United States. Several well-known methodological schools (both foreign and domestic) are listed, which have developed the most famous theories in the scientific world, allowing one to get

an idea of the “marginal person” (Robert Park, Chicago School), the problems of immigrants who find themselves in an “intermediate state” and experiencing a complex “restlessness” (A. von Gennep), the possibilities of studying the everyday life of immigrants using a microhistorical approach (Levi), “domestic anthropology” (Anderson), etc. In relation to the Russian-speaking community in the United States, D. Berry’s theory of acculturation, based on several models, is considered adaptation to a foreign cultural environment (assimilation, separation, integration). A direction devoted to the study of nonlinear acculturation of youth in the United States is outlined, allowing for comparisons between boys and girls in the process of their adaptation. Particular attention is paid to feminist theories of migrant adaptation and the possibility of using them to study Russian-speaking diasporas in the United States. Several theoretical directions are presented to explain the peculiarities of adaptation to American life among representatives of several ethnic groups, including Russian-speaking groups. The emphasis is placed on the processes that deform the original models of male and female behavior in immigration, the emergence of differentiated forms of gender identity among them as a strategy for adaptation to the American way of life, the transformation of the patriarchal system of sex-role behavior (especially in Muslim communities), etc. Feminist methodology for studying migration also includes a philosophical level of generalization of factual material, which allows, for example, to draw a parallel between immigration restrictions (quotas) and the dominant influence of masculine values in the world as the right assigned by men to limit women’s freedom. In relation to Russian-speaking immigrant women, feminist methodology allows us to study the degree of resistance of traditional sex-role values of post-Soviet immigrants in relation to American culture.

Keywords: ethnocultural identity, post-Soviet US immigrants, adaptation, constructivism, assimilation, globalization, glocalization, biculturalism, separatism

For citation: Shalygina N.V. (2024) Formation of a new identity Russian-speaking immigrants to the USA. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 66-76. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-66-76. EDN: YIUDDO.

Изучение изменения этносоциальной идентичности современных мигрантов требует использования междисциплинарных методов исследования и применения нескольких теоретических подходов. Опыт постсоветской иммиграции в США в этом контексте представляется особенно актуальным, так как, по сути, содержит в себе адаптивные практики в рамках сразу нескольких видов этносоциальной идентичности – советскую, этническую и российскую, которые в инокультурной среде трансформируются с различной скоростью и в различных направлениях.

Идентичность мигрантов впервые начала изучаться в 1920–1940-х годах представителями так называемой Чикагской школы исследователей, которые, используя личные письма польских мигрантов, их автобиографические рассказы, дневники и другие нарративы, подняли вопрос об изменении их образа жизни, поведения, социокультурных установок и менталитета в новых условиях проживания. В качестве критерия, определяющего успешность их адаптации, был предложен термин социального счастья, означающий чувство удовлетворения новой жизнью после переселения в другую страну. По мнению одного из наиболее известных представителей Чикагской школы, Роберта Парка, мигрант является «маргинальным человеком», который живет одновременно в нескольких социокультурных реальностях, не порывая оконча-

тельно со своей прошлой жизнью, но и не способный быстро усвоить новую культуру в принимающей стране (Парк, 1998). Подобного рода разделение провоцирует постепенное разрушение первоначальной идентичности, но окончательно не отменяет ее на протяжении жизни одного и даже двух поколений. Теоретики Чикагской школы в своих исследованиях выделили и поло-ролевые особенности изменения идентичности в иммиграции, но к формированию самостоятельного исследовательского направления в то время такое научное новаторство не привело.

Значительный шаг вперед по изучению иммигрантской идентичности был сделан в середине XX в., когда в среде западноевропейских историков родилась концепция микроисторических исследований, позволившая исследовать события частной жизни человека, его повседневные заботы и практики овладения опытом адаптации к новой среде. Возможность изучать ежедневную жизнь обычных людей была противопоставлена макроподходам в историческом знании и задекларирована в известной фразе одного из основателей этого направления Джованни Леви, объяснившим, что «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» (Levi, 1992). Благодаря микроисторическому подходу, в 1970-х годах стали быстро развиваться, в том числе, и такие измерения феномена иден-

тичности, как культурная самоидентификация и кросс-культурные взаимовлияния.

В связи с появлением в 1970-х годах и такого методологического подхода, как *anthropology at home* («домашняя антропология»), исследование меняющейся идентичности иммигрантских сообществ получает новый импульс развития за счет выделения в рамках «сравнительной социологии» собственно антропологии и придания ей функции изучения культуры не «издалека», а «внутри» исследовательской практики, а также отделив ее от социологии (Anderson, 1992. P. 56–58).

Усиление общей «этнографической чувствительности» повлияло на рождение новой концепции адаптации мигрантов, автором которой является канадский психолог Джон В. Берри. На основе кросс-культурных исследований в различных странах мира (включая Россию 1990-х годов) им была сформулирована теория аккультурации, включившая в себя три базовых модели (или стратегии). Согласно *первой модели* (ассимиляции), иммигранты в условиях иной культуры сознательно отказываются от идентификации со своей исходной культурой и стремятся идентифицировать себя с новой культурой, добровольно принимают свои ценности и образ жизни. По отношению к США в целом можно сказать, что доктрина ассимиляции считается в этой стране малоэффективной уже с 1970-х годов, так как быстро увеличившиеся иммигрантские потоки способствовали образованию здесь достаточно изолированных национальных анклавов, ведущих замкнутый образ жизни (Рајо, 2008. P. 44). Однако следует отметить, что данное утверждение не распространяется на постсоветскую эмиграцию 1990-х годов, когда за океан переезжали российские граждане, принципиально ориентированные на смену своей гражданской идентичности.

Построение *второй модели* (сепарации), напротив, основано на приверженности иммигрантской группы своей собственной, изначальной идентичности и отторжении новой культуры. Данная модель аккультурации нередко оказывается сопряженной с *третьей моделью* – маргинализацией, когда иммигранты не устанавливают тесных контактов с новой культурой, но и не развивают свою собственную в новых условиях, что постепенно приводит к ее дискретности, «обнищанию». Что

касается *четвертой модели* аккультурации, обозначенной Берри как интеграция, то она, по сути, предполагает взаимодействие исходной и новой идентичностей, обогащая тем самым и ту, и другую (бикультурализм) (Berry, Kim et al., 1989).

Взгляды Берри на природу идентичности иммигрантов были дополнены и обрели новые смыслы в рамках конструктивистского подхода, позволяющего анализировать психологическую основу множественной идентичности, которая формируется при одновременном взаимодействии нескольких культур (Breakwell, Lypns, 1996). Теория структуры идентичностей, созданная психологом П. Вайнрахом, затрагивает, в том числе, и пограничные состояния самоидентификации человека в общественной жизни (социальные эксклюзии), которые во многом характеризуют иммигрантскую идентичность (Weinreich, 1991).

С наступлением эпохи глобализации проблемы, связанные с определением (и, тем более, классификацией) иммигрантской идентичности еще более обострились. Известным американским социологом-неомарксистом И. Валлерстайном была выдвинута гипотеза о неизбежном разрушении социокультурной и этнокультурной идентичности как отдельного человека, так и группы людей под влиянием глобализационных процессов, инициированных и продвигаемых Западом (Цит. по: Романовский, 1999).

Противоположная точка зрения принадлежит британскому социологу Дж. Томлинсону, который утверждает, что культурная идентичность – это, скорее, естественный продукт глобализации, чем ее жертва. По его мнению, глобализация не уничтожает культурную идентичность, а, наоборот, способствует созданию ее новых форм. Суть этого процесса, полагает Томлинсон, заключается в том, что собственная идентичность иммигрантов, сталкиваясь с многообразием ее форм в новых условиях, неизбежно будет укрепляться, а не разрушаться (Tomlinson, 1999). Концепция неизбежного усиления идентификационных процессов в условиях тотальной глобализации получила название *глокализации*, что означает одновременное развитие локального и глобального в ходе постепенного изменения культуры в XXI в. (Robertson, 1995).

Не меньшую актуальность в конце XX в. приобретает и так называемый феминистский подход к

трансформации иммигрантской идентичности, поставивший под сомнение «скрытость» роли женщин в миграционных процессах. В рамках таких направлений, как конституционные права женщин-иммигранток, влияние женщин на экономику миграций, изменение в семейных отношениях мигрантов, женской повседневности на новом месте жительства и т. п. стали рассматриваться вопросы формирования новых моделей женских практик адаптации к новой этнокультурной среде. Например, в американской антропологии в процессе исследования особенностей этнокультурной принадлежности студентов американских колледжей, была обозначена нелинейная аккультурация молодежи, не соответствующая общепринятым интерпретациям. Например, феминистски, ориентированным исследователям удалось выявить, что именно девочки, а не мальчики, как принято считать, быстрее адаптируются в новой среде (Ghaffarian, 1987).

В 1990-е годы появились данные о том, что женщины-иммигрантки имеют более выраженную, по сравнению с мужчинами, склонность к сохранению идентичности, сформированной в культуре их происхождения, что связано в первую очередь с той ролью, которую женщины традиционно играют в семье и в обществе, являясь хранительницами очага и обеспечивая таким образом идентификацию с нормами и ценностями унаследованной культуры (Pratt, Hanson, 1994). Особенно ярко подобного рода тенденции проявляются в тех случаях, когда женщины в стране своего нового проживания не работают или не знают языка, что способствует их изоляции от внешнего мира (Yee, 1997).

Взаимосвязь гендерных и этнических факторов в формировании идентичности иммигрантов проявляется и в том смысле, что новая этнокультурная среда деформирует исходные мужские и женские модели поведения и способствует появлению у них иных, дифференцированных форм гендерной идентичности (Fincher, 1997). Феминистки подчеркивают важность осознания гендерных различий внутри каждой группы и значение этих различий. Можно сказать, что феминистские исследования 1990–2000-х годов способствовали не только пониманию того, как гендерные характеристики влияют на адаптацию иммигрантов, но и того, как условия жизни в иммиграции изменяют мужские и женские модели поведения.

Одной из наиболее актуальных проблем в области изучения мужской и женской идентичности в современном мире следует признать трансформацию гетеронормативности (Domosh, 1999). Сохранение жестких эссенциалистских границ между фемининностью и маскулинностью в исследовательской позиции не позволяет ее сторонникам адекватно оценивать динамику этих возможностей (Longhurst, 2000). Феминистки подчёркивают такие важные моменты адаптации иммигрантов, как гендерные различия внутри каждой группы (Nagel, 2001), увеличение форм гендерной идентичности в мире и влияние этих процессов на разнообразие адаптационных сценариев иммигрантов (Ellis, Conway, Bailey, 1996), сложности гендерных моделей адаптации представителей мусульманских общин в евроатлантическом пространстве (Dwyer, 1999), особенности национальной политики государств с патриархатной системой гендерных отношений за рубежом (Elmhirst, 2000).

С начала 2000-х годов среди исследователей феминистской направленности активно изучаются проблемы, связанные с участием самих диаспор за рубежом в процессах переформатирования гендерной идентичности мигрантов и их независимости в этом отношении от материнской культуры (Gidwani, Sivaramakrishnan, 2003). В качестве примера нередко приводится опыт филиппинских женщин, меняющих свои поло-ролевые традиции в США, под влиянием экономических факторов (Aguilar, 1999).

Феминистская методология изучения иммигрантской повседневности особое внимание уделяет обобщениям, позволяющим проводить параллель между конкретным предметом исследования и философским уровнем его осмысления (Walton-Roberts, 2004). Так, феминистки настаивают на том, что все правила по ограничению иммиграции, по сути, являются попыткой маскулинного мира утвердить собственное превосходство над фемининными ценностями, предлагающими современному миру «мобильность без границ» и «наднациональную» регуляцию миграционных процессов, отрицающую какие-либо квоты. Любое принуждение иммигрантов к закреплению локации проживания феминистскими авторами трактуется, например, как проявление насилия, сравнимого с насилием мужчины над женщиной или дис-

криминацией этнических меньшинств (Nagar, Lawson et al., 2002).

Что касается применения феминистской методологии для изучения постсоветской иммиграции в США, то, начиная с 1990-х годов, она используется исключительно как возможность объяснения быстро растущего в тот период спроса на «русских невест» за океаном. Сформированный в США на основе средств массовой информации образ русской женщины постсоветской России закрепил в массовом сознании американцев представление о ней как об искательнице «заокеанского мужа» в качестве идеального варианта решения всех своих проблем в перестроечной России (Представление американцев...).¹ Проводившиеся американскими социологами исследования быстрого роста русско-американских браков в 1990 – середине 2000-х годов предлагали и более глубокие объяснения данного феномена. Так, утверждалось, что решающим фактором, побуждающим русскоязычных женщин искать партнера в США, стало катастрофическое сокращение числа так называемых «брачных мужчин» в России, т. е. не способных обеспечить семье финансовую безопасность и материальный комфорт, а, кроме того, злоупотребляющих алкоголем, курением и т. п., приводящим к высокой смертности (Johnson, 2007).

По мнению других американских социологов, в российском менталитете излишне укоренены архетипы мужественности (маскулинности), не поддающиеся изменениям во времени и попросту разрушающиеся в периоды социально-политических кризисов под давлением факторов риска (Levant, Cuthbert et al., 2003).

Третий вариант объяснения социологами США всплеска в конце XX – начале XXI веков заинтересованности русскоязычных женщин в заключении брака с партнером из Соединенных Штатов заключался в том, что опыт постсоветских женщин, по сути, признавался интерсекциональным, т. е., бросающим вызов одномерным структурам, отдающим приоритет лишь какому-то одному аспекту идентичности, – этнической принадлежности, клас-

су, статусу иммигранта и т. п. (Yuval-Davis, 2006). Все перечисленные конструкции, по мнению Юваль-Дэвис, изначально являются гибкими и изменчивыми, формирующимися на пересечении целого ряда социокультурных факторов, характерных для того или иного периода исторического времени, и потому не должны восприниматься как раз и навсегда определенные локации.

Социокультурный опыт постсоветских женщин в США с этих позиций признается уникальным, так как соединяет воедино их привилегированную расовую идентичность (белые) с маргинальной идентичностью женщин-иммигранток. Самим так называемым «невестам по почте» (по интернету) американским государством, к тому же, приписывалась еще и девиантная идентичность, означающая зависимость от заокеанского мужа и связанную с этим статусом уязвимую социальную позицию (Oum, 2003).

Интерсекциональность русскоязычных женщин-иммигранток США следует воспринимать как сложно сконструированную идентичность, отдельные элементы которой обладают разными степенями резистентности к американской культуре. К наиболее устойчивым элементам гендерной идентичности русскоязычных иммигрантов относятся бинарные оппозиции маскулинности и фемининности, архетипически заложенные в традиционной модели их поло-ролевого поведения. И, с этих позиций, поведение русскоязычных женщин-иммигранток в США провоцирует появление у американских мужчин состояния когнитивного диссонанса. С одной стороны, имплицитно присущая американским мужчинам маскулинная модель поведения провоцирует их искать себе брачную пару среди женщин тех культур, где сохраняются традиционно бинарные поло-ролевые отношения. А, с другой стороны, американские мужчины, ориентирующиеся на категории женской независимости, пропагандируемые феминистской идеологией, достаточно легко воспринимают ту модель своего поведения в обществе, которая фактически нивелирует любые их попытки проявлять знаки внимания к женщинам, особенно в общественных местах. Коммуникативный нейтралитет между мужчинами и женщинами, согласно правилам поведения в США, способствует установлению симметрии в их отношениях, но одновременно провоцирует и

¹ Представление американцев о российской женщине после развала СССР. URL: <https://dzen.ru/a/X1nOctfM7xQrKE6f> (дата обращения: 10 сентября 2020 г.).

множество недоразумений в отношении сексуального домогательства (харрасмент), влекущих за собой уголовную ответственность.

Но подобного рода модели мужского поведения не находят положительного отклика у русскоязычных женщин-иммигранток и в результате провоцируют новую цепочку недоразумений и межкультурного непонимания. Набор «разрешительных» фраз в процессе случайного общения мужчин и женщин в незнакомой обстановке в русскоязычной культуре обычно достаточно строго регламентирован и не выходит за рамки, если можно так сказать, нейтральной в сексуальном отношении тональности. Так, условно русская манера общения мужчин и женщин сохраняет известную долю стыдливости, которая не позволяет женщине, например, спросить у мужчины в общественном месте, как пройти в туалет. Вежливость и комплиментарность в поведении мужчин по отношению к незнакомым женщинам в общественных местах для россиян являются едва ли не обязательными признаками хорошего тона. Однако для американской культуры именно такая модель мужского поведения по отношению к незнакомым женщинам в общественных местах может быть расценена как домогательство со стороны мужчины (Richmond, 1996. P. 52-55).

Кроме того, дистанция полов, установленная в США, для русскоязычных иммигранток во многих случаях оказывается трудно принимаемой, например, во время совместного посещения ресторана, где, согласно американской традиции, каждый платит сам за себя. Подобного рода поведение мужчин и женщин среди американцев считается проявлением уважения к достоинству и независимости женщин, в то время как для русскоязычных иммигранток данная особенность американской культуры стабильно остается некомфортной и нередко мешает началу формирования близких отношений.

Нарративы молодых русскоязычных женщин-блогеров, живущих в США, доказывают сложность формирования личных отношений между русскими женщинами и американскими мужчинами в США. Чаще всего в русскоязычной блогосфере женщин-иммигранток упоминаются случаи, связанные с тем, кто должен платить в ресторане на первом свидании – мужчина или женщин. При этом женщины-блогеры, взявшие на себя труд объяснять

широкой аудитории пользователей правила американской жизни, обычно ссылаются на некие негласные нормы поведения, принятые в США, когда мужчина оплачивает ресторан во время первых четырех-пяти свиданий, что должно якобы доказывать его финансовую состоятельность. Но если отношения продолжаются, ответственность между мужчиной и женщиной в этом смысле уже делится поровну (Американцам не хватает эмоций)².

Несовпадение поло-ролевых самоидентификаций русскоязычных женщин и американских мужчин является источником ценностных дихотомий в иммигрантской среде, преодоление которых в нынешних геополитических условиях представляется весьма сомнительным. Общее впечатление молодых россиянок, переезжающих в США, от общения с американскими мужчинами чаще всего сводится к недостатку у последних таких личностных качеств, как неожиданность, спонтанность, иррациональность поступков, на первый взгляд бессмысленных, но красивых жестов и всего того, что среди самих россиянок принято считать романтизмом отношений.

Еще более убедительными представляются нарративы русскоязычных женщин-блогеров, подробно описывающих свою необходимость вникать в тонкости лингвокультурных аспектов взаимоотношений с американскими мужчинами. При этом выделяются несколько стадий отношений, последовательно сменяющих друг друга. Стадия только начинающихся отношений, например, называется *"talking"*, когда возможно как их развитие, так и, наоборот, практически сразу же выясняется невозможность их развития. Если пара все-таки начинает встречаться, то обычно такую стадию принято называть *hanging out*, что означает «присматривание», нередко включающее и так называемый «пробный секс», который также имеет собственное обозначение в молодежной среде – *booty call* (в вольном переводе понимаемый как «секс по необходимости»). Следующая стадия развития отношений между молодыми людьми воспринимается ими уже как некие обязательства друг перед

² Американцам не хватает эмоций, в них нет искры»: россиянка о мужчинах в США. URL: <https://dzen.ru/a/XSsDL5mO1gCs-a58> (дата обращения 14 июля 2019 г.).

другом, носящие характер эксклюзивности – *pretty much exclusive* (т. е., не допускающие одновременный секс с разными партнерами, но и не требующий какой-либо формализации). Еще более близкими отношения становятся на стадии собственно *exclusive*, когда устойчивые отношения партнеров обретают статус состоявшейся пары. Далее следует стадия совместного проживания (*in relationship*), продолжающаяся иногда несколько лет. На этом этапе пара «притирается» друг к другу и в итоге, как правило, принимает или не принимает окончательное решение о заключении брака. Стадия подготовки к свадьбе в США имеет множество социокультурных нюансов, отсутствующих в советской и постсоветской традиции, и потому нередко вызывает когнитивный диссонанс у русскоязычных иммигрантов и еще больше усиливает ценностную дихотомию в их отношениях с американцами.

Если попытаться свести все разнообразие публикаций Рунета на эту тему к общему знаменателю, то основной причиной поло-ролевой дихотомии в отношениях русских и американцев окажется недовольство современных россиянок, живущих в США, недостатком маскулинных черт в поведении американских мужчин. В свободном практически от всех поло-ролевых ограничителей американском обществе русскоязычные женщины, в отличие от американок, нуждаются в сохранении традиционных норм поведения, основанных на четко распределенных бинарных установках. При этом речь не идет об идеологическом противостоянии каким-либо феминистским движениям американок в США, скорее, наоборот, русскоязычные иммигрантки попросту игнорируют эти движения, формируя свою собственную модель «женской свободы».

Полоролевая дихотомия в русско-американских отношениях связана, прежде всего, с быстро распространяющимися в современном мире процессами отказа от эссенциализма как неизменной сущности человеческой природы и переходу к конструктивистской позиции биотехнологического совершенствования человека. При этом тот факт, что и эссенциалистские взгляды также подвержены эволюционным изменениям, но направленным против трансгуманистических тенденций развития, не принимается во внимание. Конвергенция двух принципиально противостоящих одно другому философских направлений развития пред-

ставлений о человеческой природе в итоге не рассматривается и как основа для формирования консенсуса между кардинально различающимися системами взглядов, что и лежит в основе американского пути развития общественного сознания в области поло-ролевого поведения (Шалыгина, 2021).

Ценностные дихотомии в русско-американских отношениях распространяются и на многие другие сферы общественной жизни в США, чем значительно осложняют повседневную жизнь постсоветских переселенцев. С позиций теории лиминальности (перехода) голландского антрополога Арнольда ван Геннепа, столь кардинальная перемена культурной среды как переезд в другую страну неизбежно приводит личность в состояние маргинальности – новая среда еще не освоена, а прежняя уже не существует (Геннеп, 1999). Пороговое состояние иммигранта включает в себя три уровня его переживаний – отделение от исходной культуры, острое ощущение «ничейности» (или отсутствие какой-либо социокультурной идентификации) и обретение в той или иной форме обновленной идентичности. Лиминальность любой природы, согласно Геннепу, всегда основана на двойственности и неопределенности, поэтому в традиционных обществах переходное состояние личности (возрастное, семейно-брачное, статусное и т. д.) сопровождалось соответствующими обрядами, предназначение которых заключалось, прежде всего, в проверке готовности личности («нулевого персонажа», пребывающего в состоянии неопределенности и «нераспознанности») к переменам.

С этой точки зрения, ценностные дихотомии в стране нового проживания можно рассматривать как инициации, посвящение постсоветских переселенцев в американский образ жизни. Однако сложившаяся на данный момент ситуация геополитического противостояния между Россией и США существенно осложняет этот процесс и требует более конкретных методологий изучения. Отечественные этнопсихологи, оценивая эту ситуацию, предлагают собственные и более инструментальные методы ее изучения. Так, несколько российских научных школ за последние годы составили классификацию внешних и внутренних факторов, способствующих формированию новой этнокультурной идентичности в инокультурной среде. Согласно позиции исследователей из Санкт-Петербурга, к внутренним

факторам, влияющим на успешную адаптацию иммигрантов, следует относить, прежде всего, стремление к самореализации и уровень образования, а к внешним – заинтересованность принимающего общества в иммигрантах (Нето, Пшенко, Якушкина, 2011). Другая группа российских исследователей полагает, что к внутренним факторам в не меньшей степени относятся работоспособность иммигрантов, а также их стрессоустойчивость и другие психологические характеристики, способствующие преодолению состояния «перехода», к внешним – этническое происхождение иммигранта и правовые гарантии его защищенности в принимающей стране (Белов, 2009, Лиукконен, 2009).

Аналоги подобного рода классификаций существуют и в западной науке. Например, успешная адаптация измеряется в таких категориях, как «социальное счастье» (Аусан, Berry, 1996) или в параметрах психологического благополучия (Ataca, Berry, 2002; Schmitz, 2001; Ward, 1996). Однако к внешним факторам, препятствующие успешной адаптации иммигрантов, зарубежные авторы чаще всего относят не те объективные условия, которые входят в полномочия государственной власти принимающей страны, а такие показатели, как бедность, семейные проблемы и т. п. (Schoon, 2006).

Тем не менее несмотря на подробные классификационные разработки успешной адаптации мигрантов в современных гуманитарных науках, представляется, что наиболее эффективной методологией при изучении успешности мигрантов все же следует считать системный подход, в наиболь-

шей степени позволяющий установить причинно-следственные связи их вхождения в новую этнокультурную среду (Гриценко, 2002). С позиций междисциплинарных принципов, такого рода подход в одинаковой степени нуждается и в результатах исторических исследований. Например, еще в 1980-х годах Ш.А. Богиной были разработаны сравнительные методы изучения иммигрантов в США, позволившие сопоставлять различные сценарии адаптации, зависящие от этноисторического происхождения иммигрантских групп (Богина, 1965). Использование цивилизационного подхода позволило историку Галине Тарле выявить так называемые «тормозящие» факторы, препятствующие формированию новой идентичности у иммигрантов (Тарле, 1994). Глубокий анализ феномена американской цивилизации способствовал и тому, что дало возможность историку Н.Н. Болховитинову еще в 1990-х годах установить основные принципы «несоприкосновения» американской и русской культуры (Болховитинов, 2001).

В заключение можно сказать, что методологические подходы к пониманию тех изменений, которые сегодня претерпевает идентичность русскоязычных иммигрантов в США, находятся в области междисциплинарных исследований, что не только повышает уровень аналитического рассмотрения иммигрантских проблем в целом, но и позволяет рассчитывать на более глубокое понимание тех адаптационных процессов, с которыми сталкиваются наши соотечественники за океаном.

Список источников

Белов В.Г. Психологическая защита и ее роль в процессе формирования адаптационной системы человека // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 7–12. EDN: KMKWEV.

Богина Ш.А. Этнокультурные процессы в США, конец XVIII – начало XIX в. М. : Наука, 1965. 111, [2] с.

Болховитинов Н.Н. Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М. : Наука. 2001. 495 с.

Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

References

Belov V.G. (2009) Psychological defense and its role in the process of forming of the adaptive system of a person. *Scientific notes of the St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work*. Vol. 11. No. 1. P. 7–12. (In Russ.). EDN: KMKWEV.

Bogina Sh.A. (1965) Ethnocultural processes in the USA, late 18th - early 19th century. Moscow: Science. 111, [2] p. (In Russ.).

Bolkhovitinov N.N. (2001) American civilization as a historical phenomenon. The emergence of the Soviet Union in the American, European and Russian communal areas was. Moscow: Science. 495 p. (In Russ.).

Gennep A., van. (1960) Transfer cases. Systematic study of fertility; 292 p. (Russ. ed.: Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov. Moscow: Western literature, 1999. 198 p.).

Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. : Институт психологии РАН, 2002. 252 с. EDN: TKWQYX.

Лиукконен Е.И. Особенности этносоциальной интеграции из России // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 137–141. EDN: KMKWOB.

Нето Ф.П.С., Пшенко К.А., Якушкина М.С. Социокультурная и правовая адаптация мигрантов как фактор стабилизации миграционных потоков в СНГ // Человек и образование. 2011. № 2 (27). С. 104–108. EDN: NWFFNB.

9802.025. Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек. Park R.E. Cultural conflict and the marginal man // Park R.E. Race and culture. Glencoe, ILL.: The free press, 1950. P. 372–376. (Collected Papers Vol. I) (переводится с сокращениями) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 1998. № 2. С. 172–175. EDN: HKUWUF.

Романовский Н.В. Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов: по поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 3–11.

Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2 кн. Кн. 1. М. : Наследие, 1994. С. 16–24. EDN: RDFUTP.

Шалыгина Н.В. Русские американцы. Поиск новых идентичностей. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2021. 390 с. EDN: OWNPRH.

Aguilar, F.V. (1999) The triumph of instrumental citizenship? Migrations, identities, and the nation-state in Southeast Asia. *Asian Studies Review*, 23(3), 307–336. DOI: 10.1080/10357829908713241.

Anderson, P. English Questions. London: Verso Books, 1992. 384 p.

Ataca, B., Berry, J.W. (2002) Psychological, Sociocultural and Marital Adaptation of Turkish Immigrant Couples in Canada. *International Journal of Psychology*, 37(1), 13–26. DOI: 10.1080/00207590143000135.

Aycan, Z., Berry, J.W. (1996) Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 28(3), 240–251. DOI: 10.1037/0008-400X.28.3.240.

Berry, J.W., Kim, U., Power, S., Young, M. and Bujaki, M. (1989) Acculturation Attitudes in Plural Societies. *Applied Psychology*, 38(2): 185–206. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x.

Breakwell, G.M. & Lyons, E. (eds) (1996) Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Change. International Series in Social Psychology, Butterworth-Heinemann, Oxford, U. K. 454 p.

Domosh, M. (1999). Sexing feminist geography. *Progress in Human Geography*, 23(3), 429–436. DOI: 10.1177/030913259902300306.

Dwyer, C. (1999). Contradictions of Community: Questions of Identity for Young British Muslim Women. *Environ-*

Gritsenko V.V. (2002) Social and psychological adaptation of pereselents in Russia. Moscow: Institute of Psychology RAS. 252 p. (In Russ.). EDN: TKWQYX.

Liukkonen Ye.I. (2009) Features of ethnosocial integration of immigrants from Russia. Education centers of the St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work. Vol. 11. No. 1. P. 137–141. (In Russ.). EDN: KMKWOB.

Neto F.P.S., Pshenko K.A., Yakushkina M.S. (2011) Social, cultural and legal adaptation of migrants as a factor in the stabilization of migration flows in the CIS. *People and education*. No. 2 (27). P. 104–108. (In Russ.). EDN: NWFFNB.

Park R.E. (1950) Cultural conflict and the marginal man. *Race and culture*. Glencoe, ILL.: The free press; P. 372–376. (Collected Papers Vol. I). (Russ. ed.: Kul'turnyi konflikt i marginal'nyi chelovek. Social and human sciences. Serious and insightful literature Series 11, 1998. No. 2. P. 172–175.) EDN: HKUWUF.

Romanovskii N.V. (1999) Sociology and sociology before the face of global cataclysms (According to the Archer and Vallerstein games). *Social research*. No. 3. P. 3–11. (In Russ.).

Tarle G.YA. (1994) History of the Russian Armed Forces: dates, principles, periodization. Cultural heritage of Russian immigration: 1917–1940. In 2 Books. Book 1. Moscow: Naslediyе. P. 16–24. (In Russ.). EDN: RDFUTP.

Shalygina N.V. (2021) Russian Americans in search of new identities. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology named after. N.N. Miklouho-Maclay of the RAS. 390 p. (In Russ.). EDN: OWNPRH.

Aguilar, F.V. (1999) The triumph of instrumental citizenship? Migrations, identities, and the nation-state in Southeast Asia. *Asian Studies Review*, 23(3), 307–336. DOI: 10.1080/10357829908713241.

Anderson, P. English Questions. London: Verso Books, 1992. 384 p.

Ataca, B., Berry, J.W. (2002) Psychological, Sociocultural and Marital Adaptation of Turkish Immigrant Couples in Canada. *International Journal of Psychology*, 37(1), 13–26. DOI: 10.1080/00207590143000135.

Aycan, Z., Berry, J.W. (1996) Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*, 28(3), 240–251. DOI: 10.1037/0008-400X.28.3.240.

Berry, J.W., Kim, U., Power, S., Young, M. and Bujaki, M. (1989) Acculturation Attitudes in Plural Societies. *Applied Psychology*, 38(2): 185–206. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1989.tb01208.x.

Breakwell, G.M. & Lyons, E. (eds) (1996) Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Change. International Series in Social Psychology, Butterworth-Heinemann, Oxford, U. K. 454 p.

Domosh, M. (1999). Sexing feminist geography. *Progress in Human Geography*, 23(3), 429–436. DOI: 10.1177/030913259902300306.

Dwyer, C. (1999). Contradictions of Community: Questions of Identity for Young British Muslim Women. *Environ-*

ment and Planning A: Economy and Space, 31(1), 53-68.
 DOI: 10.1068/a310053.

Ellis, M., Conway, D. and Bailey, A.J. (1996) The Circular Migration of Puerto Rican Women: Towards a Gendered Explanation. *International Migration*, 34(1), 31-64.
 DOI: 10.1111/j.1468-2435.1996.tb00179.x.

Elmhirst, R. (2000) A Javanese Diaspora? Gender and Identity Politics in Indonesia's Transmigration Resettlement Program. *Women's Studies International Forum*, 23(4), 487-500. DOI: 10.1016/S0277-5395(00)00108-4.

Fincher, R. (1997) Gender, Age, and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 29(2), 217-236. DOI: 10.1068/a290217.

Ghaffarian (1987) The acculturation of Iranians in the United States. *The Journal of social psychology*, 127(6), 565-571.

Gidwani, V. and Sivaramakrishnan, K. (2003) Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion. *Annals of the Association of American Geographers*, 93(1), pp. 186-213.
 DOI: 10.1111/1467-8306.93112.

Johnson, E. (2007) *Dreaming of a Mail-Order Husband: Russian-American Internet Romance*. New York, USA: Duke University Press. 208 p. DOI: 10.1515/9780822389750.

Levant, R.F., Cuthbert, A., Richmond, K., Sellers, A., Matveev, A., Mitina, O., Sokolovsky, M., & Heesacker, M. (2003). Masculinity ideology among Russian and U.S. young men and women and its relationships to unhealthy lifestyles habits among young Russian men. *Psychology of Men & Masculinity*, 4(1), 26-36. DOI: 10.1037/1524-9220.4.1.26.

Levi, Giovanni. "On Microhistory," Peter Burke, ed. *New Perspectives on Historical Writing*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1992, pp. 93-114.

Longhurst, R. (2000). Geography and gender: masculinities, male identity and men. *Progress in Human Geography*, 24(3), 439-444. DOI: 10.1191/030913200701540519.

Nagar R., Lawson V., McDowell L., Hanson, S. (2002) Locating Globalization: Feminist (Re)readings of the Subjects and Spaces of Globalization. *Economic Geography*, 78(3), pp. 257-284. DOI: 10.1111/j.1944-8287.2002.tb00187.x.

Nagel, C.R. (2001). Hidden minorities and the politics of 'race': The case of British Arab activists in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27(3), 381-400.
 DOI: 10.1080/136918301200266130.

Oum, Rae Y. (2003) Beyond a Strong State and Docile Women. Reproductive choices, state policy and skewed sex ratio in South Korea. *International Feminist Journal of Politics*, 5(3), pp. 420-446. DOI: 10.1080/1461674032000122768.

Pajo E. (2008). *International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement: An Ethnography of Socioglobal Mobility*. Springer New York, NY. XVIII, 214 p.
 DOI: 10.1007/978-0-387-71953-5.

Pratt, G. and Hanson, S. (1994) Geography and the construction of difference. *Gender, Place & Culture: A Journal of Feminist Geography*, 1(1), pp. 5-29.
 DOI: 10.1080/09663699408721198.

Richmond, Y. *From Nyet to Da: Understanding the Russians*. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1996. 191 p.

ment and Planning A: Economy and Space, 31(1), 53-68.
 DOI: 10.1068/a310053.

Ellis, M., Conway, D. and Bailey, A.J. (1996) The Circular Migration of Puerto Rican Women: Towards a Gendered Explanation. *International Migration*, 34(1), 31-64.
 DOI: 10.1111/j.1468-2435.1996.tb00179.x.

Elmhirst, R. (2000) A Javanese Diaspora? Gender and Identity Politics in Indonesia's Transmigration Resettlement Program. *Women's Studies International Forum*, 23(4), 487-500. DOI: 10.1016/S0277-5395(00)00108-4.

Fincher, R. (1997) Gender, Age, and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 29(2), 217-236. DOI: 10.1068/a290217.

Ghaffarian (1987) The acculturation of Iranians in the United States. *The Journal of social psychology*, 127(6), 565-571.

Gidwani, V. and Sivaramakrishnan, K. (2003) Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion. *Annals of the Association of American Geographers*, 93(1), pp. 186-213.
 DOI: 10.1111/1467-8306.93112.

Johnson, E. (2007) *Dreaming of a Mail-Order Husband: Russian-American Internet Romance*. New York, USA: Duke University Press. 208 p. DOI: 10.1515/9780822389750.

Levant, R.F., Cuthbert, A., Richmond, K., Sellers, A., Matveev, A., Mitina, O., Sokolovsky, M., & Heesacker, M. (2003). Masculinity ideology among Russian and U.S. young men and women and its relationships to unhealthy lifestyles habits among young Russian men. *Psychology of Men & Masculinity*, 4(1), 26-36. DOI: 10.1037/1524-9220.4.1.26.

Levi, Giovanni. "On Microhistory," Peter Burke, ed. *New Perspectives on Historical Writing*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1992, pp. 93-114.

Longhurst, R. (2000). Geography and gender: masculinities, male identity and men. *Progress in Human Geography*, 24(3), 439-444. DOI: 10.1191/030913200701540519.

Nagar R., Lawson V., McDowell L., Hanson, S. (2002) Locating Globalization: Feminist (Re)readings of the Subjects and Spaces of Globalization. *Economic Geography*, 78(3), pp. 257-284. DOI: 10.1111/j.1944-8287.2002.tb00187.x.

Nagel, C.R. (2001). Hidden minorities and the politics of 'race': The case of British Arab activists in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 27(3), 381-400.
 DOI: 10.1080/136918301200266130.

Oum, Rae Y. (2003) Beyond a Strong State and Docile Women. Reproductive choices, state policy and skewed sex ratio in South Korea. *International Feminist Journal of Politics*, 5(3), pp. 420-446. DOI: 10.1080/1461674032000122768.

Pajo E. (2008). *International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement: An Ethnography of Socioglobal Mobility*. Springer New York, NY. XVIII, 214 p.
 DOI: 10.1007/978-0-387-71953-5.

Pratt, G. and Hanson, S. (1994) Geography and the construction of difference. *Gender, Place & Culture: A Journal of Feminist Geography*, 1(1), pp. 5-29.
 DOI: 10.1080/09663699408721198.

Richmond, Y. *From Nyet to Da: Understanding the Russians*. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1996. 191 p.

Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone, M., Lash, S. and Robertson, R., Eds., *Global Modernities*, Sage Publications, London, 25-44.

Schmitz, P.G. (2001) Psychological aspects of immigration. In L.L. Adler & U.P. Gielen (Eds.), *Cross-cultural topics in psychology* (2nd ed., pp. 229–243). Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group.

Schoon, I. (2006) Risk and Resilience: Adaptations in Changing Times. Cambridge: Cambridge University Press. P. 6–23. DOI: 10.1017/CBO9780511490132.

Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. Cambridge: Polity Press, 1999. VIII+238 p.

Walton-Roberts, M. (2004) Rescaling Citizenship: Gendering Canadian Immigration Policy. *Political Geography*, 23(3), pp. 265–281. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.016.

Ward, C. (1996). Acculturation. In D. Landis & R.S. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, (2nd ed.), pp. 124–147.

Weinreich, P. (1991). Ethnic Identities and Indigenous Psychologies in Pluralist Societies. *Psychology and Developing Societies*, 3(1), 73-92. DOI: 10.1177/097133369100300105.

Yee, Shirley. (1997) The “Women” in Women’s Studies. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*, 9(3). 46-64. DOI: 10.1215/10407391-9-3-46.

Yuval-Davis, N. (2006). Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women's Studies*, 13(3), 193-209. DOI: 10.1177/1350506806065752.

Информация об авторе

Шалыгина Наталья Валентиновна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гендерных исследований (ЦГУ),
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-
Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН),
119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, Россия,
e-mail: etgender@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8636-1162>

Вклад автора

Шалыгина Н.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 октября 2023 г.; одобрена после рецензирования 24 мая 2024 г.; принята к публикации 3 июня 2024 г.

Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone, M., Lash, S. and Robertson, R., Eds., *Global Modernities*, Sage Publications, London, 25-44.

Schmitz, P.G. (2001) Psychological aspects of immigration. In L.L. Adler & U.P. Gielen (Eds.), *Cross-cultural topics in psychology* (2nd ed., pp. 229–243). Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group.

Schoon, I. (2006) Risk and Resilience: Adaptations in Changing Times. Cambridge: Cambridge University Press. P. 6–23. DOI: 10.1017/CBO9780511490132.

Tomlinson, J. *Globalization and Culture*. Cambridge: Polity Press, 1999. VIII+238 p.

Walton-Roberts, M. (2004) Rescaling Citizenship: Gendering Canadian Immigration Policy. *Political Geography*, 23(3), pp. 265–281. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.016.

Ward, C. (1996). Acculturation. In D. Landis & R.S. Bhagat (Eds.), *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, (2nd ed.), pp. 124–147.

Weinreich, P. (1991). Ethnic Identities and Indigenous Psychologies in Pluralist Societies. *Psychology and Developing Societies*, 3(1), 73-92. DOI: 10.1177/097133369100300105.

Yee, Shirley. (1997) The “Women” in Women’s Studies. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies*, 9(3). 46-64. DOI: 10.1215/10407391-9-3-46.

Yuval-Davis, N. (2006). Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women's Studies*, 13(3), 193-209. DOI: 10.1177/1350506806065752.

Information about the author

Nataliya V. Shalygina,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Center for
Gender Studies (CGU),
Institute of Ethnology and Anthropology named after
N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences
(IEA RAS),
32aб Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russia,
e-mail: etgender@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8636-1162>

Contribution of the author

Shalygina N.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 17, 2023; approved after reviewing May 24, 2024; accepted for publication June 3, 2024.

Научная статья
УДК 94(47).048+568.9
EDN: CHFBYU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-77-90>

Многофакторный анализ вероятного местонахождения Албазинского Спасского монастыря

А.Ю. Лохов¹, И.Е. Еремин², А.В. Нацвин², А.Н. Черкасов³

¹ Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, Благовещенск, Россия

² Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

³ Институт археологии РАН, Москва, Россия

Аннотация. Фактическое существование Албазинского Спасского монастыря как одного из первых культовых сооружений христианской религии XVII века на Амуре является однозначно подтвержденным и не вызывает каких-либо сомнений. Вместе с тем его истинное местоположение остается актуальной дискуссионной проблемой, поскольку отечественные архивные источники допускают существенные разночтения. Прикладные же исследования, проводимые в области отечественной истории, как правило, сталкиваются с проблемой слабой детализации и смысловой раздробленности даже хорошо сохранившихся архивных данных, достаточно успешно внедренных в действующий научный оборот. В этой связи появление такого нового направления, как «Цифровая гуманитарная наука» (Digital Humanities), предоставило возможность дистанционного доступа к цифровым памятникам и электронным документам и позволило значительно расширить традиционные области гуманитарных знаний, в том числе и в отечественной истории. Примененный авторами в работе подобный подход основан на интеграции классических методов исторических исследований с мощным инструментарием современных IT-технологий, например, общедоступных геоинформационных систем. При этом генерируемые с его помощью результаты обладают несомненным достоинством – полноценной визуальной наглядностью, значительно облегчающей трудоемкую процедуру фактологической проверки их достоверности. Реализация рассматриваемой авторской технологии заключается в высокоточной топографической привязки фактического местоположения полностью утраченного архитектурного комплекса, а также информационной интеграции архивных записей с их картографическими аналогами и соответствующими им же археологическими данными. Смысловое обобщение исходных исторических данных, реализуемое посредством их параметрической компьютерной обработки, позволяет резко повысить общий уровень наглядной детализации исследуемых событий и сформулировать наиболее перспективное направление для обнаружения археологами остатков Спасского монастыря.

Ключевые слова: Албазинский Спасский монастырь, острог, 3D-моделирование, урочище, археологические раскопки, белая гора, лагерь, верификация, топографическая карта, корреляция

Для цитирования: Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В., Черкасов А.Н. Многофакторный анализ вероятного местонахождения Албазинского Спасского монастыря // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 77–90. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-77-90. EDN: CHFBYU.

History

Original article

Multifactorial analysis of the probable location of Albazin Spassky Monastery

Aleksei Yu. Lokhov¹, Ilya E. Eremin², Aleksei V. Natsvin², Andrey N. Cherkasov³

¹ The Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky Far Eastern Higher Combined Arms Command School, Blagoveshchensk, Russia

² Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

³ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The actual existence of the Albazin Spassky Monastery, as one of the first religious buildings of the Christian religion of the XVII century on the Amur, is unequivocally confirmed and does not cause any doubts. At the same time, its true location remains an urgent debatable problem, since domestic archival sources allow for significant discrepancies. Applied research conducted in the field of national history, as a rule, faces the problem of poor detail and semantic fragmentation of even well-preserved archival data, which have been successfully introduced into the current scientific circulation. In this regard, the emergence of such a new direction as Digital Humanities has provided remote access to digital sites and electronic documents and has significantly expanded traditional areas of humanitarian knowledge, including in National history. The similar approach applied by the authors in the work is based on the integration of classical methods of historical research with powerful tools of modern IT technologies, for example, publicly available geographic information systems. At the same time, the results generated with its help have an undoubted advantage - full-fledged visual visibility, which greatly facilitates the time-consuming procedure of factual verification of their reliability. The implementation of the author's technology under consideration consists in high-precision topographic mapping of the actual location of the completely lost architectural complex, as well as information integration of archival records with their cartographic counterparts and corresponding archaeological data. The semantic generalization of the original historical data, implemented through their parametric computer processing, makes it possible to dramatically increase the overall level of visual detail of the events under study, and formulate the most promising direction for archaeologists to discover the remains of the Spassky Monastery.

Keywords: Albazin Spassky monastery, fortress, 3D modeling, tract, archaeological excavations, Belaya Gora, camp, verification, topographic map, correlation

For citation: Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V., Cherkasov A.N. (2024) Multifactorial analysis of the probable location of Albazin Spassky Monastery. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 77-90. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-77-90. EDN: CHFBYU.

Является очевидным, что предварительная оценка фактической достоверности исходной информации, променяемой в качестве первичных или же справочных источников, непосредственно используемых для решения любой научной задачи, подразумевает объективную необходимость её всесторонней и разноплановой систематизации. В свою очередь прикладные исследования, проводимые в области отечественной истории средневекового Дальнего Востока, как правило, сталкиваются с проблемой слабой детализации и смысловой раздробленности даже хорошо сохранившихся архивных данных (Русско-китайские отношения..., 1969¹; Русско-китайские отношения..., 1972²), достаточно успешно внедренных в действующий научный оборот (Мелихов, 1974; Мясников, 1980; Александров, 1984; Беспрозванных, 1986).

Использование современных информационных технологий в традиционной сфере гуманитарных знаний способствовало появлению цифровой гуманитарной науки. Так была основана научная дисциплина «историческая информатика». Это,

вновь сформированное научное направление, появилось и развивается в настоящее время благодаря расширению возможностей дистанционного доступа к оцифрованным репликам объектов культурного наследия, а также электронной базе данных исторических документов. Данный способ, при описании тех или иных исторических событий, позволяет исследователям не только сократить время на поиск необходимой информации, но и значительно увеличить её объём. Следует отметить, что уникальностью подобного способа является возможность практического воплощения мультидисциплинарных методик, основанных на совмещении классических методов исторических исследований (Трухин, Багрин, 2019. С. 411–412) с многочисленным инструментарием современных информационных технологий (Владимиров, 2005; Саблин, 2013), к которым относятся геоинформационные системы и 3-Дмоделирование. В ходе их использования получается результат, обладающий наиболее полноценной визуальной наглядностью, что также является несомненным достоинством, значительно облегчающим трудоемкий процесс фактологической проверки достоверности исторических данных.

Вышеописанные способы непосредственной реализации рассматриваемой технологии уже были реализованы в одной из работ авторов (Лохов,

¹ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. 1608–1683 / Демидова Н.Ф., Мясников В.С. М. : Наука, 1969. Т. 1. 613 с.

² Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. 1686–1691 / Демидова Н.Ф., Мясников В.С. М. : Наука, 1972. Т. 2. 835 с.

Трухин, Зайцев, 2021). В ней использовалась высокоточная топографическая привязка для определения фактического места расположения Нерчинского острога 1689 года, который после подписания русско-китайского мирного договора сразу был перестроен в город. Именно в процессе строительства Нерчинского города был утрачен внешний вид уникального архитектурного комплекса XVII века. В свою очередь информационная интеграция архивных документов с их картографическими аналогами, а также соответствующими им же археологическими данными позволила обоснованно осуществить прототипирование внешнего облика и внутреннего устройства другого образца русского деревянного оборонного зодчества аналогичного периода – Албазинского острога. Этот фортификационный комплекс на разных этапах своего существования также подвергался модификации в результате известных исторических событий (Лохов, Еремин, Нацвин, 2023а). Также авторами была произведена реалистичная визуализация отдельно взятых архитектурных объектов, расположенных на внутренней территории этого острога (Трухин, Нацвин, 2020). Таким образом, установлено, что смысловое объединение исходных исторических, а также использование полученных археологических данных, реализуемое посредством их параметрической компьютерной манипуляции, позволяет существенно повысить общий уровень визуальной конкретизации исследуемых событий.

Немного сложнее обстоит вопрос, связанный с попытками исследователей восстановить образы архитектурных объектов, расположенных в отрыве от вышеупомянутых архитектурных комплексов на известном лишь по описаниям удалении и предположительном месте расположения. Одним из таких объектов является Албазинский Спасский монастырь, основанный в 1761 году иеромонахом Гермогеном, выдвинувшимся зимой 1665–1666 гг. на Амур в составе группы беглых казаков под руководством Никифора Черниговского (организатора убийства Илимского воеводы Л. Обухова), является однозначно подтвержденным и не вызывает каких-либо сомнений. Однако его истинное местоположение по сей день остается актуальной дискуссионной проблемой, поскольку отечественные архивные источники XVII века допускают существенные разночтения. Тем не менее общая характери-

стика текущего состояния рассматриваемой задачи описана как рядом фундаментальных источников (Артемьев, 1999; Игнатий, 2004), так и достаточно подробно детализирована в периодических научных изданиях (Артемьев, 2000; Степанов, 2011; Степанов, 2012; Забияко, Трухин, 2021; Лохов, Еремин, Нацвин, 2022).

Будучи в монашеском статусе, Гермоген, вероятнее всего, расположился в уединённом месте. Этому способствовал отшельнический образ жизни монаха. Вместе с тем локация его месторасположения, так называемая «Спасская пустыня», находилась в относительной близости от возводимого казаками острога. Так впоследствии в этом уединённом месте возник Албазинский Спасский монастырь. Но находясь в отрыве от расположения людей, как и подобало большинству существующих в то время обителей православия, повседневная деятельность рассматриваемого монастыря значительно затрагивала другие сферы общественной жизни, не входившие в общепринятые стереотипы молитвенников, занятых вдали от мирской жизни помышлением «О вечном». Такая ситуация была обусловлена банальными человеческими потребностями и тесным сопряжением подобной деятельности с мирскими делами, жизненно необходимыми в суровых условиях Сибири и Дальнего Востока. Подтверждением тому является поездка Милованова в Китай с посольской миссией в 1675 году, обеспеченная лошадьми из табуна, которым обладал монастырь к тому времени. Также наличие кузницы и двух водяных мельниц говорят о существовании пашенных земель в ведении монастыря.

В свою очередь основным источником первичной информации, необходимой для целенаправленного поиска физически исчезнувших построек Спасского монастыря, начатого Р.К. Мааком ещё в середине XIX века и безуспешно продолжающегося до настоящего момента времени, служат архивные документы (Трухин, Крюков, 2019)³. При этом полученные из вышеуказанных документов исторические данные даже после обобщения весьма расплывчато указывают на место вероятно-

³ Трухин В.И., Крюков В.В. Албазинское воеводство (сборник документов). Хабаровск : Библиотека Дальневосточного казачества, 2019. 628 с.

го расположения монастыря, а именно на урочище «Брусняной камень», находившегося на удалении более чем в одну версту выше по течению на левом берегу Амура. Следует отдельно отметить, что аналогичная картина находит свое непосредственное подтверждение и на китайской карте конца XVII века, хранящейся в библиотеке конгресса США (Артемьев, 1999). Действительно, детализация названного графического документа позволяет выделить изображение отдельно стоящего здания, напоминающего храм и расположенного примерно в том же самом месте, где и должен был находиться исследуемый исторический объект (рис. 1).

Для иллюстрации неоднозначности результатов, генерируемых только лишь с помощью архивных данных, приведем примеры традиционных трактовок возможного расположения Албазинского Спасского монастыря. Первая из подобных формулировок гласит (Александров, 1984): «В непосредственной близости от Албазина, в полутора верстах от него вверх по Амуру, был основан Спасский монастырь, при котором существовало подворье. По другую сторону Албазина, в одной версте вниз по Амуру, монастырские старцы в урочище Брусняной камень выстроили еще пустынь с церковью и основали свое пашенное хозяйство...». Другими словами, основополагающая версия указывала на наличие двух монастырей, а

так называемое урочище Брусняной камень, неизвестное в настоящее время, но являющееся основным ориентиром, располагалось к югу от острога.

С другой стороны, более поздняя формулировка утверждает (Артемьев, 1999): «В четырех километрах выше Албазина по течению Амура, на скалистом берегу р. Ульдугичи, в урочище Брусняной Камень в 1671–1685 гг., находился Спасский монастырь... В монастыре было всего четыре монаха, которые зарабатывали себе на пропитание тем, что мололи албазинцам зерно на двух монастырских мельницах». Таким образом, имеет место фактически противоположная картина – монастырь был один, а урочище Брусняной камень находилось к северу от острога. Поскольку вторая версия одновременно не противоречит ни русским историческим архивам, ни китайской карте, остановимся на ней более подробно.

В 1962 году сотрудник Албазинского музея А.Н. Дорохина обнаружила группу следов от старинных жилищ, которые находились в полукилometре к югу от устья впадающей в Амур реки Ульдугичи. Примечательно то, что среди местных жителей бытовало мнение о связи местоположения монастыря с нижним течением именно этой реки. В 1973 году археологами: В.В. Сухих, С.Г. Глинским и Б.С. Сапуновым была проведена геологическая разведка данной местности, в результате которой

Рис. 1. Картографический рисунок «Luosha», изображающий первую осаду Албазина
Fig. 1. Map-schematic drawing “Luosha” depicting the first siege of Albazin

были зафиксированы более 40 западин 3 x 4 и 4 x 5 метров, а также две западины 6 x 6 метров (Артемьев, 1994⁴; Артемьев, 1999). В 1993 году экспедицией А.Р. Артемьева был составлен топографический план остатков так называемой «Монастырской слободы» (рис. 2).

Стоит отметить, что Артемьеву удалось выявить уже только 35 западин, а каких-либо остатков монастыря найти так и не удалось. В свою очередь планомерные исследования местности в районе устья реки Ульдугичи возобновились в 2011 году Албазинской археологической экспедицией под руководством А.Н. Черкасова. При этом на противоположном берегу от «Монастырской слободы» было обнаружено еще одно древнее поселение, датируемое периодом палеометалла и названное «Ульдугичи-1». Изучение соответствующего культурного слоя позволяет утверждать, что находящиеся вблизи от Албазинского острога земли были освоены людьми задолго до его основания русскими поселенцами. При этом раскопки выявили многочисленный археологический материал, отражающий культурную составляющую тех самых людей, населявших Западное Приамурье задолго до начала его русской колонизации в середине XVII века (рис. 3).

Учитывая совокупность схожих свойств обоих археологических объектов, напрашивается вполне логичный вывод, что и западины Монастырской слободы являются остатками жилищ нерусского происхождения, не имеющими отношения к возможной локализации местоположения исследуемого монастыря. Таким образом, современная гипотеза наиболее вероятного места для поиска остатков Спасского монастыря основывается на сосредоточении внимания к устаревшему наименованию урочища. Также можно предположить, что мельницы монастыря находились на берегу реки Мельничной. Поэтому авторами была предпринята попытка установления её исторического русла. Само название урочища «Брусанной камень» объясняется наличием некой каменистой возвышенности, камни которой имеют продолговатую четырехгранную форму, напоминающую брус. Подобное толкование и проведенный анализ территории, окружавшей городище, дают возможность связать предполагаемое место урочища с возвышенным участком берега, скалистым по своей фактуре, расположенным выше по Амуру. В настоящее время в этом предполагаемом месте расположена действующая пограничная застава (Вдовина, 2024⁵).

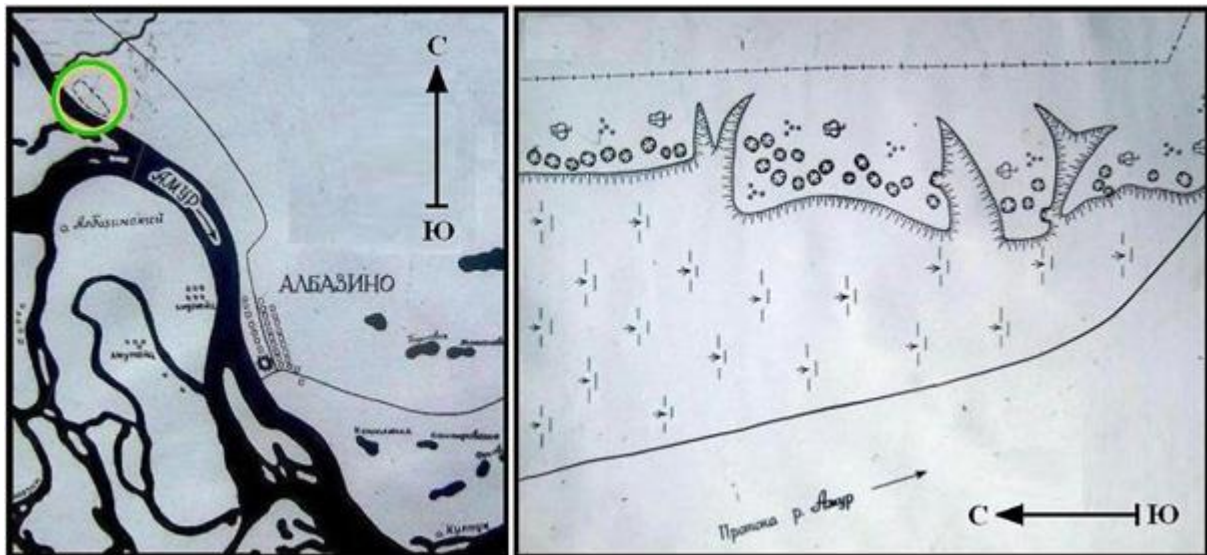

Рис. 2. Топографические схемы западин на левом берегу реки Ульдугичи: ситуационный план (слева); план Монастырской слободы (справа)

Fig. 2. Topographic schemes of the depressions on the left bank of the Uldugichi River: situational plan (left); plan of the Monastic settlement (right)

⁴ Артемьев А.Р. Отчет о работах Амурского археологического отряда в 1993 году. Владивосток, 1994.

⁵ Вдовина В.Р. Отчет об археологических разведках в селе Албазино Сковородинского района Амурской области в 2022 году. Москва, 2024.

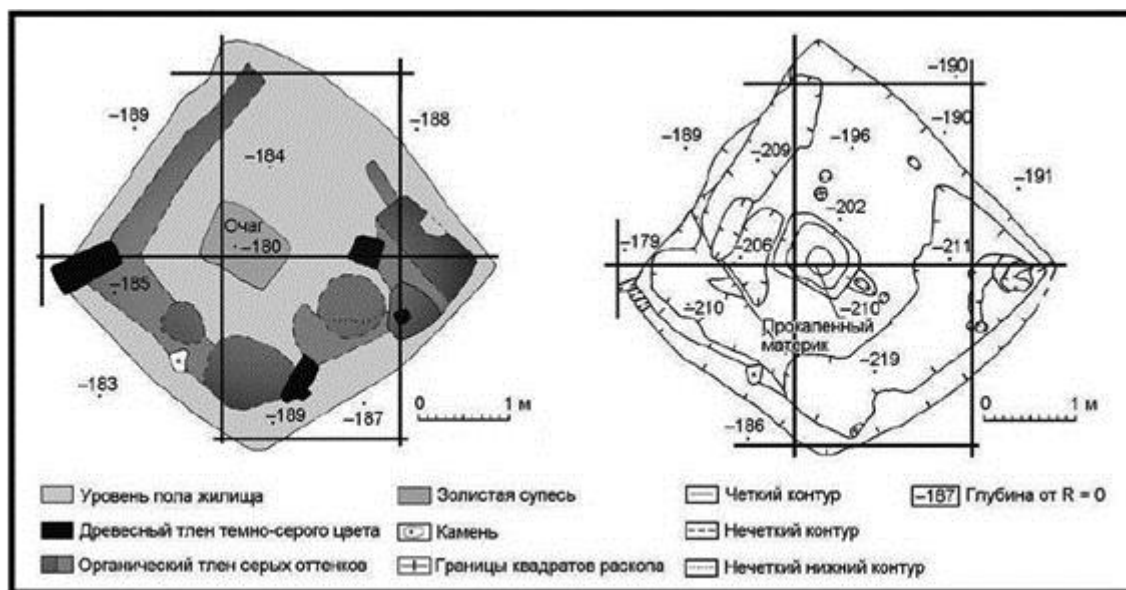

Рис. 3. Полуподземное жилище культуры Мохэ. Поселение Ульдугичи-I: уровень пола жилища (слева); уровень дна котлована жилища (справа)

Fig. 3. Semi-underground dwelling of the Mohe culture. The settlement of Uldugichi-I: the floor level of the dwelling (left); the floor level of the excavation of the dwelling (right)

Действительно, на расстоянии полутора километров севернее от Албазинского городища находится овраг, примыкающий к Амуру и образующий на своем правом берегу мыс, вполне подходящий для удобного расположения какого-либо поселения, в том числе и монастыря. Между этим местом и городищем размещена плавная излучина Амура, вследствие чего описываемое пространство достаточно хорошо просматривается с территории Албазинского острога, что должно было бы являться несомненным плюсом для размещения связанного с ним монастыря. Таким образом, овраг неплохо подходит для его гипотетической идентификации в качестве старого русла реки Мельничной. С целью проверки перечисленных теоретических предпосылок склоны оврага были осмотрены от улицы Пограничной до реки Амур на протяжении 200 метров к северо-востоку. Однако никаких следов культурного слоя XVII века обнаружено не было. Кроме того, в ходе разведок в северной части села обследовалось фактическое месторасположение ныне разрушенного Свято-Троицкого храма, построенного в Албазинской станице, предположительно в 1890 году, и являвшегося главным храмом Албазинского казачьего округа (Вдовина, 2024)⁶.

Подводя общий итог практических результатов многолетних попыток обнаружения остатков Албазинского Спасского монастыря, можно констатировать следующее. Во-первых, местоположения урочища Брусняной камень и реки Мельничной до сих пор остаются фактически не известными. Во-вторых, прослеживается устойчивая тенденция к непосредственному смещению района их целенаправленного поиска в направлении Албазинского городища (рис. 4).

Таким образом, значительная разница в расстоянии между острогом и предполагаемым местом расположения монастыря вызывает противоречие между существующими решениями рассматриваемой задачи и архивными данными, фактически указывающими на одну версту, практически равной одному километру. При этом не вызывает сомнений первоочередность поиска на местности реки Мельничной, упоминание которой присутствует на голландской карте, опубликованной Н. Витсенем в 1687 году (Забияко, Трухин, 2021). В свою очередь сопоставление названного графического документа с современной топографической картой исследуемой местности позволяет предположить, что искомая река может рассматриваться в качестве эквивалента мелководной реки Шептурка, огибающей территорию Албазинского городища в настоящее время и имеющей достаточно четкое старое русло, распо-

⁶ Вдовина В.Р. Отчет об археологических разведках в селе Албазино Сковородинского района Амурской области в 2022 году. Москва, 2024.

Рис. 4. Текущая картина целенаправленного поиска Спасского монастыря
Fig. 4. The current picture of the purposeful search for the Spassky Monastery

ложенное в ущелье, образованном двумя близлежащими возвышенностями (рис. 5).

Для обоснования данного предположения можно использовать следующие теоретические предпосылки. С одной стороны, схематическое изображение нижнего течения рек, названных на карте Витсена Албазинской и Мельничной, достаточно четко повторяет контуры действительного русла Ульдугичи и высохшего русла Шептурки. При этом позиции Албазинского острога оказываются в устье Шептурки-Мельничной, что полностью соответствует как архивным, так и современным данным. С другой стороны, учитывая одно из общепринятых определений термина «урочище», общая совокупность исторического русла Шептурки-Мельничной и двух окаймляющих его возвышенностей может быть идентифицирована как урочище Брусянной камень, представляющее собой топографический объект, корректно охватывающий весь набор ключевых поисковых ориентиров, включая территорию Албазинского городища. Кроме того, Шептурка-Мельничная скорее всего изображена в виде безымянной реки еще на одной более поздней карте Витсена (рис. 6).

Детализация названного графического документа, использующего достаточно большое число непосредственных условных обозначений и сопутствующих им комментариев, вскрывает дополнительный ряд достаточно интересных факторов. Во-первых, на рассматриваемой карте можно относительно просто выделить схематическое изображение урочища Брусянной камень, полностью укладывающееся в его определение, предлагаемое авторами. Во-вторых, на ней обнаруживается дополнительный ориентир, отмеченный Витсеном в качестве «Белой горы» и имеющий относительно четкий аналог на упоминаемом выше китайском картографическом рисунке XVII века (рис. 7).

В свою очередь предпринятая авторами попытка обнаружить нечто, напоминающее белую гору на космическом снимке современной территории села Албазино, даёт неожиданный результат. Скорее всего Белая гора – это скальная возвышенность, непосредственно занятая пограничной заставой. При этом китайский рисунок однозначно указывает на то, что Спасский монастырь и Белая гора являлись различными объектами и располагались на заметном удалении друг от друга. Пере-

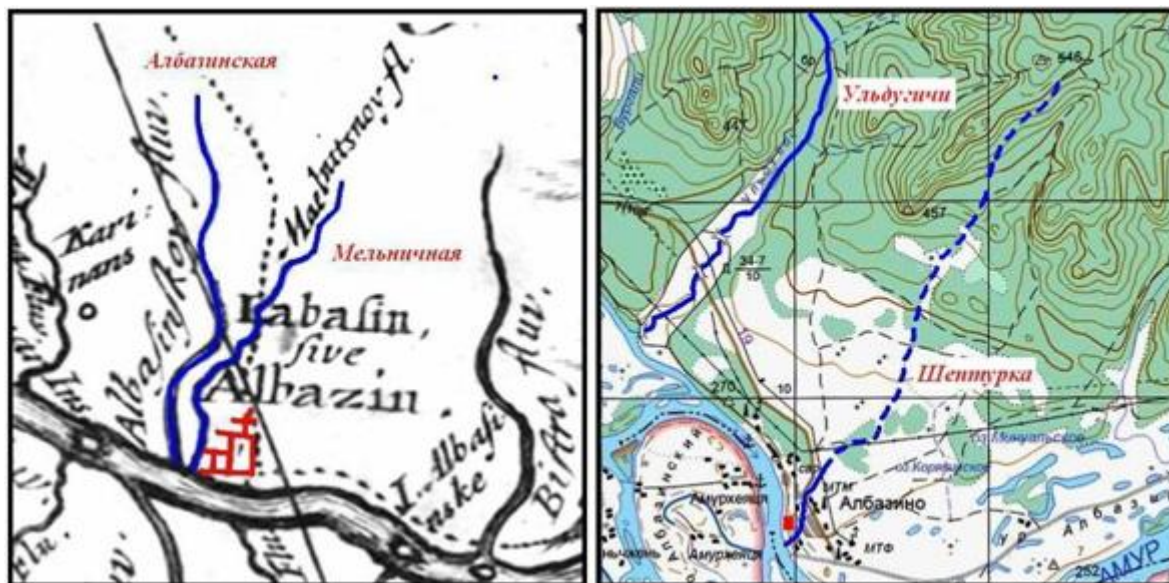

Рис. 5. Историко-географическое сопоставление устаревших и текущих названий рек: фрагмент карты 1687 года (слева); современная топографическая карта (справа)

Fig. 5. Historical and geographical comparison of outdated and current names of rivers: a fragment of the map of 1687 (left); a modern topographic map (right)

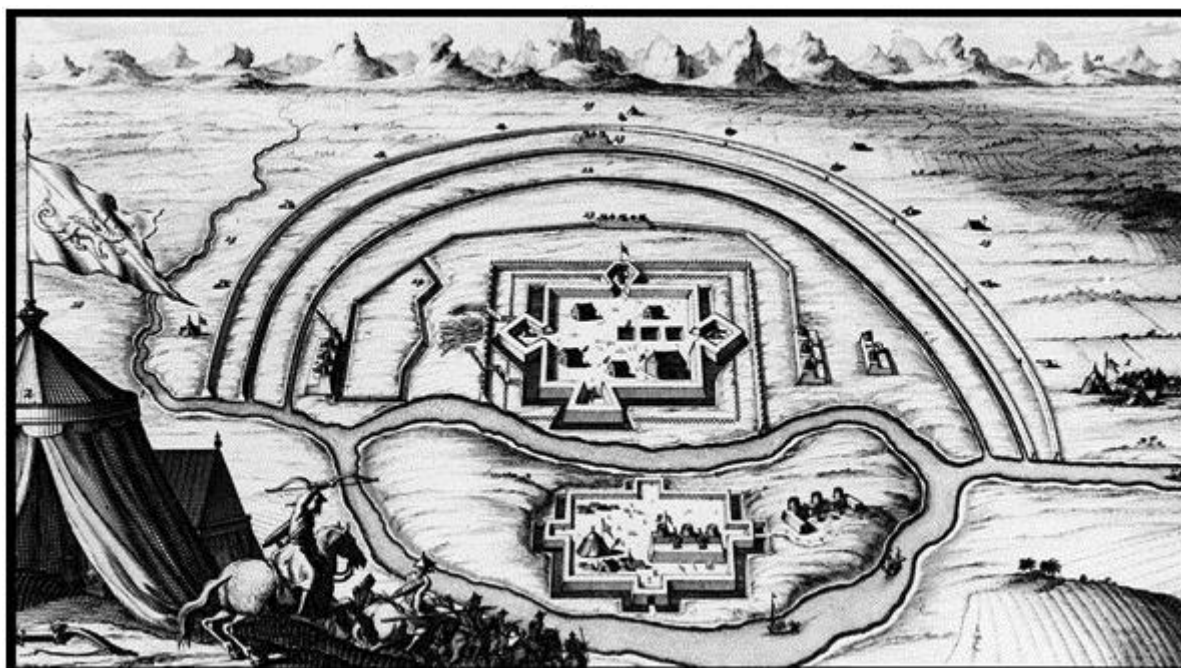

Рис. 6. Карта второй осады Албазина, опубликованная Витсеном в 1692 году

Fig. 6. Map of the second siege of Albazin, published by Witsen in 1692

численные обстоятельства вызывают обоснованное сомнение в достоверности второй из традиционных версий его истинного местонахождения. Кроме того, необходимо отметить, что изображение монастыря, попадающего на китайском рисунке в створ между двумя возвышенностями, неплохо укладывается в авторское толкование урочища Брусянной камень.

Для исправления сложившейся ситуации можно использовать следующий алгоритм целенаправленной локализации наиболее потенциально-го места исторического расположения Албазинского Спасского монастыря (Лохов, Еремин, Нацвин, 2022). Во-первых, используя спутниковый снимок окрестностей Албазина, необходимо обозначить круговую зону с радиусом от центра городища,

равным одному километру. Во-вторых, на полученной таким образом зоне поиска необходимо обозначить контуром русло существующего ручья Шептурка и остатки исчезнувшей реки Мельничной. В-третьих, потенциальное местонахождение монастыря должно строго соответствовать двум обозначенным ранее требованиям: это расположение внутри зоны, обозначенной круговой лини-

ей и в непосредственной близости от старого русла реки Мельничной. Таким образом, подтверждается эффективность выбранного варианта решения поиска монастыря. Вышеуказанные утверждения авторов вполне обоснованно указывают на район, выделенный светло-коричневым цветом на представленном в работе рисунке, то есть на месте расположения сельской школы (рис. 8).

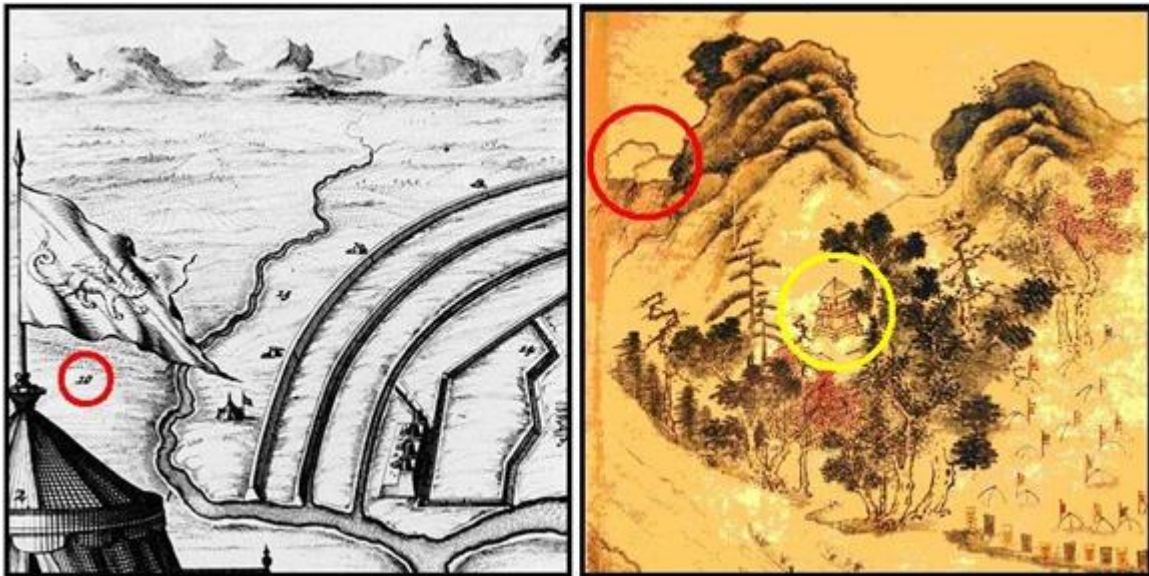

Рис. 7. Идентификация ориентира «Белая гора» на исторических картах: фрагмент карты Витсена (слева); фрагмент рисунка «Luosha» (справа)

Fig. 7. Identification of the landmark "White Mountain" on historical maps: a fragment of Witsen's map (left); a fragment of the drawing "Luosha" (right)

Рис. 8. Авторская интерпретация наиболее вероятного местоположения монастыря: детализация «верстового радиуса» (слева); общий ситуационный план (справа)

Fig. 8. The author's interpretation of the most likely location of the monastery: a detailed "mile radius" (left); a general situational plan (right)

Таким образом, расширение инструментария практического решения рассматриваемой задачи, реализуемое путем объектно-ориентированной детализации содержания архивных источников, анализируемого с позиции выявления его строгого соответствия современным топографическим данным, позволяет кардинально изменить смысл исходной исторической информации. Действительно, используя предлагаемую методику, становится возможным совершенно четко транслировать ключевое описание местоположения Албазинского Спасского монастыря, заимствуемое из текста «Допроса в Сибирском приказе» албазинского казака Ивашки Коркина, посланного в Москву с соболиной казной (Забияко, Трухин, 2021): «...Да в той же де Лобкаевской слободке построена часовня да мельница у кр(е)стьян... А ходу от албазинско[го] до Лабкаева лугу три дни. Да блиско ж де Албазинсково в н[из] по Амуру, [здесь «вниз по Амуру» относится к Албазину в значении – Албазин, который расположен вниз по Амуру от Лавкаева луга] с версту на брусеномкам[ени] построена пустыня...».

В свою очередь, несмотря на уничтожение монастыря после первой осады Албазина, проведенной маньчжурами в 1685 году, его местоположение упоминается А. Толбузиным в донесении И. Власову о начале второй осады Албазина: «В нынешнем во 194 году, июля в 7 день, пришли под Албазинск неприятельские богдойские воинские многие люди в большом собрание, на бусах и горою конми, с огненным городовым приступным боем и с пушки; и июля, господине, с 7 числа да июля ж по 12 число неприятельские богдойские люди обошли Албазинск город бусами вверх по зарешную сторону протокою, и стоят по верхнюю сторону города под монастырем и ниже монастыря к Албазинску, по обе стороны Амура реки; а богдойская сила и конница обошла горою и стоит круг Албазинска, и пушки наведены на город с четырех сторон, и из пушек по Албазинску городу бьют и приступают накрепко...» (Дополнения..., 1867. С. 257)⁷.

⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 10. СПб.: Тип. Э. Пранца, 1867. VIII, 504 с. С. 257.

Названное обстоятельство обуславливает возможность верификации фактической достоверности предлагаемого авторами решения за счет детализации справочной информации, описывающей местоположение маньчжурских осадных позиций 1686 года. При этом могут быть практически использованы, во-первых, соответствующие архивные записи: «...Да в четырех местах [у маньчжуров] построены роскаты, и на тех роскатах поставлено по 2 пушки, да около одного роскату поставлено 15 пушек ломовых, а против города за Амуром зделан вал земляной же... Да они ж, неприятельские люди, около Албазина зделали 3 городка, и в тех городках построили многие юрты» (Русско-китайские отношения..., 1972. С. 110)⁸.

Во-вторых, сопутствующие исследуемой тематике графические документы, к числу которых, помимо ранее упомянутой голландской карты Витсена 1692 года, могут быть отнесены топографические планы Албазинского селения, составленные российской императорской военно-топографической службой и советскими краеведами, соответственно, в 1902 и 1953 годах (Голубцов, 1902; Новиков-Даурский, 1953) (рис. 9).

В-третьих, современные археологические данные: «Вблизи Албазинского городища частично сохранились осадные сооружения маньчжуров, возведенные ими в ходе осады острога 1686 г. Согласно письменным источникам, маньчжуры возвели вокруг Албазина земляной вал и ров, а вблизи стен острога – насыпь для пушек (Дополнения..., 1867. С. 265⁹; Русско-китайские отношения..., 1972. С. 694¹⁰). Последняя, называемая местными жителями «батарежкой», находится в 150 м севернее городища. Сам вал оказался, как и на рисунке Н. Витсена трехрядным, о чем письменные источники не сообщали. Его остатки сохранились только в 0,8 км к востоку от острога на незастроенной и незанятой огородами тер-

⁸ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М. : Наука, 1972. Т. 2. 835 с. С. 110.

⁹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. СПб.: Тип. Э. Пранца, 1867. Т. 10. VIII, 504 с. С. 265.

¹⁰ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М. : Наука, 1972. Т. 2. 835 с. С. 694.

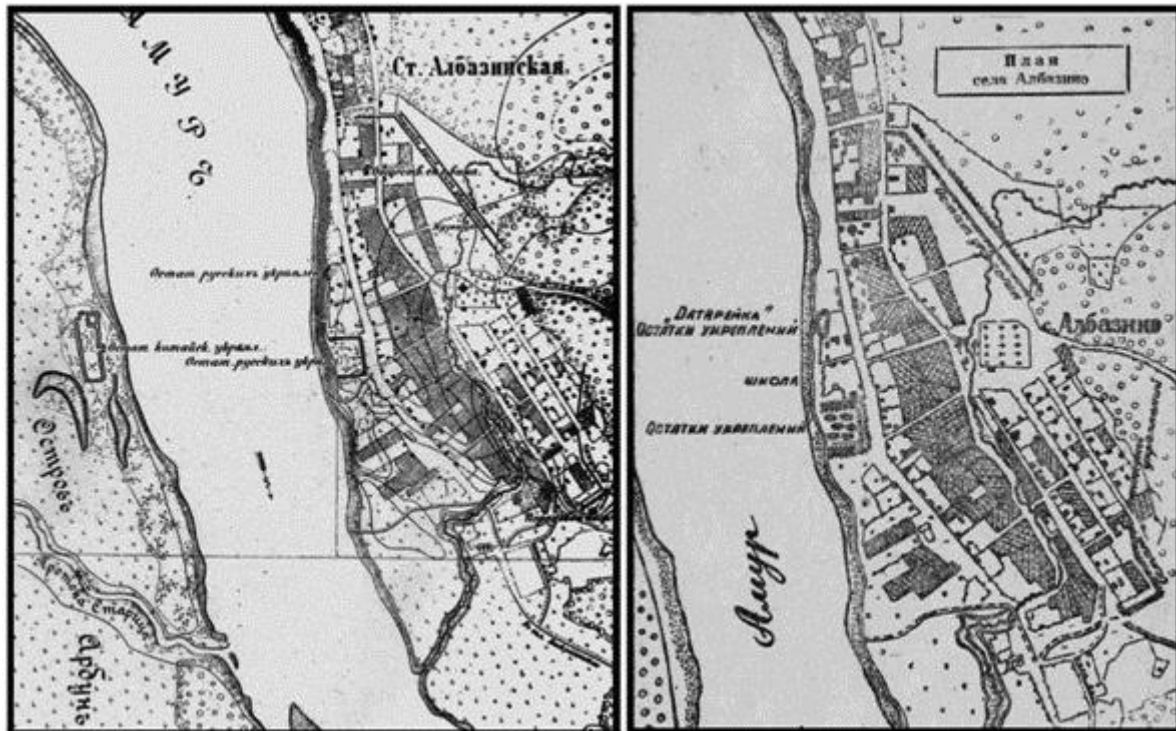

Рис. 9. Топографические планы Албазина, составленные в начале и середине XX века: съемка императорских топографов (слева); краеведческая схема (справа)

Fig. 9. Topographic plans of Albazin, drawn up in the early and mid-20th century: survey of imperial topographers (left); local history scheme (right)

ритории современного села. На участке около 100 м нами прослежены все три вала шириной до 6 м и высотой до 1 м, разделенные рвами глубиной до 0,5 м, а внешний вал сохранился частями на протяжении около 300 м. Местонахождение маньчжурского лагеря за третьим валом зафиксировано пока только в одном месте, в 300 м северо-восточнее острога...».

Объектно-ориентированная детализация общего содержания перечисленных источников дает возможность генерации следующего фактологического описания маньчжурских осадных городков-лагерей. Их было три, все они сопрягались с внешним земляным валом, при этом физически сохранились остатки только одного (южного) городка. Однако места расположения остальных лагерей (северного и северо-восточного), наиболее актуальные для доказательства правильности авторской гипотезы, могут быть вполне корректно реконструированы путем совмещения изображений на карте 1902 год, примыкавших к ним валов с современным рельефом исследуемой местности (Лохов, Еремин, Нацвин, 2023b).

Итоговый результат, полученный в рамках описываемой технологии, показан на рисунке 10, на котором использованы следующие условные обозначения. Красным цветом отображены контуры остатков маньчжурских осадных позиций 1686 года, документально зафиксированных на топографической карте 1902 года. Желтые линии воспроизводят наиболее вероятный характер общего вида их недостающих фрагментов. Линии голубого и охристого цветов изображают действующее и высохшее русло реки Шептурка. Коричневые круг и ромб обозначают, соответственно, район общеобразовательной школы села Албазино и территорию Албазинского городища.

Объективный анализ содержательного соответствия представленной синтетической реконструкции описанию местоположения монастыря, использующего его привязку к маньчжурским осадным городкам, указывает на наиболее высокую степень их объективной корреляции. Достаточно очевидно, что применение этих же данных для аналогичной оценки версий «Монастырская слобода» и «Погранзастава» дает гораздо худшие результаты.

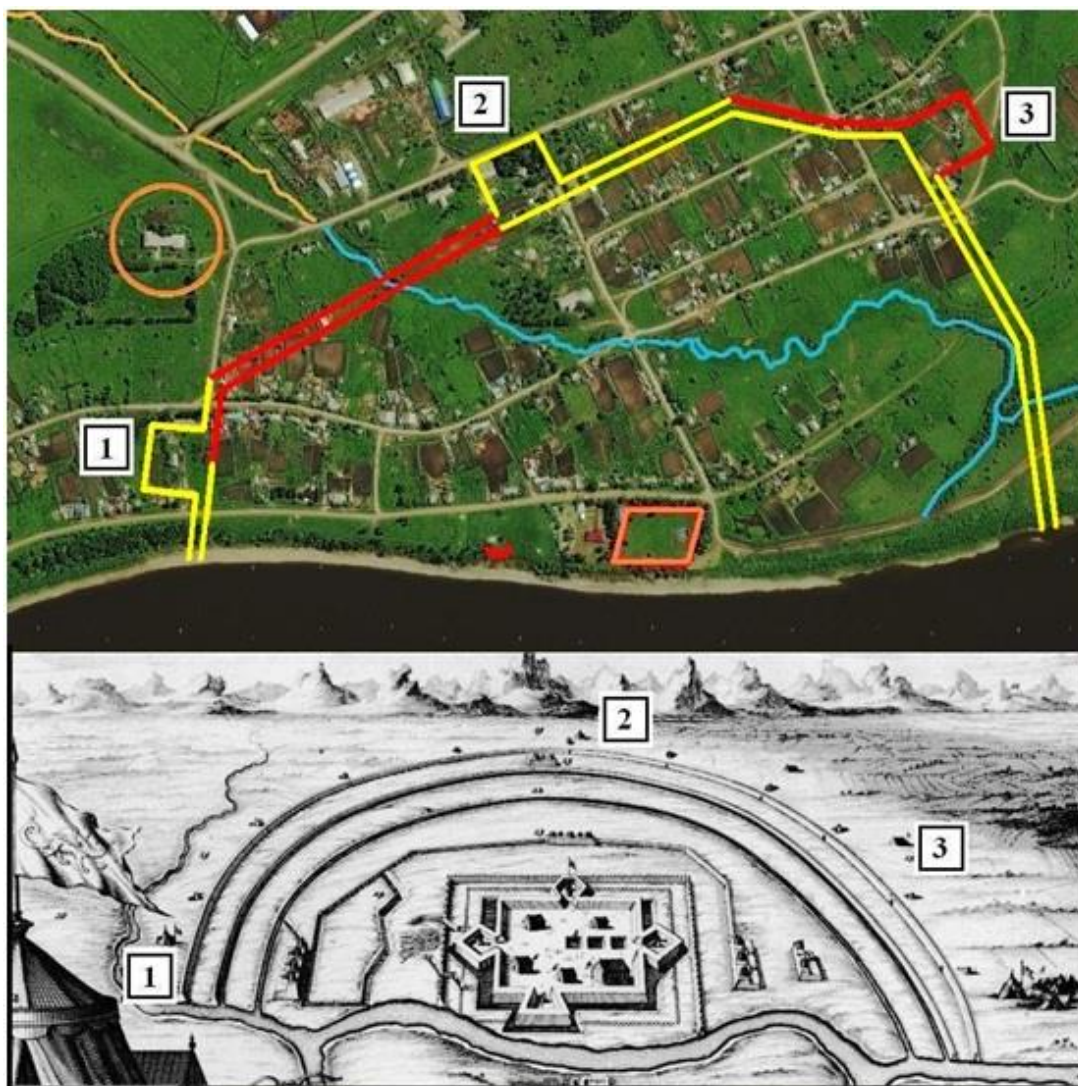

Рис. 10. Комплексная верификация топографических и архивных данных: общий ситуационный план (вверху); детализация карты Винсена (внизу)

Fig. 10. Comprehensive verification of topographic and archival data: general situation plan (top); detailed map of Vincennes (bottom)

В заключение статьи важно отметить, что последнее слово в ответе на вопрос о действительном месте нахождения Албазинского Спасского монастыря, безусловно, остается за археологами. Однако, принимая во внимание многофакторность

непосредственно используемых справочных и контрольных данных, авторская версия целесообразной необходимости изменения общего направления его поиска может быть признана наиболее перспективной.

Список источников

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 271 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 335 с.

Артемьев А.Р. Русская православная церковь в Забайкалье и Приамурье во второй половине XVII–XVIII в. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2000. № 2 (90). С. 31–39. EDN: XTBQNV.

References

Aleksandrov V.A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing House. 271 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 335 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (2000) The Russian Orthodox Church in Transbaikalye and Priamurye in the second half of the XVII-XVIII centuries. *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*. P. 31-39. (In Russ.). EDN: XTBQNV.

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 334 с.

Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2005. 192 с. EDN: VMUZHT.

Голубцов Н.З. История древнего города Албазина. Благовещенск : Тов. Д.О. Мокин и Ко, 1902. 28 с.

Забияко А.П., Трухин В.И. Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований // Религиоведение. 2021. № 1. С. 34–50. DOI: 10.22250/2072-8662.2021.1.34-50. EDN: HMBMXD.

Игнатий (Чигвинцев), иером. Албазинская святыня: книга об истории Албазинской иконы Божией Матери «Слово Плоть Бысть». Благовещенск : Зея, 2004. 112 с.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Фактологическое обоснование местонахождения Албазинского Спасского монастыря // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4. С. 144–149. DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-144-149. EDN: SICLAH.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. II // Вестник Брянского государственного университета. 2023а. № 1. С. 110–118. DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-110-118. EDN: WRXRNN.

Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Реконструкция маньчжурских позиций при второй осаде Албазина // Известия Лаборатории древних технологий. 2023б. Т. 19. № 1. С. 115–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-115-128. EDN: PZMIBA.

Лохов А.Ю., Трухин В.И., Зайцев И.В. Нерчинский острог 1689 года // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 119–131. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-119-131. EDN: DXJXVQ.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-востоке (XVII в.). М. : Наука, 1974. 246 с.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М. : Наука, 1980. 312 с.

Новиков-Даурский Г.С. Открытие Амура русскими и начало освоения края // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. 1953. Т. 2. С. 28–51.

Саблин И.В. Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу // Историческая информатика. 2013. № 1. С. 10–16. EDN: RMULYZ.

Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. 2011. № 12. С. 53–58. EDN: PATEWJ.

Степанов Д. Русская православная церковь в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в последней трети XVII века // Родина. 2012. № 10. С. 140–144. EDN: PCPTLH.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела:

Besprozvannykh E.L. (1986) Amur region in the system of Russian-Chinese relations: XVII - mid. XIX century. Khabarovsk: Publishing House. 334 p. (In Russ.).

Vladimirov V.N. (2005) Historical geoinformatics: geoinformation systems in historical research. Barnaul: Altai State University. 192 p. (In Russ.). EDN: VMUZHT.

Golubtsov N.Z. (1902) The history of the ancient city of Albazin. Blagoveshchensk: Comrade D.O. Mokin and Co. 28 p. (In Russ.).

Zabiyako A.P., Trukhin V.I. (2021) Albazin Spassky Monastery: major milestones in history and research results. *Religious Studies*. No. 1. P. 34-50. (In Russ.). DOI: 10.22250/2072-8662.2021.1.34-50. EDN: HMBMXD.

Ignatius (Chigvintsev), Jerome. (2004) Albaza shrine: a book about the history of the Albaza Icon of the Mother of God “The Word Flesh Was”. Blagoveshchensk: Zeya. 112 p. (In Russ.).

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022) Factual substantiation of the location of the Albazinsky Spassky Monastery. *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. No. 4. P. 144-149. (In Russ.). DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-144-149. EDN: SICLAH.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2023a) Historical and archaeological modeling of the Albazin fort during the second siege. II. *Bulletin of the Bryansk State University*. No. 1. P. 110-118. (In Russ.). DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-110-118. EDN: WRXRNN.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2023b) Reconstruction of Manchurian positions during the second siege of Albazin fortress. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 115-128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-115-128. EDN: PZMIBA.

Lokhov A.Yu., Trukhin V.I., Zaitsev I.V. (2021) The Nerchinskiy fortress 1689. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 119-131. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-4-119-131. EDN: DXJXVQ.

Melikhov G.V. (1974) Manchus in the North-East (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Myasnikov V.S. (1980) The Qing Empire and the Russian State in the XVII century. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. (1953) The discovery of Amur by Russians and the beginning of the development of the region. *Notes of the Amur Regional Museum of Local Lore and the Society of Local Lore*. Vol. 2. P. 28-51. (In Russ.).

Sablin I.V. (2013) Historical GIS: from visualization to post-representational analysis. *Historical Computer Science*. No. 1. P. 10-16. (In Russ.). EDN: RMULYZ.

Stepanov D. (2011) Albazin in the XVII century: military and spiritual fortress of the Amur region. *Rodina*. No. 12. P. 53-58. (In Russ.). EDN: PATEWJ.

Stepanov D. (2012) Russian Orthodox Church in Eastern Siberia and the Far East in the last third of the 17th century. *Rodina*. No. 10. P. 140-144. (In Russ.). EDN: PCPTLH.

Trukhin V.I., Bagrin E. A. (2019) Albazinsky prison in 1665/1666–1689: fortification and defenders – the experience of historical reconstruction. *History of military affairs:*

исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431. URL: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (дата обращения 20.05.2024).

Трухин В.И., Нацвин А.В. Реконструкция внешнего облика Воскресенской церкви Албазинского острога // Религиоведение. 2020. № 1. С. 123–131. DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.123-131. EDN: RBIUOG.

Информация об авторах

Лохов Алексей Юрьевич,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра тактики, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, 675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, 158, Россия, e-mail: kluger999@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Еремин Илья Евгеньевич,

доктор технических наук, профессор, профессор, кафедра информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет, 675021, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, Россия, e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Алексей Викторович Нацвин,

аспирант, кафедра информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет, 675021, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21, Россия, e-mail: natsvin1998@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Черкасов Андрей Николаевич,

старший лаборант, отдел бронзового века, Институт археологии РАН, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Россия, e-mail: ppamur@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9534-1755>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 мая 2024 г.; одобрена после рецензирования 2 июня 2024 г.; принята к публикации 17 июня 2024 г.

research and sources. Vol. 10. P. 385-431. (In Russ.). Available from: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (Accessed 20.05.2024).

Trukhin V.I., Natsvin A.V. (2020) Reconstruction of the external appearance of Voskresenskaya Church of Albazin fortress (Albazinsky ostrog). *Religious Studies*. No. 1. P. 123-131. (In Russ.). DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.123-131. EDN: RBIUOG.

Information about the authors

Aleksei Yu. Lokhov,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Tactics Department, The Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky, 158, Lenin St., Blagoveshchensk 675021, Russia, e-mail: kluger999@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Ilya E. Eremin,

Dr. Sci. (Technical), Professor, Professor, Department of Information and Control Systems, Amur State University, 21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia, e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Aleksei V. Natsvin,

Postgraduate, Department of Information and Control Systems, Amur State University, 21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia, e-mail: natsvin1998@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Andrey N. Cherkasov,

Senior laboratory assistant, Bronze Age department, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 19, Dm. Ulyanov St., Moscow 117036, Russia, e-mail: ppamur@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9534-1755>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 6, 2024; approved after reviewing June 2, 2024; accepted for publication June 17, 2024.

Научная статья
УДК 908:930
EDN: RUNVDD
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-91-103>

Строительство православных храмов в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века

О.Е. Наумова, И.В. Наумов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена истории развития церковного строительства в Восточной Сибири в период его становления. В её историографическом обзоре рассмотрен общий ход развития научных исследований по заявленной теме, свидетельствующий о недостаточной изученности. В статье раскрыты основные особенности строительной политики Русской православной церкви в регионе в различные этапы рассматриваемого периода. Показан вклад духовенства и местного населения в процесс церковного строительства. Подробно освещена роль всех иркутских архиереев в организации строительства православных храмов в Восточной Сибири после создания в 1727 г. на её территории самостоятельной административно-церковной структуры – Иркутской епархии и особенно в переходе к строительству из каменных материалов, а также подведены итоги их деятельности в этом направлении. В ней отражены основные архитектурные стили, господствовавшие в строительстве храмов в Восточной Сибири и последовательно сменявшие друг друга в XVII – первой половине XIX века («шатровый», «сибирское барокко», «классицизм» и др.). Указаны архитектурные шедевры церковного строительства в регионе, в т. ч. сохранившиеся до настоящего времени. Освещены организационные, технологические и финансовые аспекты церковного строительства, а также многочисленные сложности и препятствия, с которыми сталкивались организаторы и участники этого процесса, и пути их преодоления. В статье отмечена роль и место строительства православных храмов в культурном развитии Восточной Сибири в рассматриваемый период и как «культурного наследия» прошлого. В заключение содержатся выводы по итогам изучения темы.

Ключевые слова: архитектура, духовенство, епархия, икона, монастырь, православие, стиль, храм, церковь, часовня

Для цитирования: Наумова О.Е., Наумов И.В. Строительство православных храмов в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 91–103. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-91-103. EDN: RUNVDD.

History

Original article

Construction of Orthodox churches in Eastern Siberia in the 17th - first half of the 19th century

Olga E. Naumova, Igor V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the history of the church construction development in Eastern Siberia during its evolution. The general evolution of scientific research on the declared subject indicating an insufficient knowledge was observed in its historiographical review. The article reveals the main features of the Russian Orthodox Church's construction policy in the region at various stages of the period under review. The contribution of the clergy and local population to the process of church building is demonstrated. The role of all Irkutsk bishops in organization of The Orthodox churches building site in Eastern Siberia after the establishment of an independent administrative and religious structure, the Irkutsk diocese, in its territory, especially, the transition to stone construction is given coverage to on details. Also, the results of their activities in that field are summarized. The main architectural styles dominated the church construction in Eastern Siberia and successively succeeded each other in the 17th - first half of the 19th century ("tent-roofed", "Siberian baroque", "classicism", etc.) are considered and architectural masterpieces of

religious sites construction in the region including those survived to nowadays in the region are indicated. The organizational, technological and financial aspects of the church construction are covered as well as the numerous difficulties and obstacles faced by the organizers and participants of that process, and the ways to overcome them. The article notes the role of the Orthodox churches construction in the cultural development of Eastern Siberia during the period under review and as a “cultural heritage” of the past. The conclusion contains the eductions based on the results of studying the subject.

Keywords: architecture, clergy, diocese, icon, monastery, the Orthodox Church, style, temple, church, chapel

For citation: Naumova O.E., Naumov I.V. (2024) Construction of Orthodox churches in Eastern Siberia in the 17th - first half of the 19th century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 91-103. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-91-103. EDN: RUNVDD.

XVII – первая половина XIX века – это период первоначального освоения Восточной Сибири после её присоединения к России. Русская православная церковь сыграла огромную роль в этом процессе. Её духовенство принимало самое активное и непосредственное участие в хозяйственном освоении и развитии Восточной Сибири и, прежде всего, в строительстве. Зачастую именно представители церкви основывали новые поселения русских колонистов, развивали промыслы и ремёсла, строили различные здания, мельницы и солеварни, выступали инициаторами новых хозяйственных начинаний.

Одним из самых главных направлений в деятельности православной церкви стало строительство храмов и других церковных объектов, без которых она просто не могла существовать и осуществлять свои функции. По инициативе и при прямом участии русского духовенства в Восточной Сибири в рассматриваемый период было построено большое количество православных храмов, многие из которых являлись настоящими архитектурными шедеврами и стали украшением и гордостью региона. В качестве примера можно назвать кафедральный Богоявленский собор в Иркутске, Спасскую, Крестовоздвиженскую, Троицу, Преображенскую церкви (Иркутск); ансамбли Иркутского Вознесенского, Селенгинского Свято-Троицкого, Посольского Спасо-Преображенского монастырей; церкви в с. Тельма (Иркутская обл.), в с. Кудара (Республика Бурятия), в с. Амга (Республика Саха-Якутия) и другие.

Часть из них сохранилась до наших дней и сегодня, являясь нашим культурным наследием, выполняет не только чисто религиозную функцию, но также и функцию эстетического и культурного воспитания. В связи с этим представляется целесообразным и важным изучить строительную деятельность православной церкви в Восточной Сибири в

XVII – первой половине XIX века, её основные формы и методы, вклад церковного строительства в развитие архитектуры и культуры, в распространение православия в регионе и его закрепление за Россией.

Следует отметить, что церковное строительство в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века долгое время не вызывало заметного интереса у исследователей в отличие от некоторых других регионов России. В то же время нельзя сказать, что они совсем ничего не писали по данной теме. Первые сведения о церквях в Восточной Сибири и их строительстве можно найти уже в сочинениях авторов XVII века – русского посла в Китай Николая Спафария, проезжавшего через регион (Спафарий-Милеску, 1960), знаменитого раскольника протопопа Аввакума, сосланного в Забайкалье (Аввакум Петров, 1911), и некоторых других, которые рассказывали об увиденном, в том числе и о православных храмах. Отдельные факты о строительстве церквей в Восточной Сибири содержатся и в трудах авторов XVIII века: С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (Крашенинников, 1949), Г.Ф. Миллера «История Сибири» (Миллер, 1941), И. Фишера «Сибирская история» (Фишер, 1774) и других.

Гораздо больше сведений о церковном строительстве в регионе в рассматриваемый период приводится в исторической литературе, опубликованной в XIX и начале XX века до революционных событий 1917 г., прежде всего, в трудах по истории Русской православной церкви. Их авторами были церковные и светские историки.

Из трудов обобщающего характера, посвященных всей церковной истории России, для изучения именно церковного строительства в Восточной Сибири наибольший интерес представляет двухтомная фундаментальная работа пензенского

епископа Амвросия Орнатского «История российской иерархии», опубликованная еще в начале XIX века (Амвросий Орнатский, 1807). Автор собрал и опубликовал обширные фактические сведения по истории восточно-сибирских монастырей – XVIII века. В том числе уделил внимание и их строительству. Он описал его ход и перечислил всех инициаторов и организаторов их постройки, привел отдельные интересные подробности.

Во второй половине XIX и начале XX века было издано большое количество работ, посвященных отдельным аспектам церковной истории (См., например, Догуревич, 1897; Знаменский, 1873; Кильчевский, 1908 и др.). Для большинства из них характерны отличное знание предмета изучения, ясная и последовательная логика изложения, глубокий анализ сути исследуемых явлений в деятельности церкви, попытки связать свое изложение с общеполитической и экономической ситуаций в стране, выяснить её влияние на жизнь церкви. Однако история именно церковного строительства почему-то не стала тогда предметом специального исследования. О нем авторы приводили лишь отдельные факты. Пожалуй, больше всего сведений о ходе церковного строительства в Восточной Сибири дает двухтомный труд профессора Казанской духовной академии И.М. Покровского «Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и приделы». Исследуя жизнь епархий Русской православной церкви, автор собрал и обобщил огромный фактический материал. Его работа интересна, прежде всего, статистическими данными о количестве церквей в регионе в различные периоды, позволяющими проследить общую динамику и ход церковного строительства в Восточной Сибири.

Во второй половине XIX – начале XX века появляются работы, непосредственно посвященные деятельности православной церкви в регионе в рассматриваемый период (См., например, Барсуков, 1883; Громов, 1868; Чефранов, 1907 и др.). Это, прежде всего, жизнеописания местных архиереев, а также статьи в церковных журналах об отдельных небольших сюжетах из истории церкви. Особое место среди них занимают «Путевые записки» архиепископа Нила Исаковича, опубликованные в Ярославле в 1889 г. (А.Н., 1869–1871). Они содержат описание путешествий автора по Иркутской епархии в период, когда он её возглавлял. Он по-

дробно описал практически все встретившиеся ему восточно-сибирские церкви и привел сведения о строительстве некоторых из них. Особенно много места в его заметках занимает описание иркутских храмов. Нил охарактеризовал практически все городские церкви, привел факты из истории их строительства, назвал имена иркутян, на средства которых были построены эти архитектурные шедевры, ныне составляющие гордость города.

В советский период отечественной истории изучение истории русской православной церкви и в том числе церковного строительства не поощрялось. В трудах советского периода в церковном строительстве авторы приводили лишь отдельные, ранее опубликованные факты, касавшиеся наиболее известных храмов.

Изучение деятельности Русской православной церкви возобновилось в 1990-е годы и продолжается по сей день. В это время было опубликовано значительное количество работ на эту тему. В той или иной степени авторы затронули и тему церковного строительства в Восточной Сибири. Наиболее интересны и содержательны с этой стороны монографии О.Е. Наумовой «Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века» (Иркутск, 1996) и И.В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии» (М., 2000). Первая содержит немало сведений статистического характера, характеризующих ход церковного строительства в регионе, а также сведения о строительстве отдельных храмов. Вторая содержит описание практически всех церквей, находившихся на территории современной Иркутской области с XVII века до момента написания книги. Однако основное внимание автор уделила не строительству храмов, а описанию их архитектуры и внутреннего устройства, а также их судьбе. Ряд интересных работ посвящен строительству и истории конкретных церквей.

Однако в целом, несмотря на обилие работ в той или иной степени затрагивающих тему церковного строительства в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века в период её первоначального освоения эта тема не стала предметом специального комплексного исследования. Данную статью можно рассматривать как первую попытку приближения к комплексному исследованию церковного строительства в Восточной Сибири в рассматриваемый период.

Источниками для написания статьи стали данные уже опубликованных трудов, а также некоторые материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Иркутской области.

Основными методами исследования являлись сравнительно-исторический и проблемно-хронологический. Также использовались общенаучные методы исследования: анализа, синтеза, абстрагирования.

Начало церковного строительства в Восточной Сибири неразрывно связано с её присоединением к Российскому государству в XVII веке и её заселением и освоением русскими людьми. Уже в отрядах первых землепроходцев в Восточную Сибирь нередко находились православные священники, которые исполняли церковные службы и обряды, а также пытались обратить в христианство местное население.

Первую церковь в Восточной Сибири построили в 30-е годы XVII века в Якутском остроге (Сумароков, 1884. С. 648). Однако в начале освоения региона строили в основном не церкви, а часовни. Это было связано не со сложностью постройки храмов. Все русские землепроходцы умели обращаться с топором и имели навыки строительства, а стройматериалов вокруг в виде непроходимой тайги было в избытке. Главная причина заключалась в отсутствии достаточного количества икон, колоколов и других атрибутов храмов, которые в условиях полного бездорожья очень долго доставлялись из Европейской России. Постройку церквей замедляла и необходимость получения разрешения сибирского архиерея на их строительство. И хотя архиереи, как правило, сразу же выдавали разрешение на строительство и начинали хлопотать перед патриархом об обустройстве запланированного к постройке храма, из-за бездорожья этот процесс растягивался на несколько лет. Строительство часовен таких разрешений не требовало, не нужны им были и колокола и другие храмовые атрибуты. На крайний случай достаточно было одной небольшой иконы, перед которой можно было помолиться. Поэтому часовни и появились в Восточной Сибири раньше церквей. Их строили во всех вновь основанных русских острогах и крупных деревнях – слободах. Когда и где была построена первая часовня точно неизвестно. Вообще часовни были недолго-

вечны, они нередко сгорали в частых пожарах, их разбирали после постройки церквей или они тихомирно приходили в запустение и сгнивали. До наших дней в Восточной Сибири сохранилась единственная часовня из XVII века. Это надвратная часовня в Спасской башне Илимского острога, построенная в 1667 г., которая ныне расположена на территории историко-этнографического музея «Тальцы» под Иркутском.

Постепенно по мере освоения региона стали строить и церкви. В 1640-е гг. были построены церкви в Братском, Верхотурском и Илимском острогах. В последующие десятилетия церкви строятся в Албазине, Киренске, Нерчинске, Нижнеудинске и других острогах, а также в некоторых слободах. В Иркутске – будущем административном, экономическом, культурном и религиозном центре Восточной Сибири – первую церковь (Спасскую) возвели в начале 1670-х гг. Вскоре была построена церковь Богоявления, а к началу XVIII века в городе насчитывалось уже семь православных храмов (Наумова, 1996. С. 25). Всего в Восточной Сибири к началу XVIII века было построено около 40 церквей (Овчинников, 1896. С. 449–450).

Во второй половине XVII века в Восточной Сибири основываются первые монастыри. В 1662 г. под руководством старца Иосифа началось строительство самого первого из них – Якутского Спасского. К концу века на его территории было уже три церкви. Через год, в 1663 г. иеромонах Гермоген начал строительство Киренского Свято-Троицкого монастыря. В 1672 г. недалеко от Иркутска старец Герасим основал крупнейший впоследствии в Восточной Сибири Иркутский Вознесенский монастырь. В 1680-е гг. строятся Селенгинский Свято-Троицкий и Посольский Спасо-Преображенский монастыри. В 1693 г. началось строительство единственного женского монастыря на территории региона – Иркутского Знаменского (Наумова, 1996. С. 26). Всем этим монастырям предстояло сыграть видную роль в хозяйственном и культурном освоении Восточной Сибири.

Православные церкви, построенные в XVII веке, были деревянными и поэтому недолговечными. До наших дней сохранилось лишь два храма. Это Казанская церковь Илимского острога, построенная в 1679 г. и расположенная ныне в музее «Тальцы», и Зашиверская церковь XVII века из Яку-

тии, перевезенная в историко-этнографический музей под Новосибирском. Время сохранило нам лишь отдельные имена или фамилии строителей храмов XVII века. Прежде всего, это монахи – основатели монастырей и священники – Герасим, Гермоген, Иосиф, поп Пётр Максимов, построивший упомянутую Казанскую церковь в Илимске, а также и светские лица: Никита Климов, строитель церкви Иоанна Предтечи в Киренском монастыре, Изот Кузнецов, построивший Спасскую церковь в Нижнеудинском остроге, Влас Сидоров, строитель Иркутского Знаменского монастыря, и некоторые другие.

Что касается архитектурного стиля восточно-сибирских церквей XVII века, то он зависел от географического происхождения их строителей. Как известно в разных регионах Европейской России архитектура храмов отличалась друг от друга. Люди, приходившие в Сибирь, приносили с собой и свои архитектурные традиции, которые находили свое воплощение именно в строительстве церквей. Насколько можно судить, церковные строители XVII века были свободны в выборе стиля, все зависело от их вкуса или вкуса заказчика, а также от их навыков и умений. В частности, очевидно, что указ знаменитого патриарха Никона во время церковной реформы в середине XVII века, приведшей к церковному расколу, запрещающий использовать при строительстве храмов известный «шатровый стиль», в Восточной Сибири не исполнялся или не применялся. Поскольку значительная часть храмов того времени была построена в «шатровом стиле». Более того, этот стиль использовался и в первой половине XVIII века. Так, даже колокольня построенного тогда каменного кафедрального Богоявленского собора в Иркутске первоначально до своего обрушения в результате землетрясения была исполнена именно в «шатровом стиле».

Церковное строительство активно продолжалось в течение следующего XVIII века. В это время в Восточной Сибири начали строить не только недолговечные деревянные, но и каменные храмы. Первую каменную церковь в регионе – Спасскую, заложили в Иркутске в 1706 г. по инициативе иркутского воеводы А.С. Сенявина. Руководил строительством московский каменщик Моисей Иванович Долгих, который ранее принимал участие в постройке первого каменного здания в Сибири –

кафедрального Софийского собора в главном сибирском городе Тобольске и каменного храма в г. Верхотурье на Урале. Строительство Спасской церкви завершили в 1713 г. (Калинина, 2000. С. 140). Позднее, уже на рубеже 1750-х – 1760-х гг. к церкви пристроили большую ярусную колокольню. В 1708 г. в Якутске иркутский викарный епископ Варлаам Коссовский заложил каменный Троицкий собор в Якутске, ставший вторым каменным сооружением в Восточной Сибири. В 1718 г. в Иркутске началось строительство третьего каменного храма – Богоявленского кафедрального собора, постройка которого растянулась почти на 30 лет.

Большое значение для развития церковного строительства в Восточной Сибири имело создание здесь самостоятельной церковно-административной структуры – Иркутской епархии. В январе 1727 г. императрица Екатерина I утвердила указ Синода об её образовании. Первым иркутским архиереем стал знаменитый Иннокентий Кульчицкий, позднее канонизированный Русской православной церковью. Первоначально в состав епархии включили территорию Иркутского, Селенгинского и Нерчинского уездов (современные Прибайкалье и Забайкалье) Иркутской провинции, образованной в 1724 г. в составе Сибирской губернии. Всего при возникновении епархии в ней было 4 монастыря – Иркутские Вознесенский мужской и Знаменский женский, Посольский Спасо-Преображенский и недавно основанный Нерчинский Успенский мужской, а также 42 церкви (Часть неофициальная // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. № 48. С. 499). Из них лишь один храм был каменным – Спасская церковь в Иркутске.

Несколько позже, в 1731 г. по ходатайству Иннокентия Кульчицкого, в состав Иркутской епархии включили Балаганский, Илимский, Охотский и Якутский уезды – практически всю восточную часть Сибири до её тихоокеанского побережья, а также Киренский и Селенгинский Свято-Троицкие и Якутский Спасский монастыри. При этом территория епархии почти совпала с территорией Иркутской провинции, и она стала самой крупной в Российской империи, охватив гигантскую площадь более чем в 6,5 миллиона квадратных километров. На этой территории в 1731 г. находилось 73 церкви, шесть мужских монастырей и один женский (Часть

неофициальная // Ярославские епархиальные ведомости. 1861. № 46. С. 477).

Большое значение строительству храмов на необъятных просторах Иркутской епархии придавали все её архиереи рассматриваемого периода. Так, уже второй архиерей Иннокентий Нерунович, возглавлявший епархию в 1732–1747 гг., настойчиво добивался от Синода средств на церковное строительство. В частности, он сумел убедить его в необходимости строительства храма в Верхневилюйском остроге, в закладке которой принял участие (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 23. Д. 129. Л. 1), а также каменной Успенской церкви в Нерчинском Успенском монастыре. Ходатайствовал Иннокентий Нерунович и о постройке в Якутском Спасском монастыре богадельни для престарелых крещенных якутов, которая одновременно должна была служить приютом для приезжающих в монастырь на крещение (Там же. Оп. 16. Д. 57. Л. 1). В Иркутске при Неруновиче построили деревянный архиерейский дом и полностью достроили каменный кафедральный Богоявленский собор. Всего за годы его правления Иркутской епархией в Восточной Сибири было построено более 30 церквей (Наумова, 1996. С. 48).

После смерти Иннокентия Неруновича в 1747 г. Иркутская епархия в течение шести лет оставалась без епископа, что негативно сказалось на её состоянии, в том числе и на церковном строительстве. Тем не менее и в эти годы оно не прекращалось. Так, например, в 1748 г. Синод принял решение и выделил финансирование на строительство трех новых церквей на Камчатке в дополнение к трем уже там имевшимся (РГИА. Ф. 796. Оп. 28. Д. 259. Л. 57). В 1749 г. началось строительство каменного Вознесенского собора в одноименном монастыре под Иркутском.

В 1753 г. императрица Елизавета Петровна своим указом Синоду предписала назначить новым иркутским архиереем наместника столичной Александро-Невской лавры и своего личного духовника иеромонаха Софрония Кристалевского. Вскоре Синод возвел его в сан епископа Иркутского и Нерчинского (Наумова, 1996. С. 55–56). В марте 1754 г. Софроний прибыл в Иркутск и энергично взялся за возрождение епархии. Первым делом он предписал точно выяснить, сколько в ней уже по-

строено церквей. Обследование показало, что в 1754–1755 гг. в Восточной Сибири было 99 храмов. В том числе: в Иркутске и уезде – 27; в Селенгинске и уезде – 20; в Нерчинске и уезде – 13; в Илимске и уезде – 22; в Якутске и уезде – 10; в Охотске и уезде – 7 (из них 6 на Камчатке) (РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 344. Л. 351). Почти все они были деревянными.

Центральное место в деятельности Софрония Кристалевского как иркутского архиерея, безусловно, занимала забота о строительстве и благоустройстве храмов. Во время своих первых поездок по Восточной Сибири он не раз встречал церкви, в которых печи топились «по-черному». Это приводило к частым пожарам, когда церкви сгорали нередко дотла. В 1756 г. архиерей своим указом запретил строить храмы с отоплением «по-черному» и приказал во всех церквях, где необходимо, перестроить печи «по-белому» (с печными трубами). За 17 лет правления Софрония удалось увеличить количество церквей на 25. При этом немало деревянных церквей были перестроены в каменные. В частности, каменные храмы возвели в Иркутских Вознесенском и Знаменском, Селенгинском Свято-Троицком и Посольском Спасо-Преображенском монастырях (Наумова, 1996. С. 68). Очень красивый каменный Одигитриевский собор построили в Верхнеудинске (Улан-Удэ).

Особенно активно при Софронии каменные храмы строились в главном городе Восточной Сибири – Иркутске. Тогда были построены Крестовоздвиженская, Михайло-Архангельская (Харлампиевская), Тихвинская, Троицкая и Чудотворская церкви, а также колокольня Спасской церкви, украсившие город и придавшие ему своеобразный колорит (Пежемский, Кротов, 1911. С. 73, 74, 75, 76, 77, 92, 97 и др.). Все эти прекрасные, богато украшенные храмы были построены в архитектурном стиле «барокко», широко распространенном в России в XVIII веке. Однако им был присущ особый местный колорит, который позже получил название «сибирское барокко». Для него характерно использование восточных мотивов и традиций местного прикладного искусства в украшении и отделке церквей. Возможно, на возникновение «сибирского барокко» повлияли вкусы заказчиков строительства церквей, которыми все чаще становились местные купцы. Построенные в Иркутске при Софронии в стиле «сибирского барокко» храмы послужили об-

разцом для строительства каменных церквей в других местах Восточной Сибири.

Софроний Кристалевский не только поощрял строительство новых каменных храмов и настаивал на необходимости их украшения и благоустройства, но и сам участвовал в этом. В частности, именно он стал инициатором расширения и благоустройства кафедрального Богоявленского собора и изыскал на это средства. По его заказу в Москве отлили два бронзовых соборных колокола весом более четырех с половиной и трех тонн, украсили богатой ризой знаменитую на весь регион икону Казанской Богоматери (Наумова, 1996. С. 68). В XX веке Русская православная церковь канонизировала Софрония Кристалевского.

После его смерти в 1771 г. новым иркутским архиереем стал Михаил Миткевич, продолживший политику активного церковного строительства в Восточной Сибири. При нем, в придачу к 124 уже имевшимся здесь церквям, добавились еще 29 (Там же. С. 70). При этом Михаил Миткевич, как и его предшественник, поощрял строительство именно каменных храмов. Их стали возводить в других населенных пунктах Восточной Сибири. В частности, в его правление (1772–1789) были построены каменные Спасский собор в Балаганске, церкви: Воскресенская в Нижнеудинске, Спасская в Урике, Сретенская в Бельске, Троицкая в Киренском Свято-Троицком монастыре и некоторые другие. Все они имели характерные черты «сибирского барокко». В Иркутске были построены каменные Владимирская церковь и первое здание духовной семинарии, учрежденной в 1779 г. Также в это время были полностью достроены некоторые церкви, начатые постройкой ранее, в том числе и каменные.

При следующем иркутском архиерее Вениамине Багрянском, который возглавлял епархию четверть века с 1789 по 1814 г., в церковном строительстве в Восточной Сибири произошли заметные изменения. В это время здесь на смену «сибирскому барокко» в архитектуре храмов постепенно приходит стиль – классицизм. Однако переход от одного стиля к другому проходил в регионе неспешно, в отличие от Европейской России. Поэтому церкви, возводившиеся при Вениамине Багрянском как каменные, так и деревянные, строились и в стиле «сибирского барокко» и в классическом

стиле. К примерам первого можно отнести, в частности, такие каменные храмы как Благовещенская церковь в Иркутске, Ильинская церковь в с. Анга – родине знаменитого Иннокентия Вениаминова, Покровская церковь в с. Нижнеилимск. К примерам второго – церковь Григория Неокессарийского в Иркутске, Казанскую церковь в с. Усть-Куда. Однако чаще всего строились храмы, которые несли в себе черты обоих стилей.

Другим новшеством стала довольно строгая регламентация церковного строительства. Строительные проекты стали утверждать лично архиереи. Безусловно, они и ранее вникали в вопросы архитектуры будущих храмов, но делали это как бы неофициально. Теперь же они получили право предъявлять определенные требования к архитектурным проектам. В 1799 г. Синод по инициативе императора Павла Первого запретил строить деревянные церкви, что привело к некоторому снижению темпов церковного строительства. Проектированием храмов и руководством их строительством стали заниматься профессиональные архитекторы – А.В. Васильев, А.П. Деев, Я.А. Кругликов, А.И. Лосев и другие. Это привело к тому, что региональная строительная церковная школа постепенно прекратила своё существование и влилась в общероссийское русло развития церковной архитектуры.

Тем не менее развитие церковного строительства в Восточной Сибири в конце XVIII и начале XIX века продолжалось. При Вениамине Багрянском было построено больше 20 церквей и большинство из них каменные. В том числе Воскресенский собор в Нерчинске, Троицкий собор в Троицкосавске (Кяхта), Спасская церковь в Верхнеудинске, Спасская церковь в Киренске и около 10 каменных церквей в сельской местности: Благовещенская (с. Косая Степь), Благовещенская (с. Кудара), Вознесенская (с. Мальта), Спасская (с. Петропавловка) и другие.

Всего в течение XVIII века в Восточной Сибири количество православных храмов возросло в четыре с половиной раза и достигло к концу века – 182 (РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Систематическая опись к делам канцелярии Синода о постройке церквей). При этом фактически их было построено еще больше, учитывая частые пожары, уничтожавшие деревянные церкви. Проведенная Синодом в 1799 г. по требованию Павла Первого всероссийская пере-

пись церквей выявила следующие итоги церковного строительства в Восточной Сибири с момента её присоединения к России (в ней городские церкви были объединены с уездными и ведомственными): Иркутск – 48 храмов, Верхнеудинск – 3, Баргузин – 16, Селенгинск – 13, Нерчинск – 27, ведомство Нерчинского сереброплавильного завода – 12, Киренск – 10, Балаганск – 1, Нижнеудинск – 18, Нижнекамчатск – 8, Якутск – 6, Охотск – 1, Олекминск – 1, Жиганск – 1, Зашиверск – 1, Жигижинск – 1, северо-восточные уезды (Чукотка и Аляска, которую в конце XVIII века после присоединения к России административно включили в состав Иркутской губернии и соответственно Иркутской епархии) – 6, в монастырях – 9 (Покровский, 1913. С. 873).

Деревянные церкви в XVIII веке, как и в XVII, как правило, строили умельцы из местных жителей, почти поголовно обладавшие навыками плотницкого искусства. Основными строителями каменных храмов в это время являлись профессиональные мастера-каменщики, такие как Ф. Коняев, А. Фуртасов и другие, которые сочетали в себе умения и качества и архитекторов, и строителей. Обычно они за образец брали какой-либо ранее построенный храм, чаще всего на Урале, который они или знали или сами строили или принимали участие в его строительстве. Однако их творения не являлись простыми копиями более ранних построек. Мастера-каменщики, строившие в XVIII веке церкви в Восточной Сибири, в полной мере проявляли творчество. Они изменяли пропорции храмов, вносили изменения в их конструкцию и украшали их в соответствии с традициями «сибирского барокко».

Встречались в то время и удивительные исключения. Так, в самом начале XIX века строительством уже упомянутой ранее каменной Покровской церкви в с. Нижнеилимск руководил местный крестьянин М.И. Петров, выступивший инициатором её постройки. Он не имел познаний в зодчестве. Однако природная одаренность и настойчивость помогли ему успешно справиться с очень непростой задачей. Построенный им храм благополучно «дожил» до своего уничтожения коммунистами в 1930-е годы, в период разгула атеизма. Легенда гласит, что М.И. Петров, занимавший должность волостного писаря, столкнувшись с нехваткой средств на завершение строительства церкви, об-

ложил население волости дополнительным налогом в несколько копеек с каждой мужской души. За самоуправство губернские власти наложили на него наказание в 50 ударов плетью. Узнав об этом, М.И. Петров отравился, чтобы избежать позора. В память о заслугах его захоронили в ограде возведенного им храма и установили на могиле большую каменную плиту, которую по той же легенде власти приказали все же бить плетью 50 раз (Калинина, 2000. С. 332–333).

После смерти Вениамина Багрянского новым иркутским архиереем стал Михаил Бурдуков, возглавлявший епархию до 1830 г. При нем продолжилось развитие церковного строительства в Восточной Сибири, а архитектурный стиль «классицизм» окончательно утвердился в нем на просторах региона. В этом стиле стали строить не только каменные, но и деревянные храмы. В реальных условиях Восточной Сибири – огромных пространствах и очень небольшом населении Синоду и иркутским архиереям приходилось нарушать царское пожелание о строительстве церквей исключительно из камня.

Михаил Бурдуков активно поддерживал строительство храмов на бескрайних просторах региона. Так, он разрешил построить в дополнение к уже имевшимся на Камчатке семи церквям еще две на севере полуострова (Наумова, 1996. С. 91). В Иркутске была построена Вхо-Иерусалимская церковь. Немало церквей было перестроено из деревянных в каменные. В частности, Троицкий собор в Троицкосавске, церкви: Никольская в с. Кузьмиха, Никольская в с. Залари, Покровская в с. Тунка, Сретенская в с. Батурино, Троицкая в с. Куда и другие. В то же время Михаил Бурдуков довольно строго подходил к вопросам их архитектуры. Так, известно, что он отклонил первоначальный проект Никольской церкви в с. Залари и отправил его на доработку, наложив резолюцию: «план и фасад сделан худо, для того отданы мною архитектору для поправки» (Калинина, 2000. С. 241). В целом при Михаиле Бурдукове в регионе построили 21 церковь (РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Систематическая опись к делам канцелярии Синода о постройке церквей). В том числе три настоящих шедевра «классицизма» – каменные Казанская церковь в с. Тельма и Преображенская церковь в с. Амга в Якутии. Они стали одними из красивейших храмов Восточной Сибири.

Казанская церковь в Тельме была построена 1814–1816 гг. по инициативе директора местной казенной суконной мануфактуры И.И. Соколовского, сумевшего выделить средства на её строительство. Строил храм И.И. Шорин ссыльный мастерской, приписанный к мануфактуре. В верхнем ярусе колокольни другой ссыльный мастерской по фамилии Климов установил часы с музыкальным механизмом (Калинина, 2000. С. 380). Преображенскую церковь в Амге построили в 1824 г. по инициативе местного священника и известного миссионера А. Дычковского, который сумел собрать на её постройку огромную по тем временам сумму – более 21 тысячи рублей. Причем, он вложил 3 тысячи рублей из собственных средств (Наумова, 1996. С. 90).

При Михаиле Бурдукове произошло дальнейшее территориальное расширение Иркутской епархии. После официального административного разделения Сибири в 1822 г. на Восточную и Западную и создания соответствующих генерал-губернаторств было решено территорию православных епархий совместить с их территориями. Тобольская епархия территориально совпала с Западно-Сибирским генерал-губернаторством, Иркутская епархия с Восточно-Сибирским. В связи с этим в состав последней вошла территория вновь образованной Енисейской губернии. В результате Иркутская епархия – самая крупная в Российской империи – стала еще крупнее, охватив практически половину государства от Аляски до бассейна реки Енисей (её общая площадь составила около 10,5 миллиона кв. км). Согласно данным «Ведомости о состоящих в Иркутской епархии церквях и находящихся при них священно- и церковнослужителях» за 1828 г., в ней насчитывалось уже 300 храмов, которые располагались следующим образом: г. Иркутск – 15, его уезд – 41; г. Верхнеудинск – 4, его уезд – 17; г. Нерчинск – 2, его уезд – 31; Нерчинский завод и его ведомство – 13; Троицко-Савская крепость и её ведомство – 17; г. Киренск – 2; его уезд – 15; г. Якутск – 6; Охотский порт и уезд – 16; г. Нижнеудинск и уезд – 23; г. Красноярск – 4, его уезд – 41; г. Енисейск – 9, его уезд – 28; г. Канск и уезд – 16 (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 8. Д. 23. Л. 1–8). Эти сведения наглядно демонстрируют итоги церковного строительства в Восточной Сибири примерно за 200 лет с момента появления русских на реке Енисей.

После смерти Михаила Бурдукова начался период некоторой нестабильности Иркутской епархии, когда в течение восьми лет с 1830 по 1838 гг. на иркутской кафедре сменилось три архиерея. Тогда началось территориальное сокращение епархии. В 1834 г. в Сибири была создана новая Томская епархия, в состав которой отошли церкви Енисейской губернии совсем недавно приписанные к Иркутской. Однако и в этот период в Восточной Сибири продолжалось строительство храмов. В частности, были построены каменные церкви Вознесенская в с. Мальта, Спасо-Преображенская в с. Баргузин и Чудотворская в с. Залари. В Кяхтинской слободе на границе с Китаем по проекту московского архитектора Г. Герасимова был построен каменный Воскресенский собор, ставший ещё одним архитектурным шедевром. Его отличали легкость и изящество форм, а также богато украшенный иконостас с колоннами из горного хрусталя.

В 1838 г. новым иркутским архиереем стал Нил Исакович, возглавлявший епархию до 1854 г. При нем произошло дальнейшее сокращение территории Иркутской епархии. В 1840 г. из её состава была образована епархия Камчатская и Алеутская, объединившая церкви Аляски, Камчатки, Чукотки и Алеутских островов, всего 13 храмов. После этого в составе Иркутской епархии осталось 229 церквей (Преображенский, 1897. С. 23).

Нил Исакович продолжил политику активного церковного строительства в Восточной Сибири. В течение всего его правления продолжалось строительство новых храмов. Только в Якутии их было построено семь. В Иркутске возвели одну из красивейших в городе каменную Успенскую церковь, а также новое каменное здание духовной семинарии, сохранившееся поныне. Очень красивая каменная церковь была построена в с. Оёке. Активное церковное строительство привело к тому, что сокращение и соответственно потеря ряда церквей практически не отразились на процессе их количественного роста. Уже в 1850 г. общее количество церквей в Восточной Сибири возросло на 24 и составило 253, причем значительную часть из них составляли каменные храмы (Там же). Всего в течение рассматриваемого периода от появления в Восточной Сибири русских землепроходцев в первой половине XVII века до середины XIX века было построено не менее 400 церквей с учетом сгорев-

ших и пришедших в негодность. В некоторых населенных пунктах региона по этим причинам один и тот же храм строили по три раза.

Что касается таких важных вопросов как организация и финансирование церковного строительства в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века, то это очень сложные для изучения темы. Причина заключается в запутанности или полном отсутствии соответствующих сведений. Это отмечали ещё исследователи истории Русской православной церкви в XIX веке. В частности, И. Преображений, автор известного труда «Церковь по статистическим данным», утверждал: «Абсолютно точных статистических сведений о состоянии отечественной церкви ни за отдельные годы, ни тем более целые периоды нигде не имеется» (Там же. С. 3).

Данное замечание можно в полной мере отнести и к Иркутской епархии. Более того, изучать организационно-финансовую часть её строительной деятельности ещё сложнее. Причина заключается в том, что в хозяйственно-экономическом отношении Иркутская епархия в рассматриваемый период была очень слабой. Фактически её содержало государство, заинтересованное в распространении православия в Восточной Сибири. В связи с этим епархию зачастую освобождали от сбора и предоставления в Синод статистических сведений финансово-экономического характера. В частности, в 1748 г. Синод отмечал, что по указу императрицы Елизаветы Петровны такие «ведомости требовать не велено от Иркутской епархии, за которой архиерейских вотчин не имеется, а довольствуется определенным из казны жалованием» (РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 136. Л. 2). Несмотря на то, что Иркутская епархия почти полностью финансировалась государством, невозможно составить сколь-нибудь полное представление о её бюджете, поскольку многие направления деятельности православной церкви и особенно наиболее расходное – строительство, финансировались не регулярно, а разово, по мере необходимости.

Безусловно, значительное количество церквей в Восточной Сибири было построено непосредственно за счет государства. Иногда инициаторами постройки отдельных храмов были непосредственно российские монархи. Так, каменная Вознесенская церковь в с. Мальта была построена по указу

императора Александра I, а Николай I пожертвовал шесть с половиной тысяч рублей на строительство деревянной Никольской церкви в с. Олонки (Калинина, 2000. С. 322, 348).

Другим распространенным источником финансирования церковного строительства были частные пожертвования, прежде всего, потенциальных прихожан будущей церкви. Нередко государственное финансирование сочеталось с такими пожертвованиями. Пример в этом показывало само православное духовенство. Все иркутские архиереи и настоятели монастырей жертвовали личные средства на постройку храмов. Так же поступали и многие священники. Например, как показано выше, настоятель Преображенской церкви в с. Амга в Якутии А. Дычковский пожертвовал очень крупную сумму – три тысячи рублей и подобных примеров немало. Иногда пожертвования на строительство конкретной церкви собирались по всей епархии. В отдельных случаях деньги собирались по всей России. Так, в 1737 г. Синод разрешил Иркутскому Вознесенскому монастырю собирать пожертвования на строительство одноименной каменной церкви в Петербурге и в населенных пунктах по тракту от столицы до Иркутска (РГИА. Ф. 796. Оп. 16. Д. 91. Л. 3).

Особую роль в финансировании церковного строительства в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века сыграло купечество, особенно местное. История сохранила нам десятки фамилий купцов, которые или жертвовали крупные суммы на постройку церквей, преимущественно каменных, или вообще полностью финансировали строительство того или иного храма. Так, большинство каменных храмов в Иркутске в рассматриваемый период были построены в значительной степени на средства купцов. Купцы финансировали строительство не только храмов, но и других церковных объектов. В частности, иркутский купец Н.С. Чупалов оплатил постройку каменной ограды Вознесенского монастыря и монашеских келий в Знаменском монастыре. Его земляк купец Е.А. Кузнецов выделил огромную сумму – 150 тысяч рублей на строительство здания женского духовного училища в Иркутске. Якутский купец И.Я. Шилов, профинансировавший постройку каменной Троицкой церкви в с. Куда, выделил средства на строительство при ней богадельни, за что Синод наградил Золотой

медалью (Калинина, 2000. С. 94, 100, 106, 304). Подобные примеры можно приводить долго.

Помимо прямых пожертвований финансирование церковного строительства в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века опиралось на систему так называемых вкладчиков. Её активно использовали местные монастыри. Вклады вносились как оплата права погребения в монастыре и занесения в его поминальную книгу. Существовали две категории вкладчиков – бедные и богатые. Первые отработывали свои вклады личным трудом, участвуя в церковном строительстве. Состоятельные вкладчики передавали монастырям в качестве вкладов землю, деньги, меха, драгоценности, хлеб, скот, стройматериалы и т. п. Например, купец из города Яренска Г.А. Осколков в XVIII веке в качестве вклада в Посольский Спасо-Преображенский монастырь построили там кельи для настоятеля и монахов, передал 300 тысяч штук кирпича на строительство каменного храма и скотный двор с табуном лошадей (Наумова, 1996. С. 123–124).

Краткое освещение хода церковного строительства в Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX века в период её первоначального освоения после присоединения к России и становления здесь православия позволяет сделать несколько выводов.

Прежде всего, строительство церквей являлось жизненной необходимостью для русских переселенцев в Восточной Сибири. Поэтому оно началось почти сразу же за их приходом в регион. Первоначально все храмы строились из дерева, а их архитектура зависела от вкусов и умений строителей. Каменное строительство началось спустя почти век после появления русских в Восточной Сибири.

Государство и Русская православная церковь в течение всего рассматриваемого периода уделяли большое внимание церковному строительству в

Восточной Сибири, видя в нём средство для распространения православия среди аборигенного населения и полного закрепления региона за Россией. В отличие от Европейской России, где государство временами (особенно при Петре I) пыталось ограничить размах церковного строительства в Восточной Сибири, оно само выделяло средства на постройку и обустройство храмов и монастырей и значительная их часть была построена или полностью или частично на средства государства.

После образования Иркутской епархии все её архиереи активно занимались церковным строительством в Восточной Сибири. По существу именно они определяли политику церковного строительства в регионе в рассматриваемый период, давая разрешение на строительство храмов по ходатайствам местных жителей и добываясь разрешения Синода на их постройку в отдаленных районах, ещё не охваченных православием, утверждая архитектурные проекты церквей, изыскивая материальные и финансовые средства для их строительства, включая личные.

Активное участие в церковном строительстве принимало местное население и особенно восточно-сибирское купечество, внесшее большой вклад в постройку многих храмов, часть из которых сохранилась до настоящего времени и является украшением региона.

Развитие церковного строительства в Восточной Сибири и особенно каменного привело к возникновению в XVIII веке особого церковного архитектурного стиля, получившего название «сибирское барокко» и тем самым внесло свой вклад в развитие архитектуры.

Большую сложность для комплексного исследования церковного строительства в Восточной Сибири в рассматриваемый период представляет изучение материально-финансовой его стороны из-за неполноты и запутанности церковной статистики того времени.

Список источников

А.Н. Путевые записки. Ч. 1–2 / А.Н. [Соч. архиепископа Нила (Исаковича)]. Ярославль : Тип. Г. Фалька. Ч. 1. 1869. [2], 333, [1] с. Ч. 2. 1871. [2], 190 с.

Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума, написанное им самим / изд. И.Я. Гаврилова. Москва : Т-во типо-лит. И.М. Машистова, 1911. 62 с.

References

A.N. (1869), (1871) Travel notes. Parts. 1-2 /Archbishop of Nile's (Isakovich) Book. Jaroslavl: Publishing House of G. Fal'k. Part. 1. 1869. [2], 333, [1] p.; Part. 2. 1871. [2], 190 p. (In Russ.)/

Petrov Avvakum (1911) The Life of Protopop Avvakum, written by him. Moscow: Publishing House of I.M. Mashistov. 62 p. (In Russ.).

Амвросий Орнатский. История российской иерархии. М.: Синодальная типография, 1807. Ч. 1. [4], XI, [1], 643, [3], X, V, [1] с.

Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М. : Синодальной тип., 1883. VIII, 769, 14, XIV, [2] с.

Громов П.В. Начало христианства в Иркутске и святой Иннокентий, первый епископ Иркутский. Его служение, управление, кончина, чудеса и погребение. Иркутск : Тип. Окружного Штаба, 1868. [8]. 408 с.

Догуревич Т.А. Свет Азии : Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религ. верований инородцев этого края / На основании миссион. отчетов, записок путешественников и лучших исслед. по данному вопросу сост. Т.А. Догуревич. Санкт-Петербург : Тип. П.П. Сойкина, ценз. 1897. 167 с.

Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань : Унив. тип., 1873. [4], 851 с.

Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии : XVII – начало XX века. М. Галарт, 2000. 494, [1] с.

Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства / сост. В. Кильчевский. 2-е изд., знач. доп. М. : Тип. «Работник», 1908. 46 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. 842 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. В 2 т. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1941. Т. 2. 637 с.

Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 1996. 202 с.

Овчинников П. Сибирская церковь до XVIII в. // Вера и разум. 1896. № 19. Октябрь. Кн. 1. С. 439–462.

Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись / предисл., добавл. и примеч. И.И. Серебренникова. Иркутск : Паровая тип. И. П. Казанцева, 1911. 418 с.

Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и приделы : опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань : Центральная тип., 1913. Т. 2: XVIII век. [3], 892, XVIII, 48 с.

Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 годы. Санкт-Петербург : Тип. Э. Арнольда, 1897. 236 с.

Спафарий-Милеску Н.Г. Сибирь и Китай. Кишинёв : Картя молдовеняскэ, 1960. 514 с.

Сумароков П. Миссионерство в Сибири // Христианское чтение. 1884. № 5–6. С. 639–673.

Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / сочиненная на немецком языке и в собрании Академиче-

Ornatskii Ambrosius (1807) History of the Russian hierarchy. Moscow: Synod Printing House. Part 1. [4], XI, [1], 643, [3], X, V, [1] p. (In Russ.).

Barsukov I.P. (1883) Innokenty, Metropolitan of Moscow and Kolomna according to his works, letters and stories of contemporaries. Moscow: Synod Printing House. VIII, 769, 14, XIV, [2] p. (In Russ.).

Gromov P.V. (1868) The beginning of Christianity in Irkutsk and Saint Innocent, the first bishop of Irkutsk. His ministry, administration, death, miracles and glorification. Irkutsk: Printing house of the District Headquarters. [8]. 408 p. (In Russ.).

Dogurevich T.A. (1897) Light of Asia : The spread of Christianity in Siberia in connection with the description of everyday life, mores, customs and beliefs of the natives of this region : On the basis of the mission. reports, notes of travelers and the best researches on this issue compiled by T.A. Dogurevich. St. Petersburg: Publishing House of P.P. Soikin. 167 p. (In Russ.).

Znamensky P.V. (1873) Parish clergy in Russia since the reform of Peter. Kazan: Publishing House of University. [4]. 851 p. (In Russ.).

Kalinina I.V. (2000) Orthodox churches of the Irkutsk diocese: XVII - beginning of XX century. Moscow: Galart. 494, [1] p. (In Russ.).

Kilchevskii V.A. (1908) Wealth and income of the clergy. Moscow: Publishing House "Worker". 46 p. (In Russ.).

Krashennnikov S.P. (1949) Description of the land of Kamchatka. Moscow; Leningrad: Publishing House of Glavsevmorput'. 842 p. (In Russ.).

Miller G.F. (1941) History of Siberia. In 2 Vol. Moscow; Leningrad: Publishing House of Academy of Sciences of the USSR. Vol. 2. 637 p. (In Russ.).

Naumova O.E. (1996) Irkutsk diocese of the 18th century - the first half of the 19th century. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State Technical University. 202 p. (In Russ.).

Ovchinnikov P. (1896) Siberian Church until XVIII century. *Faith and Reason*. No. 19. October. Book 1. P. 439-462. (In Russ.).

Pezhetskii P.I., Krotov V.A. (1911) Irkutsk Chronicle. Foreword, additions and a notes by I.I. Serebrenkov. Irkutsk: Steam Publishing House. I. P. Kazantsev. 418 p. (In Russ.).

Pokrovskii I.M. (1913) Russian dioceses in XVI-XIX centuries, their opening, composition and side chapels : the experience of church-historical, statistical and geographical research. Kazan: Central Publishing House. Vol 2. XVIII century. [3], 892; XVIII. 48 p. (In Russ.).

Preobrazhenskii I. (1897) Patriotic Church according to statistics from 1840-41 to 1890-91. St. Petersburg: Publishing House of E. Arnhold. 236 p. (In Russ.).

Spafari-Milescu N.G. (1960) Siberia and China. Chisinau: Kartya Moldovenaske. 514 p. (In Russ.).

Sumarokov P. (1984) Missionary in Siberia. *Christian Reading*. No. 5-6. P. 639-673. (In Russ.).

Fischer I.E. (1974) Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land with Russian weapons, composed in German and in the collection of the Aca-

ском читанная членом Санктпетербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

Чефранов М.А. Блаженный Софроний, 3-й епископ Иркутский. Москва : Унив. тип., 1907. [2], 344 с.

demic read by a member of the Saint Petersburg Academy of Sciences and a professor of antiquities and history, as well as a member of the Getting History Committee Johann Ebergard Fisher. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 631 p. (In Russ.).

Chefranov M.A. (1907) Blessed Sofrony, 3rd Bishop of Irkutsk. Moscow : Univ. Publishing House. [2], 344 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Наумова Ольга Ефимовна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: Pravezh@mail.ru

Наумов Игорь Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: histor@istu.edu

Information about the authors

Olga E. Naumova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: Pravezh@mail.ru

Igor V. Naumov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: histor@istu.edu

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 20 февраля 2024 г.; принята к публикации 4 марта 2024 г.

Article info

The article was submitted January 19, 2024; approved after reviewing February 20, 2024; accepted for publication March 4, 2024.

История

Научная статья
УДК 16
EDN: SMWNZW
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-104-112>

Логика в университетах Российской империи

А.И. Шафоростов^{1, 2}

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается история преподавания логики как самостоятельной учебной дисциплины в России, а также соотносённость логики как элемента философского знания с процессом становления философской мысли в русской культуре, начиная с XVII века. Особое внимание уделяется языку, на котором преподавалась логика. Подчеркивается связь преподавания логики с изданием учебных пособий на русском языке и чтением лекций на русском языке, отмечается роль Д.С. Аничкова, первого русского профессора Московского университета, в издании учебников на русском языке. Показывается роль в организации преподавания логики и философии в России второй половины XVIII века, которую имели книги Ф. Баумейстера, а также связь преподавания логики с историческими социокультурными условиями. Политические события в Европе и внутри России, изменения социального состава студентов, реакция царского правительства на западные революционные движения и учения – все это отражалось в жизни учебных заведений. Преподавание логики и философии во второй половине XIX века было разделено. Рассматривается вопрос о причинах возвращения преподавания философии после известного императорского указа 1850 г. Если отмена философии была вызвана опасениями за «расшатывание» умов свободомыслием и скепсисом, возвращение связано опять же с «расшатыванием» умов, хотя и в другом смысле: как потеря высших ориентиров и смыслов, скрепляющих мировоззрение студента. Также затрагивается вопрос о связи преподавания логики в университете с развитием самой логики как науки, с возникшим противостоянием классической формальной логики и логики математической и влиянием на понимание сущности логики психологизма.

Ключевые слова: преподавание логики, Д.С. Аничков, запрет на преподавание философии, возвращение философии в университеты, университетское образование в России, университетский Устав, запрет преподавания философии, логика в духовных заведениях, первые учебники по логике, Х. Вольф

Для цитирования: Шафоростов А.И. Логика в университетах Российской империи // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 104–112. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-104-112. EDN: SMWNZW.

History

Original article

Logic at universities in Russian Imperia

Alexander I. Shaforostov^{1, 2}

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the history of teaching logic as an independent academic discipline in Russia, as well as the correlation of logic as an element of philosophical knowledge with the process of formation of philosophical thought in Russian culture, starting from the XVII century. Russian language Special attention is paid to the language in which logic was taught, the connection of teaching logic with the publication of textbooks in Russian and lectures in Russian is emphasized, the role of D.S. Anichkov, the first Russian professor at Moscow State University, in the publication of textbooks in Russian is noted. The role of F. Baumeister's books in the organization of teaching logic and philosophy in Russia in the second half of the XVIII century is shown. The connection of teaching logic with historical socio-cultural conditions is shown. Political events in Europe and within Russia, changes in the social composition of students, the reaction of the tsarist government to Western revolutionary movements and teachings - all this was reflected in the life of educational institutions. The teaching of logic and philosophy in the second half of the

19th century was divided. The question of the reasons for the return of teaching philosophy after the famous imperial decree of 1850 is considered. If the abolition of philosophy was caused by fears of the “loosening” of minds by free thinking and skepticism, the return is again associated with the “loosening” of minds, although in a different sense: as the loss of higher orientations and meanings that hold together the student's worldview. The question of the connection between teaching logic at the university and the development of logic itself as a science, with the emerging confrontation between classical formal logic and mathematical logic and the influence on understanding the essence of logic of psychologism is also touched upon.

Keywords: teaching logic, D.S. Anichkov, prohibition on teaching philosophy, return of philosophy to universities, university education in Russia, university Charter, prohibition of teaching philosophy, logic in theological institutions, the first textbooks on logic, H. Wolf

For citation: Shaforostov A.I. (2024) Logic at universities in Russian Imperia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 104-112. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-104-112. EDN: SMWNZW.

В середине 40-х гг. прошлого века в СССР произошло историческое событие, привлекающее внимание многих людей и сегодня. Речь идет о Постановлении ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе» от 3 декабря 1946 года. Интерес к этому постановлению, его роли в развитии школьного и вузовского образования в СССР сохраняется и сегодня. Объясняется этот интерес не только актуальностью темы значимости логического образования для современных учащихся школ и вузов. На фоне очень жесткого догматизма во многих сферах жизни в 30–40-е годы прошлого века введение логики в средней школе с целью развития самостоятельного мышления у учащихся выглядело достаточно необычно. И если появление этого постановления вызывает удивление и интерес, то, напротив, сворачивание преподавания логики в школе после смерти Сталина особого удивления не вызвало.

Цель настоящей работы – рассмотреть истоки и предпосылки принятия этого постановления, а также оценить его роль в философской жизни того времени. Для этого стоит кратко рассмотреть историю преподавания собственно логики как самостоятельной учебной дисциплины в России, а также соотносить логику как элемент философского знания с процессом становления философской мысли в русской культуре, начиная с XVII века. Это позволит более масштабно представить сложный путь развития логико-философского образования российской и советской истории.

Появление логики как учебной дисциплины в России относится к концу XVII века и связано с деятельностью Славяно-греко-латинской академии (Бажанов, Маркин, 2013. С. 98). Создание самостоятельных кафедр логики (точнее – логики и мета-

физики) в российских университетах происходит позднее, во второй половине XVIII века.

Преподавание логики, как и других дисциплин, прямо зависит от наличия как специалистов (профессоров), так и учебной базы – а именно учебников. Вполне естественно, что и профессора, и используемые ими учебники поначалу были заграничными, но достаточно быстро происходила адаптация. Первым профессором Московского университета (с 1756 по 1765 гг.), читавшим ряд предметов, включая логику, – был приглашенный из Германии И.-Г. Фроманн (1729–1775), выпускник Тюбингенского университета. Фроманн был назначен профессором, но докторской степени у него в это время еще не было¹, и понятно что, не владея русским языком, он читал лекции в Московском университете на латинском языке.

Почему особо подчеркивается язык, на котором преподавалась логика? Ответ прост: цель преподавания логики как учебной дисциплины – развитие мышления у студентов путем изучения основных закономерностей правильного мышления. «Правильное мышление» – здесь присутствуют два ключевых слова, и каждое задает свое понимание логики. В первом случае акцент делается на *правильность*, то есть форму, в полном соответствии с традиционным пониманием логики как «формальной логики». Во втором случае упор делается на *мышление*, и здесь на первое место выходит рассмотрение связи языка и мышления. И если изучение логики на латинском языке позволяет в определенной степени овладеть формами мышления, то для развития содержательного мышления, спо-

¹ Степень была им получена после его возвращения в Германию по результатам защиты диссертации, не связанной с философией.

собного решать и теоретические и практические проблемы, необходимо мыслить на родном языке.

Здесь проявляется общая тенденция, свойственная всей европейской философии и науки, – мыслить и излагать свое учение на родном (национальном) языке. Рене Декарт, получивший в свое время известность как «женский философ» (то есть умевший излагать мысли ясно и доступно для тех, кто не имел систематического образования – женщин в первую очередь) – один из первых европейских философов, писавший свои произведения на родном (французском) языке. Средневековая латынь как язык науки и язык студентов в определенной степени была вынужденной мерой в условиях слабого развития национальной письменной культуры и большого разнообразия языковых диалектов.

Поэтому, рассматривая историю преподавания логики как университетской дисциплины, стоит учесть то, на каком языке ее излагали студентам и на каком языке издавались учебные пособия. Проблема использования латыни как базового языка преподавания и трудностей ее усвоения студентами вполне осознавалась уже в то время. Так, в Уставе университета 1803 г. (гл. 11, § 122) в адрес профессоров высказывалось пожелание проводить беседы со студентами, исправляя их суждения с целью приучить их свободно изъяснять свои мысли, отдавая при этом предпочтение латыни с целью «удержания при Университете Латинской литературы» (Университетский Устав)².

После Фроманна, решившего вернуться в Германию в 1765 г. «по состоянию здоровья», кафедру философии и логики Московского университета занял Д.С. Аничков (1733–1788). Аничков, переведенный в студенты из семинарии, преподавал математику в гимназии, еще будучи студентом, и уже в 1761 г. начинает издавать свои переводы с латыни. На русский язык в преподавании философии он переходит в 1767 г. В 1777 г. Аничков после определенных сложностей, связанных с представленной им к защите диссертации, получил звание ординарного профессора. Учебники Д.С. Аничков также писал, и были они написаны на русском языке,

но это были учебники по математике. Примечательно, что математические работы Д.С. Аничкова, включая учебники, получили высокую оценку именно за приближенность к практике. Особо подчеркивается его роль в становлении русской математической терминологии (Лепехин, 1988. С. 32)³.

Вообще же одним из первых русскоязычных учебников по логике считается «Логика» Макария Петровича (1733–1765), преподавателя Славяно-греко-латинской академии, хотя это и был *рукописный* текст (Тоноян, Семиколенных, 2021. С. 77).

Особое место в организации преподавания логики и философии в России второй половины XVIII века имели книги Ф. Баумейстера (1708–1785), последователя Лейбница и Вольфа. И Г. Лейбниц и Х. Вольф были очень известны и популярны в университетской среде Европы, хотя исторические судьбы этих авторов неравноценны. Если Лейбниц сегодня признается гениальным мыслителем, работавшим в сфере философии, логики, математики, то имя Вольфа осталось в границах XVIII – первой трети XIX века и за ним закрепилась слава не столько исследователя, сколько просветителя и автора популярных учебников.

Популярность и привлекательность учебных изданий Х. Вольфа (и его последователей) заключалась в стремлении дать изложение отвлеченного материала на достаточно доступном уровне. В 1760 г. была издана в переводе на русском языке «Логика» Баумейстера, последователя Вольфа. Также в 1765 г. напечатана на русском языке «Метафизика» Баумейстера. Значимость учебников Баумейстера заключалась в том, что в них систематично излагались взгляды его учителя Х. Вольфа, чья «система логики, его трактовка логики были положены в основу всех первых учебников по логике в России XVIII века» (Грифцова, 2009. С. 297).

Значимость и авторитетность Вольфа как мыслителя и автора учебников выходили далеко за пределы логики и объяснялись во многом тем обстоятельством, что сочетали философию и религию. Поэтому влияние системы взглядов Вольфа и его учебников на русское образование включает и сферу духовного образования: именно возрастав-

² Университетский Устав (5 ноября 1804). URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения 19.02.2024).

³ Лепехин М.П. Аничков Дмитрий Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л.: Наука. 1988. 356 [1] с. С. 31–33.

ший авторитет Вольфа способствовал открытию философских классов в семинариях, а учебники Баумейстера «указом Синода от 1798 г. были определены в качестве основного в семинарском преподавании философии» (Аржанухин, 2014. С. 109)⁴.

Подробно издание учебников по логике, их авторство, влияние на формирование традиции изучения логики в российском образовании – рассматривается в работе (Орлова, Соловьев, 2016). Общая тенденция в подготовке и издании учебников по логике в России XVIII–XIX веков определяется как переход от простого перевода иностранных текстов с русским введением к развитию ссыльно-аппарата с отсылкой не только к европейским, но и русским именам. Наконец, «сочинения по логике выходят как минимум в формате «связного обозрения», часто с серьезными самостоятельными идеями» (Орлова, Соловьев, 2016. С. 129).

XIX век принес много нового в философскую жизнь России. Развитие университетских кафедр философии в России способствовало становлению самостоятельности исследований, постановке принципиально новых проблем и выработке оригинальных идей. И хотя зависимость от европейской философии и культуры в целом полностью не была преодолена, тем не менее есть все основания говорить о появлении в XIX веке именно русской философии.

В.И. Красиков выделяет три этапа в развитии университетской философии в России XIX века. Первый этап – это два первые десятилетия XIX века, обозначаемые как этап рецепции и просвещения. Второй этап в жизни университетской философии – этап «погромов», связанный с реакцией царского правительства на восстание декабристов: с 1826 по 1835 г. философия в Московском университете фактически не преподавалась.

Третий период в развитии университетской философии – это 60–70-е гг. XIX века – «период восстановления и развития на новой, более либеральной основе, характеризующейся интенсификацией взаимодействия с двумя другими философскими средами в России: духовно-академической философией и публичной, а также возобновлением

активных контактов с немецкими университетами в подготовке философских кадров» (Красиков, 2009. С. 29–30).

Стоит отметить, что не все студенты университетов в России в XVIII веке следовали общей традиции, согласно которой в классическом университете чтение философии является обязательным для всех отделений. Принятие в ноябре 1804 г. нового устава университета, общего для всех имеющих в то время университетов, изменило ситуацию. Согласно уставу, учреждалось четыре отделения, но философия была представлена только на одном из четырех отделений, а именно – Отделении нравственных и политических наук (Университетский Устав)⁵.

Впервые в явном виде опасение и настороженность в отношении преподавания философии были продемонстрированы в 1821 году в связи с «Делом профессоров» в Санкт-Петербургском университете. Суть дела заключалась в том, что возникли подозрения в искажении христианских основ вероучения при преподавании философии. Один из проверяющих – Д.П. Рунич, занявший должность попечителя Петербургского учебного округа, – обратился к проверке нравственности путем проверки студенческих конспектов. В этот процесс были вовлечены и министр народного просвещения кн. А.Н. Голицын, и директор университета Д.А. Кавелин. В итоге ряду профессоров университета были предъявлены обвинения в выступлениях против государства и религии. Эти профессора были уволены, хотя они и требовали более компетентного разбирательства. Только в 1827 году Николай I прекратил дело (подр. см.: (Малинов, Троицкий, 2013)).

Самым важным и в то же время показательным стал запрет на преподавание *философии* и разрешение на преподавание *логики* в университетах России. Ситуация, во многом повторившаяся через сто лет уже в советское время.

В начале 1830-х гг. пост министра народного просвещения занимает С.С. Уваров, с чьим именем связан один из самых известных лозунгов, выра-

⁴ Аржанухин В.В. Вольфианство // Русская философия. Энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. Изд. 2, доп. и пер. М.: Кн. Клуб Книговек, 2014. 830 с.

⁵ Университетский Устав (5 ноября 1804). URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения 19.02.2024).

живших идеологическое кредо той эпохи: «Православие. Самодержавие. Народность» (Уваров, 2008. С. 140). Теория официальной народности претендовала на роль государственной идеологии, которая требовала, в том числе, философской разработки в противовес европейскому безбожному и революционному Просвещению (Анисин, Анисина, 2023. С. 5).

Гораздо масштабнее и значимее для преподавания философии стали события 1850-х гг. Эти события явились прямым следствием революционных событий в Европе. Место графа С.С. Уварова, занимавшего пост министра народного просвещения с 1833 по 1849 гг., занял князь П.А. Ширинский-Шихматов. Именно с его именем связана знаменитая докладная записка, поданная императору Николаю I, о вреде философии: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен» (Малинов, Троицкий, 2013). А Николай I⁶ предложил преподавание оставшихся дисциплин – логику и психологию – возложить на профессоров богословия (Павлов, 2013. С. 103).

Основная причина запрета философии – ее связь с возможностью *самостоятельного* мышления. Причина же сохранения логики как учебного предмета в том, что логика оценивалась как *инструмент* мышления. Этот общий подход к различению образовательной роли философии и логики сохранился и в советское время, но появилось это различие не случайно.

В России XVIII столетия опасность, связанная с преподаванием философии, предполагалась в том, что философская мысль по своей природе связана с самостоятельностью мышления и порождает скептицизм. При этом самостоятельность мысли и ее скептическая направленность далеко не всегда могли осознаваться самими преподавателями.

Одним из путей вывода логики из «ореола свободомыслия» философии было стремление математизировать логику. Математика по своей при-

роде никак не связана ни с действительностью, ни со свободомыслием. Формальный аспект мышления, представленный в логике Аристотеля, вполне соответствовал отстраненности логического мышления от повседневности и злободневности.

Преподавание логики в университете вполне естественно связано с развитием самой логики как науки. На рубеже XIX–XX веков в логике отчетливо сначала наметилась, а затем оформилась реформа логики, заключающаяся в выделении: 1) «философской логики» и 2) «логистики». «Философская логика» сохраняла концептуальную связь логических исследований с психологическим и философским анализом, «логистика» отвергала эту связь, выступая за математически точное формирование логических понятий (Бирюков, 2014. С. 110). В дальнейшем, уже в советское время, велись ожесточенные дискуссии по поводу выделения формального и содержательного аспектов мышления, связанные с противостоянием формальной и математической логики.

Однако самое интересное в истории с запрещением философии – причины ее *возвращения* в стены университета. Основанием для запрета были в основном опасения в развитии присущего философии свободомыслия, способного привести к расшатыванию устоев благочестия и государственного порядка. Логика все-таки считалась менее подверженной соблазнам свободомыслия. Свою роль в сохранении логики как учебной дисциплины и то обстоятельство, что она являлась традиционной дисциплиной для духовных учебных заведений⁷ (Логико-гносеологическое..., 2012. С. 8).

Что же касается философии, то необходимость возвращения ее в образовательный процесс связывали с тем, что изучение отдельных точных наук без той целостности, которую дает философия – слишком узко и односторонне. Это лишает, – как

⁶ Удивительным образом в интересной и содержательной монографии В.А. Бажанова «История логики в России и СССР» высочайшее повеление об ограничении преподавания философии в университетах и Ришельевском лицее логикой и психологией приписывается императору Александру II (годы правления 1855–1881) (Бажанов, 2007. С. 8).

⁷ Об этой связи духовного образования и логики говорят и сегодня, когда задаются вопросом о причинах введения логики в школы в советское время: Сталин как выпускник духовного училища знал и ценил логику, что и повлияло на его решение (Бирюков Б.В. Валентин Фердинандович Асмус как философ и историк логики. Вступительная статья // Асмус Валентин Фердинандович. Лекции по истории логики: Авиценна, Бэкон, Гоббс, Декарт, Паскаль / под ред. и со вступ. ст. Б.В. Бирюкова. М.: Издательство ЛКИ, 2017. 238 с. С. 30).

отмечал русский философ, историк философии и литературы Е.А. Бобров (1867–1933) – учащихся «возможности изучать исторический ход развития духа человеческого, познавать законы его во всей его целостности и совокупности» (цит. по: Бажанов, 2007. С. 32). То есть отмена философии была вызвана опасениями за «расшатывание» умов свободомыслием и скепсисом, возвращение связано опять же с «расшатыванием» умов, хотя и в другом смысле: как потеря высших ориентиров и смыслов, скрепляющих мировоззрение студента.

На решение о возобновлении чтения философии в университетах во многом повлияло широкое распространение среди российского студенчества пришедших из Европы идей материализма и позитивизма. Для любого молодого поколения вполне естественно проверять на прочность, подвергая сомнению и критике, ценности и идеалы, принятые в обществе. Начиная с Древней Греции, философия всегда считалась необходимым элементом мировоззренческого становления молодежи. Запрет на философию в стенах университета вызвал интерес к философским мыслям и взглядам, но удовлетворение этого интереса шло по наиболее легкому пути, то через обращение к тому, что не требует серьезных размышлений. И это характерно не только для России – в Германии примерно в это время Ф. Энгельс создает «философию для рабочих», так как, по его мнению, профессиональные философы не в состоянии развивать философию (Демин, 2011. С. 134).

Материализм как философское учение имеет долгую и сложную историю, включающую множество легковесных интерпретаций и утверждений. Опасения российской общественности 1850-х гг. были связаны с вульгаризацией философских идей. «Философия, – писал в 1867 г. М.И. Владиславлев, – отомстила за свое изгнание тем, что вместо себя послала к нам доморощенный материализм, погубивший молодые головы» (цит. по: Павлов, 2015. С. 217).

В России интерес студенчества к современной философии, включая ее материалистическую составляющую, накладывался на оформившееся в середине 50-х гг. XIX века студенческое движение. Позже, в качестве одной из причин студенческого движения, отмечалось «неумение студентов, излишне восприимчивых к неопределенному обще-

ственному мнению и неформальным политическим теориям, грамотно воспользоваться свободами, ставшими следствием либеральных мер правительства» (Новиков, Перфилова, 2013. С. 25).

Также выявилась еще одна причина изменения отношения к преподаванию философии. Дело в том, что согласно предложению императора Николай I при общем запрете на преподавание философии чтение курсов по логике и психологии было возложено на профессоров богословия. Основания для такого предложения, по-видимому, заключались как в достаточно сильной образовательной базе преподавателей духовных заведений, так и в том, что в рамках богословия логика будет и преподаваться и усваиваться надлежащим образом. Однако возросшая нагрузка на профессоров богословия привела к определенным сложностям в преподавании: «10-летний опыт вполне обнаружил неудобство совместного преподавания логики и психологии с богословием и вредные последствия этой меры для широты и основательности высшего образования» (Рождественский, 1902. С. 357).

В итоге, 2 декабря 1859 г. последовало повеление, возобновляющее преподавание философских курсов. В целом же возвращение философии в университеты растянулось на несколько лет и вызвало неоднозначную реакцию со стороны преподавательских составов. Как отмечал Ф.А. Зеленогорский⁸, введение кафедры философии по университетскому Уставу 1863 года не было встречено достаточно дружелюбно: «С одной стороны, явилось опасение, чтобы с кафедры не стали открыто проповедовать под той или другой формой материализм и подрывать основы религии; с другой стороны, явилась боязнь, что в лице преподавателя философии является в университете помощь преподавателю теологии» (Зеленогорский, 2018. С. 164). Сам курс философии был небольшим по объему и по историческому охвату рассматриваемых идей доходил только до Канта. То есть профессиональное рассмотрение и оценка идей материализма, вызывавших сильные опасения со стороны власти, не были реализованы.

⁸ Ф.А. Зеленогорский и сам был студентом в эти годы (учился в Казанском университете с 1864 по 1868 гг.), затем преподавал долгие годы в Харьковском университете (до 1908 г.).

Как бы то ни было, и философия, и логика сначала были возвращены в университетское преподавание, и уже в 1880-е гг. происходит укрепление кафедр философии и логики (Синеокая, 2007. С. 121–122).

Важную роль в развитии логико-философской мысли в России сыграло появление специализированных периодических научных изданий, самый известный из них – журнал «Вопросы философии и психологии» (годы издания – с 1889 по 1918).

В конце XIX века можно говорить именно о развитии логики в России, а не только о переводе западных учебников и чтении лекционных курсов по традиционной (аристотелевской) логике.

Вторая половина XIX века – это время серьёзных изменений в логике как науке, связанных с возникновением математической логики. Традиционная (аристотелевская) логика исходит из основополагающей роли закона тождества, утверждающего в качестве главного условия правильного мышления неизменность мысли самой себе. Свою роль имело распространение эволюционного учения Дарвина. «Изменчивость везде и во всем!» – этот лозунг науки и философии второй половины XIX в. не мог не затронуть и логику: «На рубеже XIX и XX вв. развитие математической логики продемонстрировало, что прежнее неуточненное, наивное понятие предмета и соответствующее ему представление об абсолютно универсальной предметной области в логике не может быть сохранено» (Бирюков, 2005. С. 26).

В конце XIX – начале XX века логика, как и философия в целом, занимает прочное место в сфере университетского образования в России, что выражалось в активной исследовательской и публикационной деятельности. Устанавливаются прочные связи с европейскими университетами не только на уровне обучения студентов и стажировок, но и на уровне общения между ведущими учеными. Так, учитывая, что вторая половина XIX века для логики в целом, включая Россию, это время серьезных изменений, и, прежде всего, – развитие математической логики, то показательным является участие российских ученых на первом международном

конгрессе математиков, который состоялся в Цюрихе в августе 1897 г. В цюрихском конгрессе приняли участие 208 математиков, из них 12 представляли Россию (Орлова, Соловьев, 2016. С. 138).

Нельзя не отметить и сложности, связанные с организацией преподавания логики в российских университетах на рубеже веков. Основная проблема – это узкая специализация выпускников, изучающих логику, из-за чего они могли преподавать логику только в гимназиях, но там требовались педагоги более широкого профиля (Павлов, 2013. С. 106).

Также стоит отметить различия в понимании того, что и как из области логики следует давать студентам. Во-первых, возникло противостояние классической формальной логики и логики математической. Во-вторых, с середины XIX века в преподавании логики значительную роль стал играть психологизм. И, наконец, одной из форм существования университетской логики, в частности, Санкт-Петербурга, стала дискуссия, что не могло не повлиять на традиционные формы и методы изложения логического знания. Одной из форм выражения этой дискуссионности в преподавании стало понимание различными преподавателями места и роли практической логики. Для Н.О. Лосского (1870–1965) логика – наука, прежде всего, теоретическая, и практические сведения можно, скорее, отнести к категории единичных, разрозненных и несистематически представленных в работе. Работы же его коллеги С.И. Поварнина (1870–1951) носили утилитарный характер (Сироткина, 2012. С. 206).

Стоит отметить, что на рубеже веков логика не только активно развивалась как наука и университетская дисциплина, также происходит разработка приемов и способов распространения, популяризации логики, издаются учебники и учебные пособия по логике для средних и высших учебных заведений (Кобзарь, 2009. С. 19).

Новая – советская эпоха – принесла свои радикальные изменения в преподавание логики и философии в университетах.

Список источников

Анисин А.Л., Анисина С.С. Университетская философия в России середины XIX века: между охранительством и революцией. Орест Новицкий и его проект истории

References

Anisin A.L., Anisina S.S. (2023) University philosophy in Russia in the middle of the XIX century: between reactivity and revolution. Orest Novitsky and his project on the history

древней философии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2023. № 4. С. 3–9. EDN: DATVMR.

Бажанов В.А. История логики в России и СССР (Концептуальный контекст университетской философии). М. : Канон+, 2007. 335 с. EDN: QXRVHZ.

Бажанов В.А., Маркин В.И. Логическое образование в России: краткая история, современное состояние, перспективы // Философские науки. 2013. № 3. С. 98–109. EDN: PZHVHJ.

Бирюков Б.В. Крушение метафизической концепции универсальности предметной области в логике : контроверза Фреге-Шредер. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : URSS: КомКнига, 2005. 133, [1] с. EDN: QWKCYF.

Бирюков Б.В. Логика в России // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 109–115. EDN: SJXJNH.

Грифцова И.Н. Логика как практическая дисциплина в российских учебниках логики 18 века // Рацио.ru. 2009. № 2. С. 294–306. EDN: RYALHF.

Демин М.Р. Еще раз об основном вопросе философии: мышление и бытие в немецкой философии середины XIX в. // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXIX. № 3. С. 133–147. EDN: OEYPI.

Зеленогорский Ф.А. О преподавании философии в университете // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16. С. 163–171. EDN: PKPAPT.

Кобзарь В.И. Логика в России последнего столетия: основные этапы и итоги. Философские науки. 2009. № 4. С. 18–33. EDN: NVVJDR.

Красиков В.И. Университетская философия в России XIX в.: особенности и модель эволюции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 25–33. EDN: LALUMP.

Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев : сб. статей / под ред. В.А. Бажанова. М. : РОССПЭН, 2012. 423 с.

Малинов А.В., Троицкий С.А. Русская философия под запретом (к 90-летию «философского парохода») // Новое литературное обозрение (НЛО). 2013. № 1. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/119_nlo_1_2013/article/10310/ (дата обращения 16.02.24).

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России в преддверии «эпохи Великих реформ» // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 1. Сер. Гуманитарные науки. С. 17–28. EDN: REDDPR.

Орлова Н.Х., Соловьев С.В. Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия // Логические исследования. 2016. Т. 22. № 2. С. 123–154. DOI: 10.21146/2074-1472-2016-22-2-123-155. EDN: XWFRLB.

Павлов А.Т. К истории философского образования в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2013. № 1. С. 100–113. EDN: PWXAYF.

Павлов А.Т. Философское образование в России во второй половине XIX в. // Вестник Русской христианской

of ancient philosophy. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy.* No. 4. P. 3-9. (In Russ.). EDN: DATVMR.

Bazhanov V.A. (2007) The history of logic in Russia and the USSR (Conceptual text of university philosophy). Moscow: Kanon+. 335 p. (In Russ.). EDN: QXRVHZ.

Bazhanov V.A., Markin V.I. (2013) The logical education in Russia: brief history, present state, prospects. *Philosophical Sciences.* No. 3. P. 98-109. (In Russ.). EDN: PZHVHJ.

Biryukov B. V. (2005) The Collapse of the Metaphysical Concept of the Universality of the Subject Field in Logic: Countermodern Frege-Schröder. Moscow: URSS; KomKniga. 133, [1] p. (In Russ.). EDN: QWKCYF.

Biryukov B.V. (2014) Logic in Russia. *Problems of Philosophy.* No. 8. P. 109-115. (In Russ.). EDN: SJXJNH.

Griftsova I.N. (2009) Logic as a practical discipline in Russian textbooks of logic of the 18th century. *Ratsio.ru.* No. 2. P. 294-306. (In Russ.). EDN: RYALHF.

Demin M.R. (2011) Once again about the main question of philosophy: thinking and being in German philosophy of the middle of the XIX century. *Epistemology and philosophy of science.* Vol. 29. No. 3. P. 133-147. (In Russ.). EDN: OEYPI.

Zelenogorskii F.A. (2018) On teaching philosophy at the university. *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary.* No. 16. P. 163-171. (In Russ.). EDN: PKPAPT.

Kobzar' V.I. (2009) Logic in Russia of the last century: the main stages and results. *Philosophical sciences.* No. 4. P. 18-33. (In Russ.). EDN: NVVJDR.

Krasikov V.I. (2009) The university philosophy in Russia in XIX century: peculiarity and a model of evolution. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science.* No. 3 (7). P. 25-33. (In Russ.). EDN: LALUMP.

Bazhanov V.A. (2012) Logical and gnoseological direction in Russian philosophy (the first half of the XX century): M.I. Karinsky, V.N. Ivanovsky, N.A. Vasiliev. Moscow: ROSSPEN. 423 p. (In Russ.).

Malinov A.V., Troitskii S.A. (2013) Russian philosophy under the ban (to the 90th anniversary of the "philosophical steamship"). *New Literary Observer (NLO).* No. 1. (In Russ.). Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/119_nlo_1_2013/article/10310/ (Accessed 16.02.24).

Novikov M.V., Perfilova T.B. (2013) Universities of Russia before "The era of Great reforms". *Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Humanities.* Vol. I. No. 1. P. 17-28. (In Russ.). EDN: REDDPR.

Orlova N.Kh., Solov'ev S.V. (2016) On the history of logic in Russia before revolution: strategies of academic interaction. *Logical research.* Vol. 22. No. 2. P. 123-154. (In Russ.). DOI: 10.21146/2074-1472-2016-22-2-123-155. EDN: XWFRLB.

Pavlov A.T. (2013) To history of philosophical education in the Moscow University. *Bulletin Moscow University. Ser. 7. Philosophy.* No. 1. P. 100-113. (In Russ.). EDN: PWXAYF.

Pavlov A.T. (2015) The philosophical education in Russia in the second half of the XIX century. *Bulletin of the Russian*

гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 3. С. 216–228. EDN: VQTBIX.

Рожественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб. : Издание Министерства народного просвещения, 1902. 785 с.

Синекая Ю.В. Опыт сравнения отечественной и западной философии (по страницам философских журналов) // Философские науки. 2007. № 12. С. 114–135. EDN: IISGUJ.

Сироткина Л.С. Практическая логика в университетской науке Санкт-Петербурга конца 19 – начала 20 века // Рацио.ру. 2012. № 8. С. 198–219. EDN: RYGOYJ.

Тоноян Л.Г., Семиколенных М.В. Первый учебник по логике на русском языке: историко-логический и текстологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 1. С. 77–90. DOI: 10.21638/spbu17.2021.107. EDN: VXXWSS.

Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России. М. : РОССПЭН, 2008. С. 140–143.

Информация об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия;
профессор кафедры социальной философии и социологии,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Вклад автора

Шафоростов А.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 марта 2024 г.; одобрена после рецензирования 20 мая 2024 г.; принята к публикации 3 июня 2024 г.

Christian Humanitarian Academy. Vol. 16. No. 3. P. 216-228. (In Russ.). EDN: VQTBIX.

Rozhdestvenskii S.V. (1902) Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1802-1902. St. Petersburg: Publication of the Ministry of Public Education. 785 p. (In Russ.).

Sineokaya Yu.V. (2007) Comparing Russian and Western philosophy (on the pages of philosophical magazines). *Philosophical Sciences*. No. 12. P. 114-135. (In Russ.). EDN: IISGUJ.

Sirotkina L.S. (2012) Practical logic in the university science of St. Petersburg of the late 19th - early 20th century. *Ratsio.ru*. No. 8.P. 198-219. (In Russ.). EDN: RYGOYJ.

Tonoyan L.G., Semikolennykh M.V. (2021) The first Russian textbook on logic: historical, logical and textual analysis. *Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology*. Vol. 37. No. 1. P. 77-90. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu17.2021.107. EDN: VXXWSS.

Uvarov S.S. (2008) On some common principles that can serve as a guide in the management of the Ministry of Public Education. *Classics of the theory of public administration: Managerial ideas in Russia*. Moscow: ROSSPEN. P. 140-143. (In Russ.).

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Associate Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Professor of the Department of Social Philosophy and Sociology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Contribution of the author

Shaforostov A.I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 18, 2024; approved after reviewing May 20, 2024; accepted for publication June 3, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(5)
EDN: SRCAFT
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-113-124>

Бродяжничество в Сибири и борьба с ним в досоветское время

А.А. Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

Аннотация. В условиях современной трансформации российской государственности закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия уголовной преступности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Неслучайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются причины и факторы, обуславливавшие распространение на территории Восточной Сибири бродяжничества, предметом – сопутствующие этому процессу противоправные деяния. Цель исследования заключается в определении причин, содержания, тенденций и закономерностей распространения различных форм противоправных деяний, осуществляемых бродячим населением Восточных окраин Российской Империи. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе динамики и направленности развития противоправных деяний бродячего населения в специфических условиях Восточной Сибири. С самого начала своего освоения Сибирь была неразрывно связана с появлением на ее территориях тех, кто стремился к воле и свободе от окружающей среды. Именно таких социально-нестабильных представителей общества было принято считать бродягами. В дальнейшем бродяжничество распространилось по сибирским территориям параллельно генезису российской пенитенциарии. Практически одновременно с пересыльными партиями институт бродяжничества проникал в самые отдаленные уголки малонаселенного края. Возраставшие с каждым годом темпы ссылки при имеющихся недостатках действовавшей пенитенциарной системы породили феномен массовости бродяжничества, а отсутствие возможностей к легитимному существованию его дальнейшую криминальную профессионализацию. Рациональное, по мнению царских чиновников, решение социальных проблем на территории центральных областей страны обернулось нескончаемым бедствием для ее окраин. Сложные, а подчас и обоюдно опасные отношения бродяг с сибирским населением варьировали от взаимной выгоды до жестокого истребления оппонентов. Оказавшись фактически без поддержки со стороны государства, подвергаясь постоянным рискам, сибиряки выработали определенные способы противодействия и адаптировали свое отношение к этому неизбежному для них злу.

Ключевые слова: бродяги, полиция, население, хищение, убийство, пенитенциарная система, прибыль, Восточная Сибирь, ссылка, преступность, противоправное деяние

Для цитирования: Сысоев А.А. Бродяжничество в Сибири и борьба с ним в досоветское время // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 113–124. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-113-124. EDN: SRCAFT.

History

Original article

Vagrancy in Siberia and its persecution in pre-Soviet times

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. In the context of the modern transformation of the Russian statehood, attention to the problems of countering criminal crime has naturally increased. Historical experience is of key importance. It is no coincidence that over the past decade, the study of manifestations of various types of illegal acts and ways to counteract them has noticeably intensified. The object of the study is the causes and factors that caused the spread of vagrancy in the territory of Eastern Siberia, the subject is the illegal acts accompanying this process. The purpose of the study is to determine the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of illegal acts carried out by the wandering population of the Eastern outskirts of the Russian Empire. The scientific

novelty of the conducted research lies in the analysis of the dynamics and direction of the development of illegal acts of the vagrant population in the specific conditions of Eastern Siberia. From the very beginning of its development, Siberia was inextricably linked with the appearance on its territories of those who aspired to freedom and freedom from the environment. It was these socially unstable representatives of society that were considered to be vagrants. In the future, vagrancy spread across Siberian territories parallel to the genesis of the Russian penitentiary. Almost simultaneously with the transit parties, the institute of vagrancy penetrated into the most remote corners of the sparsely populated region. The rates of exile, which have increased every year with the existing shortcomings of the existing penitentiary system, have given rise to the phenomenon of mass vagrancy, and the lack of opportunities for its legitimate existence has led to its further criminal professionalization. Due to the opinion of Tsarist officials, the rational solution of social problems in the central regions of the country turned into an endless disaster for its outskirts. The vagabonds' complex and sometimes mutually dangerous relations with the Siberian population ranged from mutual benefit to the brutal extermination of opponents. Finding themselves virtually without support from the state, being exposed to constant risk, Siberians have developed certain ways of countering and adapted their attitude to this inevitable evil for them.

Keywords: vagrants, police, population, theft, murder, penitentiary system, profit, Eastern Siberia, exile, crime, illegal act

For citation: Sysoev A.A. (2024) Vagrancy in Siberia and its persecution in pre-Soviet times. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 113-124. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-113-124. EDN: SRCAFT.

Традиционно феномен бродяжничества рассматривался отечественными исследователями в социальной плоскости как образ жизни беднейших слоев населения. По общепринятому мнению, бродяжничество являлось стремлением к воле и свободе от окружающей среды, желанием быть независимым от нее, а также охотой к перемене мест и желанием удовлетворения своих потребностей (Галай, Черных, 2012. С. 9). Не случайно одни авторы толковых словарей называли бродягами людей, переходящих или переезжающих из места в место без всяких средств доказать настоящее свое состояние или звание, или же упорно от сего отказывающихся¹, другие признавали их скитальцами, кто произвольно, без права и письменного вида, покинул место оседлости, жительства, службы, скитаясь по чужбине².

Известный русский психиатр Павел Иванович Ковалевский характеризовал бродяжничество как особенную склонность к перемене места пребывания. По мнению ученого, оно могло проявляться у людей душевнобольных, дегенератов и у лиц душевнооскуделых (Ковалевский, 1902. С. 97).

В ином качестве воспринимались бродяги на сибирских территориях. «Варнаки» или «чалдоны», как их называло местное население, в подавляющем большинстве случаев являлись беглыми преступниками, скрывающимися с мест причисления и каторжных работ (Максимов, 2002. С. 174). Обще-

ственная опасность от такой категории граждан возрастала многократно. Сибирское бродяжничество, носившее массовый характер уже с начала XIX столетия, оказывало самое непосредственное влияние на многие сферы жизнедеятельности местного населения.

С самого начала освоения, по мнению лидера областнического движения Николая Михайловича Ядринцева, Сибирь представлялась по своим условиям, «превосходным приютом» для бродяжничества. Однако, имея в первоначальный период в своих рядах «искателей приключений» и первопроходцев, сибирское бродяжничество в дальнейшем переродилось в совершенно иную форму – ссыльную. И, как отмечал ученый, приобрело «свой оригинальный характер» (Ядринцев, 1868а. С. 236).

Развиваясь параллельно генезису пенитенциарной системы, бродяжничество распространилось по сибирским территориям практически одновременно с пересыльными партиями, проникая в самые отдаленные уголки малонаселенного края.

На сегодняшний день не существует точных статистических данных о количестве сибирских бродяг. Однако можно с известной долей достоверности утверждать то, что их число коррелировало с теми осужденными преступниками, которые бежали с мест каторги и водворения, а следовательно, в определенной пропорции с общим числом отбывающих наказание в Сибири. Н.М. Ядринцев писал по этому поводу, что ссылка наводнила Сибирь людьми, шедшими по неволе, большей частью без семейства, крайне предубеж-

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1897. Полут. 8. С. 695.

² Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый А–З. СПб.М., 1880. С. 131.

денными против здешней жизни, безнравственными и малоспособными к труду. По мнению ученого, именно эта пенитенциарная традиция во внутренней политике самодержавия увеличивала бродяжничество в поразительных размерах (Ядринцев, 1868а. С. 240).

Ориентируясь на известные данные о количестве сосланных в Сибирь в начале XIX столетия, можно говорить о том, что с 1807 по 1812 г. из Европейской России было перемещено 10 175 чел., в 1817 г. – 3 138 чел., в 1823 г. – 6 667 чел., с 1824 по 1826 г. – 33 348 чел., с 1827 по 1836 г. – 83 555 чел. и с 1837 по 1846 г. – 76 200 чел (Анучин, 1866. С. 16). К середине XIX столетия на сибирских территориях по официальной статистике находилось 186 883 ссыльных³.

Заслуживали особое внимание категории ссыльных. За период с 1827 по 1846 г., по сведениям Н.М. Ядринцева, в Сибирь из центральных областей Империи было возвращено 18328 беглых (Ядринцев, 1892. С. 267). Всего же в течение указанного времени, по данным Евгения Николаевича Анучина, доля высланных за бродяжничество от общего количества ссыльных составила 48 % или 48556 человек (Серошевский, 1908. С. 226).

Во второй половине XIX столетия темпы ссылки существенно возросли. С 1852 по 1868 г. в Сибирь было перемещено уже 150 000 чел (Ядринцев, 1868а. С. 240). К 1898 г. на территории восточных окраин Империи находилось около 298 577 чел. Всего же в течение XIX столетия, по подсчетам отечественных исследователей, количество сосланных составляло от 864 549 (Саломон, 1900. С. 133) до 876 500 чел. (Миронов, 2000. С. 32). Такое количество ссыльных, по мнению современного исследователя уголовной ссылки Александра Александровича Иванова, намного превышало число потенциальных рабочих мест. В связи с чем, считает автор, они исправно пополняли ряды сибирских бродяг (Иванов, 2013. С. 28).

Возраставшие с каждым годом темпы ссылки при имеющихся недостатках действовавшей пенитенциарной системы порождали массовое бегство

осужденных. Причем побегі начинались еще до начала отбывания наказаний. Благодаря упущениям конвойных команд массовый уход осужденных происходил уже при следовании ссыльных партий. По сведениям Н.М. Ядринцева, в первой половине XIX столетия только с этапа бежало порядка 1/6 преступников (Ядринцев, 1892. С. 267).

На месте водворения 90–95 % ссыльных, по мнению А.А. Иванова, продавали казенную одежду и шли кто куда. Александр Александрович утверждает, что значительная часть их оставалась в уездных центрах, где собиралась в шайки и жила на подаяние (Иванов, 2013. С. 28).

Не лучше ситуация складывалась в местах каторги. По сведениям начальника Главного тюремного управления Александра Петровича Саломона, с 1828 по 1833 г. из Каменского винокуренного и Троицкого солеваренного заводов, располагавшихся в Енисейской губернии, бежало 259 из 285 осужденных, и 290 из 680 чел. соответственно (Саломон, 1900. С. 29). При ревизии Нерчинского завода в 1851 г. оказалось, что из 3992 каторжных на месте находилось лишь 1127 осужденных, то есть только 28,2 % от общего количества осужденных преступников (Шелгунов, 1871. С. 296). Еще большее количество побегов было совершено из Иркутского солеваренного завода, откуда в период с 1860 по 1870 г. скрылось около 90 % каторжников (Ядринцев, 1892. С. 262, 269). В среднем же, по сведениям выдающегося отечественного юриста Дмитрия Андреевича Дриля, во второй половине XIX столетия каждое десятилетие с каторжных заводов Сибири бежало около 12929 чел. (Дриль, 1899. С. 12).

Таким образом, только по официальной статистике к началу XX столетия в Восточной Сибири насчитывалось 45610 беглых преступников, что составляло от общего количества осужденных около 32 % (Марголис, 1975. С. 229, 231).

Достаточно быстро явление побегов с мест каторги и ссылки приобрело рецидивный характер (Сысоев, 2019. С. 177). Во многих случаях ссыльный за время отбывания наказания совершал по 5–6 побегов (Максимов, 2002. С. 199). Н.М. Ядринцев в своей работе указывает на 75-летнего старика, который сумел совершить 18 побегов (Ядринцев, 1872. С. 372).

³ Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 2. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. Вел. канцелярии, 1854. С. 66.

В конечном итоге ссылка, побег и следовавшее за этим бродяжничество образовывали в жизни осужденных преступников единый замкнутый цикл и, как утверждал Н.М. Ядринцев, «составляли вечный круговорот ссылки» (Ядринцев, 1872. С. 618).

Таким образом, исходя из статистических сведений о сосланных и тех, кто скрывался с мест отбывания наказания, можно говорить о нескольких тысячах сибирских бродяг в начале XIX столетия, нескольких десятках тысяч в середине и 50–60 тысячах в его завершении. При этом наибольшая их концентрация наблюдалась на территориях Иркутской и Енисейской губерний. Только около губернской столицы – Иркутска, по наблюдениям Н.М. Ядринцева, в 1864 г. зимовало до 4000 бродяг (Ядринцев, 1872. С. 241). По иронии судьбы именно столица Восточной Сибири – сосредоточение административной власти и экономической жизни региона оказалась самым желанным местом пребывания беглых преступников. По сведениям известного исследователя сибирской ссылки Сергея Васильевича Максимова, в окрестностях Иркутска бродяги обзаводились поддельными документами и набирались сил перед дальнейшими странствиями (Максимов, 2002. С. 228).

На фоне прогрессирующего бродяжничества в Сибири на территории Европейской России происходило его неуклонное сокращение. Об этом пишет современный исследователь Юрий Григорьевич Галай. По мнению ученого, к концу 60-х годов количество бродяг в стране стало ежегодно сокращаться. В частности, по данным ученого в период с 1860 по 1867 г. количество обвиненных по суду за бродяжничество сократилось почти в два раза с 8125 до 4530 чел. (Галай, Черных, 2012. С. 72).

Таким образом, к 70-м годам XIX столетия на большей части Империи сложились условия для устойчивого снижения зарегистрированных случаев бродяжничества. В немалой степени этому способствовала пенитенциарная политика самодержавия, направленная на перемещение бродячего населения к восточным окраинам государства.

«Чинить жестокое наказание, бить кнутом по торгов и ссылат в Сибирь на житье на Лену» за самовольное оставление своего места жительства московских и городских посадских тягловых людей

стали уже во второй половине XVII столетия⁴. В дальнейшем практика перемещения бродяг на сибирские территории получила обширную и разнотипную практику.

Сенатский указ от 16 июля 1729 г. предусматривал в качестве альтернативы военной службе беглым и бродягам, «ежели никто не примет, оных посылать для поселения в Сибирь, дабы через то шатающихся и праздных без дел и без платежа подушных денег ни кого не было»⁵.

Указ от 13 декабря 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселение крестьян, с зачетом их за рекрут» предоставлял право помещикам и «каждой волости, села или деревни выборным и старостам» приговаривать к ссылке «непотребных и вредных обществу людей»⁶.

Отсутствие возможности размещения бродяг в крепостях послужило причиной принятия 11 июля 1821 г. решения «О прекращении отсылки преступников в крепости и обращении оных в Сибирь»⁷.

23 февраля 1823 года по представлению главнокомандующего 1-й армией генерала от инфантерии графа Ф.В. Остен-Сакена был принят закон «Об отсылке в Сибирь на поселение бродяг и преступников, вместо отдачи их в военную службу и крепостные работы». По уже сложившейся практике, сенаторы решили «дабы сколько можно пресечь столь вредное бродяжничество... бродяг отсылаемых в крепость для работ, или обращаемых в военную службу отправлять в Сибирь»⁸. В принятых 22 марта 1828 г. дополнениях к закону оговаривалось, что ссылаемые в Сибирь бродяги лишались права на трехлетнюю льготу для поселенцев и по истечении двух лет поступали в разряд ссыльных навсегда остающихся в Сибири»⁹.

В окончательном варианте практика ссылки бродячего населения была сформулирована в 1845 году Уложением о наказаниях уголовных исправительных. По смыслу ст. 1177 Уложения бродяги годные к службе и работам могли отдаваться в солдаты либо в арестантские роты. В случае же непригодности по здоровью они подлежали, по

⁴ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 1. С. 111.

⁵ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 8. С. 215.

⁶ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 15. С. 582.

⁷ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 37. С. 770.

⁸ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 38. С. 792.

⁹ ПСЗРИ: [Собрание 2-е]. СПб., 1830. Т. 3. С. 326.

решению министерства внутренних дел, поселению за Кавказ или в Сибирскую губернию¹⁰.

Таким образом, основным критерием высылки бродяг в Сибирь стали их намерение в сокрытии личности и «негодность» к воинской службе и работам. Этим требованием законодатель предопределил появление на сибирских территориях людей, не способных к легитимному существованию и перешел к их механическому перемещению из метрополии к окраинам. Наряду с опосредованным насыщением бродячим населением сибирских территорий из-за массового бегства осужденных преступников, правительство все чаще прибегало к прямому перемещению бродяг на малообжитые территории.

Конкретизируя в новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года место водворения бродяг, как Восточную Сибирь, законодатель признавал, что «наказание, налагаемое за бродяжничество составляет совершенно особый вид, состоящий отдельно от общей лестницы наказаний» и определял такую ссылку пожизненной¹¹.

Примечательно, что даже после принятия 12 июня 1900 г. закона «Об отмене ссылки на жительство и ограничении ссылки на поселение по суду и по приговорам общественным» в отношении государства к бродячему населению не произошло каких либо значимых изменений¹². Издаваемые в последующем нормативно-правовые акты лишь подтверждали приверженность Самодержавия к политике выдворения бродяг за пределы «цивилизованной» зоны.

По проекту Уголовного уложения 1903 г. предполагалось, что каждый «виновный в праздновании, отказывающийся удостоверить свою личность, за сие бродяжничество, если личность осталась не обнаруженной» после отбывания за-

ключения в исправительном доме должен ссылаться на о. Сахалин¹³.

В очередной редакции Устава о ссыльных, увидевшей свет в 1909 году, уже оговаривалось, что бродяги после отбывания наказания в исправительных арестантских отделениях или в тюрьмах, должны отправляться в Якутскую область. При этом законодатель разделял ссыльных на каторжных, ссыльнопоселенцев и бродяг. Срок пребывания последних в ссылке ограничивался 10 годами с правом перечисляться в крестьяне¹⁴.

Утвержденный 24 апреля 1911 г. закон «Об изменении действующих постановлений об ответственности за бродяжничество» не только пролонгировал практику высылки бродяг, но и конкретизировал места их водворения на каждые три года. По представлению министров юстиции и внутренних дел советом министров на указанное время определялись отдельные местности для их водворения. Как правило, ссылка бродяг осуществлялась в Якутскую область, Иркутскую или Красноярскую губернии (Часть официальная // Иркутские губернские ведомости (Иркутск). 1914. № 5753. 28 января. С. 1).

В результате, и в начале XX столетия, правительство Самодержавия продолжило практику перемещения нестабильных и опасных элементов российского общества к окраинам государства. Рациональное, по мнению царских чиновников, решение социальных проблем на территории центральных областей страны обернулось нескончаемым бедствием для ее окраин. Сибирское общество, ежечасно на протяжении многих десятилетий сталкивающееся с пагубным воздействием отечественной пенитенциарии, находилось все это время в глубоком социальном кризисе.

Возмущенные подобной системой гласные Иркутской городской Думы сравнивали Прибайкалье с каналом, в который спускались всякие нечистоты в виде каторжников и ссыльных (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25.

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. С. 486.

¹¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым. 9-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. С. 489.

¹² ПСЗРИ. [Собрание 3-е]. СПб., 1902. Т. 20. С. 757.

¹³ Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. СПб., 1903. С. 100.

¹⁴ Устав о ссыльных (по изданию 1909 года): С разъяснениями Правительствующего сената с алф. предмет. указ. и с прил. извлеч. из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л.И. Марколла. 2-е изд., перераб., испр. и доп. Иркутск, 1911. С. 1. (173 с.).

Оп. 10. Д. 114. Л. 82). По образному выражению этнографа Вацлава Леопольдовича Серошевского, «русской государственностью был проделан громадный карательно-исправительный опыт, стоящий миллионы денег, реки слез и море крови». При этом истинным «бичом Сибири, стоящим населению громадных денег», – автор называл именно бродяжничество (Серошевский, 1908. С. 226). Только по приблизительным оценкам Н.М. Ядринцева, ежегодный совокупный убыток от бродяг для сибирского населения в 60-х годах XIX столетия составлял до 2 960 000 руб. (Ядринцев, 1892. С. 293).

В отличие от простых бродяг, как писали современники, «личностей безвредных, не ссыльных, не осторожных жителей и не преступников, а только беспаспортных людей» (Ядринцев, 1868b. С. 108), бродяги сибирские в своей основной массе являлись преступниками, неоднократно преступавшими закон и отвергнутыми обществом. Беспросветность ссыльного бытия и фактическое отсутствие возможности легитимного возвращения к прежней жизни порождали питательную среду сибирского бродяжничества – призрачную возможность обрести свободу, заключавшуюся в побеге.

Значительные сроки отбывания наказания, подчас исчислявшиеся для осужденных 30–40 годами, не оставляли для последних иной альтернативы как совершение побега. «Чем строже наказание и долготнее срок работ, тем более шансов к побегу – это закон выработанный жизнью бродяжничества», – отмечал по этому поводу Н.М. Ядринцев. Именно так, по мнению ученого, в Сибири «образовывались вечные бродяги» (Ядринцев, 1868a. С. 244).

С самой ранней весны, отмечали местные публицисты, сибирский путь наводняли бродяги (Шелгунов, 1871. С. 294). В стремлении уйти как можно дальше от мест отбывания наказания бродяги сбивались группами по 10, 20, а иногда и по 40 человек. Удаляясь от каторжных заводов и мест ссылки, беглецы преодолевали забайкальские степи, озеро Байкал, проходили через Иркутскую и Енисейскую губернии. При этом, как вспоминали очевидцы тех событий, «обдерганных, почернелых бродяг... шедших массами по дорогам и по деревням в арестантских халатах с тузами, иногда с бритыми головами... ни кто не останавливал» (Ядринцев, 1868b. С. 70).

Сложные, а подчас и обоюдно опасные отношения бродяг с сибирским населением складывались многие десятилетия при фактическом бездействии властей и варьировали от взаимной выгоды до жестокого истребления оппонентов. И если в условиях крупных административных центров полиции удавалось обеспечивать относительную безопасность обывателей за счет привлечения военных (Сысоев, Кавецкий, 2014. С. 115), то сельские жители оставались с проблемой бродяжничества один на один. Причем в некоторых случаях крестьяне оказывались в явном меньшинстве. Так, например, по сведениям писарей Черемховской волости, на 3000 местных крестьян приходилось 5000 поселенцев, более 90 % из которых вели бродячий образ жизни (Ядринцев, 1868a. С. 264).

Характеризуя сложившуюся ситуацию, современники тех событий отмечали, крайне негативное воздействие бродячего населения на хозяйственную деятельность сибирского крестьянства. Массовые хищения продуктов и порча инвентаря разоряли хозяйства и приводили к упадку сельскохозяйственную деятельность. При появлении бродяг, писал Н.М. Ядринцев, «на крестьянство обрушиваются тучи преступлений... воровство так постоянно и так громадно, что влияет на благосостояние крестьян, часто лишаящихся чрез увод бродягами последней скотины, даже возможности дальнейшего существования» (Ядринцев, 1868b. С. 108).

В особом положении оказалось наиболее уязвимая часть крестьянского населения – женщины. Угрозы насилия и расправы со стороны беглых преступников были более чем реальны. По свидетельству очевидцев тех событий, «бродяги часто умышляют женщин, жен и дочерей крестьянских с пашен и из лесу, производили на дорогах нападения и насилия над ними» (Ядринцев, 1868b. С. 108).

Изначально, оказавшись фактически без поддержки со стороны государства, подвергаясь постоянным рискам, сибиряки выработали определенные способы противодействия и адаптировали свое отношение к этому неизбежному для них злу. Одни предпочитали пассивную защиту – давали кров и оставляли пищу в надежде на благосклонность бродяг. Другие действовали более активно – убивали при малейшей попытке нарушения бродягами установленных крестьянской общиной порядков. Третьи использовали бродяг в качестве наем-

ных рабочих. Были и те, кто в виде промысла убивал бродяг для наживы (Сысоев, 2022. С. 153).

В результате у избежавших ненасильственных действий забайкальских крестьян, по сведениям современного исследователя Татьяны Анатольевны Катциной, «существовал обычай оставлять омулей» (Катцина, 2010. С. 5). В Иркутской губернии на заимках выкладывали хлебные и мясные припасы, на Барабе, – молоко и хлеб.

Зажиточные крестьяне охотно использовали бродяг на сезонных работах. Сибирское крестьянство, по мнению Н.М. Ядринцева, любило такой труд потому, что он был дешев. Особенно помощь бродяг была востребована в страду и на покосе. Во время страды крестьяне охотно нанимали по 5–10 бродяг. Наиболее часто практика сезонного найма применялась в отдаленных местностях, вдалеке от трактов. При этом, как отмечали современники, «условия труда бродяги-работника были очень незавидны» (Ядринцев, 1868b. С. 74). В отличие от вольных работников нелегитимный труд бродяг оплачивался гораздо ниже. В некоторых случаях их выгоняли без оплаты, а иногда расплачивались удавкой или пулей. Не случайно, в публикациях тех лет отмечалось большое количество неизвестно кому принадлежащих трупов с огнестрельными ранами или с веревкой на шее, обнаруживаемых в сельской местности (Дриль, 1899. С. 166).

Особой беспощадностью по отношению к бродягам славились забайкальские буряты, истреблявшие их только за бедный скерб. В итоге полное отсутствие контроля со стороны государства за бродячим населением, по мнению Н.М. Ядринцева, послужило причиной возникновения специфического промысла – охоты за бродягами и ограбление убитых (Ядринцев, 1868b. С. 113). Современники рассказывали, что «между бурятами водятся такие молодцы, которые целью своей жизни поставляют охоту за горбачами (бродяга с котомкой за спиной – авт.)» (Литовицын, 1909. С. 29).

Выбирая между наградой за живого беглеца, составлявшей 3 рубля серебром, и возможностью ограбления имущества убитого, охотники выбирали последнее, как более выгодное. При этом жизнь оказавшихся вне закона бродяг в расчет не принималась. Ценилась лишь нажива, полученная от ограбленного имущества. Зачастую в стремлении к

подобному обогащению приводило к появлению охотников, истребивших несколько десятков бродяг. Об одном из таких охотников за головами, «считавшем на своей совести до ста человек», писал С.В. Максимов (Максимов, 1871. С. 75). Были и те, кто убивал по 60, 90 и более человек (Сысоев, 2022. С. 153). Сохранилась поговорка, бытовавшая среди инородцев: «Худенький беглый лучше доброй козы.... с козули снимешь одну шкуру, а с беглого две или три» (Литовицын, 1909. С. 29).

Только в течение одного года в середине 60-х на территории Иркутской губернии было обнаружено 55 неизвестных тел. Таким образом, сибирское крестьянство не только обеспечивало свою личную и имущественную безопасность, но и пыталось управлять бродячим населением, террором принуждая к порядку. Подобные методы борьбы привели к тому, что, по сведениям Н.М. Ядринцева, во второй половине XIX в. было уничтожено до 2/3 бродячего населения Сибири (Ядринцев, 1892. С. 189). Сами бродяги, наученные горьким опытом, говорили: «Пронзительный этот сибиряк... убить ему ничего за всякую малость, только бы обобрать у кого деньги, а то и одежкой бродяжеской не брезгают» (Дриль, 1899. С. 166). При этом, по общему мнению, наводнение Сибири ссыльными оказалось настолько велико, что как ни сильно было развито истребление бродяг, уничтожить их крестьянство было не в состоянии (Ядринцев, 1868b. С. 113).

Будучи жестоко отвергнутыми сибирским обществом, гонимые и при первой возможности обижаемые, беззащитные перед произволом местных жителей, бродяги отвечали им с не меньшей жестокостью и цинизмом.

Особые условия, в которых многие поколения бродяг пытались выжить и улучшить свое положение, породили в их среде своеобразную «корпорацию», распространявшую, по мнению корреспондентов журнала «Современник», нравственную заразу (Соколов, 1863. С. 104). Эта структура, писал Н.М. Ядринцев, «обладала не только своими нравами, обычаями и преданиями, но и своим законодательством» (Ядринцев, 1868a. С. 241). По сути, произошла самоорганизация бродячего населения в наиболее жизнеспособную форму. Николай Михайлович утверждал, что в стремлении «обеспечить свою безопасность бродяги создали свое соб-

ственное гражданское общество, каждый член которого был обязан исполнять его устав... общество имело право контролировать, судить и наказывать» (Ядринцев, 1868b. С. 73).

В результате, даже пребывая в заключении бродяги не смешивались с другими арестантами. Они предпочитали общение с себе подобными. Жили в своей среде, имели собственную администрацию и общую кассу. Своеобразный кодекс поведения предписывал бродягам ставить интересы общины выше всего, не доносить на своих товарищей и не открывать обстоятельства совершенных преступлений. Сложившиеся в бродячей среде стереотипы поведения представляли, по сведениям очевидцев, ужасную бродяжескую пропаганду взглядов и идей, которые отвергали общественные законы, издевались даже над судом собственной совести (На старую тему // Сибирь (Иркутск). 1878. № 16. 21 мая. С. 1). Таким образом, именно в среде сибирского бродячего населения впервые произошло зарождение особой идеологии преступного сообщества, основанной на криминальном образе существования.

В стремлении избежать наказание и легализовать свое существование бродяги выработали специальную систему смены имен. В зависимости от тяжести наказания, которого пытался избежать бродяга, происходила смена имени каторжного на имя ссыльнопоселенца. Последние для получения «чистой биографии» пытались приобрести имя крестьянина или мещанина. Что бы соответствовать «легенде» при подготовке к смене подбирался похожий по росту, возрасту и приметам человек. Бродяга узнавал и заучивал имена его родственников и деревенского начальства.

По воспоминаниям современников, зачастую при такой смене происходил круговой обмен – тот, кто находил выгодное положение под новым именем, сдавал старое имя партнеру, которому оно было выгоднее, чем свое (Ядринцев, 1868b. С. 96). В случае, когда сделка давала ощутимую выгоду, смена имени оплачивалась. При этом цены за наиболее выгодные варианты доходили до 6 руб. Когда же деньги на оплату отсутствовали, владельца подходящего имени могли убить.

Повсеместно и массово используемая в среде бродячего населения смена имен доставляла сибирской полиции значительные проблемы. Отсут-

ствие системы циркулярного розыска, дактилоскопии и судебной фотографии зачастую полностью исключало возможность раскрытия преступлений и идентификации беглых преступников (Сысоев, 2019. С. 179). Сами же бродяги за время своих скитаний последовательно проходили «карьеру» от каторжных до поселенцев, крестьян и солдат. Таким образом, задача установления личности бродяги превращалась в крайне затруднительное, а иногда и безнадежное занятие.

В тех случаях, когда возможность использования чужих имён отсутствовала, в целях сокрытия личности бродяги называли себя «непомнящими». Таких бродяг Н.М. Ядринцев обнаружил только в одной Иркутской тюрьме около 40 человек. В Сибири же, по мнению исследователя, «непомнящих» было очень много... ими являлись часто 70 и 80-летние старцы... кто они такие, где провели жизнь – ничего не было известно» (Ядринцев, 1868b. С. 98).

В таких условиях, при полном отсутствии легитимных способов заработка и богатом криминальном опыте происходила качественная трансформация в самой среде бродячего населения. В середине XIX столетия произошло дифференцирование бродяг по различным направлениям противоправной деятельности. К указанному времени в среде бродячего населения уже существовали профессиональные нищие, воры, мошенники, фальшивомонетки и убийцы.

Нищенство в бродячей конгломерации составляло наиболее привилегированную и многочисленную профессиональную группу. Сами нищие-бродяги называли свою профессию стрельaniem саватеек (добыванием булок – авт.). В связи с чем сибирские крестьяне называли таких бродяг – саватеешниками.

Однако если бродяги-нищие вызывали у обывателей жалость и усмешку, то бродяги-воры являлись подлинным бедствием для всех крестьянских хозяйств Сибири. Наиболее часто кражам со стороны бродяг подвергались домашний скот и овощи. Не менее охотно преступники разоряли и пасеки. Характеризуя воздействие бродячего населения на хозяйства сибирского крестьянства, современники отмечали их «разрушительный образ действия». Озлобленные не прекращающимися убытками крестьяне упорно пресле-

довали и наказывали бродяг. Однако, как писал Н.М. Ядринцев, «несмотря на то, что расправа сплошь и рядом кончается убийством или жестокими побоями, воровство не уменьшалось» (Ядринцев, 1868b. С. 83).

Помимо воровства бродягами активно использовался обман местного населения в корыстных целях. Мошенничество являлось неотъемлемой частью бродячей жизни. Однако в отличие от иных преступных промыслов, помимо определенных навыков оно требовало проработанной легенды. Фальшивый паспорт в этом отношении являлся важнейшим атрибутом, во многом обеспечивающим успех «дела». В связи с чем в бродячей среде приобретала особое значение криминальная специализация фальшивомонетчиков.

Цена на поддельные документы высокого качества среди бродяг достигала 10–25 руб. Неудивительно, что изготовление поддельных документов наряду с производством фальшивых денег считалось одним из наиболее прибыльных занятий. При такой специализации от бродяг-фальшивомонетчиков требовалось отличное знание граверного мастерства и умение рисовать. Все это с лихвой окупалось не только спросом на фальшивые документы, но и стремлением сибирского населения к производству фальшивых денег. Страсть эта, по воспоминаниям современников, разжигалась бродягами мастерами, предлагающими местному населению свои услуги (Ядринцев, 1868b. С. 91). В результате чего, как писали представители местной прессы, «нигде подделка монеты и особенно ассигнаций не была в таком ходу, как в Сибири» (Ордынский, 1902. С. 65). Профессия изготовления фальшивых денег и документов была настолько выгодна, что по сведениям Н.М. Ядринцева, образовалась довольно значительная отрасль этого производства (Ядринцев, 1868b. С. 91).

Отдельную категорию, главенствующую во всей бродячей среде, представляли каринцы. Выходцы с Нерчинских рудников, наиболее закаленные уголовные преступники бродяги-каринцы славились своей жестокостью и склонностью к совершению убийств. Не знаящие равных среди других бродяг по опасности и решительности, каринцы наводили ужас не только на местное население, но и на своих товарищей по несчастью.

«Не дай Бог встретится с каринцами, – говорили по этому поводу сами бродяги, – своего брата бродягу обируют да бьют... никому не уступят, отчаянные, на все готовы... только ножом и берут» (Ядринцев, 1868b. С. 100). Как правило, любое нападение таких бродяг сопровождалось убийством.

«Ограбил кого, следы хорони... не оставляй своего хвоста на дороге, такой уж закон», – учил своих товарищей каринцев бродяга Коренев (Максимов, 1871. С. 179). Сохранились сведения о бродягах-убийцах, имевших на своем счету 10 и более жертв. О таких рецидивистах, как Капустин и Калина было известно, что только в открытых властям преступлениях, они убили 18 и 19 человек (Ядринцев, 1868b. С. 103). Именно каринцы, как установил С.В. Максимов, являлись наиболее опытными и опасными бродягами (Максимов, 1871. С. 178).

Ответом сибирского общества на появление таких преступников являлось стремление к поголовному уничтожению всех бродяг, вне зависимости от их специализации. Современники утверждали, что явление это носило всеобщий и повсеместный характер, являясь единодушной и согласной оппозицией бродяжеству всего оседлого крестьянства. (Ядринцев, 1868b. С. 113).

Оказавшись перед реальной опасностью со стороны бродячего населения без фактической поддержки правоохранительных структур, сибирское общество выбрало единственное возможное для себя средство противодействия преступности – внесудебную расправу. Быстрый и, как казалось местному населению, справедливый способ наказания выливался в стихийную расправу над виновными без всякого подобия суда и следствия. Зачастую для жестокого наказания провинившихся было достаточно лишь подозрения в том или ином проступке. Со слов очевидцев тех событий, расправы над бродягами за преступления, совершенные в деревнях, совершались незамедлительно, на виду и всем обществом (Ядринцев, 1868b. С. 113).

Единственной и малоэффективной попыткой решения проблемы официальными властями оказались изменение юридического статуса сибирских бродяг и ужесточение наказаний за их противоправные деяния.

В первом случае в отношении бродяг вводилась в действие ст. 816 «Устава о ссыльных», по

смыслу которой, все «непомнящие родства», задерживаемые в Сибири, подлежали наказанию как ссыльнопоселенцы и каторжные, совершившие побег¹⁵. Во втором, к особо опасным представителям бродячего населения применялись юридические нормы военно-уголовного законодательства. Бродяг-убийц судили по законам военного времени.

Однако, как показывала практика, принятие этих мер со стороны государства не оказывало должного влияния ни на крайне низкий уровень личной и имущественной безопасности сибирского крестьянства, ни на образ жизни бродячего населения. Гораздо большее значение имела окраинная политика Самодержавия, менявшая с каждым годом количественный и качественный состав бродяг. С течением времени их число на сибирских территориях только возрастало. В самой же бродячей среде вырабатывались новые эффективные методы противодействия правоохранителям. Широкое использование бродягами поддельных до-

кументов и практика смены имен позволяли им беспрепятственно перемещаться по сибирским территориям и избегать наказания за совершенные преступления. В среде бродячего населения происходила стремительная профессионализация по отдельным видам преступной деятельности. Под влиянием внешних угроз бродяги консолидировались и создавали свое общество на основе особой криминальной идеологии.

Можно с уверенностью говорить о том, что при деятельном участии царской пенитенциарии в Сибири был искусственно создан новый тип бродячего населения. И если бродяжничество старой формации в большинстве своем представляло среду душевнобольных людей, стремившихся к свободе от окружающих, то на сибирских территориях в роли бродяг выступали уже беглые преступники, не имевшие средств к легитимному существованию, обладавшие единой идеологией и сплоченные в совместной противоправной деятельности. При этом наивысшая концентрация бродяг была создана на наиболее удаленных от центра территориях Восточной Сибири, что еще раз подчеркивало особенности окраинной политики Российского Самодержавия.

¹⁵ Устав о ссыльных (изд. 1857 г.) исправленный и дополненный по продолжениям к Своду законов, изданным в 1886, 1887 и 1889 гг. / сост. и изд. пом. сарат. губ. тюрем. инспектора И. Сементовским. Томск, 1890. С. 146.

Список источников

- Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России: исследования о проценте ссылаемых в Сибирь. Тобольск : Тип. Тоб. губ. правления, 1866. Ч. 1. 233 с.
- Галай Ю.Г., Черных К.В. Нищенство и бродяжничество в дореволюционной России: законодательные и практические проблемы. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2012. 151 с. EDN: QSNFGB.
- Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1899. 174 с.
- Иванов А.А. Уголовная ссылка Иркутской губернии XIX века: численность, структура, занятость // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 5. С. 28. EDN: RPCKXR.
- Катцина Т.А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 3. С. 5–16. EDN: MTIBQD.
- Ковалевский П.И. Нищие духом. СПб. : Издание Русского медицинского вестника, 1902. 116 с.
- Литовицын А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 27–35.

References

- Anuchin E.N. (1866) Materials for criminal statistics of Russia: research on the percentage of exiles to Siberia. Tobolsk : Tip. Tob. gub. pravleniya. Pt. 1. 233 p. (In Russ.).
- Galai Yu.G., Chernykh K.V. (2012) Begging and vagrancy in pre-revolutionary Russia: legislative and practical aspects. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy. 151 p. (In Russ.). EDN: QSNFGB.
- Dril' D.A. (1899) Exile in France and Russia. From personal observations during a trip to New Caledonia, Sakhalin Island, the Amur Region and Siberia. St. Petersburg: L.F. Pan-teleev. 174 p. (In Russ.).
- Ivanov A.A. (2013) Exiled criminals in Irkutsk governorate in the XIX century: number, structure of the system, employment. *Izvestiya Irkutsk State Economic Academy*. No. 5. P. 28. (In Russ.). EDN: RPCKXR.
- Kattsina T.A. (2010) Criminal exile and problems of begging in Siberian society in the XIXth - early XXth century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. History of Russia*. No. 3. P. 5-16. (In Russ.). EDN: MTIBQD.
- Kovalevskii P.I. (1902) The poor in spirit. St. Petersburg: Russian Medical Bulletin. 116 p. (In Russ.).
- Litovitsyn A. (1909) Siberian morals and crimes. *Siberian questions*. No. 43. P. 27-35. (In Russ.).

Максимов С.В. Каторга империи. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. Сер. Архив русского сыска. 478 с.

Максимов С.В. Сибирь и каторга: В 3-х ч. Ч. 1–3. СПб. : А. Траншеля, 1871. Ч. 3. Политические и государственные преступники. [4], 388, IV с.

Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири конца XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начала XX в.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1975. С. 223–237.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Изд. 2-е испр. В 2-х т. СПб. : Изд. Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.

Ордынский А. Забайкалье и монголо-буряты буддисты (этнографические наброски) // Сибирский наблюдатель. 1902. № 7. С. 60–74.

Серошевский В.Л. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды : сборник статей под общей редакцией И.С. Мельника. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 201–233.

Соколов М.И. Заметки о беглых и бродягах в России и Сибири // Современник. 1863. Т. 97. № 8 (август). Отд. 2: Современное обозрение. С. 85–120.

Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения: для Высочайше учрежденной комиссии о мерах по отмене ссылки. СПб. : Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. [2], XII, 342, 53 с.

Сысоев А.А. Пенитенциарный рецидив как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2 (36). С. 177–182. EDN: NEXJLI.

Сысоев А.А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 151–160. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-151-160. EDN: DYJNIT.

Сысоев А.А., Кавецкий Д.Б. Полицейская служба воинских формирований на территории Восточной Сибири 18–19 вв. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 2 (69). С. 104–115. EDN: SIQWJL.

Шелгунов Н.В. Сочинения / издание «Русской книжной торговли». СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. Т. 1. 376 с.

Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // Дело. 1868а. № 9. С. 233–266.

Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // Дело. 1868b. № 11. С. 71–114.

Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке : исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Исторический очерк сибирской ссылки. Сравнение разных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основы новой рациональной

Maximov S.V. (2002) Penal servitude of the Empire. Moscow: Publishing house EKSMO-Press. Ser. Archive of the Russian Investigation Department. 478 p. (In Russ.).

Maximov S.V. (1871) Siberia and penal servitude: In 3 pt. St. Petersburg: A. Tranchel. Pt. 3. Political and State criminals. [4]. 388. IV p. (In Russ.).

Margolis A.D. (1975) On the number and placement of exiles in Siberia of the late XIX century. *Exile and hard labor in Siberia of the XVIII - early XX century*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. P. 223-237. (In Russ.).

Mironov B.N. (2000) Social History of Russia during the Empire (XVIII - early XX century): The genesis of personality, democratic family, civil society and legal states. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House. Vol. 1. 548 p. (In Russ.).

Ordynskii A. (1902) Transbaikalia and Mongol-Buryat Buddhists. *Siberian Observer*. No. 7. P. 60-74. (In Russ.).

Seroshevskii V.L. (1908) Exile and penal servitude in Siberia. *Sibir' ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statei pod obshchei redaktsiei I.S. Mel'nika = Siberia its current state and needs: a collection of articles under the general editorship of S. Melnik*. St. Petersburg: Publishing house of A.F. Devrien. P. 201-233. (In Russ.).

Sokolov M.I. (1863) Notes on fugitives and vagabonds in Russia and Siberia. *Sovremennik*. Vol. 97. No. 8. Otd. 2: Sovremennoe obozrenie. P. 85-120. (In Russ.).

Salomon A.P. (1900) Exile to Siberia: an essay on its history and current situation: for the most highly established commission on measures to abolish exile. St. Petersburg: Printing House of St. Petersburg Prison. [2]. XII. 342. 53 p. (In Russ.).

Sysoev A.A. (2019) Penitentiary relapse as a manifestation of multiple criminal offenses in Eastern Siberia at the turn of the XIX and XX centuries. *Problems of socio-economic development of Siberia*. No. 2 (36). P. 177-182. (In Russ.). EDN: NEXJLI.

Sysoev A.A. (2022) Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 151-160. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-151-160. EDN: DYJNIT.

Sysoev A.A., Kavetskii D.B. (2014) Police service of military units on the territory of Eastern Siberia 18-19 centuries. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (69). P. 104-115. (In Russ.). EDN: SIQWJL.

Shelgunov N.V. (1871) Essays / ed. "Rus. Book of trade". St. Petersburg: V. Demakov Type. Vol. 1. 376 p. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1868a) Vagrant population of Siberia. Case. No. 9. P. 233-266. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1868b) Vagrant population of Siberia. Case. No. 11. P. 71-114. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1872) The Russian community in prison and exile: studies and observations on the life of prison, exiled and vagrant communities. *Istoricheskii ocherk sibirskoi ssylki. Sravnenie raznykh sistem nakazaniya u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnovy novoi ratsional'noi sistemy ispravleniya*

системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опытам русской тюремной общины. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1872. VII, [1], 719 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Информация об авторе

Сысоев Алексей Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, e-mail: daosss1972@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0473-4365>

Вклад автора

Сысоев А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 декабря 2023 г.; одобрена после рецензирования 27 апреля 2024 г.; принята к публикации 6 мая 2024 г.

soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytam russkoi tyuremnoi obshchiny = A historical sketch of the Siberian exile. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The foundations of a new rational correction system according to the conclusions of penitentiary science and the experiences of the Russian prison community. St. Petersburg: A. Morigerovsky Printing House. VII. [1]. 719 p. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1892) Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. St. Petersburg: Publishing House of I.M. Sibiryakova. 720 p. (In Russ.).

Information about the author

Alexey A. Sysoev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department tactical and special training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: daosss1972@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0473-4365>

Contribution of the author

Sysoev A.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 14, 2023; approved after reviewing April 27, 2024; accepted for publication May 6, 2024.

История

Научная статья
УДК 908
EDN: TXSBHA
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-125-140>

История полиции губерний Новороссии второй половины XIX – начала XX в. по материалам Полного собрания законов Российской империи

А.В. Данчевская

Восточно-Сибирский институт министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия

Аннотация. Вторая часть труда, посвящённого проблеме развития органов общей полиции Российской империи на территории губерний Новороссии: Таврической, Херсонской и Екатеринославской. В данной работе проведён анализ материалов Полного собрания законов Российской империи (Собрания II и III) и последовательно изучен процесс реформирования органов общей полиции в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях во второй половине XIX – начале XX в. В связи со спецификой привлекаемого материала изучены преимущественно организационные стороны развития полиции в Новороссии: создание и ликвидация должностей и подразделений, их организационное устройство, состав и финансирование, структура соподчинения и ряд других вопросов. Установлено, что создание полицейских подразделений и должностей не всегда основывалось на требованиях закона, но и было результатом ответа органов центральной власти на запросы общественности – органов местного самоуправления, промышленных предприятий или даже землевладельцев. Отдельным вопросом в нескольких нормативных актах стояла практика привлечения на полицейскую службу офицеров черноморского флота, расформированного по результатам Парижского мира 1856 г. Близость двух из трёх изученных регионов к морю обусловила необходимость отдельного акцентирования внимания на портовых городах – Одессе, Севастополе, Херсоне. Также по материалам вышеназванных законов можно проследить динамику изменения штатной структуры отдельных полицейских органов (например, в Одессе или Ялте). В целом, проведённый анализ демонстрирует процесс активного развития полицейских органов Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний, начиная с Временных правил 1862 г. вплоть до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: Новороссия, Херсонская губерния, Таврическая губерния, Екатеринославская губерния, полиция, городское полицейское управление, уездное полицейское управление, полицмейстер, исправник, сыскное отделение

Для цитирования: Данчевская А.В. История полиции губерний Новороссии второй половины XIX – начала XX в. по материалам Полного собрания законов Российской империи // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 125–140. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-125-140. EDN: TXSBHA.

History

Original article

The history of the police of the provinces of Novorossiia in the second half of the XIX - early XX century based on the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire

Anastasiya V. Danchevskaya

East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The second part of the work devoted to the problem of the development of the general police of the Russian Empire on the territory of the provinces of Novorossiia: Taurida, Kherson and Yekaterinoslav. This paper analyzes the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (Collections II and III) and consistently examines the process of reforming the general police in the Kherson, Yekaterinoslav and Taurida provinces in the second half of the XIX - early XX century. In connection with the specifics of the material involved, mainly the organizational aspects of the development of the police in Novorossiia have

been studied: the creation and liquidation of posts and divisions, their organizational structure, composition and financing, the structure of subordination and a number of other issues. It has been established that the creation of police units and posts was not always based on the requirements of the law, but was also the result of the response of central authorities to public inquiries - local governments, industrial enterprises or even landowners. A separate issue in several regulations was the practice of attracting officers of the Black Sea Fleet to the police service, which was disbanded following the results of the Paris Peace of 1856. The proximity of two of the three studied regions to the sea necessitated a separate focus on the port cities - Odessa, Sevastopol, Kherson. Also, based on the materials of the Complete Collection of Laws, it is possible to trace the dynamics of changes in the staffing structure of individual police agencies (for example, in Odessa or Yalta). In general, the analysis demonstrates the process of active development of the police authorities of the Kherson, Yekaterinoslav and Taurida provinces, starting with the Provisional Rules of 1862 until the beginning of the First World War.

Keywords: Novorossiya, Kherson province, Taurida province, Yekaterinoslav province, police, city police department, county police department, police chief, police officer, detective department

For citation: Danchevskaya A.V. (2024) The history of the police of the provinces of Novorossiya in the second half of the XIX - early XX century based on the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 125-140. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-125-140. EDN: TXSBHA.

Настоящая статья является частью цикла научных работ, посвященных анализу Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ) как источника изучения истории российской полиции (Данчевская, 2022), а также продолжением труда, начатого ранее и посвященного непосредственно полиции Новороссийских губерний (Данчевская, 2023). В первой части работы была определена актуальность поставленной проблемы, определены хронологические и географические пределы исследования, проведён анализ историографии, исследованы причины слабой изученности тематики, намечены основные виды источников изучения поставленной проблемы и степень их доступности для современного исследователя, выявлены социально-экономические особенности изучаемых территорий, имеющих влияние на исследуемые процессы.

За период, прошедший с момента подготовки предыдущего труда до настоящего времени, возникли новые публикации, которые также следует упомянуть. Так, одной из новейших работ, посвящённых ПСЗ, является труд С.В. Лонской, в котором предпринята попытка теоретического обоснования начала нового методологического подхода – цифровой истории права (Лонская, 2024). Несмотря на конкретный историко-правовой уклон исследования, полагаем, что его основные результаты применимы и в классическом историческом исследовании.

Следует сказать, что в российском научном пространстве за последние два года появилось немало работ, посвящённых истории развития терри-

торий Донбасса и Новороссии. К настоящему моменту опубликовано существенное число работ, в которых исследователи изучают истоки проблемы украинского кризиса в целом (Артизов, 2022; Борисов, 2023), проводят рефлексию русской идентичности территории Донбасса (Стоколос, 2023) и проблемы её отчуждения от России (Бутырина, Симонова, 2023), в том числе путём украинизации местного населения (Осипов, 2022; Осипов, 2023), изучают проблемы обретения этими землями самостоятельности в первой четверти XX в. (Усачёва, 2023), исследуют вопросы этнической самоидентификации современных жителей Донбасса (Черкашин, Теркулов, Тамерьян, 2023). Особый интерес вызывают исследования, посвящённые изучению украинской (Волубуев, 2022) и российской (Суслов, 2022) школьной исторической литературы.

Закономерно продолжается исследование истории полиции на территории Таврической губернии. Так, в 2023 г. опубликованы работы, посвящённые анализу развития отечественной научной мысли в вопросах становления и развития полицейских учреждений Крыма (Шерстнёв, 2023b), проблеме кадрового обеспечения городских полицейских учреждений Таврической губернии во второй половине XIX в. (Шерстнёв, 2023a), а также анализу некоторых актуальных вопросов деятельности полиции Таврической губернии Российской империи в период Первой российской революции (1905–1907 гг.) (Эбулесов, 2023). Что касается непосредственно изучения истории полицейских органов Херсонской и Екатериновской губерний, то новые работы нами так и не были обнаружены, что

подтверждает актуальность настоящего исследования.

Поскольку тема изучения разных сторон исторического развития новых российских регионов лишь в настоящее время приобретает актуальность, какой-либо общий труд, характеризующий общую картину развития полицейских органов на этих территориях, отсутствует. Нами предпринята попытка наметить основную канву эволюционного развития органов общей полиции губерний Новороссии во второй половине XIX – начале XX в. на основе анализа правовой базы, определяющей это развитие. В связи с этим в качестве основного исторического источника для подготовки настоящего труда послужили материалы Второго и Третьего Полного собрания законов Российской империи, а именно помещённые в них материалы о преобразовании полиции с 1862 (тома 37–55 ПСЗ II) по 1913 гг. (тома 1–33 ПСЗ III). Следует признать, что Полное собрание законов не является исчерпывающим источником, и для более глубокого анализа необходимо привлекать более широкий спектр исторических источников как опубликованных, так и неопубликованных. Тем не менее поскольку тема является малоизученной, анализ отражения развития полицейских органов в нормативных актах позволяет наметить основные пути для дальнейших исследований, в том числе с привлечением архивных материалов, когда это станет возможным.

В соответствии с Приложением к ст. 1 Временных правил об устройстве полиции в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях были образованы городские полицейские и уездные управления. Отметим, что в дальнейшем практически все изменения в административно-территориальном устройстве изучаемых губерний отражались на структуре полицейских органов: создание, ликвидация или перевод в подчинение иного региона административно-территориальных единиц влекло соответствующие изменения системы полицейских управлений или даже отдельных должностей.

Рассмотрим развитие полицейских органов отдельно по губерниям. В результате реформы 1862 г. в Херсонской губернии были образованы городские полицейские управления в Херсоне (губернском городе), Одессе (градоначальство), Елисаветграде, а также уездные полицейские управ-

ления: Тираспольское, Ананьевское, Александрийское, Елисаветградское, Херсонское. Напомним, что реформа 1862 г. первоначально носила временный характер (ставший постоянным до 1917 г.) и не учитывала некоторых местных особенностей разных частей государства и роста населения, в связи с чем в последующем потребовалось создание дополнительных должностей в составе управлений или в отдельных местностях с подчинением уездным управлениям. Так, в 1866 г. в посаде Новая Прага Херсонской губернии была учреждена должность особого полицейского надзирателя 1-го разряда с установлением жалования в размере 400 руб. и канцелярских расходов 150 руб. и подчинением Александрийскому уездному полицейскому управлению¹. В 1874 г. штат городского полицейского управления г. Елисаветграда Херсонской губернии был пополнен должностью третьего помощника пристава². Для Елисаветграда это было первое увеличение штата после введения Временных правил 1862 г. В 1875 г. по ходатайству Бобринцевой городской думы в г. Бобринец (уездный город Херсонской губ., с 1865 г. заштатный город Елисаветградского уезда) был назначен дополнительный помощник пристава³. В 1902 г. в г. Березовке Херсонской губернии учреждена должность полицейского надзирателя 2 разряда⁴. В 1910 г. в городах Херсонской губернии Григориополе и Овидиополе были изменены штаты полиции: упразднены должности полицейского надзирателя 1-го разряда и созданы должности полицейского пристава, а в Овидиополе ещё и должность помощника полицейского пристава⁵.

В ряде случаев создание и ликвидация полицейских должностей осуществлялись по преце-

¹ Об учреждении в посаде Новой Праге Херсонской губернии должности полицейского надзирателя. ПСЗ. 1866. Т. 41. № 43722.

² Об учреждении в г. Елисаветграде Херсонской губернии должности третьего помощника пристава. ПСЗ. 1874. Т. 49. № 53042.

³ Об учреждении в г. Бобринце должности помощника пристава. ПСЗ. 1875. Т. 50. № 54339.

⁴ Об учреждении в г. Березовке Херсонской губернии должности полицейского надзирателя 2 разряда. ПСЗ. 1902. Т. 22. № 21072.

⁵ Об изменении штатов полиции в городах Григориополе и Овидиополе Херсонской губернии. ПСЗ. 1910. Т. 30. № 33244.

дентному принципу. Например, в первой половине 1880 г. землевладелец Одесского уезда, греческий подданный Иван Кациграс ходатайствовал перед херсонским губернатором о назначении в принадлежащее ему имение полицейского урядника с правами и обязанностями в соответствии с общим Положением об урядниках. Херсонский губернатор, в свою очередь, обратился с этим ходатайством в министерство внутренних дел, а министр рапортовал о нём Сенату. 9 июля 1880 г. по решению Сената данное ходатайство было удовлетворено⁶. Быстрое разрешение вопроса было обусловлено опытом на основе возникшего ещё в 1879 г. прецедента, когда товарищества свеклосахарных заводов в Подольской губернии ходатайствовали об учреждении при Строгановском, Вороновицком и Степановецком заводах трёх должностей полицейских урядников. Высочайше утверждённым Положением комитета министров поставленный вопрос был разрешён, а министру внутренних дел на будущее было предоставлено право разрешать ходатайства общественных учреждений и частных обществ и лиц об учреждении должностей полицейских урядников за счёт ходатайствующей стороны.

Отдельной регламентации потребовал вопрос принятия на полицейскую службу морских офицеров. Вообще единой правовой основой организации полицейской службы с 1 января 1835 г. являлись Уставы о службе гражданской (Свод законов Российской империи, Т. III), в числе которых был Устав о службе гражданской по выборам. Главными критериями отбора кандидатов на гражданскую службу являлись происхождение, возраст и образование, в то время как вероисповедание и этническая принадлежность значения для службы не имели. С момента создания полиции в начале XVIII в. сложилась практика принятия на полицейскую службу отставных военных, но к морским офицерам было особое отношение ввиду высокой значимости военно-морского флота для безопасности государства, тем более после окончания Крымской войны 1853–1856 гг., последующей отмены статей Парижского мира о нейтрализации

Чёрного моря (1871) и восстановления черноморского флота. В связи с этим в 1868 г., в городе Николаеве Херсонской губернии офицерам Черноморской флотилии было разрешено занимать полицейские должности⁷. Это разрешение действовало до 1886 г., когда высочайшим повелением императора было запрещено принимать впредь на должности полицмейстеров в города Николаев, Кронштадт и Севастополь флотских офицеров, а замещать их следовало гражданскими чиновниками министерства внутренних дел⁸.

Системным и регулярным изменениям подвергалась одесская полиция, которую впервые после реформы преобразовали в мае 1871 г. (табл. 1). В качестве эксперимента сроком на три года по инициативе министра внутренних дел коллегиальное устройство одесской городской полиции было упразднено, управление полностью возложено на местного полицмейстера. Вместо четырёх частей город был разделён на 6 участков, а пятая часть, включавшая пригородные местности, была преобразована в седьмой участок. На содержание новой полиции требовалось более 143 тыс. руб., которые были возложены на городской бюджет. Чинов полиции, не получивших нового назначения, было решено оставить за штатом на общем основании⁹.

Тем не менее такое преобразование не решило проблем, накопившихся в полицейском управлении Одессы, и в августе 1872 г. Государственный Совет постановил Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору командировать сроком на два года для усиления средств Одесского полицейского управления несколько человек из числа опытных чиновников, которые должны были разбирать старые дела и неисполненные бумаги прежнего управления (до преобразования в мае 1871 г.). Ответственность за работу была возложена на генерал-губернатора и одесского градоначальника.

⁷ О допущении офицеров черноморской флотилии к исправлению полицейских должностей в городе Николаев. ПСЗ. 1868. Т. 43. № 45745.

⁸ О назначении на должности полицмейстеров в г. Кронштадт, Севастополь и Николаев вместо флотских офицеров гражданских чиновников министерства внутренних дел. ПСЗ. 1886. Т. 6. № 3454.

⁹ Преобразование полицейского управления в г. Одессе. ПСЗ. 1871. Т. 46. № 49616.

⁶ О назначении в принадлежащее греческому подданному Кациграсу имение Одесского уезда полицейского урядника. ПСЗ. 19 февраля 1880 – 28 февраля 1881. № 61202.

Таблица 1. Штат Одесской городской полиции с 19 мая 1871 г.

Table 1. Staff of the Odessa City Police since May 19, 1871

Должность / назначение средств	Число лиц	Содержание в год		Классы по должностям
		Одному, руб.	Всем, руб.	
I. Управление полицмейстера				
Полицмейстер	1	3000	3000	V
на наём квартиры			1000	
разъездных			1000	
Помощников полицмейстера	2	1800	3600	VI
на наём квартиры		400	800	
разъездных		300	600	
Канцелярия				
Секретарь	1	1000	1000	VIII
Столоначальников	2	600	1200	X
Казначей (он же бухгалтер)	1	600	600	X
На наём писцов и на канцелярские потребности			1988	
II. Наружная часть				
Участковых приставов	7	1400	9800	VII
им на разъезды		200	1400	
Помощников приставов	7	900	6300	VIII
им на разъезды		100	700	
На наём писцов и на канцелярские расходы для 7 участковых управлений по 1000 руб. на каждое			7000	
Полицейская стража				
Околоточных надзирателей	24	480	11520	XIV
Городовых	260	192	49920	
Им на обмундировку, по 40 руб. каждому			10400	
Конных стражников	32	420	13440	
Полицейских служителей	26	180	4680	
На расходы по сыскной части и другие экстренные по полиции надобности			6000	
На наём помещений для четырёх участковых управлений, канцелярии полицмейстера, освещение и отопление			7500	
Итого	363		143448	

чальника. На данные расходы выделялось по семь тыс. руб. в год¹⁰.

В январе 1875 г. срок временного штата одесской городской полиции был продлён до 1 января 1876 г., а к 1 июля 1875 г. должен был быть подготовлен и внесён на рассмотрение Государственного Совета окончательный проект штата этого

управления¹¹. Однако проект штата Одесской городской полиции был готов лишь в мае 1876 г. Прежний штат требовал расходов на содержание, как упоминалось выше, на сумму 143448 руб., теперь расходы выросли до 191884 руб. Изменения коснулись как структуры содержания, так и классного распределения должностей. Так, должность полицмейстера была понижена до VI, изменилось

¹⁰ О расходе на приведение в порядок делопроизводства Одесского полицейского управления. ПСЗ. 1872. Т. 47. № 51248.

¹¹ О продлении срока действия временного штата Одесской городской полиции. ПСЗ. 1875. Т. 50. № 54305.

распределение средств, выдаваемых помощникам полицмейстера (1500 – жалование, по 500 руб. – квартирных и на разъезды), число столоначальников в канцелярии увеличилось до трёх, туда же были добавлены три должности помощников, а также по одной – регистратора, архивариуса, переводчика. Сумма на наём писцов и на канцелярские потребности выросла с 1988 до 3000 руб. К участковым управлениям были добавлены семь должностей письмоводителей. Вдвое выросло количество околоточных надзирателей (с 24 до 50 чел.) и полицейских служителей (с 26 до 50 чел.), число конных стражников увеличилось с 32 до 54 чел., городских – с 260 до 372 чел.¹². Отвод помещений для канцелярии полицмейстера и участковых управлений, а также затраты на их отопление и освещение по-прежнему оставались в зоне ответственности органов городского самоуправления.

Новый штат, очевидно, некоторое время продолжал оставаться оптимальным, поскольку на его нужды расходовались не все отпущенные средства. В феврале 1887 г. Государственным Советом по ходатайству министра внутренних дел было принято решение остатки от назначенной суммы по решению одесского градоначальника направлять на усиление средств полиции и выдачу вознаграждений и пособий «достойнейшим» полицейским чинам вне зависимости от звания. Однако делать это следовало с тем, чтобы остатки от суммы, назначенной для обеспечения нижних чинов (околоточных надзирателей, конных стражников, городских), расходовались на производство наград и пособий этим самым нижним чинам¹³.

В марте 1892 г. штаты одесской городской полиции перестали удовлетворять потребностям сохранения общественной безопасности и временно на три года были дополнены восемью должностями околоточных надзирателей и 66 городскими¹⁴, в 1895 г. этот штат был сохранён на постоянной основе вплоть до 1899 г. Тогда вместо временных штатов, введённых в 1892 г., состав одесской го-

родской полиции был дополнен ста новыми должностями городских¹⁵, а спустя год – ещё пятьдесятю¹⁶. Тогда же (1899) были добавлены дополнительные должности помощника полицмейстера и помощника участкового пристава¹⁷, в 1901 – ещё семь должностей помощников участковых приставов¹⁸, в 1902 – ещё 50 городских¹⁹.

По примеру петербургской сыскной полиции при канцелярии Одесского городского полицейского управления в 1898 г. было создано временное сыскное отделение, а в 1902 г., за шесть лет до создания сыскных отделений по всей стране в качестве структурного подразделения городской полиции было создано полноценное сыскное отделение в составе семи полицейских надзирателей²⁰. С Одессой связан длительный профессиональный полицейский путь В. фон Ланге, который в 1887 г. заступил на службу в должности околоточного надзирателя одесского городского полицейского управления и всего прослужил в одесской полиции 18 лет, в том числе на должности главы сыскной полиции.

Характер Одессы как торгового и портового города обуславливал определённые особенности в организации обеспечения безопасности в порту и городе, с чем городское полицейское управление не справлялось. 7 марта 1888 г. императором было утверждено Временное положение об управлении Одесским портом и о портовой полиции²¹. В состав Одесского порта вошли портовые воды гаваней и рейдов, прибрежное пространство с портовыми сооружениями и «вообще всё портовое морское побережье в существующих пределах». Заведование портом и портовой полицией было возложено

¹² О штате Одесской городской полиции. ПСЗ. 1876. Т. 51. № 55923.

¹³ О расходовании остатков от суммы, назначенной на содержание одесской городской полиции. 1887. Т. 7. № 4235.

¹⁴ Об усилении штата Одесской городской полиции. ПСЗ. 1892. Т. 12. № 8413.

¹⁵ Об усилении Одесской городской полиции. ПСЗ. 1899. Т. 19. № 16319.

¹⁶ Об усилении Одесской городской полиции. ПСЗ. 1900. Т. 20. № 18002.

¹⁷ Об усилении Одесской городской полиции. ПСЗ. 1899. Т. 19. № 16986.

¹⁸ Об усилении Одесской городской полиции. ПСЗ. 1901. Т. 21. № 19682.

¹⁹ Об усилении состава Одесской городской полиции. ПСЗ. 1902. Т. 22. № 21038.

²⁰ Об учреждении в составе одесской городской полиции сыскного отделения. ПСЗ. 1902. Т. 22. № 21588.

²¹ Высочайше утверждённое Временное положение об управлении Одесским портом и о портовой в оном полиции. ПСЗ. 1888. Т. 8. № 5060.

на Портовое управление и Портовое присутствие. Все обязанности по портовой полиции, лежавшие до принятия Положения на одесской полиции и других ведомствах (морском, таможенном и др.), и не свойственные им напрямую, из их деятельности изымались.

В состав Одесского портового управления входили:

капитан над портом, подчиняющийся одесскому градоначальнику (один, содержание – 5000 руб. в год);

помощники капитана старшие (двое, содержание – 2500 руб. в год);

помощники капитана младшие: корабельный инженер (один, содержание – 1800 руб. в год) и инженер-механик (один, содержание – 1500 руб. в год);

делопроизводитель управления (один, содержание – 1500 руб. в год);

переводчик (один, содержание – 1 тыс. руб. в год);

портовые надзиратели (двое, содержание – 800 руб. в год);

портовые стражники старшие и младшие (58 чел., общее содержание – 13920 руб. в год).

Капитан должен был заботиться о благоустройстве порта, являлся непосредственным начальником портовой полиции, функции которой выполняли его помощники, портовые надзиратели и стражники. Жалование капитана над портом на 60 % превышало жалование полицмейстера одесской городской полиции (5000 руб. против 3000 руб.), что говорит о более высоком уровне ответственности и, возможно, более широких полномочиях. В обязанности портовой полиции входили охрана общественного порядка, предупреждение и пресечение разного рода преступлений и несчастных случаев в пределах порта и на стоящих в порту русских и иностранных торговых судах.

В 1889 г. Высочайшим повелением, объявленным управляющим морским министерством, был учреждён флаг одесских портовых судов и портовой полиции (рис.).

В 1903 г. в качестве временной меры сроком на три года штаты некоторых полицейских управлений в новороссийских губерниях были расширены. Состав одесской городской полиции, как и ряда других портовых городов, был пополнен должно-

стями одного пристава, двух помощников пристава, одного письмоводителя участка, трёх околоточных надзирателей и 74 городских. В Николаеве к существующим штатам (от 11 мая 1806 г. и 21 октября 1887 г.) были добавлены должности одного пристава, одного помощника пристава, двух околоточных надзирателей и 24 городских, в т. ч. шести старших. В Херсоне к существующим штатам городской полиции добавили одного пристава и десять городских (в т. ч. двух старших), в керченское городское полицейское управление – одного помощника пристава и двенадцать городских (в т. ч. двух старших), в мариупольское уездное полицейское управление – двух околоточных надзирателей, в феодосийскую городскую полицию – одного помощника пристава и шесть городских (в т. ч. одного старшего), в ялтинскую городскую полицию – одного помощника пристава и трёх городских²². В том же году (1903) в составе одесского городского полицейского управления была образована резервная команда в числе 25 городских²³.

В 1903 г. в 46 губерниях, управляемых по Общему учреждению, была временно введена полицейская стража «для охранения благочиния, общего спокойствия, безопасности и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции»²⁴. В состав уездной полицейской стражи входили урядники и стражники (на одну волость один урядник и необходимое число стражников в расчете одного стражника на 2500 жителей обоего пола). По мере введения уездной полицейской стражи она должна заменять должности полицейских урядников и сотских, имевшихся на момент реформы. Екатеринославская и Херсонская губернии в числе нескольких других губерний стали плацдармом для проведения реформы – там она проводилась в течение 1903 и 1904 гг., в то время как в остальных – в течение 1905–1908 гг. Реорганизация уездной полиции потребовала существенных вложений из государственного бюджета, на покрытие расходов в 1903 г. было предусмотрено 1 млн 800 тыс. рублей. В соответствии с принятыми изменениями штаты нико-

²² Об организации полиции в приморских торговых портах. ПСЗ. 1903. Т. 23. № 22720.

²³ Об образовании в составе одесской городской полиции резервной команды. ПСЗ. 1903. Т. 23. № 22963.

²⁴ Об учреждении в 46 губерниях европейской России полицейской стражи. ПСЗ. 1903. Т. 23. № 22906.

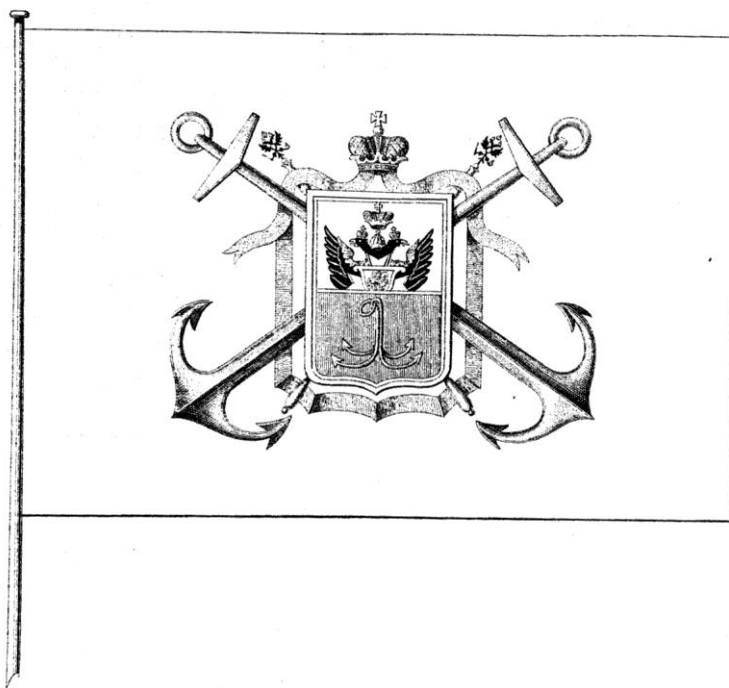
Высочайше утверждено:

16-го Октября 1889 года.

РИСУНОКЪ

Къ № 6309.

флага Одесскихъ портовыхъ судовъ и портовой полиціи.

Флаг одесских портовых судов и портовой полиціи (О присвоении флага одесским портовым судам и портовой полиціи. ПСЗ. 1889. Т. 9. № 6309)

The flag of Odessa port ships and port police (On the assignment of the flag to Odessa port ships and port police. CCL. 1889. Vol. 9. No. 6309)

лаевской городской полиціи в Херсонской губернии в 1904 г. были пересмотрены. Общее число полицейских чинов в управлении составило 308: один полицмейстер, один помощник полицмейстера, один секретарь, три столоначальника, один бухгалтер (казначей); пять участковых приставов, восемь их помощников, 33 околоточных надзирателя; 30 конных стражников, 10 старших и 215 младших городовых²⁵. В 1906 г. в состав одесской городской полиціи добавлены должности 65 конных стражников²⁶.

В Таврической губернии в 1862 г. были образованы городские полицейские управления в губернском городе Симферополь, Керчь-Еникале

(градоначальство), уездных городах Бердянск и Феодосия, безуездных городах Бахчисарай и Карасубазар, а также уездные полицейские управления: Симферопольское, Бердянское, Днепровское, Евпаторийское, Мелитопольское, Перекопское, Ялтинское, Феодосийское.

В 1867 г. в Керчь-Еникале (Феодосийского уезда Таврической губернии) была временно учреждена должность третьего помощника пристава с окладом в 400 руб. и 100 руб. квартирных денег за счёт городских доходов²⁷. Такая структура Керчь-Еникальского городского полицейского управления сохранялась вплоть до 1891 г., когда был принят новый штат, включавший шесть должностей: одного полицмейстера, одного секретаря, двух участко-

²⁵ Об утверждении штата Николаевской, Херсонской губернии. ПСЗ. 1904. Т. 24. № 23854.

²⁶ Об усилении состава одесской городской полиціи. ПСЗ. 1906. Т. 26. № 27854.

²⁷ О назначении в город Керчь-Еникаль временно 3-го помощника пристава. ПСЗ. 1867. Т. 42. № 45151.

вых приставов и двух их помощников²⁸. Как видно, временно введённая в 1867 г. должность третьего помощника пристава в новых штатах не предусматривалась. В 1903 г. к существовавшим штатам добавлены четыре должности околоточных надзирателей²⁹.

Как и Одесса, в особых условиях находился Севастополь. После окончания Крымской войны 1853–1856 гг. город некоторое время находился в руинах и не восстанавливался, но с 1871 г. Лондонской конвенцией были отменены статьи Парижского мира о нейтрализации Чёрного моря, и Россия вернула право на восстановление Черноморского флота. Это дало мощный стимул для развития Севастополя. В 1873 г. Государственным Советом было принято решение о выделении из губернии Севастополя с рядом прилегающих территорий и непосредственном подчинении Министерству внутренних дел в виде особого градоначальства. 31 декабря 1874 г. для него были приняты штаты полиции: управление полицмейстера включало собственно полицмейстера с окладом 2000 руб., секретаря (800 руб.), столоначальника (500 руб.), а также 2550 руб. на канцелярские расходы, наём писцов и служителей, а также отопление и освещение помещений канцелярии с арестантским помещением. Наружная полиция состояла из четырех приставов (по 1000 руб. каждому), четырех помощников приставов (по 600 руб.), восьмерых околоточных надзирателей (по 300 руб.). Сумма дополнительных расходов по наружной полиции составила 12600 руб.³⁰. Всего на содержание требовалось 27250 руб., из которых 8000 руб. было возложено на город, остальное временно, на три года, на счёт МВД.

Ранее штат полиции был гораздо больше (кроме полицмейстера были три пристава, четыре квартальных надзирателя и 28 вольнонаемных полицейских служителей (в том числе сторожа при управлениях полиции и участковые приставы)), однако на его нужды отпускалось только 3720 р.

46 к.³¹. Во всеподданнейшем отчёте Севастопольский градоначальник генерал-адъютант контр-адмирал Перелешин отмечал наличие недоимок по градоначальству к 1 января 1875 г. и объяснял их «главным образом недостаточностью средств городских жителей, отчасти же слабым составом бывшей Городской Полиции, которая при многочисленности лежащих на ней обязанностей и при обширном районе территории, состоящей в её заведывании, не могла действовать с надлежащею энергиею»³². Во многом это было связано в том числе с проведением в город железной дороги, которая способствовала росту города, с одной стороны, но с другой – появлению в нём неблагонадёжных элементов. Так, население города, которое в 1875 г. составляло 20 тыс. чел., увеличилось к 1885 г. до 36 тыс. Тогда министерская субсидия была продлена, а другой градоначальник вице-адмирал А.И. Никонов рапортовал императору Александру II 31 августа 1876 г. о том, что «в полиции севастопольского градоначальства дела большею частью найдены в порядке»³³. Тем не менее Никонов ходатайствовал о создании особой портовой полиции ввиду особенностей местности с многочисленными бухтами, доступными для пристанища судов³⁴.

Благодаря ходатайству градоначальника штаты севастопольской полиции вновь были пересмотрены в 1886 г. и с 1 января 1887 г. вступили в силу. Изменилась структура севастопольской полиции: она была разделена на общее и участковое полицейское управление. Общее включало полицмейстера, его помощника, секретаря и двух столоначальников. Участковое состояло из четырёх участковых приставов, пяти помощников приставов и восьми околоточных надзирателей. Сумма расходов на полицию выросла до 43200 руб., то есть почти на 16 тыс. руб.³⁵. Такая структура сохранялась

²⁸ О штате Керчь-Еникальского городского полицейского управления. ПСЗ. 1891. Т. 11. № 7712.

²⁹ Об усилении состава Керчь-Еникальской городской полиции. ПСЗ. 1903. Т. 23. № 22421.

³⁰ О штате полиции Севастопольского градоначальства. ПСЗ. 1874. Т. 49. № 54233.

³¹ Севастопольское Градоначальство 1873–1915 гг.: отчёты градоначальников. Сборник архивных документов: в 3 т. Т. 1 / сост.: А.В. Ефимов (отв. сост.), Е.С. Поплавская, И.А. Дерепаско, Н.Ю. Коробкова, О.А. Безрукова. М.: Институт наследия, 2022. С. 36.

³² Там же. С. 24.

³³ Там же. С. 29.

³⁴ Там же. С. 36.

³⁵ По проекту штата полиции Севастопольского градоначальства. ПСЗ. 1886. Т. 6. № 3568.

на протяжении двух десятилетий, но к середине первого десятилетия XX в. перестала удовлетворять потребностям общественной безопасности, о чём во всеподданнейших отчётах за 1905–1908 гг. писали временно исправляющий должность Севастопольского градоначальника капитан 1 ранга фон Мореншильдт и исправляющий должность Севастопольского градоначальника капитан 1-го ранга Кульстрем³⁶. Масштаб потребностей наблюдается в следующих цифрах. С 1 июля 1909 по 1 января 1911 г. в севастопольском градоначальстве были установленные временные штаты, увеличенные практически в десять раз: с 22 до 203 чел. Было увеличено число должностей участковых приставов до шести, из помощников – также, околоточных надзирателей – до восемнадцати. Кроме того, вводились новые должности: одна – пристав, заведующего сыскной частью, одна – делопроизводитель, пять – околоточных надзирателей, заведующих розыском, 27 старших и 110 младших городских, 24 – конных городских³⁷.

После введения института полицейских урядников летом 1878 г. в составе пяти тыс. чел. по всем 46 губерниям, по общему учреждению управляемым, эта практика была продолжена, активно внедрялась и усиливалась. Как свидетельствует В.И. Королёв, в Крыму и Северной Таврии численность уездной полицейской стражи составляла 747 должностей, из которых заняты были 675 (Королёв, 2004). В июне 1879 г. по ходатайству одесского временного генерал-губернатора к составу полиции Симферопольского уезда были добавлены 4 должности полицейских урядников³⁸.

В октябре 1883 г. произошло изменение административного деления Таврической губернии, которое повлекло соответствующие изменения в структуре полицейских управлений региона. Феодосийский и Бердянский уезды были разделены на

три стана вместо двух, Мелитопольский – на четыре вместо трёх, а три стана Перекопского уезда объединены в два. В связи с этим были упразднены должности:

полицейского пристава в Бахчисарае;
двух помощников приставов и одного околоточного надзирателя в Ялте;
двух полицейских надзирателей в Перекопе;
одного станового пристава в Перекопском уезде;
одного надзирателя в Мелитополе.

Освободившиеся средства в размере 10890 руб. были разделены. Из них 3540 руб. направили на создание в Феодосийском, Бердянском и Мелитопольском уездах новых становых управлений и на увеличение годового содержания околоточным надзирателям в Ялте на 40 руб. каждому (на основании штата ялтинской городской полиции от 21 февраля 1880 г.). Остальные 7350 руб. направлены в распоряжение министра внутренних дел для усиления тех городских и уездных полицейских управлений, для которых требовались дополнительное содержание³⁹.

В феврале 1880 г. были приняты новые штаты ялтинской городской полиции, подчинённой местному уездному полицейскому управлению, в штат которой были внесены изменения. Жалование ялтинского уездного исправника было увеличено на 1 тыс. руб., также к уездному управлению были добавлены шесть должностей полицейских урядников, в то время как в городе ликвидированы должности полицейского надзирателя и пяти нижних полицейских служителей. Новые штаты городской полиции составили два полицейских пристава, четыре их помощника, семь околоточных надзирателей и десять городских⁴⁰.

В 1891 г. к означенным штатам Ялтинской уездной полиции были добавлены должности 15 пеших полицейских урядников, а в составе Ялтинской городской полиции увеличено число помощников приставов до четырёх и число городских – до двадцати (четыре старших и 16 младших), а

³⁶ Севастопольское Градоначальство 1873–1915 гг.: отчёты градоначальников. Сборник архивных документов: в 3 т. Т. 1 / сост.: А.В. Ефимов (отв. сост.), Е.С. Поплавская, И.А. Дерепаско, Н.Ю. Коробкова, О.А. Безрукова. М.: Институт наследия, 2022. С. 244, 250, 263.

³⁷ Об усилении полиции севастопольского градоначальства. ПСЗ. 1909. Т. 29. № 32259.

³⁸ Об ассигновании денег на усиление состава полицейских урядников Симферопольского уезда. ПСЗ. 19 февраля 1880 – 28 февраля 1881. № 59828а.

³⁹ Об изменениях в устройстве и штатах полицейских учреждений Таврической губернии. ПСЗ. 1883. Т. 3. № 1773.

⁴⁰ Об усилении средств Ялтинского уездного полицейского управления. ПСЗ. 19 февраля 1880 – 28 февраля 1881. № 60555.

также назначены новые выплаты⁴¹. В 1897 г. состав городской полиции дополнен одним старшим городовым и пятью младшими⁴², а затем менялся ещё в 1903⁴³ и 1905⁴⁴ гг. Наглядно динамика изменения штатов Ялтинского городского полицейского управления с 1880 по 1906 гг. представлена в таблице 2.

Таблица 2. Изменение штатов Ялтинского городского полицейского управления (конец XIX – начало XX в.)

Table 2. Changes in the staff of the Yalta City Police Department (late XIX – early XX century)

Должности	1880	1891	1897	1903	1906
Полицейских приставов	2	4	4	5	5
Их помощников	4	4	4	3	3
Околоточных надзирателей	7	7	7	10	10
Старших городских	–	–	1	3	5
Городовых	10	20	25 *младших	29 *младших	33 *младших
Конных городских	–	–	–	4	8
Всего	23	35	41	54	64

В Евпатории городская полицейская команда из старших и младших городских во главе с полицейским надзирателем была создана 4 мая 1889 г., в Феодосии – 25 ноября 1891 г. В 1891 г. были приняты новые штаты городских полицейских команд ряда городов Таврической губернии: Симферополя (старших городских 12, младших – 48, всего – 60), Феодосии (старших городских 4, младших – 19,

всего – 23), Старом-Крыму (старших городских 1, младших – 3, всего – 4), Евпатории (старших городских 4, младших – 16, всего – 20), Мелитополе (старших городских 4, младших – 19, всего – 23), Орехове (старших городских 1, младших – 5, всего – 6), Ногайске (младших – 4), Карасубазаре (старших городских 3, младших – 15, всего – 18), Бахчисарае (старших городских 3, младших – 11, всего – 14), Алёшках (старших городских 2, младших – 11, всего – 13) и Перекопе с предместьем Армянский Базар (старших городских 2, младших – 8, всего – 10)⁴⁵.

Спустя полгода в Феодосии было создано городское полицейское управление, которое составили всего четыре должности: полицмейстера, секретаря, городского пристава и его помощника⁴⁶. Названные должности с учётом имевшейся полицейской команды составили городскую полицию Феодосии с общим штатом 27 чел. Летом 1909 г.⁴⁷ к ним была добавлена одна должность полицейского пристава.

В 1895 г. штаты евпаторийской городской полиции были увеличены на одного старшего и четырёх младших городских⁴⁸, а в 1902 г. добавлены ещё семь должностей городских, в том числе одного старшего⁴⁹. В 1900 г. к штатам мелитопольской полиции были добавлены должности одного старшего и четырёх младших городских⁵⁰. В 1901 г. штат полицейской команды г. Перекопа и его предместья Армянского базара – двумя должностями младших городских⁵¹. В 1903 г. последовали преобразования штата бердянкой городской полиции, где была учреждена должность полицмейстера и ликвидирована одна должность участково-

⁴⁵ Об устройстве полицейской части в некоторых городах Таврической губернии. ПСЗ. 1891. Т. 11. № 7826.

⁴⁶ О штатах Феодосийского городского полицейского управления. ПСЗ. 1891. Т. 11. № 8107.

⁴⁷ О временном увеличении штата Феодосийской городской полиции. ПСЗ. 1909. Т. 29. № 31985.

⁴⁸ О дополнении штата полицейской команды города Евпатории Таврической губернии. 1895. Т. 15. № 11763.

⁴⁹ Об увеличении полицейской команды города Евпатории Таврической губернии. 1902. Т. 22. № 22228.

⁵⁰ Об усилении полицейской команды г. Мелитополя. ПСЗ. 1900. Т. 20. № 19365.

⁵¹ Об усилении полицейской команды г. Перекопа и его предместья Армянского базара. ПСЗ. 1901. Т. 21. № 20045.

⁴¹ Об усилении Ялтинской уездной и городской полиций. ПСЗ. 1891. Т. 11. № 7825.

⁴² Об увеличении численного состава ялтинской полицейской команды. ПСЗ. 1897. Т. 17. № 14603.

⁴³ Об изменении штатов Ялтинской уездной и городской полиций. ПСЗ. 1903. Т. 23. № 22418.

⁴⁴ Об усилении численного состава и увеличении окладов содержания Ялтинской полицейской команды. ПСЗ. 1905. Т. 25. № 27124.

го пристава⁵². С 1 января 1906 г. была учреждена должность полицейского надзирателя и две должности городских в посёлке Джанкой Перекопского уезда Таврической губернии⁵³. В 1909 г. в Таврической губернии был образован ещё один стан, в связи с чем с 1 июля 1909 по 1 января 1911 г. была учреждена дополнительная должность станового пристава⁵⁴.

В Екатеринославской губернии в результате реформы были образованы городские полицейские управления в губернском городе Екатеринослав, Таганроге (градоначальство), уездном городе Ростов-на-Дону, а также уездные полицейские управления: Екатеринославский, Александровский, Бахмутский, Верхнеднепровский, Новомосковский, Павлоградский, Ростовский, Славяносербский, Мариупольский. Общая характеристика реформы в Екатеринославской губернии приведена в работе Д.В. Коротенко (Коротенко, 2013).

В 1868 г. для Мариупольского уездного и Ростовских (на Дону) уездного и городского полицейских управлений были введены новые штаты⁵⁵. Состав мариупольского уездного полицейского управления включал 10 служащих: уездного исправника и его помощника, а также четверых служащих канцелярии; исполнительными чиновниками в городе были три полицейских надзирателя, а в уезде один становой пристав. Штат мариупольской полиции состоял из 10 чел., сумма расходов – 7550 руб. Ростовское (на Дону) уездное полицейское управление включало штат из 12 чел. с расходом 10050 руб., городское – 14 чел. с расходом 9700 руб.

В 1872 г. на заводе Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового произ-

водства (Екатеринославской губернии) была учреждена специальная должность полицейского надзирателя 1 разряда, подчинённого местному уездному исправнику. Ему в помощь Екатеринославским губернатором должны были быть назначены 4 вольнонаёмных полицейских служащих⁵⁶.

В 1875 г. в г. Александровске Екатеринославской губернии по ходатайству александровской городской думы была учреждена должность второго полицейского надзирателя за счёт средств города (620 руб. в год)⁵⁷.

В 1878 г. по инициативе Общества купцов и мещан Луганского завода Славяносербского уезда и на средства этого завода была учреждена должность полицейского надзирателя, который подчинялся славяносербскому уездному полицейскому управлению. Средства на содержание полицейского надзирателя в размере 620 руб. в год завод должен был ежегодно и своевременно вносить в местное уездное казначейство⁵⁸.

В апреле 1885 г. произошло усиление штата Екатеринославского городского полицейского управления на 5010 руб. в год, а городское полицейское управление было поднято до первого разряда. Следующее преобразование Екатеринославской городской полиции произошло в 1897 г., расход средств на её содержание составил 68530 руб. в год, из них около 70 % за счёт городского бюджета. Общее количество чинов составило 238 чел., из них 200 – городские⁵⁹, при общем количестве населения города по результатам переписи 1897 г. в 128166 чел.⁶⁰, то есть на одного служащего полиции приходилось около 538 чел.

⁵² Об учреждении должности полицмейстера в городе Бердянске Таврической губернии. ПСЗ. 1903. Т. 23. № 22416.

⁵³ Об образовании полиции в посёлке Джанкой Перекопского уезда Таврической губернии. ПСЗ. 1905. Т. 25. № 27123.

⁵⁴ Об образовании в Вологодской, Олонецкой, Саратовской, Симбирской, Таврической, Тверской и Харьковской губерниях девяти новых станов и об отпуске из государственного казначейства дополнительных средств на содержание полицейской стражи. ПСЗ. 1909. Т. 29. № 32064.

⁵⁵ О новых штатах Мариупольского уездного и Ростовских (на Дону) уездного и городского полицейских управлений. ПСЗ. 1868. Т. 43. № 45541.

⁵⁶ Учреждение полицейского надзора на заводе Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства. ПСЗ. 1872. Т. 47. № 50928.

⁵⁷ Об учреждении в г. Александровске должности второго полицейского надзирателя. ПСЗ. 1875. Т. 50. № 54905.

⁵⁸ О назначении в Луганский завод полицейского надзирателя. ПСЗ. 1878. Т. 53. № 58809.

⁵⁹ Об учреждении в составе городского полицейского управления города Екатеринослава второй должности помощника полицмейстера. ПСЗ. 1910. Т. 30. № 33764.

⁶⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под редакцией Н.А. Тройницкого. [Санкт-Петербург]: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Т. 13: Екатеринославская губерния. 1904. [6], XIV, 234 с.

В конце 1902 г. на заводах обществ Никополь-Мариупольского и «Русский Провиданс» в г. Мариуполе была учреждена конно-полицейская стража с подчинением мариупольскому полицмейстеру⁶¹. Имеются сведения, что стража состояла из сорока двух человек казаков Кубанского казачьего войска и одного возглавлявшего их офицера. Помимо этого, на заводах существовал особый штат полиции, состоящий из двух полицейских надзирателей и двадцати восьми пеших городских⁶². Тогда же в г. Бахмуте вместо двух должностей полицейских надзирателей учреждены должности пристава и его помощника⁶³, а в посёлках Амуре и Нижнеднепровске Новомосковского уезда введены одна должность полицейского пристава, две – околоточных надзирателей и 28 – городских⁶⁴. С.И. Татаринов отмечал, что накануне Первой мировой войны число полицейских служителей в Бахмуте существенно выросло, при этом содержание полицейских служителей в городе и уезде составляло значительную часть расходов городской думы и земства (Татаринов, 2013. С. 76).

С 1 мая 1908 г. в г. Никополе Екатеринославской губернии была упразднена должность полицейского надзирателя, вместо которой создано по одной должности полицейского пристава и околоточного надзирателя⁶⁵.

В 1908 г., когда по всей России при полицейских отделениях создавались специализированные сыскные отделения, на территории изучаемых губерний были созданы отделения второго (в городах Екатеринослав, Елисаветград, Николаев) и третьего (в городах Херсон, Симферополь, Керчь-

Еникаль) разряда. При этом в Екатеринославской губернии ещё до реформы существовал опыт организации сыскной работы на примере специальных сыскных команд (Матиенко, 2017. С. 24).

Также по памятным книжкам и адрес-календарям можно восстановить фамилии служащих полицейских управлений новороссийских губерний. Однако простое перечисление фамилий ничего не даст, оно имеет смысл только в случае привлечения архивных материалов, которые в настоящее время по объективным причинам недоступны.

Как результат отметим, что по материалам Полного собрания законов Российской империи можно проследить основную хронологию развития и изменения органов общей полиции с 1862 по 1913 г. (издание тома, охватывающего правовые акты 1913 г., состоялось в 1916 г.; материалы 1914 г. изданы не были в связи с революционными событиями февраля – октября 1917 г.). В результате реформы полиции 1862 г. в губерниях Новороссии были созданы городские и уездные полицейские управления. Уже через несколько лет как по инициативе полицейских начальников, так и по инициативе граждан, общественных (производственных) объединений или органов местного самоуправления, стали учреждаться дополнительные полицейские должности. После одного из первых таких обращений Комитет министров спустил решение подобных вопросов на уровень министра внутренних дел, после чего вопросы решались оперативно, если учреждение и обеспечение должности предполагалось на средства городов или лиц/обществ, ходатайствовавших об этом. В материалах Полного собрания законов Российской империи нашёл отражение вопрос принятия на полицейскую службу морских офицеров, который сначала был решён положительно, а в 1886 г. последовал запрет подобной практики. На материалах ПСЗ можно подробно проследить преобразования отдельных полицейских органов, например, одесской полиции, которая кроме городского полицейского управления с 1888 г. включала одесскую портовую полицию. Другим примером служит ялтинская полиция, состав которой вырос с 23 чел. в 1880 г. до 64 чел. в 1906 г. Следует отметить, что имелось немало случаев, когда происходило увеличение штатов органов общей полиции с пометкой «времен-

⁶¹ Об учреждении конно-полицейской стражи при заводах обществ Никополь-Мариупольского и металлургического и анонимного «Русский Провиданс» в городе Мариуполе Екатеринославской губернии. ПСЗ. 1902. Т. 22. № 22350.

⁶² Ляхов А. Из истории охраны комбината им. Ильича // Портал «Старый Мариуполь». URL: <http://old-mariupol.com/iz-istorii-oxrany-kombinata-im-ilicha/> (дата обращения: 23.05.2023).

⁶³ Об учреждении в городе Бахмуте Екатеринославской губернии должностей пристава и его помощника. ПСЗ. 1902. Т. 22. № 20951.

⁶⁴ Об утверждении штата полиции в поселках Амуре и Нижнеднепровске Новомосковского уезда Екатеринославской губернии. ПСЗ. 1902. Т. 22. № 22252.

⁶⁵ Об усилении полиции в городе Никополь Екатеринославской губернии. ПСЗ. 1908. Т. 28. № 30737.

но» сроком на несколько лет, а по прошествии их штаты сохранялись ещё на какой-то промежуток, либо сохранялись на постоянной основе, либо штат конкретного подразделения пересматривался полностью.

Таким образом, изучение нормативной базы преобразования полицейских органов в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях позволяет выявить организационные изменения в структуре городских и уездных полицейских управлений и проследить их в хронологическом поряд-

ке. Также можно определить объёмы и источники финансирования полицейских органов, выявить динамику изменения размера окладов отдельных должностей. Преимущественно полицейские органы в России в изучаемый период финансировались за счёт местных бюджетов либо совокупно в разных долях из бюджетов городов и министерства внутренних дел, однако можно выявить практику финансирования из бюджета МВД отдельных должностей или подразделений в первые несколько лет после их создания.

Список источников

Артизов А.Н. К вопросу об исторических корнях современного украинского кризиса // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 7–25. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25. EDN: KOVZLJ.

Борисов В.И. Донбасс и Новороссия – начало переустройства мирового порядка // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник : материалы Пятой Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Москва, 23–24 ноября 2022 года. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. Вып. 6. Ч. 1. С. 72–74. EDN: UHIAPB.

Бутырина С.А., Симонова М.М. Этапы отчуждения Украины от России: проектный анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. № 3. С. 79–85. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-79-85. EDN: YTBDOJ.

Волобуев О.В. Новороссия или вековые украинские земли? Северное Причерноморье и Приазовье в XVII–XVIII вв. в трактовке украинских учебников // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. История и политические науки. 2022. № 4. С. 19–26. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-19-26. EDN: UWIRZY.

Данчевская А.В. Законодательные акты полного собрания законов Российской империи (ПСЗ I) как источник изучения истории полиции // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 3. С. 194–204. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-3-194-204. EDN: EVRSVZ.

Данчевская А.В. Историография и источники по истории полиции в Новороссийских губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 99–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-99-107. EDN: KTQFSP.

Королёв В.И. Общая полиция Крыма и Северной Таврии во второй половине XIX – начале XX в. (кадровый

References

Artizov A.N. (2022) Historical origins of the current Ukrainian crisis. *MGIMO Bulletin*. Vol. 15. No. 6. P. 7-25. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-7-25. EDN: KOVZLJ.

Borisov V.I. (2023) Donbass and Novorossiya - the beginning of the restructuring of the world order. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Materialy Pyatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Bol'shaya Evraziya: natsional'nye i tsivilizatsionnye aspekty razvitiya i sotrudnichestva»*. Moskva, 23-24 noyabrya 2022 goda = Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Proceedings of the Fifth International Scientific-Practical Conference «Great Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation». Moscow, 23-24 November 2022. Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Iss. 6. Pt. 1. P. 72-74. (In Russ.). EDN: UHIAPB.

Butyrina S.A., Simonova M.M. (2023) Stages of alienation of Ukraine from Russia: project analysis. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. Vol. 13. No. 3. P. 79-85. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-79-85. EDN: YTBDOJ.

Volobuev O.V. (2022) Novorossiya or the eternal Ukrainian lands? The Northern Black Sea region and the Azov Sea in the 17th-18th centuries in the interpretation of Ukrainian textbooks. *Bulletin of the State University of Enlightenment. Ser. History and Political Sciences*. No. 4. P. 19-26. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-19-26. EDN: UWIRZY.

Danchevskaya A.V. (2022) Legislative acts of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (I) as a source of study police stories. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 3. P. 194-204. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-3-194-204. EDN: EVRSVZ.

Danchevskaya A.V. (2023) Historiography and sources on the history of police in the provinces of Novorossiya in the second half of the 19th - early 20th centuries. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 3. P. 99-107. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-3-99-107. EDN: KTQFSP.

Korolev V.I. (2004) The General Police of the Crimea and Northern Tavria in the second half of the XIX - early XX centu-

состав и условия службы) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4. С. 74–79.

Коротенко Д.В. Реформа полиции 1862 г.: реалии Екатеринославской губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. 1. С. 86–91. EDN: RNCMGJ.

Лонская С.В. Цифровая история права: начала методологии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 14–33. DOI: 10.21202/jdtl.2024.2. EDN: CFNAHC.

Матиенко Т.Л. Общеуголовный сыск в уездах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: поиск эффективной модели борьбы с преступностью // Вестник Академии права и управления. 2017. № 2 (47). С. 20–26. EDN: YUGWNT.

Осипов Н.А. Политика украинизации в 1920–1930-е гг. на примере юго-востока Украины // История повседневности. 2022. № 4 (24). С. 118–137. DOI: 10.35231/25422375_2022_4_118. EDN: IUSNAC.

Осипов Н.А. Сравнительный анализ политики украинизации в 1920–1930-е годы на территории юго-восточных округов УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 5. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V291. EDN: GSINGS.

Суслов А.Б. Внешняя политика современной России в школьных учебниках истории // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 6. С. 7–21. DOI: 10.24412/2713-0231-2022-6-7-21. EDN: YVDQUB.

Стоколос М.Д. Русская идентичность Донбасса: исторический аспект // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2023. № 17 (19). С. 30–44. DOI: 10.52270/26585561_2023_17_19_30. EDN: VHHLEN.

Усачева А.А. Историко-правовые особенности формирования государственного суверенитета в 1917–1919 гг. на современной территории Донецкой Народной Республики // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 181–188. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-1-181-188. EDN: ZMYPFU.

Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 113–128. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_13. EDN: LKZMZN.

Шерстнёв Р.А. Кадровый состав городских полицейских управлений Таврической губернии (вт. пол. XIX в.) // Научный альманах. 2023а. № 11-4 (109). С. 73–75. EDN: VXRXC.

Шерстнёв Р.А. Полицейские учреждения Таврической губернии в отечественной научной литературе // Научный вестник Крыма. 2023б. № 6 (46). EDN: ZGPIKE.

Эбулесов С.Ю. Актуальные вопросы деятельности полиции Таврической губернии в период Первой российской революции 1905–1907 гг. // Матрица научного познания. 2023. № 5-2. С. 287–293. EDN: WSIGXG.

ry (personnel composition and conditions of service *Historical. Heritage of the Crimea*. No. 3-4. P. 74-79. (In Russ.).

Korotenko D.V. (2013) Police reform of 1862: realia of Ekaterinoslav province. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and art Criticism. Questions of Theory and Practice*. Tambov: Gramota. No. 2. Pt. 1. P. 86-91. (In Russ.). EDN: RNCMGJ.

Lonskaya S.V. (2024) Digital History of Law: principles of methodology. *Journal of Digital Technologies and Law*. Vol. 2. No. 1. P. 14-33. (In Russ.). DOI: 10.21202/jdtl.2024.2. EDN: CFNAHC.

Matienko T.L. (2017) The ordinary criminal investigation of the Russian Empire counties in the second half of nineteenth - early twenties century: the search of an effective model of struggle against criminality. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. No. 2 (47). P. 20-26. (In Russ.). EDN: YUGWNT.

Osipov N.A. (2022) The policy of Ukrainization in the 1920s-1930s on the example of the South-East of Ukraine. *The history of everyday life*. No. 4 (24). P. 118-137. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2022_4_118. EDN: IUSNAC.

Osipov N.A. (2023) Comparative analysis of the policy of ukrainization in the 1920s - 1930s in the South-Eastern areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban area of the North Caucasus territory of the RSFSR. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Ser. Humanities and Social Sciences*. Vol. 23. No. 5. P. 5-15. (In Russ.). DOI: 10.37482/2687-1505-V291. EDN: GSINGS.

Suslov A.B. (2022) Foreign policy of contemporary Russia in history textbooks for schoolstudents. *Humanitarian studies. History and philology*. No. 6. P. 7-21. (In Russ.). DOI: 10.24412/2713-0231-2022-6-7-21. EDN: YVDQUB.

Stokolos M.D. (2023) Russian identity of Donbass: historical aspect. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. No. 17 (19). P. 30-44. (In Russ.). DOI: 10.52270/26585561_2023_17_19_30. EDN: VHHLEN.

Usacheva A.A. (2023) Historical and legal features of the formation of the state sovereignty of Donetsk People's Republic in 1917-1919. *Bulletin of KSU*. Vol. 29. No. 1. P. 181-188. (In Russ.). DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-1-181-188. EDN: ZMYPFU.

Cherkashin K.V., Terkulov V.I., Tamer'yan T.Yu. (2023) Self-identification of Donbas residents. *Political Linguistics*. No. 1 (97). P. 113-128. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_13. EDN: LKZMZN.

Sherstnev R.A. (2023a) The personnel of the city police departments of the Tauride province (the second half of the XIX century). *Scientific almanac*. No. 11-4 (109). P. 73-75. (In Russ.). EDN: VXRXC.

Sherstnev R.A. (2023b) Police institutions of the Tauride province in the Russian scientific literature. *Scientific Bulletin of the Crimea*. No. 6 (46). (In Russ.). EDN: ZGPIKE.

Ebulesov S.Yu. (2023) Topical issues of the police of the Tauride province during the First Russian Revolution of 1905-1907. *Matrix of Scientific Knowledge*. No. 5-2. P. 287-293. (In Russ.). EDN: WSIGXG.

Татаринов С.И. Влияние земских учреждений Бахмутского уезда Донбасса на деятельность полиции в конце 19 – начале 20 столетий // Theoretical & Applied Science. 2013. № 11 (7). С. 71–78. EDN: RLFRQN. (На украинском).

Tatarinov S.I. (2013) The influence of the district council to activities of the police in the Bakhmut district at the end of 19th and the beginning of 20th century. *Theoretical & Applied Science*. No. 11 (7). P. 71-78. (In Ukrainian). EDN: RLFRQN.

Информация об авторе

Данчевская Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, e-mail: vashan16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Information about the author

Anastasiya V. Danchevskaya, Cand. Sci. (History), associate Professor of the Department of Philosophy and Socially-Humanitarian Disciplines, East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation, 110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: vashan16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Вклад автора

Данчевская А.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Danchevskaya A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2023 г.; одобрена после рецензирования 1 апреля 2024 г.; принята к публикации 15 апреля 2024 г.

Article info

The article was submitted November 20, 2023; approved after reviewing April 1, 2024; accepted for publication April 15, 2024.

История

Научная статья
УДК 355.415,341.341
EDN: UJMXR
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-141-151>

Газеты военнопленных Первой мировой войны в Японии (1914–1918 гг.)

С.И. Кузнецов^{1, 2}

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

² Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Аннотация. В статье рассматриваются периодические издания, издаваемые в лагерях военнопленных, особое внимание впервые в отечественной историографии уделяется газетам, выпускаемым в лагерях немецких и австро-венгерских военнопленных периода Первой мировой войны, интернированных в 1914 г. в Японию. Выпуск администрацией лагерей газет для военнопленных в интересах пропаганды и индоктринации стал широко распространенным явлением во второй половине XX в. В то время как газеты, которые выпускали сами военнопленные, не столь многочисленны. В ноябре 1914 г. после осады и взятия немецкой крепости в Циндао в Японию было отправлено около 4600 немецких военнопленных. В годы Первой мировой войны в Японии было организовано 16 лагерей для немецких военнопленных, интернированных из Циндао. Сравнительно мягкий режим японских лагерей позволил немецким военнопленным заниматься предпринимательской и издательской деятельностью, учиться, заниматься спортом и музыкой. В лагерях Токусима и Бандо военнопленные по своей инициативе организовали типографии и выпускали газеты «Die Baracke» «Tokushima Anzeiger». Газеты публиковали информацию о событиях на фронте, как правило, это были перепечатки из японских, английских или американских изданий; очерки, эссе, рассказы и стихи, написанные самими военнопленными; страноведческие заметки по истории, культуре и обычаям Японии; научные статьи по геологии, географии, агрономии, филологии. Выпускалось и небольшое количество материалов, показывающих внутреннюю повседневную жизнь лагеря, особенности ее организации и режима. Газеты военнопленных японских лагерей 1914–1918 гг. представляют собой уникальный исторический источник по истории Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, интернирование, германская армия, осада и взятие Циндао, лагерь военнопленных, Япония, периодическая печать военнопленных, повседневная жизнь военнопленных

Для цитирования: Кузнецов С.И. Газеты военнопленных Первой мировой войны в Японии (1914–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 141–151. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-141-151. EDN: UJMXR.

History

Original article

Newspapers from World War I prisoners of war in Japan (1914-1918)

Sergei I. Kuznetsov^{1, 2}

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

² Hokkaido University, Sapporo, Japan

Abstract. The article examines periodicals published in prisoner-of-war camps; for the first time in Russian historiography, special attention is paid to newspapers published in the camps of German and Austro-Hungarian prisoners of war during the First World War, interned in Japan in 1914. The publication of newspapers for prisoners of war by camp administrations in the interests of propaganda and indoctrination became widespread in the second half of the twentieth century. At that moment newspapers published by prisoners of war themselves were not so numerous. In November 1914, after the siege and capture of the German fortress in Qingdao, about 4,600 German prisoners of war were sent to Japan. During the First World War, 16 camps were established in Japan for German prisoners of war interned from Qingdao. The relatively mild regime of the Japanese camps allowed German prisoners of war to engage in business and publishing activities, study, play sports and music. In the Tokushima and Bando camps, prisoners of war, on their own initiative, organized printing houses and published the newspapers “Die Baracke”, “Tokushi-

ma Anzeiger". Newspapers published information about events at the front, as a rule these were reprints from Japanese, English or American publications; essays, stories and poems written by prisoners of war themselves; regional notes on the history, culture and customs of Japan; scientific articles on geology, geography, agronomy, philology. A small amount of materials were also produced showing the internal daily life of the camp, the features of its organization and regime. Newspapers of prisoners of war of Japanese camps 1914-1918 represent a unique historical source on the history of the First World War.

Keywords: World War I, prisoners of war, internment, German army, siege and capture of Qingdao, prisoner of war camp, Japan, prisoner of war periodicals, daily life of prisoners of war

For citation: Kuznetsov S.I. (2024) Newspapers from World War I prisoners of war in Japan (1914-1918). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 141-151. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-141-151. EDN: UJMXR.

Среди разнообразных и многочисленных источников по истории военного плена особое место занимает периодическая печать военнопленных. Впервые газеты военнопленных появились в лагерях военнопленных периода Первой мировой войны. В ходе первой крупной войны XX в. – Русско-японской – таких изданий еще не было. Содержание русских военнопленных в японских лагерях было непродолжительным. А их потребность в чтении частично обеспечивалась направлением в лагерь русской художественной и религиозной литературы и периодики, этим активно занималась миссия РПЦ в Японии и ее глава – о. Николай Японский. В ходе Второй мировой войны, когда в плену по обе линии фронта оказались миллионы военнослужащих, в лагерях издавались десятки газет для военнопленных. Подавляющее их количество выходило по инициативе и под контролем лагерной администрации и выполняла задачи не столько информационные и просветительские, сколько пропагандистские, направленные на индоктринацию военнопленных. К ним относятся, например, издававшиеся в СССР газеты для немецких военнопленных «Das freie Wort» (Свободное слово) и «Freies Deutschland» (Свободная Германия), «Graiul Liber» (Свободная речь) – для румынских, «Igaz Szó» (Слово правды) – для венгерских, «Alba» (Восход) – для итальянских, 日本の新聞 (Японская газета) – для японцев и др. Эта печать разъясняла официальные документы ВКП(б), разоблачала фашистский режим Германии и нацистскую идеологию, публиковала информацию о жизни в СССР. Содержание газет было близким, однако подбиралось и публиковалось с учетом национальных особенностей аудитории (Волковский, 2003. С. 424.) Пропагандистская печать, адресованная советским военнопленным, издавалась в фашистской Германии («Заря»), Финляндии («Газета военнопленных»),

Норвегии. Газеты периода Второй мировой войны, которые издавали сами военнопленные, были единичны. Известно об одной из них – рукописную газету «Пленная правда» выпустил военнопленный Шталага № 352 С.П. Злобин. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны сохранился ее единственный номер от 10 июня 1942 г. (Как издавалась рукописная газета...)¹. После окончания войны и начала репатриации советских военнопленных и граждан из Германии и ряда европейских стран для них издавались специальные газеты «Вести с Родины» (Франция), «На Родину», «Родина зовет», «Счастливый путь». Их задачей было не только информировать репатриантов о положении дел в СССР, но и убедить их возвратиться на родину.

Периодическая печать военнопленных и для военнопленных, издаваемая в годы Первой мировой войны, значительно менее идеологизирована. Например, в лагере русских военнопленных в Нейссе с июля 1917 года по конец года (последний номер датирован 12 января 1918 года по новому стилю) выходила ежедневная газета «Новости Дня» под редакцией подполковника В.А. Ковровцева. Машинописное издание включало от шести до 10 страниц и носило преимущественно информационный характер. Номер открывался разделом «Военные события», значительное внимание уделялось и событиям в России. Газета, в частности, подробно рассказывала о Корниловском мятеже и т.д. Издатели «Новостей Дня» перепечатывали информацию из зарубежных периодических изданий и информационных агентств, а также русских газет различных направлений. «Новости Дня» вы-

¹ Как издавалась рукописная газета «Пленная правда», распространявшаяся в Шталаге-352. URL: <http://www.sb.by/articles/pisali-smerti-vopreki.html> (дата обращения 01.02.2024).

пускались под контролем германской администрации и не должны были затрагивать немецких интересов. В то же время с пропагандистской точки зрения власти использовали газету очень аккуратно – насколько это возможно в издании подобного типа (Николаев, 2004. С. 174). В России в июне – декабре 1917 г. выходил ежемесячный журнал «Русский военнопленный», издаваемый Московским Городским Комитетом помощи русским военнопленным. Всего было издано семь номеров (около 30 страниц каждый), распространялся журнал по подписке и был в розничной продаже – средства шли на помощь военнопленным (Назарова, 2014. С. 36). С 1917 года издавалась газета для польских военнопленных «Przyszłość», спортивная газеты для французских военнопленных «Nouvelles Sportives». В немецких лагерях военнопленных распространялись религиозные газеты, например, Ассоциация юношей христиан (YMCA) издавала «Вестник военнопленного», тираж которого составлял 41 тыс. экземпляров и распространялся в лагерях на русском, французском, немецком и английском языках (Нагорная, 2008. С. 159).

Среди немногочисленных периодических изданий времен Первой мировой войны, которые выпускали военнопленные по собственной инициативе, были газеты немецких военнопленных в Японии.

Участие Японии в Первой мировой войне на стороне Антанты ограничилось несколькими операциями в Китае и Микронезии, поставками вооружений и боеприпасов союзникам (одной только России Япония поставила 600 тысяч винтовок), а также предоставлением займов (Dickinson, 2013. Р. 16). 23 августа 1914 г. после предъявления Германией ультиматума Япония объявила войну. Уже 27 августа японцы по радио от имени вице-адмирала Като Садакити известили немецкий гарнизон в Циндао о начале блокады. К 25 сентября экспедиционные войска Японии и Великобритании отрезали Циндао от материка. Осада и бомбардировки крепости продолжались до 7 ноября. Утром 7 ноября комендант крепости А. Майер-Вальдек отдал приказ выбросить белый флаг. Участник обороны К. Мейснер позже писал в мемуарах: «Капрал Вальтер взял “белый флаг” (обыкновенную простыню) и мы вместе вышли на улицу. Мы ждали там пока японцы проложат путь через наши прово-

лочные заграждения. Подошел генерал-лейтенант Камио Мицуюми (командующий союзными войсками – С.К.). Позади него шел солдат с хризантемой. Я сказал: «Вот наша 6-я рота в блиндаже. Я добился разрешения, чтобы нашим офицерам разрешили поехать в город за багажом... Вскоре нас погрузили на корабль “Сацума-мару”. Вскоре мы прибыли в гавань Такахама, откуда отправились в Мацуюму. Там нас разместили в Кокайдо – двухэтажном здании в саду. Все комнаты были застланы татами. Здесь мы прожили около двух лет» (Meißner, 1973. Р. 82–83). В результате осады Циндао в ноябре 1914 г. были взяты в плен и интернированы в Японию более 4600 военнопленных немцев, австрийцев, венгров, чехов, словаков и поляков (общая численность защитников крепости Циндао, по оценкам адмирала И.С. Исакова, насчитывалась близкой к 5000 человек (Исаков, 1941. С. 73). Размещенные сначала во временные, а позже – в стационарные лагеря военнопленных в южной части Японии (префектуры Тиба, Фукуока, Кагава, Эхимэ, Хьёго, Токусима, городах Токио, Судзуоке, Нагое), военнопленные содержались здесь в течение четырех лет войны. Их репатриация началась лишь в ноябре 1918 г. (Оцуру Ацуси, 2007. С. 37–40).

Функционирование лагерей военнопленных в Японии рассматривается в нескольких монографиях и ряде статей американских, японских и немецких исследователей. Из них, в первую очередь, следует назвать книги Ч. Бердика и У. Моснер (Burdick, Moessner, 1984), Р. Джексона (Jackson, 1989), а также ряд работ профессора университета в Кобэ Оцуру Ацуси (Оцуру Ацуси, 2007; Оцуру Ацуси, 2013; Оцуру Ацуси, 2021), бывшего профессора из университета Коти Сэто Такэхико (Сэто Такэхико, 2006), статьи английского исследователя Сандры Баркоф (Barkhof, 2017). Внутренняя жизнь лагеря немецких военнопленных в Японии описана в двухтомном издании Г. Вейнланда (Weiland Hans, 1931) и др. Названные монографии достаточно подробно рассматривают оборону Циндао, взятие в плен и перемещение в Японию почти 4600 немецких, австро-венгерских военнослужащих. Многие немецкие солдаты в Циндао были мобилизованы гражданскими или добровольцами, и до призыва в армию они работали в самых разных сферах. Были среди них торговцы, кондитеры, кол-

басники, пивовары, типографские рабочие, инженеры и учителя, художники. Почти 4-летнее их нахождение в Японии очень хорошо дополняло существовавшую там национальную программу по внедрению передовых технологий, недоступных в Японии. Через их деятельность в лагерях японцам передавались немецкие технологии, знания и культура.

Как известно, плен оказывает травматическое воздействие на психическое состояние человека. Факторами этого воздействия являются скука, отсутствие каких-либо занятий, монотонность существования, информационное истощение социума, рост взаимного недоверия, разобщенность пленных и др. В таких условиях терапевтическое воздействие на состояние военнопленного оказывает работа, а также и различные занятия в свободное время, выступающие в качестве признака свободного пространства в японском плену и толерантности. По воспоминаниям немецких пленных, некоторые из них начали изучать японский язык, историю и культуру, другие занимались спортом, музицировали или пели. Достаточно мягкий режим содержания позволял им совершать раз в неделю экскурсии, сначала под конвоем, а позже относительно свободно перемещаться в городе. Особенно популярным среди военнопленных был футбол, игры, в том числе с местными командами, проходили регулярно. Среди военнопленных оказалось несколько профессиональных музыкантов и артистов, которые смогли устраивать концерты и театральные постановки. Особая роль в этом принадлежала Паулю Энгелю, скрипачу и дирижеру военного оркестра из Дрездена. После мобилизации он оказался в 3-м батальон морской пехоты в Циндао, где и был взят в плен. В лагере для военнопленных Маругаме, куда он был интернирован, он создал «Оркестр Маругаме Ойо». Кроме концертов для военнопленных оркестр выступал и перед местным населением. Считается, что некоторые произведения, исполненные оркестром Энгеля в лагере для военнопленных Бандо, были исполнены в Японии впервые. В этом лагере были четыре оркестра, в числе которых оркестр Шульца, струнный и др. В Японии у военнопленных появилась особенно острая потребность в чтении. По воспоминаниям Курта Мейснера, «лагерь показал, насколько хорошо немцы умеют проводить свободное время. Дошло

до того, что времени в конце концов ни у кого не осталось. Лекции, музыка, переплетное дело, походная типография, рестораны, бары (летом в столовой новая бочка пива каждые две минуты), карточные игры, спорт, театр и т. д., а также уроки на многих языках (не только японском, но и английском и французском), математика, физика и даже бухгалтерский учет!» (Meißner, 1973. P. 85).

Одним из крупнейших лагерей военнопленных в Японии был лагерь Бандо, возникший в 1915 г. в результате объединения лагерей Маругама, Мацуюма и Токусима (рис. 1). Он располагался на западной окраине деревни Наруто (ныне город) в префектуре Токусима на острове Сикоку. С апреля 1917 года по январь 1920 года в этом лагере содержалось более 900 солдат и офицеров германской армии, военно-морского флота, морской пехоты и австро-венгерского флота, захваченных во время осады Циндао в ноябре 1914 года. Когда лагерь закрылся в 1920 году, шестьдесят три заключенных решили остаться в Японии (Johnston, 2006)². Военнопленные этого лагеря собрали небольшую библиотеку, которой могли пользоваться все желающие. В мае 1918 г. она включала 5420 книг и журналов, в том числе 170 сочинений классической литературы, 200 книг по войне, литературу по юриспруденции, истории, философии, географии, естественным наукам. Были и книги на иностранных языках – французском, английском, испанском, итальянском и латыни (Die Baracke, 2001. P. 213–214). В лагере Токусима (был объединен с лагерем Бандо) с апреля 1915 г. по сентябрь 1916 г. военнопленные смогли издавать первую собственную газету – «Токусима Анцайгер», выпустив 56 номеров (рис. 2). В обращении от редакции, опубликованном в первом номере газеты, говорилось: «Мы желаем, чтобы наша газета «Токусима Анцайгер», появившаяся сегодня на свет, не прожила долго. Мы хотим, чтобы мы могли скорее уехать из Японии на нашу дорогую родину, и газета перестала бы существовать. Мы намерены публиковать телеграфные новости, полученные из

² Johnston Eric. Bando POW Camp: Chivalry's Last Bastion // The Japan Times, 2006, 13 July. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2006/06/13/national/bando-pow-camp-chivalrys-last-bastion/> (дата обращения 25.01.2024).

Рис. 1. Мемориал на месте лагеря военнопленных Бандо
Fig. 1. Memorial on the site of the Bando POW's camp

Tokushima-Anzeiger

Рис. 2. Первая страница газеты «Токусима Анцайгер»
Fig. 2. Front page of Tokushima Antzeiger

немецких, американских, английских и японских газет. Кроме того, мы хотим остановиться на важнейших событиях войны и будем перепечатывать наиболее интересные статьи из других газет. Мы хотим по возможности разнообразить нашу монотонную жизнь и для этого у нас будет шахматный уголок» (Tokushima-Anzeiger. № 1. Tokushima, den 5. April 1915)³.

В лагере Бандо до сентября 1918 г. военнопленные издавали газеты «Die Baracke» (выпущено 79 еженедельных и 6 ежемесячных номеров при тираже до 300 экземпляров) и «Daily Telegram Service Bandō». В первом выпуске газеты сообщалось, что «Барак» должен стать для нас источником радости, достойным воспоминания о том великом времени, в котором мы живем (рис. 3). Мы должны отказаться от политических разногласий и помнить о том, что нас объединяет» (Die Baracke, 2001. P. 27). Оригиналы газет «Tokushima Anzeiger» и «Die Baracke» на восковой бумаге сохранились. Печатались они, вероятно, mimeографом или гектографом, в газетах были даже цветные иллюстрации в три цвета, а в Die Baracke – цветная обложка. Шрифт – немецкий готический курсив. Всего над изданием газеты работали десять сотрудников, в том числе три печатника, два чертежника, четыре переписчика и переводчик, которые каждый день просматривали японские газеты в поисках полезных новостей и переводили их на немецкий язык. Имена редакторов не сохранились, так же как и авторов статей, рассказов и стихов, помещаемых в газетах. Иногда материалы подписывались инициалами. В 25-м номере газеты, вышедшем 19 сентября 1915 г., были названы некоторые члены редколлегии – старший матрос Руфф, который занимался иллюстрациями и вел юмористическую страницу «Шпигель», руководитель типографии матрос Хюбнер, матросы Коллер, Ауэр, Лангрок, Подбором публикаций в японской прессе и их переводом на немецкий язык занимался матрос Вернер. Здесь же была названа цена газеты – 5 сен, что по курсу того времени примерно соответствовало 2,5 американским центам⁴ (рис. 4).

³ URL: http://www.dt-haus.org/publ/TA_contents/Deutsche_Version/Band1/TA1-01.pdf (дата обращения 26.01.2024).

⁴ Полный комплект оригинала «Токусима Анцайгер» хранится в военно-морском училище в Мюрвике, пригороде

Газета «Die Baracke» помещала стихи, рассказы и эссе самих военнопленных, рисунки, а также новости и разнообразную информацию. Например, 27-й выпуск газеты включал поздравление с Пас-

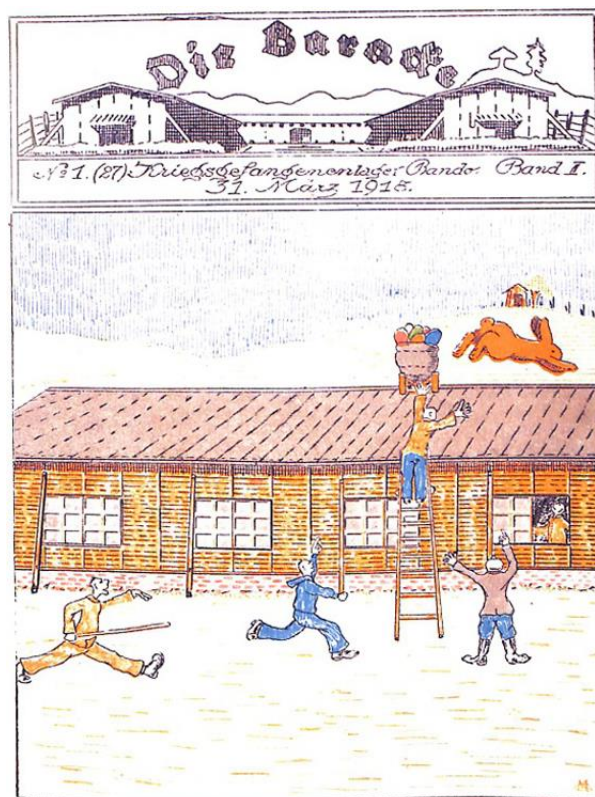

Рис. 3. Обложка № 27 газеты «Барак»
Fig. 3. Cover No. 27 of the newspaper "Die Baracke"

Рис. 4. Подготовка очередного номера газеты
Fig. 4. Preparation of the next issue of the newspaper

Фленсбурга, на севере Германии. В 2012 г. исследовательская группа Немецкого дома в Наруро (руководитель Камикава Сабуро) обработала материалы в современной орфографии и опубликовала на CD диске.

хой, эссе о японской повседневной жизни, очерк «Сельское хозяйство и птицеводство военнопленных», информация о концерте Токусимского оркестра военнопленных, новости с фронта с приложением карты военных действий и другую разнообразную информацию познавательного и развлекательного характера (Die Baracke 2001. Р. 3–28). Интерес для военнопленных представляли очерки по истории, культуре и обычаях Японии. «Барак» публиковал и настоящие научные статьи, например, в номере за 28 июля 1918 г. была опубликована статья «Доменные печи и сталелитейные заводы Японии», 25 августа 1918 г. вышла пространная статья о добыче соли на острове Сикоку (Die Baracke, 2001. Р. 533), а в номере 1 сентября 1918 г. – статья по проблемам геологии (Die Baracke, 2001. Р. 554–561).

Лагерь Бандо вообще отличался развитой инфраструктурой. Здесь была даже своя типография, которая кроме газет печатала программы мероприятий, карты, открытки, конспекты лекций, входные билеты, ноты, рекламные листовки, технические чертежи, книги, марки для использования в лагере. По мнению мэра города Наруто Камэй Тосиаки, лагерь Бандо вряд ли можно было назвать лагерем, поскольку военнопленные здесь пользовались большой свободой и имели возможности для предпринимательской и общественной деятельности – создали торговую улицу (Тапатау), основали кооператив по страхованию, спортивный комитет, пожарную часть, почту (Die Baracke, 2001. Р. 1). Газета военнопленных приводит разнообразную информацию о внутренней жизни лагеря и о деловой активности немцев. В номере от 17 сентября 1916 г. сообщается: «Нам надо рассчитывать на длительное пребывание в лагере, поэтому любое улучшение нашего положения приветствуется. Нам сократили содержание на 5 сен на человека в день, это заставляет нас быть более экономными. Простой расчет показывает, если мы откроем хлебопекарню, то не только обеспечим себя, но и сможем с прибылью продавать хлеб местному населению. Помимо пекарни планируется строительство мыловаренного завода, успешные попытки сделать мыло нами уже сделаны. А учитывая низкое качество японского мыла, нет сомнения, что мы без труда вытесним их с этого рынка» (Tokushima-Anzeiger. № 17 (Band III). Tokushima.

1916. 17 Sept.)⁵. Печать военнопленных содержит разнообразную информацию о внутреннем распорядке лагеря и взаимоотношениях с местными властями. В «Токусима Анцайгер» она публиковалась в рубрике «От начальника лагеря». Несмотря на то, что режим содержания военнопленных был достаточно мягким, военнопленные пытались совершать побеги. Однако шансы на успех были минимальны, учитывая географическое положение страны и особенности менталитета японцев, не склонных поддерживать беглецов. Газета военнопленных так отзывалась на эти события. 20 августа 1916 г. помещено сообщение о том, что после нескольких недель предварительного расследования к трем месяцам тюремного заключения приговорены военнопленные Ниссен и Эбертц, пытавшиеся совершить побег. Газета сетует, что камера, в которой содержится военнопленный, очень мала – менее трех квадратных метров (Tokushima-Anzeiger. № 15 (Band III). Tokushima. 1916. 20 Aug.)⁶.

Вероятно, наиболее читаемыми разделами газеты военнопленных были те, которые касались положения дел на фронте. Краткие сводки публиковались почти в каждом номере газет, крупные события сопровождались комментариями и аналитическими обзорами. «Tokushima Anzeiger» в номере от 5 апреля 1915 г. поместила подробный отчет о событиях на фронте. Материал для анализа был почерпнут из различных иностранных газет. Авторы обзора сообщали, что «объединенная англо-французская эскадра недавно начала активную бомбардировку дарданелльских укреплений и, судя по всему, намеревается высадить большое количество французских войск в Турции. Одновременно российский Черноморский флот бомбардирует Босфор» (Tokushima-Anzeiger. № 1 (Band I). Tokushima. 1915. 5 April)⁷. Речь шла о масштабной

⁵ Tokushima-Anzeiger. № 17 (Band III). Tokushima. 1916. 17 Sept. URL: http://www.dt-haus.org/publ/TA_contents/Deutsche_Version/Band3/TA3-17.pdf (дата обращения 02.02.2024).

⁶ Tokushima-Anzeiger. № 15 (Band III). Tokushima. 1916. 20 Aug. URL: http://www.dt-haus.org/publ/TA_contents/Deutsche_Version/Band3/TA3-15.pdf (дата обращения 03.02.2024).

⁷ Tokushima-Anzeiger. № 1 (Band I). Tokushima. 1915. 5 April. URL: http://www.dt-haus.org/publ/TA_contents/Deutsche_Version/Band1/TA1-01.pdf (дата обращения 31.01.2024).

Дарданелльской операции, длившейся с 19 февраля 1915 г. по 9 января 1916 г. и развёрнутой в ходе Первой мировой войны по инициативе Уинстона Черчилля странами Антанты, главным образом Британской империей, с целью захвата Стамбула, вывода Османской империи из войны и открытия морского пути в Россию; однако союзники по Антанте тогда потерпели поражение. Издание всячески стремится поддержать боевой дух военнопленных. Взятие Варшавы 5 августа 1915 г. газета отмечает восторженным сообщением: «Варшава пала – сколько героизма, сколько смелого самопожертвования, бескорыстной преданности великому делу заключено в этих словах! Русские защищались мужественно, но немецкая стратегия, немецкая храбрость принесли победу нашим знаменам, ура!» (Tokushima-Anzeiger. № 19 (Band I). Tokushima. 1915. 8 Aug. P. 12)⁸. Объявление Италией 27 августа 1916 г. войны Германии вызывает негодование газеты. В номере от 3 сентября 1916 г. сообщается: «осталось ли у правительства Италии хоть малая толика порядочности, которая помешала бы Италии совершить предательство? Италия, которая обязана исключительно прусским и немецким победам 1866 и 1870 гг., объявила нам войну без всякой на то причины. Падал ли какой-нибудь народ так морально низко, как итальянцы?» (Tokushima-Anzeiger. №16 (Band III). Tokushima. 1916. 3 Sept.)⁹. Информация, перепечатываемая из японских, английских и американских газет, в цензуре не нуждалась. Что касается военнополитических оценок, приводимых в немецких газетах военнопленных, они позволяют сделать вывод о минимальном уровне цензуры со стороны японской лагерной администрации. Впрочем, редакция «Токусима Анцайгер», оговаривалась, что к информации из английских и русских газет надо относиться с осторожностью и не особенно принимать ее на веру.

⁸ Tokushima-Anzeiger. № 19 (Band I). Tokushima. 1915. 8 Aug. P. 12. URL: http://www.dthaus.org/publ/TA_contents/Deutsche_Version/Band1/TA1-19.pdf (дата обращения 31.01.2024).

⁹ Tokushima-Anzeiger. №16 (Band III). Tokushima. 1916. 3 Sept. URL: http://www.dthaus.org/publ/TA_contents/Deutsche_Version/Band3/TA3-16.pdf (дата обращения 02.02.2024).

По примеру «Токусима Анцайгер» и «Барака» в лагере Мацуюма была предпринята попытка выпуска лагерной газеты «Das Lagerfeuer» («Костер»). Инициаторы издания – лейтенанты Зельгер, Мартин и Гольдшмидт сумели получить гектограф и выпустить 5 номеров газеты, первый из которых вышел 27 января 1916 г. Ее тираж был от 50 до 150 экземпляров. Выпуск прекратился по требованию начальника лагеря Маэкава Ёкити, которого возмутило, что издание началось без согласования с администрацией лагеря. При этом первый выпуск газеты выглядел более чем благопристойно, он содержал очерк предыстории китайской революции, информацию о видах японской тыквы и развлекательный отдел с шарадами и загадками (Günther, 2012. P. 14–15). Позже газета возобновила свою работу, но уже под другим названием. Бывший военнопленный в лагере Мацуюма и Бандо Курт Мейснер, в своих мемуарах «Шестьдесят лет в Японии», писал: «Жизнь в лагере для военнопленных во многом зависит от коменданта лагеря. Подполковник Маэкава был очень честолюбивым офицером. Из-за этого, а также из-за того что наши немецкие офицеры все еще были надменны и грубы, нам, солдатам, было не очень хорошо». (Meißner, 1973. P. 84). С другой стороны, подполковник Мацүэ Тоёхиса, бывший начальник лагеря Токусима и назначенный комендантом лагеря в Бандо, проявлял большую терпимость к нуждам заключенных и всячески поощрял их к продуктивной деятельности (The Japan Times. 2018. 23 Sept.).

Периодические издания военнопленных издавались лишь в двух лагерях (к моменту репатриации их число в Японии сократилось до 12, а затем до 6) – Токусима и Бандо (рис. 5). Вероятно, это можно объяснить наиболее многочисленным контингентом этих лагерей, а количество читателей и, соответственно, тираж были ограничены. Все же немецкая газета даже в лагере оставалась коммерческим предприятием. Поэтому производство мыла или выпечка хлеба, который приобретали бы не только военнопленные, но и японцы, могло принести военнопленному предпринимателю значительно больший доход. Немаловажным было и отношение руководства лагеря к такой деятельности военнопленных, они далеко не всегда были склонны поддерживать ее. Комендант лагеря Бандо Мацүэ Тоёхиса был скорее исключением. Позже он стал генерал-

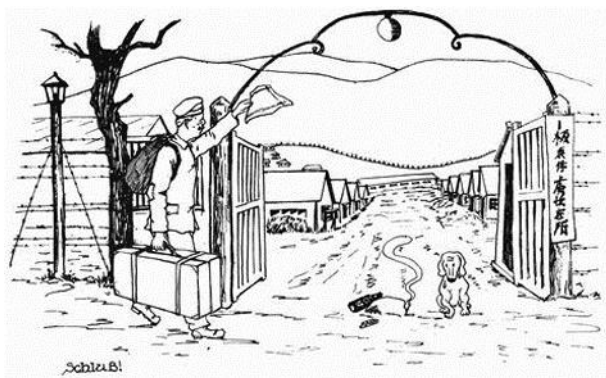

Рис. 5. До свидания лагерь военнопленных
(иллюстрация из «Токусима Анцайгер»)

Fig. 5. Goodbye POW Camp (illustration from Tokushima Anzeiger)

майором, мэром г. Вакамацу и был удостоен сооружения памятника на родине в Фукусиме (Майнити симбун 毎日新聞. 2018. 2 июня). В ноябре 2023 г. цветы к памятнику возложил бывший президент Германии Кристиан Вульф (Фукусима минпо 福島民報. 2023. 15 ноября). Для издания газеты необходимы были не только материалы и оборудование, но и единомышленники – люди, хотя бы немного знающие это дело, а также умеющие писать и редактировать тексты. В том же лагере Мацуяма военнопленные были разобщены и поделены на три категории – старшие офицеры, младшие офицеры и нижние чины. Это обстоятельство никак не способствовало объединению их усилий для какого-то совместного предприятия.

Как исторический источник газеты, выпускаемые в лагерях военнопленных в Японии, представляют большой интерес. Например, материалы газеты «Токусима Анцайгер» содержат детальные воспоминания военнопленных об осаде Циндао в 1914 г. На их основании можно составить достаточно полную картину устройства и внутренней повседневной жизни лагерей военнопленных в Токусима и Бандо, взаимоотношений военнопленных с местным населением и властями. С другой стороны, они представляют собой и взгляд европейца, чаще всего не знакомого ни с языком, ни с обычаями Японии, на жизнь этой страны в первые десятилетия XX века. Что касается взаимоотношений с местным населением, то они были достаточно спокойными. Будучи вдали от основных событий войны население Японии не особенно их ощущало. «Некоторые из них слышали, что была война, – писал

британский офицер М. Кеннеди в своем дневнике, – но, похоже, имели неясное представление о том, кто с кем воевал, и полагали, что она закончилась взятием Циндао в 1914 году. Кажется почти невероятным!» (Kennedy, 1969. P. 24).

Следует отметить стремление японской стороны к сохранению материального и духовного наследия, связанного с пребыванием военнопленных на их территории. Деятельность «Немецкого дома», создание музеев, усилия по сохранению и переизданию периодической печати военнопленных являются инструментами мягкой силы, позволяющими по-новому оценивать трагические страницы истории и способствующими лучшему пониманию народов двух стран. В 1972 г. музей был открыт в г. Нарута, коллекция документов и вещей военнопленных экспонируется в музее г. Нарасино. Впрочем, боевые действия с участием Японии в Первой мировой войне были кратковременными и не столь кровопролитными. Режим содержания пленных в Японии был достаточно мягким. Это резко контрастирует с обращением в немецких лагерях с британскими или русскими военнопленными (Jackson, 1989. P. 26). На европейском театре военных действий, массовость плена стала реальностью мировой войны, а специфический опыт пребывания и выживания «за колючей проволокой» – уделом свыше 3,4 млн русских пленных (Сенявская, 2013. С. 69). К тому же через 10 лет после Русско-японской войны 1904–1905 годов Япония явно стремилась, чтобы западные державы считали ее цивилизованной страной, и прилагала усилия к соблюдению международного права при обращении с немецкими военнопленными. Один из современных исследователей плена в Первой мировой войне пишет: «Сознавая свою некоторую «чужеродность» по отношению к европейцам (несмотря на тесные политические связи с Германией и Великобританией), которые вплоть до Первой мировой войны неизменно выступали соединенно по отношению к внешнему миру, японцы действовали весьма осторожно. Прежде всего – согласно требованиям международного права, подписанным практически всеми суверенными державами мира, а единственной азиатской независимой страной была только Япония (Оськин, 2011. С. 11).

Список источников

Волковский Н.Л. История информационных войн : в 2 ч. Ч. 2. СПб. : Изд-во «Полигон», 2003. 736 с.

Исаков И.С. Операция японцев против Циндао в 1914 г. 3-е изд. М.; Л.: Гос. воен.-мор. изд., 1941. 270 с.

Нагорная О.С. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 5. С. 156–165. EDN: YWZUDB.

Назарова Т.П. Периодическая печать о судьбе русских военнопленных в годы Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 5 (29). С. 32–38. DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.5.3. EDN: RJFEDU.

Николаев Д.Д. Русские периодические издания Германии // Литература русского зарубежья, 1920–1940. М.: ИМЛИ РАН. 2004. Вып. 3. С. 173–247. EDN: ZFMVID.

Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М. : Вече, 2011. 427 с. EDN: QPSNKH.

Сенявская Е.С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: Очерк повседневной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2013. № 1. С. 64–83. EDN: PWVTV.

Barkhof Sandra. German Prisoners of War in Japan During the First World War: Letters from the Colonial Frontline // Journal of War and Culture Studies, 2017. Vol 10. Issue 3: Colonial Spaces of the Great War. P. 253–265. DOI: 10.1080/17526272.2017.1309225

Burdick Charles B., Moessner Ursula. The German Prisoners-of-war in Japan. 1914-1920. Lanham: Univ. Press of America, 1984. xvii, 128 p.

Dickinson Frederick R. World War and the Triumph of a New Japan, 1919-1930. NY: Cambridge Univ. Press, 2013. xii, 221 p. DOI: 10.1017/CBO9781139794794.

Die Baracke. Zeitung für das Kriegsgefangenenlager Bando, Japan. Band 2. Neu Transkribierte Ausgabe. Naruto, 2001. 683 p.

Günther Dierk. Der “Tokushima-Anzeiger”: Betrachtung der im Lager Tokushima von deutschen Internierten herausgegebenen Kriegsgefangenenzeitung und deren Einfluss auf andere Zeitungsprojekte in den Gefangenenlagern auf Shikoku (1914-1920) // トクシマ・アンツアイガー徳島俘虜収容所新聞. Mar., 2012.

Jackson Robert. The Prisoners, 1914-18. London and New York: Routledge, 1989. vii, 162 p.

Kennedy Malcolm D. The Estrangement of Great Britain and Japan, 1917-35. Berkeley: University of California Press, 1969. 363 p.

Meißner Kurt. Sechzig Jahre in Japan. Hamburg: Verlagsbuchbinderei Ladstetter, 1973. 269 p.

References

Volkovskii N.L. (2003) History of information wars. In 2 parts. Pt. 2. St. Petersburg: Polygon Publishing House LLC. 736 p. (In Russ.).

Isakov I.S. (1941) Operation of the Japanese against Tsingdao in 1914. Moscow; Leningrad: Gos. voen.-mor. izd. 270 p. (In Russ.).

Nagornaya O.S. (2008) The religious life of Russian prisoners of war in German camps during the First World War. *National History*. No. 5. P. 156-165. (In Russ.). EDN: YWZUDB.

Nazarova T.P. (2014) Periodicals about the fate of Russian prisoners of war during the First World War. *Bulletin of Volgograd State University. Section 4. History. Regional studies. International relationships*. No. 5 (29). P. 32-38. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.5.3. EDN: RJFEDU.

Nikolaev D.D. (2004) Russian periodicals in Germany. *Literature of Russian abroad, 1920-1940*. Moscow: IMLI RAN. Iss. 3. P. 173-247. (In Russ.). EDN: ZFMVID.

Os'kin M.V. (2011) Unknown tragedies of the First World War. Prisoners. Deserters. Refugees. Moscow: Vechе. 427 p. (In Russ.). EDN: QPSNKH.

Senyavskaya E.S. (2013) Position of the Russian prisoners of war in the years of World War I: Sketch of daily reality. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series History of Russia*. No. 1. P. 64-83. (In Russ.). EDN: PWVTV.

Barkhof Sandra. German Prisoners of War in Japan During the First World War: Letters from the Colonial Frontline // Journal of War and Culture Studies, 2017. Vol 10. Issue 3: Colonial Spaces of the Great War. P. 253–265. DOI: 10.1080/17526272.2017.1309225.

Burdick Charles B., Moessner Ursula. The German Prisoners-of-war in Japan. 1914-1920. Lanham: Univ. Press of America, 1984. xvii, 128 p.

Dickinson Frederick R. World War and the Triumph of a New Japan, 1919-1930. NY: Cambridge Univ. Press, 2013. xii, 221 p. DOI: 10.1017/CBO9781139794794.

Die Baracke. Zeitung für das Kriegsgefangenenlager Bando, Japan. Band 2. Neu Transkribierte Ausgabe. Naruto, 2001. 683 p.

Günther Dierk. Der “Tokushima-Anzeiger”: Betrachtung der im Lager Tokushima von deutschen Internierten herausgegebenen Kriegsgefangenenzeitung und deren Einfluss auf andere Zeitungsprojekte in den Gefangenenlagern auf Shikoku (1914-1920). Mar., 2012. (In Japanese).

Jackson Robert. The Prisoners, 1914-18. London and New York: Routledge, 1989. vii, 162 p.

Kennedy Malcolm D. The Estrangement of Great Britain and Japan, 1917-35. Berkeley: University of California Press, 1969. 363 p.

Meißner Kurt. Sechzig Jahre in Japan. Hamburg: Verlagsbuchbinderei Ladstetter, 1973. 269 p.

Weiland Hans, Kern Leopold. In Feindeshand. Die Gefangenschaft im Weltkriege in Einzeldarstellungen, 2 volumes. Wien : Göth, 1931.

Оцуру Ацуси. Аоногахара фүрё сюёдзё-но сэкай (Мир лагеря военнопленных Аоногахара). Токио: Ямакава, 2007. 141 с. 大津留厚著 青野原俘虜収容所の世界 : 第一次世界大戦とオーストリア捕虜兵 / 大津留厚, 藤原龍雄, 福島幸宏著 東京 : 山川出版社, 2007.

Оцуру Ацуси. Хорё га токи Дайити сэкай тайсэн сорёкусэн-но хадзамадэ (Когда работают военнопленные: между Первой мировой войной и войной тотальной), Киото: Дзинсюин, 2013. 140 с. 大津留厚著 捕虜が働くとき : 第一次世界大戦・総力戦の狭間で / 京都 : 人文書院, 2013.

Оцуру Ацуси. Самаёэру Ханусубуруку: хорётати га Мита тэйкоку-но хоукай (Странствующие Габсбурги: крах империи глазами военнопленных). Токио: Иванами Сётэн, 2021. 147 с. 大津留厚著 さまよえるハプスブルク : 捕虜たちが見た帝国の崩壊 / 東京 : 岩波書店, 2021.

Сэто Такэхико. Цинтао кара кита хэйситати дайитидзи тайсэн то доицу хэй фүрё-но дзицүдзо (Солдаты из Циндао: Первая мировая война и реальная картина немецких военнопленных). Токио: Догакуса, 2006. 194 с. 瀬戸 武彦 青島 (チンタオ) から来た兵士たち—第一次大戦とドイツ兵俘虜の実像 同学社, 2006.

Информация об авторе

Кузнецов Сергей Ильич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия; Профессор, Глобальная станция исследований коренных народов и культурного разнообразия, Университет Хоккайдо, 5 Тёмэ, Кита 8 Дзёниши, район Кита, Саппоро, Хоккайдо 060-0808 Япония, e-mail: s.kuznetsov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9245-3554>

Вклад автора

Кузнецов С.И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2024 г.; одобрена после рецензирования 13 апреля 2024 г.; принята к публикации 6 мая 2024 г.

Weiland Hans, Kern Leopold. In Feindeshand. Die Gefangenschaft im Weltkriege in Einzeldarstellungen, 2 volumes. Wien : Göth, 1931. (In Japanese).

Otsuru Atsushi. The World of Aonogahara Prisoner of War Camp. Tokyo: Yamakawa, 2007. 141 p. (In Japanese).

Otsuru Atsushi. When prisoners of war work: between the First World War and total war. Kyoto: Jinshuin, 2013. 140 p. (In Japanese).

Otsuru Atsushi. The Wandering Habsburgs: the collapse of the empire through the eyes of prisoners of war. Tokyo: Iwanami Shoten, 2021. 147 p. (In Japanese).

Seto Takehiko. Tsingtao kara kita heishitachi daichiji taisen to doitsu hei furyo no jitsuzo (Soldiers from Qingdao: The First World War and the Real Picture of German Prisoners of War). Tokyo: Dogakusha. 2006. 194 p. (In Japanese).

Information about the author

Sergei I. Kuznetsov,

Dr. Sci. (History), Professor, Head Department of World History and International Relations, Irkutsk State University, 1, K. Marks St., Irkutsk 664003, Russia; Professor, Global Station for Indigenous Studies and Cultural Diversity, Hokkaido University, 5 Chome Kita 8 Jonishi, Kita Ward, Sapporo, Hokkaido 060-0808 Japan, e-mail: s.kuznetsov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9245-3554>

Contribution of the author

Kuznetsov S.I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 16, 2024; approved after reviewing April 13, 2024; accepted for publication May 6, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(470)
EDN: QGUEPV
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-152-160>

Лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк в битве на Стоходе, июль 1916 г.

А.В. Олейников^{1,2}

¹ Международный университет «МИТСО», Гомельский филиал, Гомель, Беларусь

² Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

Аннотация. Статья посвящена важному эпизоду кампании 1916 г. на Русском фронте Первой мировой войны – Ковельской операции, когда войска группы Безобразова пытались овладеть линией р. Стоход. Лейб-гвардии 3-й Стрелковый Его Величества полк – один из участников так называемой «Бойни Гвардии»: событий, развернувшихся 15–27 июля 1916 г. в ходе наступления группы Безобразова на Ковельском направлении. Мы рассмотрим 1-й период наступления, произошедший в период 15–19 июля. Помимо рассмотрения действий гвардейских стрелков в этих событиях, мы взглянем на общую панораму операции, а также кратко выделим главные причины стоходской неудачи. Среди последних: неверное распределение сил, игнорирование особенностей местности при разработке столь серьезной операции и излишняя навязчивость вышестоящих командных инстанций по отношению к армейской. Кроме того, у противника в тылу находилась новая, заранее заготовленная линия обороны, которую заняли подошедшие резервы. Преимущество внезапности удара исчезало, все было введено в бой – и для прорыва новых «пробок» в глубине вражеской обороны не хватало резервов. Более чем серьезно повлияло на ограниченный характер успеха Гвардии, кроме тяжелой местности, полное отсутствие тяжелой артиллерии. Во многом этим объяснялся ограниченный характер успеха русских гвардейцев. Рассмотренные нами события стали важным этапом в боевой летописи лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка, а подвиги его чинов в этот период вписаны золотыми буквами в летопись славы русского оружия.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский фронт, Наступление Юго-Западного фронта, Ковельская операция, Войска Гвардии, Группа Безобразова, лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк, Русская армия, кампания 1916 г.

Для цитирования: Олейников А.В. Лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк в битве на Стоходе, июль 1916 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 152–160. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-152-160. EDN: QGUEPV.

History

Original article

Life Guards 3rd Rifle Regiment in the Battle of Stokhod, July 1916

Alexey V. Oleynikov^{1,2}

¹ International University "MITSO", Gomel, Republic of Belarus

² Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

Abstract. The article is devoted to an important episode of the 1916 campaign on the Russian front of the World War I - the Kovel operation, when the troops of the Bezobrazov group tried to capture the line of the Stokhod River. The Life Guards 3rd Rifle Regiment of His Majesty is one of the participants in the so-called "Slaughterhouse of the Guards": the events that occurred on July 15-27, 1916 during the offensive of the Bezobrazov group in the Kovel direction. We will consider the 1st period of the offensive, which occurred in the period of July 15-19. In addition to reviewing the actions of the Guards Riflemen in these events, we will take a look at the general panorama of the operation, as well as briefly highlight the main reasons for the Stokhod failure. Among the latter: the wrong distribution of forces, ignoring the terrain in the development of such a serious operation and excessive intrusiveness of higher command authorities in relation to the army. In addition, the enemy had a new prepared line of defense in the rear, which was occupied by the approaching reserves. The advantage of surprise strike disappeared, everything was put into action - and there were not enough reserves to break through new "plugs" in the depths of the enemy defense. More than seriously affected by the limited nature of the success of the Guard, in addition to difficult terrain, the complete absence of heavy artillery. In

many ways, this explained the limited nature of the success of the Russian guards. The events we have considered became an important stage in the military chronicle of His Majesty's 3rd Infantry Regiment, and the exploits of its ranks during this period are inscribed in golden letters in the chronicle of the glory of Russian weapons.

Keywords: World War I, Russian Front, The offensive of the Southwestern Front, Kovel operation, Guard Troops, Bezobrazov Group, Life Guards 3rd Rifle Regiment, Russian Army, 1916 campaign

For citation: Oleynikov A.V. (2024) Life Guards 3rd Rifle Regiment in the Battle of Stokhod, July 1916. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 152-160. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-152-160. EDN: QGUEPV.

Лейб-гвардии 3-й Стрелковый Его Величества полк – один из участников так называемой «Бойни Гвардии»: событий, развернувшихся 15–27 июля 1916 г. в ходе наступления группы Безобразова на Ковельском направлении. Нас интересует 1-й период наступления, произошедший в период 15–19 июля.

Прежде чем рассмотреть участие части в этих событиях, кратко охарактеризуем историографию и источниковую базу по теме.

Важное значение имеют обзорные работы относительно хода боевых действий на Русском фронте Первой мировой войны – и среди них особое значение принадлежит Стратегическому очерку и иным аналогичным изданиям (Стратегический очерк..., 1920; Стратегический очерк..., 1923), – в которых дается общая оперативно-стратегическая панорама соответствующих событий, на основе широкого круга источников характеризуются кампании и входящие в них боевые операции. Обзорный характер носят работы А.М. Зайончковского (Зайончковский, 1924).

Интересна дискуссия, развернувшаяся «по горячим следам» по поводу оперативно-тактических причин неудачи Ковельской операции – полемика шла между непосредственными участниками событий, что придает ей особую ценность (Клембовский, 1918; Осипов, 1919а; Осипов, 1919b; Клембовский, 1919).

Первостепенное значение, традиционно, имеет источниковая база: как документальные (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2589. Оп. 1. Д. 741; РГВИА. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 61), так и мемуарные материалы (Гофман, 1925; Геруа, 1960; Гоштовт, 1944; Будберг, 1961; Адамович, 1935; Ротмистр Оношкович-Яцына, 1967; Демьяненко, 1966; Геруа, 1970), находящиеся в нашем распоряжении. Наше особое внимание привлекло Письмо В.М. Безобразова Государю Императору (Письмо генерал-

адъютанта..., 1964): в нем уделяется должное внимание причинно-следственным связям, информируется о потерях и трофеях войск Гвардии в интересующий нас период. Главными же источниками данной статьи выступили Журнал военных действий лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка в период 15–19 июля 1916 г. (где подробно излагается участие части в интересующих нас событиях), а также Боевая летопись лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка (в которой в сжатой форме изложены вехи боевого пути гвардейских стрелков) (Боевая летопись..., б.г.). Особо отметим воспоминания бывшего генерал-квартирмейстера германского Восточного фронта М. Гофмана и генерал-квартирмейстера Войск Гвардии Б. Геруа.

Все вышеуказанные материалы, в том числе и современные публикации (Никифоров, 2014, Никифоров, 2016, Винокуров, 2017), позволят нам воссоздать основные вехи действий Гвардии в целом и гвардейских стрелков в частности в ходе битвы на Стоходе, увидеть некоторые причины не столь высокой результативности их действий. Какие-либо серьезные исследования на интересующую нас проблематику на современном этапе отсутствуют – и данная статья является важной вехой в воссоздание отдельных элементов общей картины боевых действий на Стоходе в период 15–19 июля 1916 г.

Итак, наступление Юго-Западного фронта 1916 г., начавшееся 22-го мая, являлось крупным оперативно-стратегическим успехом русской армии и сопровождалось взятием сотен тысяч пленных, масштабных трофеев и захватом значительной территории. Оно оттянуло много австро-германских дивизий, значительно облегчив положение союзников на Верденском фронте в преддверии Соммы и в Италии.

Наступление прошло в несколько этапов. Третий этап наступления начался с директивы Ставки

от 26 июня, изменившей задачи фронтов (Стратегический очерк..., 1923. С. 46): нанесение главного удара теперь стало задачей Юго-Западного фронта (который ранее должен был осуществлять лишь «вспомогательные» действия по отношению к Западному фронту – но стал главным «именинником» всей кампании). В качестве перспективного направления было указано Ковельское (Стратегический очерк..., 1920. С. 69).

В распоряжение главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А.А. Брусилова передавался стратегический резерв: 4-й Сибирский армейский корпус и Гвардейский отряд, а с Северного фронта – 3-й армейский корпус. А.А. Брусилов выдвигает группу генерала В.М. Безобразова (ядро – Гвардейский отряд) между 3-й и 8-й армиями.

В период перегруппировки измотанные армии Юго-Западного фронта приостановили движение – преодолеть столь трудную водную преграду, какой являлась река Стоход (имевшая к тому же несколько глубоких рукавов и болотистые берега – низины), с ходу не удалось. Несмотря на успехи на др. участках, ситуация на Ковельском направлении складывалась для русских неудачно, хотя генерал-квартирмейстер германского Восточного фронта М. Гофман отметил, что на некоторых участках положение было угрожающим (Гофман, 1925. С. 118).

Оперативное объединение В.М. Безобразова получило задачу овладеть Ковелем, нанеся удар с юга. Генерал-квартирмейстер Войск Гвардии генерал-майор Б.В. Геруа вспоминал: «После Луцкого прорыва летом 1916 г. было решено развивать его на Ковель. Так как свежих войск для этого на месте не было, к Луцку к 1-му июля был переброшен по железной дороге с Северного фронта вновь образованный из 1-го и 2-го Гвардейских корпусов отдельный отряд, получивший название – Войск Гвардии. Войска эти в то время составляли стратегический резерв и не входили в состав ни одной из армий. Было решено подчинить командовавшему Войсками Гвардии генерал-адъютанту Безобразову часть войск, находившихся под Луцком и создать маленькую армию, сохранив общее название Войск Гвардии и дав их начальнику соответствующие права. Обстоятельство это важно отметить в памяти, т. к. в дальнейшем... генерал-адъютант Безобразов оказался лишенным самого важного

права – принять свой собственный план в пределах поставленной ему общей задачи... . Тотчас по прибытии первых эшелонов гвардии ген.-ад. Безобразов с его оперативным штабом (граф Игнатьев и я) был вызван ген.-ад. Брусиловым в штаб Юго-Западного фронта (Бердичев). Здесь эти лица были ознакомлены с обстановкой впереди Луцка, а затем генерал Духонин (генерал-квартирмейстер штаба фронта), в присутствии Брусилова и Сухомлина (его начальника штаба) перед висевшей на стене большой оперативной картой изложил план атаки в направлении на Ковель. План этот сводился к удару левым флангом через Стоходские болота и леса, причем указывалось, что гвардия должна немедленно сменить уставшие части корпуса генерала Стельницкого (39-й корпус), нацеленные в данном направлении; самая атака должна быть произведена в самом ближайшем времени Инструкция была преподана в форме императива. Слабые попытки остановиться на невыгодах плана удара по труднопроходимой местности, успеха не имели. Дисциплинированный «по-гвардейски» генерал-адъютант Безобразов, в конце концов, сказал «слушаю». Лично ему оставалось решить только распределение войск. Остальное ему было, в сущности, приказано.

Поэтому возникшее после боя своего рода «судбище» в поисках «стрелочника» в неудаче прорыва было совершенно непонятно. Ставка валила на фронт, а фронт свалил вину на Безобразова и его штаб. Как выяснилось потом, указанный выше трудный для исполнения план не был делом творчества Юго-Западного фронта, а, в свою очередь, был продиктован Брусилову из Ставки. Это не мешало настоящему автору – генерал-адъютанту Алексееву – затеять расследование о причинах слабых достижений, замолчав свое авторство» (Геруа, 1960. С. 7).

Перед Гвардией располагался отлично укрепленный и обширный плацдарм – из-за открытой болотистой местности с очень трудными подступами. На совещании в штабе фронта командующий новой армией был ознакомлен с планом действий, составленным на основе результатов разведывательной деятельности двух офицеров Генерального штаба, доставившими и доклад командира 39-го корпуса (Стратегический очерк..., 1920. С. 76; Гоштовт, 1944. С. 33). Из последнего вытекало, что

наступление в кратчайшем направлении на Ковель (по сторонам луцкого шоссе) из-за стоходских болот вести не следует. Но форсирование реки признавалось возможным на 2 участках – восточнее Вульки Порской или в направлении на Витонеж.

Проведя личную рекогносцировку, В.М. Безобразов 6-го июля телеграфировал А.А. Брусилову, что выбирает для нанесения главного удара Витонежское направление.

Б.В. Геруа отмечал, что «Два обстоятельства сразу же стали на пути к исполнению плана: наступившая отвратительная дождливая погода, исключавшая артиллерийское наблюдение и полное отсутствие (почти полное!) воздушной разведки. Сведения о противнике были устарелыми. Вся обстановка не менее туманна, чем наступившие дни. Не без труда Безобразову удалось добиться разрешения отложить атаку, чтобы предварительно разобраться и дать войскам как следует осмотреться на своих участках» (Геруа, 1960. С. 7).

В.М. Безобразов, отметив, что проливные дожди, увеличив труднодоступность болот, ухудшили обстановку, воспользовался отсрочкой, чтобы расширить фронт своей ударной группы: добавление лишних 4 км на фронте атаки оправдало себя 15-го июля (именно с этого, более доступного, участка удалось развить натиск, заставив противника уйти за Стоход) (Письмо генерал-адъютанта..., 1964. С. 44).

Усиление и перегруппировка русских на ковельском направлении были замечены командованием австро-германцев, превратившим и так прекрасно оборудованные позиции в настоящие укрепления: подтянуты свежие войска, увеличено (и значительно) количество тяжелых батарей, а под Ковелем сосредоточена значительная австро-германская авиация.

Русской пехоте предстояло прорвать фронт, овладев переправами на Стоходе, а вводимой в прорыв коннице предстояло совершить рейд в обход Ковеля.

Схема артподготовки была следующей: вначале легкая артиллерия ведет огонь по проволочным заграждениям противника, делая в них проходы; тяжелая обстреливает окопы противника и ведет контрбатарейную борьбу; наконец, легкая артиллерия переносит огонь на окопы противника, а гаубичная артиллерия бьет по тылу противника (в т. ч. химическими снарядами). Затем артиллерия меня-

ет позицию. Вследствие численного превосходства артиллерии противника, требовалось атаковать быстро и непрерывно – вплоть до наблюдательных пунктов и артиллерийских позиций германцев.

Полоса наступления 2-го Гвардейского корпуса ограничивалась с севера Доросино – Витонеж – Озеряны, а с юга – кол. Винцентов – кол. Кургин – Черниев – Обиначев. Корпусу предстояло прорвать противника в районе Трыстеня и развивать прорыв на Озеряны. В корпусном резерве, помимо лейб-гвардии Волынского полка, находились лейб-гвардии 1-й и 2-й Стрелковые полки (РГВИА. Ф. 2589. Оп. 1. Д. 741. Л. 8 об.).

Гвардейской стрелковой дивизии (за вычетом двух вышеуказанных полков) предстояло действовать севернее Трыстеня. Лейб-гвардии 3-й Стрелковый Его Величества полк (3 батальона) должен был действовать в составе среднего боевого участка генерал-майора князя Барятинского и наступать в направлении первого отдельного хутора у дер. Трыстеня и, овладев высотой 90, двигаться на Бабье (Там же. Л. 9 об.).

Артиллерийская подготовка началась в 5 утра (РГВИА. Ф. 2589. Оп. 1. Д. 741. Л. 8 об.). Она была многослойной, а ударным подразделениям придавались бомбометы, траншейные орудия и группы разведчиков (Там же. Л. 10). Артиллерийская подготовка велась батареями лейб-гвардии Стрелковой Артиллерийской бригады.

Гвардейские стрелки двинулись в атаку на 1,5 часа позднее бойцов 3-й Гвардейской дивизии, когда части последней выполнили заданный маневр. Лейб-гвардии 3-й и 4-й Стрелковые полки наступали на позиции германских 78-го и части 74-го пехотных полков, которые вместе с приданными австрийцами необычайно упорно оборонялись на рубеже Щурин – Бабье. Стрелки 3-го полка атаковали под шквальным огнем, имея слева 4-й полк.

Несмотря на то, что не везде имелись проходы во вражеских проволочных заграждениях, была взята первая линия противника и редут у высоты 90.0.

Командир полка приказал остановиться, привести подразделения в порядок и прислать к нему по 1 офицеру от батальона с докладом. Выяснилось, что в 3 батальоне выбыли из строя все ротные командиры и большие потери в нижних чинах. В 1 батальоне остались в строю подпоручик Андреев,

прапорщик Кудрин и 106 нижних чинов (Там же. Л. 11).

Но подразделения полка овладели высотой 90, линией окопов за ней и взяли дер. Щурин. Роты 2-й волны взяли 2-ю линию, и, работая штыками, вышли в ржаное поле. Были захвачены пулеметы и пленные. Противником гвардейских стрелков 3-го полка были 56-й и 7-й резервные полки 121-й дивизии и 74-й, 78-й и 91-й полки 19-й дивизии.

На этом рубеже полк, понесший большие потери, остановился и стал приводить себя в порядок. 6-я и 7-я роты под командой Звонникова, поддерживаемые командой разведчиков, к вечеру овладели и трудным участком у дер. Щурин (Боевая летопись..., б. г. С. 22).

Инженерная разведка установила, что Стоход непроходим. Адьютант полка Саблин с 3 ротами и 6 пулеметами занял дер. Южный Щурин, у которой укрепился, упираясь правым флангом в первую линию бывших неприятельских окопов. Завязался бой с резервами противника.

1-й и 3-й батальоны находились на боевой линии, а 2-й батальон – в полковом резерве. Полк понес тяжелые потери, остался без офицеров. Так, командиры 1-го батальона, 1-й, 2-й и 4-й рот были ранены (РГВИА. Ф. 2589. Оп. 1. Д. 741. Л. 11 об.).

После 20 часов полк был сменен царскосельскими стрелками.

В Государевой роте остались в строю старший унтер-офицер, 3 младших унтер-офицера, 13 ефрейторов и 82 стрелка; 3-я рота потеряла подпрапорщика, 3 старших унтер-офицеров, 8 младших унтер-офицеров, 10 ефрейторов и 132 стрелка (причем 3 рота, ворвавшись на вражеские позиции, пленила 140 германцев при 2 пулеметах) (Там же. Л. 12). Командир 3-го батальона сообщал, что в его подразделении осталось 585 стрелков.

Трофеи полка за день боя: 300 пленных при 3 офицерах, оружие (плюс 1 оружейный замок) и 8 пулеметов (Там же. Л. 12 об.). Полковая памятка называет другие цифры трофеев 15-го июля: 4 орудия (включая 2 окопные пушки), 12 пулеметов и 400 пленных (Боевая летопись..., б. г. С. 22). Скорее всего, в последнем случае учтены трофеи не только за 15, но и 16 июля.

Всего выбыло из строя: 12 офицеров (1 убит, остальные ранены и контужены), 1232 нижних чинов (РГВИА. Ф. 2589. Оп. 1. Д. 741. Л. 12 об.). Полко-

вая памятка отмечает общие потери полка равными 35 % состава (Боевая летопись..., б. г. С. 22).

Находившиеся в непосредственной близости противники вели огневой бой.

В итоге дня тяжелых боев 15-го июля Гвардия вытеснила противника из кол. Переходы и дер. Райместо, Бабье и Трыстень. В.М. Безобразов отмечал, что, прорвав укрепленный фронт, Гвардия овладела позициями у кол. Переходы, Курган, Райместо, Ясеновка, Трыстень, Щурин, Трыстень, высоты 83.1 и дошла до верхнего течения р. Стоход. Трофеи Гвардии – 46 орудий (в т. ч. 17 тяжелых), 65 пулеметов и до 5 тыс. пленных (в т. ч. 974 германца) при 150 офицерах (в т. ч. 19 германских). В этот день Гвардия сражалась с австрийской 29-й дивизией и германскими 19-й и 121-й дивизиями (последняя была переброшена с фронта на Сомме) (Письмо генерал-адъютанта..., 1964. С. 44). 25 тяжелых орудий и гаубиц и 20 легких орудий стали трофеями 2-го Гвардейского корпуса (РГВИА. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 61. Л. 67).

16-го июля гвардейская пехота заняла линию р. Стоход.

В этот и последующие дни центр тяжести операции был перенесен на фронт 30-го и 1-го армейских корпусов.

Неоднократные попытки Гвардии овладеть Витонежем не увенчались успехом. Опорные пункты, убежища, многочисленные пулеметные гнезда и перекрестная огневая оборона парализовали порыв гвардейцев. В результате, удалось переправиться напротив Витонежа на левый берег р. Стоход и закрепиться. Отсутствие необходимых ресурсов и тяжелая местность привели к решению использовать успех 30-го и 1-го корпусов, организовав удар на участке Велицк – Кухары – высота 84.9 (Письмо генерал-адъютанта..., 1964. С. 44).

16-го июля лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк в 15 часов выступил на Щурин и Бабье, заняв к исходу дня позицию восточнее кол. Остров Волоссовский. Журнал военных действий полка зафиксировал огневой бой. Русские батареи зажгли церковь дер. Витонеж и сбили неприятельский наблюдательный пункт. Витонеж горел.

2-й и 3-й полки Гвардейской Стрелковой дивизии перешли Стоход.

Документ отмечал, что «по ту сторону р. Стохода» хорошо видны позиции противника,

правее леса виден окоп и узкая полоса рядов 3 проволочки, в то время как окоп в лесу был не виден.

17-го июля жестокие бои по линии р. Стоход продолжились. Бойцы 2-й Гвардейской пехотной и Стрелковой дивизий стремились овладеть у Витонежа переправами. Подразделениям лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка пришлось вести бои с 78-м прусским пехотным полком за высоту 90.0.

Для противодействия обходу левого фланга полка был задействован батальон волынцев. За 17-е июля полк потерял 9 офицеров и около 900 нижних чинов (РГВИА. Ф. 2589. Оп. 1. Д. 741. Л. 16). Трофеями стали орудие и пленные.

К исходу суток 17-го июля обстановка выглядела следующим образом: «полк занимает высоту 90.0, по гребню. Справа 2-й полк, слева Волынцы. Противник обстреливает позицию ружейным и артиллерийским огнем продольно. Взято 1 орудие № 563 и 6 снарядов. Получена из штаба дивизии оперативная сводка к 5 час.: 2-й полк к наступлению темноты 17 июля занял 1-ю линию окопов противника на левом берегу Стохода, которым захвачено много пулеметов и весьма небольшое число пленных, так как передовые окопы были заняты слабыми частями пехоты. 3-й полк почти одновременно со 2-м полком занял 2 ряд окопов. Всю ночь оба полка вели бой за удержание положения, неся большие потери от артиллерийского огня противника со стороны Витонежа. Резервы 3-го полка пришлось израсходовать, во 2-м полку полторы роты. Ночное наступление полков вследствие сильного артиллерийского огня не удалось. В резерве дивизии 4-й полк Попытки противника к наступлению успешно отбиваются огнем» (Там же).

Роты 3-го полка несли большие потери, и начальник дивизии приказал 4-му Императорской Фамилии полку выделить для поддержки батальон.

Противник вел сильный артогонь, особенно сильно обстреливая долину Стохода, движение по которой было затруднено даже отдельным людям. После перехода волынцев в наступление огонь несколько ослабел.

Ночью была отбита контратака германцев и взяты пленные из состава 78-го полка (показавшие, что в составе их роты осталось 14 человек) (Там же. Л. 16 об.). К этому моменту в составе

лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка осталось всего 3 ротных командира и, в общей сложности, 18 офицеров (если не принимать во внимание учебную команду и знаменный взвод) (Там же. Л. 17). В штаб дивизии был отправлен 21 пленный германец, взятый при контратаке.

К исходу 18-го июля противник перешел в наступление по всему фронту дивизии, и 3-й полк, потерявший всех находившихся в строю офицеров и понесший громадные потери, медленно отходил к окопам, которые занимал накануне перед атакой. 2-й полк, несмотря на обнажившийся фланг, спокойно расстреливал приближавшихся германцев. Артиллерия перенесла на противника огонь. И германцы не выдержали и на участке 3-го полка бросились назад. Перед этим 2-й полк на своем участке перешел в наступление, опрокинул противника и на его плечах занял северный склон высоты 90.0. 3-й полк, преследуя противника при поддержке 4-го полка, вышел на линию 2-го полка. Сильно пострадавший 3-й полк сосредоточился в Бабье. В бою за высоту 90.0 были взяты пленные из состава 341-го резервного полка 86-й резервной дивизии (прибывшей 16 июля в район Барановичей) (Там же. Л. 17 об.).

В боях 17–19 июля лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк потерял выбывшими 17 офицеров (2 офицера скончались от ран и 1 офицер пропал без вести), 1 врача (контужен) и 1228 убитых, раненых и пропавших без вести нижних чинов (Там же).

Боевая летопись лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка отмечает тот факт, что 15-го июля часть прошла с боем 3 км. 17–18 июля погибли последние подготовленные за время нахождения в резерве люди, и после германской атаки 19-го июля в строевом составе полка не осталось никого из вышедших в поле 15-го июля. Полк был сведен в батальон (Боевая летопись..., б. г. С. 22).

Успех от прорыва в витонежском направлении оказался маловероятен, и многочисленная конница бездействовала.

Было решено осуществить перегруппировку – перенесся тяжесть операции прорыва с витонежского на кухарское направление (на последнем русские войска действовали на левобережье Стохода). Но дивизии выдохлись и остановились – несмотря на подстегивания А.А. Брусилова. Дей-

ствовавшая южнее железной дороги Гвардия сражалась на местности, особо богатой дефиле и болотами, и с трудом пробивалась, тесня противника на левый берег. К северу от Киселина Гвардия столкнулась с такой сетью болот, дефиле и мощнейшей системы укреплений, располагавших возможностью перекрестной и фланговой обороны, и далее продвинуться не могла. В первые 2 дня наступление осуществлялось энергично, на 3-й день – менее активно, а на 4-й день приказано прекратить сражение для перегруппировки (Стратегический очерк..., 1923. С. 50–51).

В.М. Безобразов объяснял причины своей неудачи следующими обстоятельствами: 1) пространство Ковель – Стоход представляло ряд заблаговременно подготовленных узлов сопротивления, расположенных на исключительно обороноспособной местности; 2) соотношение сил и средств – не в пользу (!) атакующего, тем более что армия к началу последней фазы операции потеряла 40 тыс. человек и не была пополнена; 3) обороняющийся в отношении тяжелой артиллерии и авиации имел ярко выраженное преимущество.

А.М. Зайончковский отметил, что хотя атака и закончилась неудачей, немцы также совершенно выдыхались – и для отражения этого наступления оказались вынуждены снять дивизию даже из-под Митавы (Зайончковский, 1924. С. 281).

Операция, как писал один из офицеров-фронтовиков, была разработана в Ставке, и В.М. Безобразов являлся лишь исполнителем. Атака плацдарма на правобережье Стохода была логична – т.к. позволяла при успехе на плечах противника форсировать водную преграду. Также предполагалось, что противником будут австро-венгры, а пришлось столкнуться с переброшенными с Соммы германцами. Благодаря мощной авиации последних, небо принадлежало противнику, который прекрасно знал о готовящемся уда-

ре. Общий перевес в артиллерии был для русских незначительным. Как отмечал фронтовик, несмотря на сверхдоблесть частей в необычайно тяжелых условиях – наступление по болоту – была выполнена лишь 1-я часть задачи, и занят австро-германский плацдарм на правобережье Стохода (Ротмистр Оношкович-Яцына, 1967. С. 42).

Сам В.М. Безобразов, отмечая, что вверенные ему войска самоотверженно исполнили долг, несмотря на все затруднения, захватив на правом фланге значительный плацдарм, продвинувшись на 10 км, а на левом фланге (фронт Гвардии), отбросив противника за Стоход, продвинулись на 6–8 км.

Итак, главными причинами стоходской неудачи стали: неверное распределение сил, игнорирование особенностей местности при разработке столь серьезной операции и излишняя навязчивость вышестоящих командных инстанций по отношению к армейской. В большей степени виновата стратегия, теоретичность выбора направления главного удара при бедности ресурсов, и, естественно, меньше всего виноваты войска. С одной стороны, наличие почти полсотни трофейных орудий (из них 17 крупного калибра) показывало глубину проникновения русских войск в тактическую оборону противника. Но... у последнего в тылу находилась новая заранее подготовленная линия обороны, которую заняли подошедшие резервы. Преимущество внезапности удара исчезало, все было введено в бой – и для прорыва новых «пробок» в глубине вражеской обороны не хватало резервов. А штаб фронта помогать развивать достигнутый успех не собирался. Более чем серьезно повлияло на ограниченный характер успеха Гвардии, кроме тяжелой местности, полное отсутствие тяжелой артиллерии – в частности, было попросту нечем разрушать солидно укрепленную позицию на левобережье Стохода у д. Витонеж.

Список источников

Адамович Б. Трыстенъ, 15–28/VII–1916 г.: Ко дню 225-летия Л.-Гв. Кексгольмского Полка 1710–29/VI–1935. Париж, 1935. 63 с.

Боевая летопись лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка 19 июля 1914 г. – 2 марта 1917 г. / сост. В.П. Глиндский ; карты чертил А.А. Есаулов. Paris, б. г. 40 с.

References

Adamovich B. (1935) Trysten, July 15-28, 1916: To the day of the 225th anniversary of the of the Life Guards Keksholm Regiment 1710-29/VI-1935. Paris. 63 p. (In Russ.).

Glinskii V.P. (No year) Combat chronicle of the Life Guards of the 3rd Rifle Regiment of His Majesty July 19, 1914 - March 2, 1917. Paris. 40 p. (In Russ.).

Будберг Н. На Стоходе. Из боевой жизни лейб-гвардии 1 Стрелкового Его Величества полка // Военная Быль. 1961. № 47. С. 1–4.

Винокуров В.И. Битва на реке Стоход, унесшая в лету русскую гвардию // Дипломатическая служба. 2017. № 1. С. 51–62. EDN: ZDLVNB.

Геруа Б.В. К Стоходскому бою 15 июля 1916 года // Военно-исторический вестник (Париж). 1960. № 16. С. 6–14.

Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж : Та-наис, 1970. Т. 2. 219 с.

Гофман М. Война упущенных возможностей. М.–Л.: Государственное издательство, 1925. 203 с.

Гоштовт Г. Кирасиры Его Величества в Великую войну, 1916–1917 гг. Paris : Книгоиздательство «Возрождение», 1944. 368 с.

Демьяненко Я. Река Стоход и Рудка – Червищенский плацдарм // Военная Быль. 1966. № 80. С. 26–29.

Зайончковский А.М. Мировая война. Общий стратегический очерк. М. : Гос. воен. изд-во, 1924. VI, [4], 457 с.

Клембовский В. Тактические примеры из войны 1914–1917 гг. // Военное дело. 1918. № 27. Стб. 20–21.

Клембовский В. По поводу заметки «Гвардия на Стоходе 15–19 июля 1916 г.» // Военное дело. 1919. № 9–10. Стб. 407–408.

Никифоров А.Л. Первая мировая война в судьбе русской Императорской Гвардии // Первая мировая война и проблемы российского общества : материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2014 года. СПб. : ФГБОУ ВПО «Государственная полярная академия», 2014. С. 269–274. EDN: TWYVVR.

Никифоров А.Л. 1916 г. в судьбе русской Императорской Гвардии // XX юбилейные Царскосельские чтения : материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2016 года. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2016. С. 69–76. EDN: WNNCAT.

Осипов К. Гвардия на Стоходе 15–19 июля 1916 г. (справка к «Тактическим примерам» В. Клембовского) // Военное дело. 1919а. № 4. Стб. 189–192.

Осипов К. Еще о «Гвардии на Стоходе» // Военное дело. 1919б. № 15–16. Стб. 566–567.

Письмо генерал-адъютанта генерала от кавалерии Безобразова Государю Императору // Военная Быль. 1964. № 66. С. 43–45.

Ротмистр Оношкович-Яцына. Стоход. К 50-летию славного кровопролитного боя Гвардии 15-го июля 1916 года // Военная Быль. 1967. № 83. С. 41–43.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом /

Budberg N. (1961) On Stokhod. From the combat life of the Life Guards of the 1st Rifle Regiment of His Majesty. *Military Story*. No. 47. P. 1-4. (In Russ.).

Vinokurov V.I. (2017) The fight on the river Stokhod which has carried away the Russian guard. *Diplomatic Service*. No. 1. P. 51-62. (In Russ.). EDN: ZDLVNB.

Gerua B.V. (1960) To the Battle of Stokhod on July 15, 1916. *Military Historical Bulletin*. No. 16. P. 6-14. (In Russ.).

Gerua B.V. (1970) Memories of my life. Paris: Tanais. Vol. 2. 219 p. (In Russ.).

Hoffman M. (1925) War of missed opportunities. Moscow - Leningrad: State Publishing House. 203 p. (In Russ.).

Goshtovt G. (1944) Cuirassiers of His Majesty in the Great War, 1916-1917. Paris: Knigoizdatel'stvo "Vozrozhdenie". 368 p. (In Russ.).

Dem'yanenko Ya. (1966) The River Stokhod and Rudka - Chervishchensky bridgehead. *Military Story*. No. 80. P. 26-29. (In Russ.).

Zaionchkovskii A.M. (1924) World war. General strategic outline. Moscow: Military Publishing House. VI, [4]. 457 p. (In Russ.).

Klembovskii V. (1918) Tactical examples from the war of 1914-1917. *Military Affairs*. No. 27. Columns 20-21. (In Russ.).

Klembovskii V. (1919) Regarding the note "Guards on Stokhod July 15-19, 1916". *Military Affairs*. No. 9-10. Columns 407-408. (In Russ.).

Nikiforov A.L. (2014) The World War I in the fate of the Russian Imperial Guard. *Pervaya mirovaya voyna i problemy rossiiskogo obshchestva: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 20-21 noyabrya 2014 goda = The World War I and the Problems of Russian Society. Proceedings of the International Scientific Conference. Saint Petersburg, 20-21 November 2014*. St. Petersburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "State Polar Academy". P. 269-274. (In Russ.). EDN: TWYVVR.

Nikiforov A.L. (2016) 1916 in the fate of the Russian Imperial Guard. *XX yubileinye Tsarskosel'skie chteniya : Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 20-21 aprelya 2016 goda = XX anniversary Tsarskoe Selo readings. Materials of the international scientific conference. Saint Petersburg, 20-21 April 2014*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin. P. 69-76. (In Russ.). EDN: WNNCAT.

Osipov K. (1919a) Guard on Stokhod on July 15-19, 1916 (reference to "Tactical examples" by V. Klembovsky. *Military Affairs*. No. 4. Columns 189-192. (In Russ.).

Osipov K. (1919b) More about the "Guard on Stokhod". *Military Affairs*. No. 15-16. Columns 566-567. (In Russ.).

Bezobrazov (1964) Letter from the adjutant general of the cavalry general Bezobrazov to the Sovereign Emperor. *Military History*. No. 66. P. 43-45. (In Russ.).

Onoshkovich-Yatsyna, rotmistr (1967) Stokhod. To the 50th anniversary of the glorious bloody battle of the Guards on July 15, 1916. *Military Story*. No. 83. P. 41-43. (In Russ.).

Klembovskii V.N. (1920) Strategic outline of the war 1914-1918. Pt. 5. The period from October 1915 to September 1916. Positional warfare and the breakthrough of the

сост. В.Н. Клембовский. М. : Высший военный редакционный совет, 1920. 123 с.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года / сост. А.М. Зайончковский. М. : Высший военный редакционный совет, 1923. 137 с.

Информация об авторе

Олейников Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин,
Международный университет «МИТСО», Гомельский филиал,
246029, г. Гомель, проспект Октября, 46а, Беларусь;
профессор кафедры правоведения,
Астраханский государственный технический университет,
414036, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, Россия,
e-mail: stratig00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Вклад автора

Олейников А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 октября 2023 г.; одобрена после рецензирования 24 марта 2024 г.; принята к публикации 1 апреля 2024 г.

Austrians by the Southwestern Front. Moscow: Supreme Military Editorial. 123 p. (In Russ.).

Zayonchkovskii A.M. (1923) Strategic outline of the war 1914-1918. Pt. 6. The period from the breakthrough of the Southwestern Front in May 1916 to the end of the year. Moscow: Supreme Military Editorial Council. 137 p. (In Russ.).

Information about the author

Alexey V. Oleynikov,
Dr. Sci (History), Associate Professor,
Professor of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines,
International University “MITSO”, Gomel branch,
46a, Oktyabrya Avenue, Gomel 246029, Republic of Belarus;
Professor of the Department of Law,
Astrakhan State Technical University,
16, Tatishcheva St., Astrakhan 414036, Russia,
e-mail: stratig00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Contribution of the author

Oleynikov A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 13, 2023; approved after reviewing March 24, 2024; accepted for publication April 1, 2024.

История

Научная статья

УДК 947

EDN: QPNKQU

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-161-175>

Антибольшевистский переворот во Владивостоке 26 мая 1921 г.

А.В. Беломестнов

Независимый исследователь, Чита, Россия

Аннотация. Цель публикации уточнить обстоятельства и события военно-политического противостояния на Дальнем Востоке России в конце 1920 г. – первой половине 1921 г.; вскрыть мотивы и логику деятельности лидеров антибольшевистского лагеря. После поражения белых войск в Забайкалье войска Дальневосточной армии с боями отступили на территорию Китая, в район станции Маньчжурия. Главнокомандующий всеми вооруженными силами и походный атаман казачьих войск Российской Восточной окраины генерал-лейтенант Г.М. Семёнов достиг соглашения с китайскими властями. Дальневосточной армии разрешилось пересечь государственную границу при условии сдачи оружия китайской стороне, после чего белые части следовали по Китайско-Восточной железной дороге в Южное Приморье России, где сданное ранее вооружение подлежало возврату. На этом фоне между главнокомандующим генерал-лейтенантом атаманом Г.М. Семёновым и частью генералитета Дальневосточной армии во главе с ее командующим генерал-лейтенантом Г.А. Вержбицким произошёл конфликт и армия оказалась расколота на две враждующие стороны – «семёновцев» и «каппелевцев». Так как Приморскую область контролировала областная управа, ориентированная на большевиков, то белые начали подготовку вооружённого переворота и захвата власти во Владивостоке, успешно осуществленную 26 мая 1921 г. Основное содержание статьи посвящено предметной реконструкции причин и последовательности именно военных событий, перечислению и характеристике ключевых персоналий, выявлению их мотивов и персональной роли, а также перечислению задействованных воинских соединений и частей. Среди прочего показана роль выпускников Читинского военного училища, историю которого автор рассматривал в предшествующей публикации. Для передачи «духа эпохи» цитируются наиболее информативные воспоминания участников событий и приказы белого командования, вводимые в широкий научный оборот.

Ключевые слова: Гражданская война, майский переворот 1921 г., Забайкалье, переброска войск, Приморье, станция Гродеково, Владивосток, каппелевцы, семёновцы, красные, военные события, приказы

Для цитирования: Беломестнов А.В. Антибольшевистский переворот во Владивостоке 26 мая 1921 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 161–175. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-161-175. EDN: QPNKQU.

History

Original article

The anti-Bolshevik coup in Vladivostok on May 26, 1921

Aleksei V. Belomestnov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The purpose of the publication is to clarify the circumstances and events of the military-political confrontation in the Russian Far East at the end of 1920 - the first half of 1921, to reveal the motives and logic of the activities of the leaders of the anti-Bolshevik camp. After the defeat of the white troops in Transbaikalia, the troops of the Far Eastern Army retreated to the territory of China, in the area of the Manchuria station. The commander-in-chief of all armed forces and the marching ataman of the Cossack troops of the Russian Eastern Outskirts, Lieutenant General G.M. Semenov, reached an agreement with the Chinese authorities. The Far Eastern army was allowed to cross the state border on condition that the weapons were handed over to the Chinese side, after which the white units followed the Sino-Eastern Railway to the Southern Primorye of Russia, where the previously surrendered weapons were subject to return. Against this background, a conflict occurred between the commander-in-chief, Lieutenant General Ataman G.M. Semenov and part of the generals of the Far Eastern Army, led by its commander, Lieutenant General G.A. Verzhbitsky, and the army was split into two warring sides, the "Semenovites" and the "Kappelites". Since the Primorsky Re-

gion was controlled by the Bolshevik-oriented regional government, the Whites began preparing an armed coup and seizure of power in Vladivostok, which was successfully carried out on May 26, 1921. The main content of the article is devoted to the substantive reconstruction of the causes and sequence of military events, the enumeration and characterization of key personalities, the identification of their motives and personal role, as well as the enumeration of the military formations and units involved. Among other things, the role of graduates of the Chita Military School, the history of which the author considered in a previous publication, is shown. To convey the “spirit of the epoch”, the most informative memoirs of the participants in the events and the orders of the white command are quoted, which are introduced into a wide scientific circulation.

Keywords: Civil War, May revolution of 1921, Transbaikalia, troop transfer, Primorye, Grodekovo station, Vladivostok, Kappelevtsy, Semenovtsy, Reds, military events, orders

For citation: Belomestnov A.V. (2024) The anti-Bolshevik coup in Vladivostok on May 26, 1921. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 161-175. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-161-175. EDN: QPNKQU.

Предметная реконструкция причин и последовательности боевых эпизодов Гражданской войны представляется перспективной задачей, предоставляющей возможность оценить мотивы и роль отдельных персоналий, установить военную роль тех или иных воинских соединений и частей.

Летом 1920 года положение белых войск образованной 27 апреля 1920 г. Дальневосточной армии в Забайкальской области стало особенно критическим. В отечественной историографии нашли обстоятельное отражения предшествующие события Гражданской войны в регионе (Шишкин, 1957; Василевский, Грунин и др., 1967; Балицкий, Ципкин, 1994; Новиков, 2005; Ципкин, 2022), равно как и военное строительство противоборствующих сторон (Романов, 2013; Беломестнов, 2022; Новиков, 2024), накопленный ими организационный и боевой опыт (Василевский, 2000; Савченко, 2000; Шулдяков, 2004; Симонов, 2015). Весьма информативны исторические источники: приказы (цитируемые ниже) воинских формирований, свидетельства личного происхождения (воспоминания) (Красноусов, 1958; Семенов, 1999).

После опубликования 3 июля 1920 г. декларации об эвакуации японских войск и ухудшения военно-политической ситуации, белое командование решает начать вывоз из Читы ценностей, военного имущества, а также военно-учебных заведений, медицинских и других государственных учреждений. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины, генерал-лейтенант, атаман Г.М. Семёнов 29 июля 1920 г. издал приказ № 52. В нем среди прочего говорилось: «Значительное изменение обстановки, связанное с уходом Японских войск и начатыми переговорами, вынуждает перегруппировать наши войска» (Российский государственный Военный архив

(РГВА). Ф. 39532. Оп. 1. Д. 77. Л. 50). В соответствии с приказом, войска Дальневосточной армии предстояло отвести на юг Восточного Забайкалья, чем обеспечить более удобную линию обороны. Особенно важно для белых было сохранить контроль над железнодорожной веткой протяженностью 366 км от станции Карымской до границы с Китаем, веткой, являвшейся прямым продолжением на запад Китайско-Восточной железной дороги.

В связи с ухудшением военной обстановки руководство Российской Восточной окраины стало изыскивать способы переброски своих войск из Забайкальской области через Северную Маньчжурию в Приморскую область. С целью создания условий для возможной эвакуации Дальневосточной армии Г.М. Семёновым было принято решение об отправке в Приморье полковника Н.А. Савельева с целью «объединить и принять под свою команду все отряды, действующие в Приморской области против большевиков» (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 44). Также Савельеву было приказано начать формирование на добровольческих началах Сводной Уссурийской бригады, состоящей из пешего полка и конного дивизиона. В числе первых в Уссурийскую бригаду были зачислены юнкера Омского артиллерийского училища и школы Нокса. По данным Б.Б. Филимонова, одну треть строевого состава этого отряда составил Уссурийский казачий дивизион, переброшенный из Забайкалья по приказу атамана Семёнова, две других трети были добровольцы-одиночки, офицеры, юнкера и солдаты различных частей армий Адмирала Колчака, оторвавшиеся от своих частей по тем или иным причинам и «занесенные военной непогодой» в Приморье ранее прихода туда частей Белой Дальневосточной армии. В этом числе значительную роль играли бывшие юнкера Школы Нокса на

Русском острове (близ Владивостока) благодаря своей сплоченности (Филимонов, 1932. С. 47).

Юнкеров «омичей» и «ноксовцев», как окончивших курс обучения и зачисленных в состав Сводной Уссурийской бригады, генерал-лейтенант атаман Г.М. Семёнов отдельным приказом произвёл в офицеры и присвоил звание подпоручиков. Он произвел в подпоручики всех юнкеров Омского артиллерийского училища и школы генерала Нокса, окончивших восьмимесячный курс обучения и поступивших на службу в Сводную Уссурийскую бригаду, формируемую полковником Уссурийского казачьего войска Савельевым (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 2). Причем старшинство в этом первом чине устанавливалось со дня поступления в бригаду. В числе юнкеров-«омичей-артиллеристов», надевших офицерские погоны, оказался и будущий видный исследователь Белого движения на Дальнем Востоке Б.Б. Филимонов. Летом 1921 г. он, вместе с остальными выпускниками училища, состоял уже в личном конвое командующего Гродековской группы войск (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 45. Л. 6).

Осенью 1920 года Дальневосточная армия, ожесточённо обороняясь против превосходящих сил Народно-революционной армии Дальневосточной республики, с боями была вынуждена отступить на территорию Китая, в районе приграничной станции Маньчжурия. С китайскими властями заранее было достигнуто соглашение о том, что части белой армии сдавали свое оружие на станции Маньчжурия, следуя затем по Китайско-Восточной железной дороге через китайскую территорию (Северную Маньчжурию) до станции Пограничная в Приморской области России. Для участника событий из частей сибирских казаков сотника Е.М. Красноусова было удивительно, что «оказывается», на разъезде № 86 был заключен договор между нашим командованием и китайскими властями о том, что мы сдаём свое оружие на ст. Маньчжурия, следуем в эшелонах по Китайской Восточной железной дороге до ст. Пограничная, и там снова переходим на территорию «розового» Приморского правительства, получив, при этом, обратно наше оружие от китайцев (Красноусов, 1958).

В Приморье после возвращения вооружения, как предполагалось, отдохнувшие и пополненные

личным составом строевые части Дальневосточной армии вновь продолжают вести борьбу и, наступая через Приамурье в западном направлении, вновь займут Забайкалье. Красноусов прямо подтверждал планы, что, придя в Приморье, белые рассчитывали получить обратно своё оружие и пойти против красных вдоль Амурской железной дороги, снова в Забайкалье (Красноусов, 1958).

Со стороны автора данной статьи хотелось бы особо отметить, что эвакуация и сама организация перевозки такого количества людей, а также многочисленного конского состава и различного военного имущества в крайне сложных условиях на территории иностранного государства, несомненно, достойны отдельного изучения. При этом необходимо подчеркнуть, что ещё в Даурии, по прибытии золотого запаса из Читы, приказом генерал-лейтенанта атамана Г.М. Семёнова из этих средств выделялись 6 750 000 рублей, предназначенных для создания фонда снабжения армии (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 77. Л. 74).

В дальнейшем перед началом эвакуации из Забайкалья в Приморье был издан дополнительный приказ атамана Г.М. Семёнова о разделе средств из этого фонда между всеми воинскими частями Дальневосточной армии (Красноусов, 1958. С. 205).

По сведениям современного историка С.В. Смирнова, первыми были отправлены 2-й и 3-й каппелевские корпуса. Из семёновского 1-го Забайкальского корпуса в Приморье перебрались 2300 человек, т. е. примерно половина численного состава. Остальные во главе с генерал-майором Г.Е. Мациевским осели в Трехречьи и районе Хайлара. На основе частей 1-го корпуса и других подразделений на западной линии Китайско-Восточной железной дороги с конца 1920 г. формировались новые белые соединения, которые атаман Семёнов планировал использовать для возобновления боевых действий в Забайкалье (Смирнов, 2018. С. 70)¹.

Современник и активный участник событий Гражданской войны на востоке России И.И. Серебренников писал, что переброска целой армии по

¹ Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2018. 486 с.

железной дороге, на расстояние почти 1400 вёрст, была делом нелёгким и причинила много затруднений как командованию армии, так и китайским властям. Предполагалось, что общая численность перебрасываемой армии составляла с семьями до 25 000 человек, и войска располагали до 10 000 лошадей; перевозка эшелонов, каковых потребуются не менее 60, должна была занять не менее месяца. Нужно было снабдить эшелоны продовольствием на дорогу, а также организовать выдачу продовольствия и фуража в нескольких пунктах по самой дороге (Серебренников, 1936).

Тем досаднее для белого движения было, что план, направленный на сохранение единой и боеспособной армии, оказался фактически сорван после того, как назначенный командующим Дальневосточной армии генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий вскоре после назначения отказался подчиняться главнокомандующему Г.М. Семёнову, и своими действиями окончательно дезориентировал отступивших в Китай белых бойцов. Эмигрантский исследователь событий В.Л. Сергеев писал, что Вержбицкий, следуя со своим штабом вслед за войсками на восток, в Цицикаре подписал приказ № 251, которым объявил войну с большевиками законченной и армию переведённой на новое устройство на трудовых началах. Результатом этого приказа было распыление частей, так как большое количество людей осело на линии КВЖД, и только часть прибыла в Приморье (Сергеев, 1937).

После этого приказа многие военнослужащие вышли из состава армии, а сохранившие боеспособность подразделения Дальневосточной армии оказались расколоты на непримиримых «семёновцев» и «каппелевцев». По данным все того же С.В. Смирнова, во время следования через полосу отчуждения целые подразделения белой армии оставались в Харбине. Например, большая часть «уральцев» из состава Урало-Алтайского конного полка (3-й и 4-й эскадроны и пулеметная команда) после расформирования полка и распродажи лошадей на ст. Маньчжурия отказалась следовать в Приморье и осела в Харбине. В Харбине остался практически весь драгунский полк из состава отдельной Волжской бригады и т. д. (Смирнов, 2018. С. 70)².

² Там же.

Основой для конфликта между главнокомандующим всеми вооружёнными силами Российской Восточной окраины генерал-лейтенантом атаманом Г.М. Семёновым и командующим Дальневосточной армии генерал-лейтенантом Г.А. Вержбицким, по всей видимости, явились военные поражения Дальневосточной армии и поиск виновных в них. Дело дошло до подписания атаманом Г.М. Семёновым приказа № 679/б от 23 ноября 1920 г. В целях всестороннего выяснения причин военных неудач, последовавших с 18 ноября 1920 г. и «вызванных неисполнением моих (Г.М. Семенова) боевых приказов» назначалась особая следственная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Никонова.

В дополнение к разделу армии и выходу из её состава целых подразделений, китайские власти после прибытия войск на территорию Приморской области так и не вернули сданное вооружение белым, и оставшемуся личному составу Дальневосточной армии пришлось довольствоваться лишь тем небольшим количеством оружия, которое удалось спрятать по тайникам в вагонах воинских эшелонов. После прибытия значительно поредевшей Дальневосточной армии на территорию Приморской области, её подразделения расположились по линии Уссурийской железной дороги в следующем порядке. «Каппелевские» части под общим командованием генерал-лейтенанта Г.А. Вержбицкого в районах городов Никольск-Уссурийского, Спасска и станции Раздольная.

«Семёновцы» были сконцентрированы в т. н. Южно-Уссурийском военном районе, располагавшемся на территории Гродековского станичного округа, со штабом на железнодорожной станции Гродеково. Командовал ими генерал-майор Н.А. Савельев. Ядром Гродековской группировки являлись части, состоящие из «коренных семёновцев», среди которых можно выделить Забайкальскую казачью дивизию (по прибытии сведённую в отдельную бригаду), отдельный Маньчжурский дивизион, отдельный конный атамана Семёнова дивизион и отдельный стрелковый личного конвоя атамана Семёнова дивизион, состоящий из офицеров и юнкеров расформированного осенью 1920 года Читинского военного училища, а также другие менее многочисленные подразделения, разного состава и уровня боеготовности.

Части, подчинённые генерал-лейтенанту атаману Г.М. Семёнову, численно существенно уступали «каппелевцам». По информации Г.Г. Левкина: «из Забайкалья в Приморье по КВЖД в декабре 1920 и начале января 1921 года всего прибыло 5804 офицера и 10354 солдата бывших каппелевцев, около 4000 семёновцев, обосновавшихся отдельно от каппелевцев в Гродеково» (Левкин, 1999. С. 32).

Несмотря на конфликт между командованием Дальневосточной армии и главнокомандующим всеми вооружёнными силами РВО, генерал-лейтенантом атаманом Г.М. Семёновым, и фактический раскол среди военнослужащих на две соперничавшие группировки, тем не менее: «Армия сохранила организацию и довольствовалась, сначала на средства атамана Семёнова» (Старк, 2015).

Так называемое правительство Приморской Областной Управы ориентировалось на большевиков, и было настроено на передачу им полного контроля над регионом. В этих условиях было принято решение о проведении вооружённого выступления и захвата власти в городе Владивостоке. «В Приморье было Областное Правительство, которое готовилось передать все Приморье, Дальневосточную армию, большевикам, а потому свержение большевистствующего правительства было делом сохранения армии и единственного кусочка земли, где могли формироваться белые части, поэтому необходимость переворота стала очевидной». (Читинец, 1934. С. 9).

Боевые подразделения, подчинённые атаману Семёнову, дислоцировавшиеся в так называемом Южно-Уссурийском военном районе (Гродековском станичном округе), в дальнейшем получили наименование Гродековской группы войск. Командовал ими генерал-майор Н.А. Савельев.

Из средств ранее созданного фонда снабжения армии военнослужащие получали скромное, но тем не менее регулярное денежное довольствие в золотой монете. По донесению советских агентов, оклад месячного содержания ротных и сотенных командиров составлял 36 рублей золотом, взводного офицера – 25 рублей, считая квартирные. Особо отмечалось, что весь личный состав противника носит погоны (РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 544. Л. 5). Впоследствии, по мере истощения средств фонда, нормы денежного довольствия, размер и состав продуктовых пайков неоднократно пере-

сматривались и к весне 1921 года личный состав, члены семей военнослужащих, а также беженцы, были переведены на режим максимальной экономии (Читинец, 1934. С. 9).

Было бы ошибочно считать, что атаман Семёнов как руководитель Белого движения в Приморье был популярен исключительно среди «семёновцев». Весной 1921-го года, после съезда командиров Дальневосточной армии в состав его частей, расположенных в районе Гродеково, из «каппелевских» 2-го и 3-го корпусов перешли: командир Добровольческой бригады генерал-майор В.Г. Осипов, полковники П.Е. Глудкин, Е.В. Черкес, Хромов, подполковник Гайкович и многие другие офицеры и рядовые из Уральского, Добровольческого, Егерского полков, а также Красноуфимского и Камского конных дивизионов.

Согласно описанию Б.Б. Филимонова, в марте 1921 г. после съезда командиров частей Белой армии, происходившего в Гродеково, последовал выход из состава 2-го корпуса генерала Осипова и из состава 3-го корпуса полковника Глудкина. К чести командиров и чинов частей раскол Добровольческой бригады на две части последовал без каких-либо эксцессов. Дело происходило так: на общем собрании чинов бригады после доклада обстановки генерал Осипов (комбриг), полковник Черкес (командир полка 1-го), полковник Хромов (командир Красноуфимского конного дивизиона) и подполковник Гайкович (командир батареи) заявили о своём переходе в подчинение к атаману Семёнову, а полковник Урняж (командир полка 3-го) и полковник Бахтерев (командир конного дивизиона) заявили о том, что остаются в подчинении своего прежнего начальства, т. е. каппелевского (Филимонов, 1932. С. 41).

Как видно, решение о переходе из «каппелевских» частей в подразделения «семёновцев» каждый для себя принимал самостоятельно, без нажима с какой либо стороны.

В своём исследовании поручик Филимонов так описывал эту ситуацию: «непрекращающиеся неудачи, повисшие над Белой армией, не пугали молодого, пылкого, безумно-храброго полковника Глудкина и вот, по проходе в Приморье, когда каппелевские военачальники не вполне определили линию дальнейшего своего поведения, полковник Глудкин со своим Егерским полком выходит из со-

става 3-го корпуса и присоединяется к частям Гродековской группы войск. К нему присоединяются Уральцы, затем Уфимские артиллеристы» (Филимонов, 1932. С. 43).

Кстати сказать, ещё в Забайкалье сторонниками атамана Семёнова стали и другие «каппелевские» генералы и офицеры. Наиболее известные из них: бывший начальник штаба Восточного фронта генерал-майор П.Ф. Рябиков, командующий 3-й армией Восточного фронта генерал-лейтенант К.В. Сахаров, командир Волжской кавалерийской бригады генерал-майор К.П. Нечаев, командир Сибирской казачьей бригады полковник, позднее генерал-майор Ф.Л. Глебов.

20 марта 1921 года во Владивостоке проходит так называемый «не-соцсъезд» (несоциалистический съезд), на котором присутствовало около 250 депутатов различных несоциалистических партий. Цель и задачи представительного мероприятия – необходимость беспощадной борьбы с большевиками и схема будущего административного аппарата – принимаются единодушно без обычных раздоров и разногласий. Атамана Семёнова как главу и фактического главнокомандующего антибольшевистскими силами Дальнего Востока представители съезда неоднократно посещали в Порт-Артуре. Атаманом им была обещана всемерная поддержка и отпущены средства. Подробности заключённого атаманом Семёновым соглашения с представителями этого съезда не подлежат оглашению. Учитывая же отход масс от большевизма, началась подготовка к перевороту, для чего было достигнуто соглашение с частями 2-го и 3-го корпусов так называемой каппелевской армии, не желавшей до сих пор признавать атамана Семёнова своим главнокомандующим (Из доклада..., 1934. С. 129)³.

Интересный факт – в марте к руководителям «семёновской» и «каппелевской» группировок, генералам Н.А. Савельеву, с одной стороны, и Г.А. Вержбицкому с В.М. Молчановым – с другой, с инициативой заключения «мирного соглашения»

обратились командующий войсками Народно-революционной армии Дальневосточной республики А.П. Лепёхин и начальник штаба Народно-революционной армии П.А. Луцков. Было предложено всем желающим вступить в НРА или вернуться на родину, или остаться в Приморье вне какой либо военной организации.

На это предложение командующий частями, расположенными в Гродеково, генерал-майор Н.А. Савельев просто сказал, «что мы с вами не сойдёмся: могли бы сойтись на одном – бить жидов» (Горев, 1922. С. 62).

По данным того же источника, «каппелевские» генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий и генерал-майор В.М. Молчанов ответили, что они предлагают своим разойтись по домам, но те не хотят, и у них в настоящий момент задача только устроить на работы своих солдат. Тогда полковнику Ловцевичу, как представителю каппелевцев, организующему военные рабочие дружины, была оказана и от правительства и от военного командования возможная помощь (Горев, 1922. С. 62).

Правительство Приморской Областной Управы ориентировалось на большевиков и было настроено на передачу им полного контроля над регионом. В этих условиях было принято решение о проведении вооружённого выступления и захвата власти в городе Владивостоке. Подготовку к перевороту стали готовить обе соперничавшие группировки «семёновцев» и «каппелевцев», причём каждая в основном действовала сама по себе, полагаясь только на собственные возможности и лояльных сторонников в Приморье. Тем не менее некая координация существовала. Был создан единый центр-штаб по подготовке к перевороту, получивший среди заговорщиков условное наименование «организация», под управлением генерал-майора Д.А. Лебедева, бывшего в 1919 г. начальником штаба Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака.

В ходе подготовки к вооружённому выступлению, весной 1921 года, командование «семёновцев», расположенных в Гродеково, обратилось к японцам с просьбой помочь вооружением и, по всей видимости, оказать содействие в проведении переворота. Об этом стало известно из письма, адресованного Г.М. Семёнову, в котором сообщалось о результатах встречи с главнокомандующим

³ Из доклада начальника контрразведки штаба Гродековской группы войск подполковника Зайченко // Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах [Текст] / подготовил к печати И. Минц. Москва : [б. и.], (1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»). 1934. 234 с.

японской экспедиционной армии в Сибири генералом Е. Татибана (Tachibana Yoshio). «Первая часть разговора была неофициальная, в которой я (представитель Семенова) к нему обращался с просьбой о выдаче оружия для воинской охраны, он (японский генерал) резко отказал; взгляд его на переворот тоже отрицательный» (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 52).

В ночь на 31 марта 1921 года «каппелевцами» под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого было намечено выступление с целью захвата власти во Владивостоке. По договорённости с «семёновцами» восстание поддерживалось отрядом полковника П.Е. Глудкина и остальными подразделениями Гродековской группы войск. Красные участники событий отмечали, что засевшие в Гродеково белогвардейские казачьи банды предприняли усиленные диверсии на железной дороге и в направлении Никольск-Уссурийского (Ильюхов, Самусенко, 1962. С. 218). Но об этих планах стало заранее известно властям, которые нанесли упреждающие удары по восставшим, в результате чего попытка смены режима в Приморье сорвалась – опорные пункты мятежников оказались в руках вооруженных сил Совета обороны. В полном составе был арестован главный штаб заговорщиков во главе с генералом Лохвицким, пленены и разоружены отряды этого штаба (Ильюхов, Самусенко, 1962. С. 219).

После этого ареста, всем, готовым к выступлению отрядам, был направлен приказ об отмене намеченной операции. По странному стечению обстоятельств, этот приказ об отмене выступления не получили только вышеназванные «белогвардейские казачьи банды» из Гродеково и отряд полковника П.Е. Глудкина, ранее, как мы знаем, перешедшего от «каппелевцев» к «семёновцам». Полковник П.Е. Глудкин, «с почти безоружным отрядом (около 500 человек) двинулся на город, захватил по дороге в предместьях несколько милицеских участков, от которых пополнился несколькими десятками винтовок, и успел занять почти половину города. Однако ни кем не поддержанный и слабо вооружённый отряд, дойдя до центра и встретив сопротивление, остановился и начал отступать» (Старк, 2015. С. 43).

Тем не менее неудачная попытка переворота позволила выявить не только слабые стороны

красных, но и провести работу над ошибками со стороны нападавших белых и к следующей дате выступления белые, по крайней мере «семёновцы», подготовились уже более основательно.

Кроме участия в перевороте собственных вооруженных сил, для атамана Семёнова было крайне важно подключить к участию и местных противников существующей власти, и в случае удачного переворота, показать, что свержение правительства совершили не приезжие «варяги», а недовольные местные жители, лишь поддержанные «семёновцами», и тем самым обеспечить легитимность захвата власти.

Для сбора оперативной информации о численности, вооружении и дислокации частей Владивостокского гарнизона, а также для анализа общего политического положения в город были направлены опытные офицеры-«семёновцы». Среди них можно выделить штаб-офицера для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины полковника Генерального штаба А.Ю. Лейбурга, по всей видимости, курировавшего деятельность разведки во Владивостоке.

Кроме изучения возможностей существующей власти, собирались и анализировались любые сведения о степени готовности к перевороту «каппелевцев», настроениях различных партий и союзов. В направляемых докладах особо выделялось нежелание местной буржуазии в какой либо форме участвовать в подготовке к перевороту. Что, впрочем, весьма показательно для всей российской буржуазии периода Гражданской войны: «Буржуазия жаждет переворота, но ничем не идёт на помощь, а при обращении к ней за средствами, под тем или иным предлогом отвиливает от этого» (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 61 об).

В докладе полковника А.Ю. Лейбурга от 9 мая 1921 года подчеркивалось, что вооружённые силы, находящиеся во Владивостоке, подразделялись на так называемые легальные и нелегальные. Легальными назывались штатные воинские части, состоящие из конвоя командующего войсками и дивизиона народной охраны, численность которых составляла 994 бойца и конного эскадрона в 200 сабель. К нелегальным вооружённым силам относились все организованные отряды, насчитывающие 1200 человек, состоящие из местных вооружённых

сторонников советской власти, в случае тревоги действующие по заранее разработанному расписанию. Общая численностью оценивалась в 2194 бойца при 8 пулемётах, в том числе и латышско-мадьярская рота в 400 бойцов (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 61), по своей численности соответствующая как минимум целому батальону.

Также к числу гарнизона следует добавить и сотрудников из не указанного в этом докладе Приморского областного отделения Государственной политической охраны (Госполитохраны), регионального аналога Всероссийской чрезвычайной комиссии. Кроме Владивостока, подразделения народной охраны располагались во всех крупных населённых пунктах области. Не стоит забывать и о многочисленных красных партизанах, находящихся в близлежащих районах. Ведь в случае упорства обороняющего Владивосток гарнизона, партизаны успели бы подойти к городу и оказать весьма существенную помощь сторонникам советской власти.

В назначенный день 26 мая 1921-го года для участия в перевороте должны были выступить обе стороны. Однако, намереваясь опередить «семёновцев» и заявить права на власть единолично, «каппелевцы» попытались провести переворот на сутки раньше, но попытка не удалась, что в результате привело к ненужным жертвам и к арестам многих «каппелевцев».

По подтверждающей оценке сотника Красноусова, во Владивостоке каппелевское командование, не желая допустить к участию в этом перевороте семёновцев, начало его на сутки раньше, почему и были жертвы, а вместо переворота получился «недоворот». Вовремя подошедшая к Владивостоку вооружённая семёновская часть (в том числе и мы, сибирцы) способствовала бы быстрому и решительному проведению в жизнь этой операции (Красноусов, 1958. С. 254).

Гродековским командованием был разработан план, согласно которому нападение на Владивосток проводилось не только с суши, но и со стороны моря, ставя целью захват порта и находящихся там боевых кораблей Сибирской флотилии. Для участия в перевороте были выделены наиболее боеспособные части «семёновцев», для чего в указанный срок они должны были разоружить части т. н. «народной охраны Приморской обла-

сти» и выйти в места сосредоточения, с готовностью по сигналу перейти в наступление с целью захвата стратегических объектов и разоружения остальных частей в городе Владивостоке. По намеченной программе (она была известна только генералу Глебову и, вероятно, его начальнику штаба), мы должны были разоружить народную охрану в Покровке и Полтавке и, вооружившись за их счёт, двигаться к Амурскому заливу, где нас должны были погрузить на шаланды и перебросить во Владивосток к моменту начала переворота (Красноусов, 1958. С. 193). Однако некоторые подразделения «семёновцев» после начала движения к намеченным по плану целям оказались блокированы японскими частями и разоружены. Так, например, произошло с подчинёнными генерал-майора Ф.Л. Глебова. «Во время нашего похода из Покровки во Владивосток «на переворот» мы были разоружены японцами вблизи г. Никольска-Уссурийска, что было сделано, вероятно, по просьбе каппелевцев. В это время уже намечался открытый разрыв между «Владивостоком» и «Гродеково» (Красноусов, 1958. С. 254).

Сейчас сложно объяснить, чем обусловлена такая смена приоритетов в японской политике на Дальнем Востоке. Возможно, что основной причиной являлся всё тот же золотой запас. В конце 1920 года при эвакуации Дальневосточной армии в Маньчжурию оставшаяся часть золота, по приказу главнокомандующего всеми вооружёнными силами Российской Восточной окраины генерал-лейтенанта атамана Г.М. Семёнова, была передана под расписку на сохранение японцам.

Уже позднее сам атаман Г.М. Семёнов и его представители, в том числе и через японский суд, неоднократно пытались вернуть золото. Однако все притязания были отвергнуты, главной причиной отказа выделялось то основание, что Г.М. Семёнов больше не является тем официальным лицом Российского государства, по приказу которого состоялась передача, и следовательно, не может претендовать на получение золота.

Соответственно, в случае прихода атамана Г.М. Семёнова к власти в Приморской области, у японцев не оставалось бы юридических оснований для такого отказа. А это было бы совсем не в японских интересах. Но это всего лишь наше предположение.

После тщательной подготовки, непосредственно перед выступлением во Владивосток были направлены 35 добровольцев, состоящих из юнкеров Читинского военного училища, для содействия атакующим подразделениям в самом городе. Около пятидесяти человек из Отдельного Конвойного при Ставке Главнокомандующего дивизиона, также состоящего из юнкеров и офицеров Читинского военного училища, были заранее размещены на полуострове Турик, вблизи от имения Янковского, на котором они находились 1,5 месяца под видом рабочих, прибывших на работы по добыче угля.

26 мая 1921-го года, на рассвете к полуострову подошёл захваченный ранее «конвойцами» катер «Люнет» (по другим данным «Новик»), буксировавший баржу с десантом в количестве более ста человек. Десант состоял в основном из «читинцев», а также нескольких морских офицеров и гардемарин, под общим командованием командира Отдельного Конвойного дивизиона полковника В.В. Буйвида, бывшего ранее командиром пехотной роты Читинского военного училища. Через несколько часов, объединившись с остальными бойцами дивизиона и разместившись уже в полном составе на катере и барже, они двинулись в направлении порта города Владивостока.

Позднее участник этого десанта, выпускник Читинского военного училища подпоручик П.И. Стуков, вспоминал следующее: «Наше полугодное сидение на «Турике» окончилось через полтора месяца, 26-го мая в 4 часа утра, когда мы увидели на море в направлении от дачи Янковского черные точки, которые постепенно увеличивались – то был катер «Новик», тащивший на буксире баржу, где уже сидело больше ста человек читинцев... И никто тогда не ведал, что через пять часов эти юноши обильно польют своей кровью и баржу и катер. Через три часа опустел и наш белый домик на «Турике». Мы на барже, команда полковника Буйвида: «На молитву шапки долой». Сто пятьдесят человек внятно и торжественно, мощно, с сознанием приближения ответственного момента, запели «Спаси, господи, люди твоя»».

В соответствии с планом нападения, группа юнкеров под командованием полковника Буйвида, используя катер, должна была захватить стоящие в порту боевые корабли, а остальная часть дивизио-

на, размещенная на барже, должна была под командованием войскового старшины Иванова атаковать и захватить порт, после чего направиться в город для поддержки остальных отрядов.

По свидетельству А.Г. Ефимова, отряд с заимки Янковского под командой полковника Буйвида на пароходе с баржей на буксире подошёл к порту. Пароход вёл капитан 2-го ранга Соловьёв, который был здесь ранен (Ефимов, 2013. С. 56).

На весь Отдельный Конвойный дивизион, состоявший из 150 человек, приходилось порядка 15 винтовок, 2 неисправных пулемёта и некоторое количество гранат. При подходе к пристани «конвойцы» были обстреляны красными массированным огнем из пулемётов и винтовок. Непригодная для ведения боевых операций баржа простреливалась насквозь, поэтому сразу же появились убитые и раненые. В том числе тяжёлое ранение получил бывший командир 2-й артиллерийской батареи Читинского военного училища, войсковой старшина С.Д. Иванов, после чего командование высадкой дивизиона перешло к капитану 2-го ранга А.В. Соловьёву.

В то же время полковник В.В. Буйвид с подразделением юнкеров на катере «Новик» направился к стоявшим в порту миноносцам, команды которых оказались полностью деморализованы внезапным нападением юнкеров. После захвата кораблей, оставив охрану, юнкера также высадились в порту. «Команды сдались и катер, не теряя времени, направился к месту, выбранному для десанта – против общества «Спорт»» (Читинец, 1934. С. 9).

В юбилейном номере журнала «Подчасок» за 1934 год юнкера – участники Владивостокского переворота, подчеркивали, что несмотря на интенсивный огонь противника, почти безоружный основной десант, приготовив имеющиеся гранаты, бросился в стремительную атаку. Не ожидавшие такого напора красные начали отступление, позволившее «конвойцам» захватить ряд портовых зданий и сооружений, после чего, усилив нажим, десант продолжил преследовать отступающего противника.

Из порта их встретили пулемётным огнем и гранатами, где отряд потерял 16 человек ранеными и 5 убитыми, причём, тяжело был ранен помощник начальника отряда войсковой старшина

Иванов. Высадкой десанта руководил «беспредельно храбрый» капитан 2-го ранга Соловьёв. Несмотря на потери, конвойцы лихой атакой взяли портовую контору и помещение профсоюза. Не останавливаясь, они преследовали противника и дошли до Алексеевской улицы, но тут вмешались японцы и вынудили прекратить бой. Полковник Буйвид энергично протестовал, тогда японцы разоружили весь отряд. Но юнкера не дремали. Они где-то раздобыли несколько винтовок, гранат и вновь выступили. К 5-ти часам утра 27 мая заняли Мальцевский базар и Луговую улицу, однако и тут вмешались японцы, вновь разоружили отряд и принудили его отойти к центру города (Читинец, 1934. С. 9).

Остальные подразделения Гродековской группы войск действовали в других частях города по заранее намеченному плану, в котором каждый отряд должен был захватить определённый район или здание. Так отряд 1-й стрелковой бригады полковника Глудкина, действуя по этому плану, занял тюрьму, где нашлось некоторое количество винтовок, в которых отряд очень нуждался.

«26–28 мая с. г. совершён переворот во Владивостоке; здесь коммунисты оказали сопротивление, и уличный бой кончился ударом войск атамана Семёнова, кои произвели высадку безоружных солдат в центре города (потери свыше 20 человек). Власть переходит к «правой группе», которая и образовала временное правительство в составе: председателя С.Д. Меркулова и членов Н.Д. Меркулова, Еремеева, Андерсона и Руднева» (Из доклада..., 1934. С. 129)⁴.

В исторической литературе, рассказывающей о событиях 26 мая 1921 года, часто встречается утверждение, что переворот был проведён «каппелевцами» при содействии японцев. Кроме того, при описании уже выше приведённого штурма Владивостокского порта в роли атакующего десанта выступают исключительно моряки.

Так, Н.З. Кадесников, опираясь на опубликованные в журнале «Морские записки» в 1965 г. в № 1–2 данные адмирала Г.К. Старка, указывает, что восставшие в городе каппелевцы получили подкрепление: со стороны моря, на барже, буксируемой катером, показался десантный отряд под командой капитана 2-го ранга Соловьёва. Этот отряд, составленный почти исключительно из чинов флота, был встречен сильным ружейным и пулемётным огнём с судов, но всё же, несмотря на большие потери, высадился у памятника Невельскому и ворвался в порт (Кадесников, 1965. С. 84). Некоторое количество моряков в составе десанта «семёновцев» у автора превращаются в отряд, состоящий «почти исключительно из чинов флота».

Однако доподлинно известно, что адмирал Г.К. Старк сам участия в перевороте не принимал и прибыл во Владивосток только 17 июня и историю о перевороте он узнал явно с чужих слов. Тем не менее, следует отметить, что очень многие из моряков являлись сторонниками атамана Семёнова и принимали активное участие как в подготовке, так и в перевороте в целом.

Чинов флотилии как самых старших, так и самых младших, можно и должно разбить на три группы: первая – «семёновцы», вторая – «умеренные» и третья – «приспосабливающиеся». Первая группа, к которой принадлежал и первый командующий флотилией капитан 2-го ранга Соловьёв, в рядах Сибирской флотилии до майского переворота 1921-го года не состояла. Во время переворота «семеновская группа моряков» принимала весьма деятельное участие, была многочисленна, активна. Вследствие всего этого многие считали всех моряков «семёновцами» и второго командующего флотилией – адмирала Старка считали симпатизирующим и сочувствующим атаману Семёнову, хотя это совершенно не соответствовало действительности: адмирал Старк был ярый каппелевец (Филимонов, 1932. С. 56).

Особо обращает внимание поведение японского гарнизона, в течение суток препятствовавшего совершению переворота, а по сути, разоружением «семёновских» частей напрямую оказывавшего содействие красным войскам. Причём вмешательство японских войск происходило не только во Владивостоке, но и как уже говорилось, на подступах к нему.

⁴ Из доклада начальника контрразведки штаба Гродековской группы войск подполковника Зайченко // Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах [Текст] / подготовил к печати И. Минц. Москва : [б. и.]. 1934 (1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»). 234 с.

Со стороны более многочисленных «каппелевцев» на участие в перевороте совместно с «семёновцами» были выделены только 400 «ижевцев» и 200 «уфимцев» под общим командованием полковника А.Г. Ефимова, причём, по словам самого полковника, его отряд, получивший распоряжение выйти к гостинице «Золотой Рог», был абсолютно невооружен. Наступило 26 мая 1921 года. В назначенное время отряд в 600 человек с двумя револьверами выступил через сопки в город (Ефимов, 2013. С. 55). Таким образом, учитывая невозможность «каппелевцев» оказать влияние на поле боя стрелковым вооружением и тем самым непосредственно поддержать атакующие «семёновские» подразделения, говорить о каком либо серьёзном влиянии подчинённых полковника Ефимова на переворот, крайне сложно.

При этом необходимо отметить роль местных офицерских организаций, своим активным участием и отличным знанием города оказавших значительную помощь в проведение переворота. Подойдя к городу, «каппелевцы» встретили местный офицерский отряд, который уже вёл бой с превосходящими силами красных. К полковнику Ефимову с просьбой о помощи обратился командир отряда.

« – К сожалению, помочь не могу. У меня ни одной винтовки.

– Дайте хоть людей, я им дам ручные гранаты, и их присутствие придаст нам больше уверенности» (Ефимов, 2013. С. 55). После этого в помощь офицерам была выделена рота «ижевцев».

Войдя в город Владивосток и продвинувшись до улицы Полтавской, отряд А.Г. Ефимова, увидел небольшое подразделение белых офицеров численностью в 12 человек штурмующих здание «Чeka» (Госполитохраны), не попытавшись оказать им какую либо поддержку, «каппелевцы» проследовали не останавливаясь, пока «отвлечённые непосредственной опасностью, чекисты пропустили нас мимо не обстреливая» (Ефимов, 2013. С. 56). По прибытии к пункту назначения, гостинице «Золотой Рог» (именно про этих «каппелевцев с палками», писал позднее С.П. Руднев), подчиненные А.Г. Ефимова, - «Долго ждали. Узнавали о ходе событий». По воспоминаниям Авенира Геннадьевича, к моменту их прибытия «Город был прочно занят до начала портовых строений, но дальше по Светланке к востоку находился в руках красных. Нужно бы-

ло развивать успех, но оружия не было». (Ефимов, 2013. С. 56). В дальнейшем получив всё-таки винтовки, правда, без патронов (боеприпасы к винтовкам бойцы А.Г. Ефимова, получили только поздно вечером, «после наступления темноты», по пять патронов на винтовку» (Ефимов, 2013. С. 56). Судя по дальнейшему описанию полковника Ефимова, его отряд участия в боях с красными не принимал, не считая обстрела высланных разведчиков и основной задачей его «каппелевцев», являлись разведка, захват и удержание не занятых или ранее освобождённых от противника объектов.

По всей видимости, это и была главная цель каппелевского командования, в ходе переворота, под видом охраны освобождённых «семёновцами» ключевых зданий и участков города, взять под контроль все стратегически важные объекты Владивостока, тем самым, получая возможность диктовать уже свои условия атаману Г.М. Семёнову. Что впрочем и подтверждается всеми дальнейшими событиями.

Учитывая вышеизложенное, необходимо признать что несмотря на все препятствия и сложности, основная часть подготовки и проведения переворота, такая как захват боевых кораблей, стоящих в порту, самого порта, морского штаба, здания Госполитохраны, вокзала, городской тюрьмы и многих других ключевых учреждений, включая центральные районы Владивостока, была выполнена «семёновцами», в том числе юнкерами и офицерами Читинского военного училища из состава Отдельного конвойного атамана Семёнова дивизиона, а также бойцами перешедшей в марте 1921 года в Гродеково, бригады полковника П.Е. Глудкина.

«26-го мая 1921-го года, по распоряжению Главнокомандующего атамана Семёнова, части бывшей Дальневосточной армии, оказавшиеся верными своему Главнокомандующему и сосредоточенные в Гродеково, совершили государственный переворот во Владивостоке...» (Сергеев, 1937. С. 94).

«Конвойцы-читинцы вынесли на своих плечах всю чёрную работу по подготовке переворота 26-го мая, и, заплатив дорогой ценой за право быть первыми в наступлении, совместно с другими частями способствовали тому, чтобы во Владивостоке после долгого перерыва вновь взвился русский национальный флаг!» (Читинец, 1934. С. 9).

В телеграмме, отправленной 29 мая 1921 года командующим Гродековской группой войск генерал-майором Н.А. Савельевым Главнокомандующему атаману Семёнову, говорилось: «26 переворот во Владивостоке совершен выступлением местных организаций, поддержан юнкерами Читинского училища, Вашим конвоем, бригадой полковника Глудкина и Ижевцами, работавшими в полном контакте между собой. Власть передана Съезду несоциалистических организаций, работающему до сего момента коллективно. Правительство не создано. Факт падения власти коммунистов должен быть сегодня признан иностранцами. Военная власть будет сосредоточена, по-видимому, в руках Военмина, персонально ещё не выдвинутого» (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 68).

В дальнейшем, после прибытия Главнокомандующего всеми вооружёнными силами и походного атамана всех казачьих войск Российской Восточной окраины генерал-лейтенанта Г.М. Семёнова сторонники атамана, особо отличившиеся при захвате Владивостока, были отмечены в соответствующих приказах, среди них: Начальник 1-й Стрелковой бригады, полковник Пётр Глудкин, «за отличия по службе» произведён в генерал-майоры (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 45а. Л. 1). Командир Отдельного стрелкового личного конвоя атамана Семёнова дивизиона, бывший командир пехотной роты Читинского военного училища полковник В.В. Буйвид, «за отличия в боях против неприятеля» награждён орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 45а. Л. 11). Того же дивизиона бывший командир 2-й артиллерийской батареи Читинского военного училища войсковой старшина С.Д. Иванов «за боевые отличия» произведён в полковники (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 69а. Л. 57). Также за «боевые отличия» из юнкеров в прапорщики был произведён юнкер пехотной роты Читинского военного училища Гавриил Кокорин, а выпускники Читинского военного училища подпоручики Евгений Волков, Иннокентий Пляскин, Феодосий Запасный были произведены в чин поручика (РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 69а. Л. 57).

После переворота было создано Временное Приамурское правительство под председательством С.Д. Меркулова. Очевидно, что принимающие самое активное участие в проведении переворота «гродековцы-семёновцы» рассчитывали на то,

что власть в Приморье перейдёт к главнокомандующему Г.М. Семёнову. Однако братья С. и Н. Меркуловы, у которых, по всей видимости, действительно было соглашение о последующей передаче полномочий Атаману, не желая делиться властью, быстро нашли общий язык с командованием «каппелевцев» и, опираясь на их количественное преимущество, отказались от прежних соглашений.

Этот факт подтверждается и поручиком Филимоновым: Опираясь на «семёновские» воинские части, братья Меркуловы оказались у власти. Власть они, по предварительному соглашению с «семёновцами», должны были взять в свои руки лишь на время для того, чтобы пригласить «варяга» – атамана Семёнова и передать ему верховную власть. Однако власть показалась братьям сладкой и так как противное Атаману «каппелевское» Командование предложило свою поддержку в случае недопущения Атамана во Владивосток, то братья, недолго думая, отказались от своих обещаний «семёновцам» и, опираясь на «каппелевцев», повели борьбу с первыми, если не огнем и мечом, то, во всяком случае, путём голодовки (Филимонов, 1971).

После переворота «конвойцы» вместе с несколькими другими подразделениями из Гродековской группы войск были размещены в казармах, расположенных на 6-й версте. Усиливающийся раскол между Меркуловыми и атаманом Семёновым привёл к окончательному разделу в армии.

Таким образом, несмотря на достигнутый успех и захват власти во Владивостоке и южной части Приморья, среди русских национальных организаций не произошло главного – объединения и сплочения антибольшевистских сил на Дальнем Востоке. Амбиции и честолюбие С.Д. и Н.Д. Меркуловых, Г.А. Вержбицкого, В.М. Молчанова, и многих других, оказались важнее декларируемых целей, что, в свою очередь, не позволило выступить не только общим фронтом против большевиков летом 1921 года, но и создало непреодолимые препятствия для наступления «семёновцев» по ранее намеченному плану. Б.Б. Филимонов особо подчеркивал: «На другой день после переворота во Владивостоке загорается борьба между двумя белыми группировками, каппелевцами и семёновцами. Эта внутренняя борьба препятствует атаману Семёнову вести операции в широком масштабе

против Дальневосточной республики» (Филимонов, 1932).

Противостояние в армейской среде, спровоцированное и постоянно подогреваемое интригами «каппелевского» командования в лице генералов Г.А. Вержбицкого и В.М. Молчанова, усиленное амбициями правительства Меркуловых, сорвали разработанные ещё в Забайкалье планы по совместным действиям передислоцированной Дальневосточной армии с частями барона Р.Ф. Унгерна, частями генерал-лейтенанта Е.И. Мациевского и Амурской военной организации генерала Е.Г. Сычева (Абеленцев, 2005).

Несмотря на сложившуюся ситуацию в Приморье и разгром войск барона Р.Ф. Унгерна, летом 1921 года атаман Г.М. Семёнов ещё надеялся продолжить активные боевые действия против советской власти в Сибири и на Дальнем востоке. В приказе он вновь обратился к личному составу подразделений «каппелевцев» и населению Приморья. Среди прочего в приказе говорилось: «Всех, любящих свою Родину и не мыслящих вне её восстановления, я зову со мной на борьбу за лучшее будущее. Робких, пассивных, мирящихся с позором и рабством, мне не нужно. Их я считаю тем навозом, который удобряет большевистское поле и способствует пышному произрастанию коммунизма. Мы боремся за истину, за семью, религию, за государственность, за права человека, против тех, кто попирает эти священные основы, кто создал религию дьявола, кто не имел никогда государственности и потому создал интернационал, уже не первый век, подготавливавший то мировое преступление, которое совершается на наших глазах»

(РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 69а. Л. 1, 1 об.). Однако и начать вести самостоятельные боевые действия против большевиков атаману Г.М. Семёнову тоже не дали. Не смотря на то, что по приказу Г.М. Семёнова, не желавшего междоусобицы, из Владивостока были выведены все подчинённые ему подразделения, на замыкающую колонну, направлявшуюся в Гродеково, в ночь на 12 июля в селе Раздольном по распоряжению командования «каппелевцев» было совершено вооруженное нападение (Красноусов, 1958. С. 202). Не останавливаясь на этом, Владивостокские власти, под контролем которых оказались все склады, ввели продовольственную блокаду против Гродековской группы войск, по результатам которой «семёновцы» оказались полностью не боеготовы, что в конечном итоге позволило сосредоточить всю полноту власти в Приморье в руках Временного Примурского правительства.

Таков перечень ключевых военных обстоятельств «белогвардейского переворота» в мае 1921 г. во Владивостоке. Наиболее важными обобщения, которые можно сделать на их основе, на наш взгляд, заключаются в двух основных моментах: во-первых, белые творчески и успешно с полуторагодовым интервалом «взяли на вооружение» силовые приемы эсеровских мятежей в Красноярске и Иркутске рубежа 1919–1920 гг. Во-вторых, из-за внутреннего раскола и несогласованных амбиций лидеров белого лагеря боевые действия против войск Дальневосточной республики были развернуты с полугодовой задержкой – с октября 1921 г., что среди прочего предопределило и окончательное поражение белых в Гражданской войне.

Список источников

Абеленцев В.Н. Председатель Восточного казачьего союза генерал Е.Г. Сычев // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 292–301.

Балицкий А.В., Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) // Вопросы истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России : сб. науч. трудов. Владивосток : ДВО РАН, 1994. С. 131–136.

Беломестнов А.В. Создание Читинской военной школы в конце 1918 – начале 1919 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 2. С. 107–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-2-107-120. EDN: GTOZXN.

Василевский В.И. Забайкальская белая государственность. Краткие очерки истории. Чита : Поиск, 2000. 180, [2] с.

References

Abelentsev V.N. (2005) Chairman of the Eastern Cossack Union, General E.G. Sychev. The White Guard. No. 8. P. 292–301. (In Russ.).

Balitskii A.V., Tsipkin Yu.N. (1994) The White Movement in the Far East (1920–1922). Questions of the history of the Civil War and intervention in the Russian Far East. Collection of scientific works. Vladivostok: FEB RAS. P. 131–136. (In Russ.).

Belomestnov A. V. (2022) Creation of the Chita Military School in late 1918 - early 1919. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 2. P. 107–120. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-2-107-120. EDN: GTOZXN.

Vasilevskii V.I. (2000) Trans-Baikal white statehood. Brief sketches of the history. Chita: Search. 180, [2] p. (In Russ.).

Василевский В.И., Грунин Г.В., Изгачев В.Г., Рейхберг Г.Е., Шерешевский Б.М. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 365 с.

Горев Н. Попытка мирного соглашения // Борьба за Хабаровск : сборник статей. Чита : [б. и.], 1922. С. 60–99.

Ефимов А.Г. С Ижевцами и Воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы / сост. Л.Ю. Тремсиной, комментарии С.В. Волкова. М. : Айрис-пресс, 2013. 560 с. + вклейка 40 с.

Ильухов Н.К., Самусенко И.П. Партизанское движение в Приморье. 1918–1922. М. : Воениздат, 1962. 279 с.

Кадесников Н.З. Сибирская флотилия в водах Дальнего Востока 1921–22 гг. // Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. Нью-Йорк, 1965. С. 84–90.

Красноусов Е.М. 2-я батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. Брисбен, 1958. 360 с.

Левкин Г.Г. Волочаевка без легенд : народно-революционная армия от рождения до ее ликвидации (на основании документов, а не мемуаров), роль В. К. Блужера в НРА, приведшая к бессмысленной гибели тысяч людей, Белая армия на Дальнем Востоке от первых повстанческих отрядов до ухода в эмиграцию. Хабаровск : Приамурское географическое общество, 1999. 286 с.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с. EDN: QPALYX.

Новиков П.А. Антибольшевистское военное строительство и боевая работа войск: Иркутский военный округ в 1918–1919 гг. // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 14–43.

Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова: монография. Иркутск : Оттиск, 2013. 307 с.

Савченко С.Н. Белая армия на Дальнем Востоке: возникновение и структура (сентябрь 1918 – февраль 1920) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) : сб. науч. ст. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.Н. Гродекова, 2000. Вып. 2. С. 36–69.

Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М. : АСТ : Гейтаэрум, 1999. 316, [3] с.

Сергеев В.Л. Очерки по истории Белого движения на Дальнем Востоке. Харбин : Бюро по делам Рос. эмигрантов в Маньчжурской империи, 1937. 99 с.

Серебренников И.И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых русских армий, 1919–1923. Харбин : Изд-во Зайцева, 1936. 268 с.

Симонов Д.Г. Антибольшевистские Вооруженные силы Российской восточной окраины (1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 83–105. EDN: UVQPEX.

Vasilevskii V.I., Grunin G.V., Izgachev V.G., Reikhberg G.E., Shereshevskii B.M. (1967) The struggle for Soviet power in Eastern Transbaikalia. Irkutsk: East.-Siberian Publishing House. 365 p. (In Russ.).

Gorev N. (1922) An attempt at a peace agreement. The struggle for Khabarovsk: A collection of articles. Chita : [B. I.]. P. 60-99. (In Russ.).

Efimov A.G. With (2013) Izhevsk and Votkinsk on the Eastern Front. Articles, letters, documents. Moscow: Irispress. 560 p. + pasting 40 p. (In Russ.).

Il'yukhov N.K., Samusenko I.P. (1962) The partisan movement in Primorye. 1918-1922. Moscow: Voenizdat. 279 p. (In Russ.).

Kadesnikov N.Z. (1965) The Siberian Flotilla in the waters of the Far East 1921-22. *Kratkii ocherk beloi bor'by pod Andreevskim flagom na sushe, moryakh, ozerakh i rekakh Rossii v 1917-1922 gg.* = A brief outline of the white struggle under the St. Andrew's flag on land, seas, lakes and rivers of Russia in 1917-1922. New York, 1965. P. 84-90. (In Russ.).

Krasnousov E.M. (1958) 2nd battery of the 1st Siberian Horse Artillery Division. Brisbane, 360 p. (In Russ.).

Levkin G.G. (1999) Volochaevka without a legend : the People's Revolutionary Army from birth to its liquidation (based on pre-documents, not memoirs), the role of V. K. Blucher in the NRA, leading to the senseless death of thousands of people, White Ar-miya in the Far East from the first rebel detachments to emigration. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo. 286 p. (In Russ.).

Novikov P.A. (2005) Civil war in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.). EDN: QPALYX.

Novikov P.A. (2024) Anti-Bolshevik Military Construction and Combat Operations: Irkutsk Military District, 1918–1919. *Historical Reporter*. Vol. 47. P. 14-43. (In Russ.).

Romanov A.M. (2013) The Osobyia Manchurian detachment of ataman Semenov: monograph. Irkutsk: Ottisk. 307 p. (In Russ.).

Savchenko S.N. (2000) The White Army in the Far East: the emergence and structure (September 1918 - February 1920). From the history of the Civil war in the Far East (1918-1922). Collection of scientific articles. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N.N. Grodekov. Iss. 2. P. 36-69. (In Russ.).

Semenov G.M. (1999) About me. Memories, thoughts and conclusions. Moscow: AST; Geya iterum. 320 p. (In Russ.).

Sergeev V.L. (1937) Essays on the history of the White Movement in the Far East. Harbin: Bureau of Russian Emigrants in the Manchurian Empire. 99 p. (In Russ.).

Serebrennikov I.I. (1936) The Great Retreat: The Scattering of the White Russian armies in Asia, 1919-1923. Harbin: Zaitsev. 268 p. (In Russ.).

Simonov D.G. (2015) Anti-bolshevik fighting forces of the Russian East outskirts (1920 year). Power and society in Siberia in the twentieth century. Collection of scientific articles. Novosibirsk: Parallel'. Iss. 6. P. 83-105. (In Russ.). EDN: UVQPEX.

Старк Г.К. Последний оплот. Отчет о деятельности Сибирской флотилии 1920–1924 гг. СПб.: БЛИЦ, 2015. 548 с.

Филимонов Б.Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921–22 гг. Шанхай: Слово, 1932. Кн. 1. Ч. 1–2. Перед походом: Наступление белых. 244 с.

Филимонов Б.Б. Конец белого Приморья. Rockville (Md.): Kamkin, 1971. 371 с.

Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке России, 1918–1922 гг. 5-е изд. М.: Пятый Рим, 2022. 540, [1] с.

Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. М.: Воениздат, 1957. 268 с.

Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. М.: Центрполиграф, 2004. Книга II. 606, [1] с. EDN: QOUTPF.

Читинец. Читинское военное училище // Подчасок. 1934. № 9. С. 7–9.

Информация об авторе

Беломестнов Алексей Владимирович,
независимый исследователь,
672000, г. Чита, ул. Амурская 82–42, Россия,
e-mail: 1333ab@mail.ru

Вклад автора

Беломестнов А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2024 г.; одобрена после рецензирования 22 мая 2024 г.; принята к публикации 3 июня 2024 г.

Stark G.K. (2015) The last fortress. Report on the activities of the Siberian Flotilla 1920-1924. St. Petersburg: BLITs. 548 p. (In Russ.).

Filimonov B.B. (1932) Belopovstans: Khabarovsk campaign, winter 1921-22. Book 1. Part 1-2. Before the campaign: The White Offensive. Shanghai: Slovo. 244 p. (In Russ.).

Filimonov B.B. (1971) The end of the White Primorye. Rockville (Md.): Kamkin. 371 p. (In Russ.).

Tsipkin Yu.N. (2022) White movement in the far East Russia, 1918-1922. Moscow: Fifth Rome. 540, [1] p. (In Russ.).

Shishkin S.N. (1957) The Civil War in the Far East 1918-1922. Moscow: Military Publishing House of the USSR Ministry of Defense. 268 p. (In Russ.).

Shuldyakov V.A. (2004) The death of the Siberian Cossack army. 1920-1922. Moscow: Tsentrpoligraf. Book II. 606, [1] p. (In Russ.). EDN: QOUTPF.

Chitinets. (1934) Chita Military School // Podchasok. No. 9. P. 7-9. (In Russ.).

Information about the author

Aleksei V. Belomestnov,
Independed Researcher,
Apart. 42, 82 Amurskaya St., Chita 672000, Russia,
e-mail: 1333ab@mail.ru

Contribution of the author

Belomestnov A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 18, 2024; approved after reviewing May 22, 2024; accepted for publication June 3, 2024.

Научная статья

УДК 93/94

EDN: NONEVE

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-176-188>

Основные направления развития советско-монгольских отношений в 1946–1991 гг.: содержание, характеристика, итоги важнейших договоров и соглашений

А.В. Суржко^{1, 2}

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр СО РАН»

Аннотация. В статье приводится анализ развития советско-монгольских отношений в 1946–1991 гг. через призму подписания и выполнения различных двусторонних договоров и соглашений. На вторую половину XX в. пришелся пик дружбы и сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Именно в этот период между двумя государствами был заключен ряд нормативно-правовых актов, определивших основу их взаимодействия в области политики, экономики, культуры, науки и образования и т. д. Большинство договоров было направлено на оказание помощи и социально-экономическое развитие монгольской стороне, поскольку для соблюдения баланса сил Советскому Союзу было необходимо иметь надежного и крепкого союзника в дальневосточном регионе. Особое внимание в статье уделено месту приграничных советских регионов в системе двусторонних отношений и роли региональных связей в их развитии. На примере гуманитарного сотрудничества рассмотрен своеобразный опыт проведения политики «мягкой силы» СССР по отношению к Монголии. Источником для исследования послужили опубликованные сборники документов по истории советско-монгольских отношений, материалы периодической печати, документы региональных архивов. Кроме того, в своем исследовании автор опирался на актуальные современные отечественные монголоведческие исследования, позволившие подвести итоги развития отношений между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой, выявить их продуктивную составляющую и сформировать основные противоречия. Сформулирован вывод, что, несмотря на наличие отдельных нюансов, советско-монгольские отношения можно рассматривать как пример позитивного, по большей части взаимовыгодного сотрудничества двух соседних стран, охватывавшего различные сферы государства и общества.

Ключевые слова: советско-монгольские отношения, СССР, МНР, международные отношения, внешняя политика, международные договоры, АТР, интернационализм, социалистический лагерь

Для цитирования: Суржко А.В. Основные направления развития советско-монгольских отношений в 1946–1991 гг.: содержание, характеристика, итоги важнейших договоров и соглашений // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 176–188. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-176-188. EDN: NONEVE.

History

Original article

Main directions of development of Soviet-Mongolian relations in 1946-1991: content, characteristics, results of important treaties and agreements

Anton V. Surzhko^{1, 2}

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

² Federal Research Center "Krasnoyarsk Scientific Center Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences"

Abstract. The article provides an analysis of the development of Soviet-Mongolian relations in 1946-1991 through the prism of signing and implementing various bilateral treaties and agreements. For the second half of the 20th century it came the peak of friendship and cooperation between the Soviet Union and the Mongolian People's Republic. It was during this period that a number

of legal acts were concluded between the two states, which determined the basis of their interaction in the field of politics, economics, culture, science and education, etc. Most of the agreements were aimed at providing assistance and socio-economic development to the Mongolian side, since in order to maintain the balance of power, the Soviet Union needed to have a reliable and strong ally in the Far Eastern region. Particular attention is paid in the article to the place of the border Soviet regions in the system of bilateral relations and the role of regional ties in their development. Using the example of humanitarian cooperation, the unique experience of pursuing the policy of “soft power” of the USSR in relation to Mongolia is considered. The published collections of documents on the history of Soviet-Mongolian relations, periodical materials, and documents from regional archives served as a source for the study. In addition, the author in this research relied on current modern domestic Mongolian studies, which made it possible to summarize the development of relations between the Soviet Union and the Mongolian People's Republic, and to identify their productive component as well as formulate the main contradictions. The conclusion is formulated that, despite the presence of certain nuances, Soviet-Mongolian relations can be considered as an example of positive, mostly mutually beneficial cooperation between two neighboring countries, covering various spheres of the state and society.

Keywords: Soviet-Mongolian relations, USSR, Mongolia, international relations, foreign policy, international treaties, Asia-Pacific region, internationalism, socialist camp

For citation: Surzhko A.V. (2024) Main directions of development of Soviet-Mongolian relations in 1946-1991: content, characteristics, results of important treaties and agreements. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 176-188. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-176-188. EDN: NONEVE.

На протяжении последнего столетия для российского государства Монголия является не просто одной из соседних дружественных стран, но и одним из важнейших политических и экономических партнеров. Советский Союз в течение всего времени своего существования способствовал культурному, социально-экономическому и политическому развитию Монгольской Народной Республики. Именно СССР оказал решающее влияние на построение в Монголии первого в Азии государства социалистического типа, а без советской помощи невозможно представить становление монгольского государства (Батунаев, Григорьева, 2019. С. 98–99).

На долгие годы Монголия стала олицетворением имиджа «младшего брата» в советской внешней политике. Укреплению двусторонних отношений способствовали военные победы на Халхин-Голе и во Второй мировой войне (Батунаев, 2020. С. 367–368). Отметим, что, по мнению специалистов, пик дружественных отношений двух стран пришелся на вторую половину XX в. и завершился в конце 1980-х – начале 1990-х гг., после чего наступил более чем десятилетний период спада (Гольман, 2011. С. 20).

Современные российско-монгольские отношения также развиваются в духе всеобъемлющего стратегического партнерства, курс на которое был закреплен в бессрочном договоре о дружественных отношениях в сентябре 2019 г. Это обстоятельство представляется особенно важным в контексте «восточного поворота» российской внеш-

ней политики, а также резкого ухудшения отношений со странами Запада. В свою очередь Монголия является не только одним из ближайших соседей России в Азии, но и относится к числу тех государств, которые продолжают выражать заинтересованность в развитии стратегических и партнерских отношений¹. В этом контексте представляется актуальным обратиться к опыту того периода, когда советско-(российско)-монгольские отношения переживали свой рассвет, проанализировать основные направления двустороннего сотрудничества, выявить их преимущества и недостатки.

Источниковой базой настоящего исследования послужили материалы, представленные в сборниках документов по истории советско-монгольских отношений, материалы центральной и местной периодической печати, а также документы из фондов региональных сибирских архивов. Обращаясь к историографии проблемы, отметим, что для работ по данной тематике, опубликованных в 1950-х – первой половине 1980-х гг. характерно чрезмерно идеализированное, выдержанное в русле марксистско-ленинской методологии, освещение двусторонних отношений. Основной упор в этих исследованиях делался на отражении принципов социалистического интер-

¹ В Монголии рассказали, что нужно для улучшения связей с Россией // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220427/mongoliya-1785652947.html> (дата обращения: 23.10.2023).

национализма и анализе перспектив социалистического строительства (История советско-монгольских..., 1981). Большим разнообразием отличались работы постсоветского периода, однако в силу различных обстоятельств, они не затрагивали период советско-монгольских отношений в достаточно полном объеме, делая явный крен на довоенном периоде взаимодействия двух стран (Джагаева, 2006²; Лиштованный, 1998³; История Монголии..., 2007).

Окончание Второй мировой войны ознаменовало завершение процесса международно-правового оформления МНР. Вопрос о статусе монгольского государства рассматривался на Ялтинской конференции союзниками по Антигитлеровской коалиции, был важной составляющей советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. Кроме того, правительство Чан Кайши признало итоги проведенного в МНР плебисцита. Так окончательно были закреплены границы МНР, после чего начался ее выход на международную арену. Были сформированы предпосылки для выхода советско-монгольских отношений на качественно новый уровень (Лузянин, 2003. С. 272).

В результате 27 февраля 1946 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов и глава правительства МНР Х. Чойбалсан подписали «Договор о дружбе и взаимопомощи», а также «Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве» между двумя государствами (История Монгольской..., 1983. С. 445). Первый документ имел исключительно военно-стратегическое значение, поскольку в нем стороны обязывались содействовать друг другу в обеспечении территориальной безопасности и оказывать всяческую, в том числе военную, помощь в случае нападения третьей стороны. Второй документ формировал юридические основы сотрудничества СССР и Монголии в таких сферах как экономика, культура и образование. Опираясь на данный документ, сторонам

предстояло заключать отдельные договоры и соглашения между соответствующими ведомствами и организациями. Срок действия обоих документов определялся в десять лет, а после того, как ни одна из сторон не выразила желания денонсировать их, то в начале 1956 г. они автоматически продлевались на еще один аналогичный срок⁴.

15 января 1966 г. СССР и МНР заключили новый «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». Необходимость такого решения обосновывалась в тексте самого договора и заключалась в бурном развитии двусторонних отношений и изменений международной обстановки в Азии и во всем мире в целом. Своими подписями документ скрепили лидеры государств Л.И. Брежнев и Ю. Цеденбал. В основе договора лежало обязательство развивать всестороннее сотрудничество и братскую взаимопомощь между обеими странами на основе принципов социалистического интернационализма. Документ расширял сферы двустороннего сотрудничества, а также заметно повышал статус монгольского государства как субъекта международных отношений.

Подписание вышеназванных документов активизировало заключение новых договоров и соглашений, определивших основные направления советско-монгольских отношений. К их числу можно отнести политическое, военно-стратегическое, экономическое, научно-образовательное, культурное и гуманитарное сотрудничество. Рассмотрим подробнее каждое из них.

Политическое сотрудничество. Основу советско-монгольского политического взаимодействия составляла заинтересованность двух стран в развитии сотрудничества. Так, Монголии была необходима поддержка могущественного соседа для становления своего государственного суверенитета, над которым нависала китайская угроза, а также для поддержания национальной безопасности, социально-экономического и культурного развития. В свою очередь, Советский Союз был заинтересован в наличии надежного и подконтрольного союзника на Дальнем Востоке как для обеспечения собственной территориальной безопасности, так и для идеологической экспансии на

² Джагаева О.А. Развитие российско-монгольских отношений: основные направления, проблемы и перспективы: 1921–2005 гг.: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.03. Волгоград, 2006. 507 с.

³ Лиштованный Е.И. Россия и Монголия в XX в.: региональный опыт взаимоотношений. На материалах Восточной Сибири: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998. 430 с.

⁴ Советско-монгольские отношения. 1921–1966. Сборник документов. М.: Наука, 1966. 360 с. С. 156–158.

азиатском континенте (История Монголии..., 2007. С. 187–190).

Явной демонстрацией советско-монгольской дружбы были многочисленные взаимные визиты на высшем уровне. Так, в 1966 и 1974 гг. столицу МНР посещал Л.И. Брежнев, а монгольский лидер Ю. Цеденбал с 1960 по 1980 гг. посещал Советский Союз пять раз (Дэмбэрэл, 2021). Столь же демонстративно-дружеский характер носили многочисленные правительственные поздравления, приуроченные к знаменательным и юбилейным датам каждой из стран – годовщине образования СССР и МНР, битве на Халхин-Голе, победе во Второй мировой войне и т. д.

Гораздо большее практическое значение имела поддержка СССР в вопросе завершения оформления международного признания МНР, вершиной которого стало предоставление полноправного членства в ООН в 1961 г. (Батунаев, Григорьева, 2019. С. 98). Благодаря этому Советский Союз получил надежного союзника, который полностью и последовательно поддерживал все инициативы советского правительства. Например, МНР активно поддерживала такие мирные инициативы СССР в период хрущевского руководства как прекращение испытаний ядерных вооружений и обращение к парламентам и правительствам всех стран мира по вопросу разоружения⁵.

После заключения основополагающих договоров 1946 г. продолжали развиваться дипломатические отношения двух стран. В начале апреля 1950 г. правительства СССР и МНР достигли договоренности о преобразовании Миссии СССР в Улан-Баторе и Миссии МНР в Москве в посольства и о возведении посланников в ранг послов⁶. Первым послом Монголии в СССР стал Н. Идамжаб, а пост советского посла в МНР занял Ю.К. Приходов. Всего до распада СССР в этой должности состояло одиннадцать человек, включая выдающегося государственного деятеля и дипломата В.М. Молотова (1957–1960). В августе 1958 г. сторонами была подписана консульская конвенция, во многом определяющая и регули-

рующая двусторонние межгосударственные отношения (в 1972 г. она была значительно расширена и актуализирована)⁷.

В 1970 г. было принято решение об открытии Генерального Консульства СССР в городе Чойбалсан и Консульства СССР в городе Дархан. Консульский округ первого охватывал территории Восточного, Хэнтэйского и Сухэ-Баторского аймаков, а второго – Селенгинского, Булганского, Хубсугульского и Архангайского аймаков⁸. После этого начались переговоры об открытии монгольского консульства в Иркутске с охватом территорий Бурятской и Тувинской АССР, Читинской, Кемеровской и Иркутской областей⁹.

Ключевую роль в развитии двусторонних политических отношений играли правящие политические партии, руководствовавшиеся единой марксистско-ленинской идеологией – ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС) и МНРП. До 1943 г. основной площадкой для их взаимодействия являлся Коминтерн, а в 1947–1956 гг. – Коминформ. Однако после роспуска этих организаций больший упор стал делаться на развитие непосредственных партийных связей, для этого в 1957 г. при ЦК КПСС был создан отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (его первым заведующим стал будущий генсек Ю.В. Андропов) (История Монголии..., 2007. С. 232–234).

Контакты между КПСС и МНРП поддерживались регулярно и, как правило, носили открытый характер. Одним из наиболее статусных примеров подобных контактов могут служить межпартийные переговоры, состоявшиеся в Москве в мае 1957 г. На них обсуждались международные проблемы, затрагивавшие интересы СССР и МНР, а также вопросы дальнейшего укрепления и развития сотрудничества и дружбы между народами обеих стран. В совместном советско-монгольском заявлении отмечалось, что переговоры прошли «в атмосфере сердечности и взаимопонимания, по-

⁷ Там же. С. 329.

⁸ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 612 с. С. 131.

⁹ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 530 с. С. 142.

⁵ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 530 с. С. 314; 371; 391.

⁶ Там же. С. 179.

казали наличие полного единства взглядов» правительств СССР и МНР по обсуждаемым вопросам¹⁰.

Большой вклад в укрепление советско-монгольской дружбы внесли молодежные партийные организации – ВЛКСМ (Комсомол) и МРСМ (Ревсомол). Как правило, их сотрудничество определялось планом, который составлялся на два года, и сводилось к различным культурно-массовым мероприятиям, а также туристическому обмену. Например, в перспективном плане сотрудничества на 1969–1971 гг. центральное место отводилось подготовке и празднованию 100-летия со дня рождения В.И. Ленина¹¹.

Перестройка в СССР, распад социалистического блока и окончание холодной войны привели к коренному изменению характера двусторонних отношений. Как отмечает М.И. Гольман, к началу 1990-х гг. в отношениях двух стран наступила полная деидеологизация, ушли в прошлое неравноправные отношения «старшего» и «младшего брата», идея пролетарского интернационализма и классовой солидарности (Гольман, 2011).

Военно-стратегическое сотрудничество. Как уже отмечалось выше, для Советского Союза Монголия являлась надежным форпостом на азиатском континенте, как для обеспечения своей безопасности, так и для потенциального расширения влияния. Во многом советско-монгольская дружба выросла из военного сотрудничества двух стран, в котором были крайне заинтересованы обе стороны. Его основы были определены протоколом о взаимопомощи еще в 1936 г., а затем де-факто подтверждены основополагающими договорами 1946 и 1966 гг. В числе прочего сторонами закреплялись обязательства оказывать друг другу всяческую помощь, включая военную, в случае нападения третьей стороны¹².

Ключевым фактором, усиливающим советско-монгольское военное сотрудничество, стало нарастание конфликта СССР с Китаем, пиком которого стал военный конфликт на острове Даман-

ский. В этом противостоянии Монголия осталась на стороне Советского Союза, что также делало ее мишенью для потенциальной китайской агрессии. С начала 1970-х гг. по просьбе монгольского правительства на территории МНР начинается размещение частей и соединений 39-й советской армии нового формирования (Пузыня, 2021). Ее первым командующим был генерал Ф.Ф. Кривда. Всего же с 1960 по 1990 гг. было подписано около 30 соглашений и протоколов, направленных на усиление военного сотрудничества между СССР и Монголией. В основном они затрагивали вопросы укрепления военной мощи МНР путем поставок военной техники и вооружений, строительства «специальных объектов» и т. д. (Дэмбэрэл, 2021).

Велась постоянная совместная боевая подготовка частей 39-й армии и монгольских вооруженных сил в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран. Большинство финансовых вложений и материальных затрат при этом брала на себя советская сторона (Пузыня, 2021).

После прихода к власти в СССР М.С. Горбачева, одной из приоритетных задач советской внешней политики стала нормализация отношений с Китаем. Уже в 1985 г. советское правительство открыто взяло курс на вывод большей части своих воинских подразделений из МНР и заявило о готовности к переговорам по вопросу сокращения войск на границе с КНР. В декабре 1989 г. начался частичный, а затем полный вывод 39-й армии Забайкальского военного округа из МНР. Завершился этот процесс уже после распада СССР – в декабре 1992 г. (Пузыня, 2021).

Экономическое сотрудничество. Говоря об экономическом сотрудничестве Советского Союза и Монгольской Народной Республики, стоит отметить, что оно развивалось по трем основным направлениям: промышленность, сельское хозяйство и внешняя торговля. Стороны регулярно заключали соглашения о взаимной поставке товаров, об оказании экономической и дополнительной экономической помощи монгольской стороне, об экономическом (или экономическом и техническом) сотрудничестве (Дугаров, Нанзато-ва, 2013. С. 204). Как правило, начиная с середины 1950-х гг. такие соглашения заключались на пяти-летний срок и дополнялись, корректировались и

¹⁰ Там же. С. 182.

¹¹ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 612 с. С. 99.

¹² Советско-монгольские отношения. 1921–1966. Сборник документов. М.: Наука, 1966. 360 с. С. 156–158.

уточнялись по мере необходимости. Остановимся подробнее на каждом из направлений.

В сфере промышленности Советский Союз оказывал регулярную помощь в строительстве и эксплуатации различных объектов на территории Монголии. Конкретный перечень объектов и объем оказываемой помощи определялись специальными соглашениями (Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-90. Оп. 1. Д. 112. Л. 25). Так, в соответствии с «Соглашением об оказании СССР экономического и технического содействия МНР», рассчитанным на 1961–1965 гг., советская сторона брала на себя обязательства по выполнению проектно-изыскательных работ, поставке необходимого оборудования, строительных механизмов и материалов, командированию необходимых специалистов (как для непосредственного выполнения работ, так и для осуществления контроля и консультаций), производственно-техническому обучению монгольских граждан на соответствующих предприятиях СССР¹³. Аналогичные договоренности присутствовали и в соглашениях на 1966–1970 гг. и 1971–1975 гг.

Результаты сотрудничества впечатляли. Такие новые монгольские города как Дархан (основан в 1961 г.) и Эрдэнэт (основан в 1973 г.) были отстроены при самой активной помощи и поддержке советских специалистов. Абсолютно с нуля в них были построены десятки промышленных предприятий и объектов инфраструктуры (История Монголии..., 2007. С. 239). Олицетворением дружбы Советского Союза и Монголии этого периода стал горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», специализирующийся на выпуске медного и молибденового концентрата. Примечательно, что планирование и сооружение комбината изначально было связано с потребностями советского рынка – именно СССР стал главным импортером его продукции. В свою очередь, полное освоение производственных мощностей этого предприятия привело к удвоению экспортного потенциала Монголии (Галданов, 2022).

Одновременно с этим Советский Союз оказывал помощь в строительстве многочисленных

объектов социальной инфраструктуры, в том числе – жилых домов. Особый размах жилищное строительство приобрело в монгольской столице Улан-Батор, где уже к концу 1960-х гг. было сдано в эксплуатацию более 300 тыс. кв. м. жилой площади, а также благоустроена прилегающая к ней территория¹⁴. Всего же к середине 1980-х гг. советскими строительными коллективами было построено более половины жилого фонда МНР (История Монголии..., 2007. С. 239).

В области сельского хозяйства Советский Союз оказывал Монголии помощь в таких вопросах как борьба с эпизоотиями, вредителями полей и стихийными бедствиями, развитие водного хозяйства и животноводства, охрана природы, освоение целинных земель¹⁵. В свою очередь, советская сторона заготавливала на монгольской территории сено, покупала сельскохозяйственную продукцию.

Для систематизации этого направления сотрудничества 15 апреля 1965 г. в Москве было подписано соглашение о сотрудничестве между министерствами сельского хозяйства СССР и МНР, скрепленное подписями министров В.В. Мацкевича и Б. Балжинняма. Соглашение, ставшее основой для поддержания постоянного и непосредственного контакта, заключалось сроком на пять лет и продлевалось автоматически, если одна из сторон не заявляла о прекращении его действия¹⁶. Для практического осуществления сотрудничества сторонами ежегодно разрабатывались планы, содержащие перечень конкретных мероприятий и сроки их выполнения.

Для развития данного соглашения 17 мая 1971 г. Советский Союз и Монголия подписали соглашение об установлении непосредственных связей между министерствами сельского хозяйства в целях эффективного использования советской экономической помощи в развитии аграрно-

¹⁴ Там же. С. 228; 377; 457; 478.

¹⁵ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 612 с. С. 589.

¹⁶ Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов / отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Е.Р. Курапова; сост. В.С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 744 с. С. 373.

¹³ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 530 с. С. 381.

промышленного комплекса МНР и улучшения работы отдельных хозяйств этой отрасли¹⁷.

Важнейшее значение для советско-монгольских отношений имели торговые связи. Особенность монгольской экономики заключалась в том, что около 40 % государственных доходов составляла внешняя торговля при том что к середине 1980-х гг. более 85 % ее внешнеторгового оборота приходилось именно на СССР. Для Советского Союза торговля с МНР была не менее выгодной, поскольку он мог импортировать ценное минеральное сырье, продукты животноводства, ковры, изделия из кожи и шерсти (История Монголии..., 2007. С. 239–240). Эволюция советско-монгольских торговых отношений может наглядно быть продемонстрированы в виде следующей таблицы:

Объем внешней торговли СССР с Монголией (млн рублей)¹⁸
Volume of foreign trade between the USSR and Mongolia (million rubles)

Год	1950	1960	1970	1975	1980
Оборот	74,2	125,3	230,9	480,4	883,6
Экспорт	38,9	74,6	178,3	355,1	676,3
Импорт	35,3	50,7	52,6	125,3	207,3

Благоприятным фактором развития внешне-торговых связей между СССР и МНР стала приграничная торговля товарами народного потребления, которая на официальном уровне осуществлялась с лета 1964 г. в соответствии с распоряжением Совета министров СССР. Однако в первые десять лет торговля приграничных регионов СССР с Монголией шла без особого энтузиазма. Так, иркутская областная потребительская организация за этот период не заключила ни одной сделки с монгольской стороной, а бурятская и алтайская – по одной. Несколько эффективнее работала потребительская организация Читинской области, но с 1970 г. она прекратила приграничные торговые сделки. Явным исключением была Тувинская

АССР, на долю которой приходилась почти половина товарооборота¹⁹.

В 1973–1974 гг. Советский Союз и Монголия заключили несколько документов, направленных на улучшении ситуации в экономическом взаимодействии приграничных регионов. Наибольший интерес представляют постановления «Об установлении дружественных отношений между аймаками МНР и автономными областями и республиками СССР» и «Об установлении прямых отношений и сотрудничества между аймаками МНР и автономными округами, областями и приграничными районами СССР» и соглашение «О приграничной торговле между СССР и МНР» (Дэмбэрэл, 2021).

Между тем именно внешнеторговая сфера породила одно из самых больших противоречий в советско-монгольских отношениях. Дело в том, что Советский Союз, пользуясь своим статусом «старшего брата», допускал установления выгодных для себя, но крайне не выгодных для монгольской стороны цен, как на экспортные, так и на импортные товары (История Монголии..., 2007. С. 240–242). Примечательно, что Ю. Цеденбал неоднократно поднимал этот вопрос на личных встречах с А.Н. Косыгиным и Л.И. Брежневым, однако проблема ценообразования в советско-монгольской торговле решена не была.

Научно-образовательное сотрудничество.

Одной из наиболее продуктивных сторон развития советско-монгольских отношений стала сфера высшего и среднего образования. Она заключалась, прежде всего, в том, что советские вузы и техникумы на протяжении десятилетий способствовали подготовке национальных квалифицированных специалистов для МНР (Суржко, 2021). Соответствующие обязательства Советский Союз принял на себя 12 мая 1948 г., когда было подписано «Соглашение об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР и содержании их». Изначально планировалось, что советская сторона будет ежегодно принимать до 30 монгольских студентов, выплачивать им стипендию и

¹⁷ Там же. С. 428.

¹⁸ Внешняя торговля СССР. 1921–1981: юбилейный статистический сборник. М.: Финансы и статистика. 193 с.

¹⁹ Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов / отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Е.Р. Курапова; сост. В.С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 744 с. С. 224.

предоставлять жилье, а монгольская сторона обязывалась покрывать половину расходов (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1302. Оп. 2. Д. 100. Л. 2).

Количество монгольских студентов в Советском Союзе увеличивалось с каждым годом. Постепенно возникла необходимость юридического закрепления условий их обучения, порядка содержания и ряда других технических и организационных моментов. Этому должно было способствовать «Соглашение об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР», заключенное 30 апреля 1952 г. Отдельные аспекты поступления и обучения монгольских студентов в Советском Союзе надлежало определять министерству высшего образования СССР и министерству просвещения МНР. Настоящим документов была сформирована законодательная база подготовки национальных кадров для развивающегося монгольского государства.

С 3 октября 1960 г. прием абитуриентов стал стабильным – советские студенты получили право обучения в монгольских вузах. Данная договоренность была закреплена соответствующим межправительственным соглашением. Своеобразным стимулом советских студентов ехать на учебу в МНР была возможность в дальнейшем работать на совместных советско-монгольских предприятиях. Наконец, 14 сентября 1973 г. главы министерства высшего и среднего специального образования СССР (В.П. Елютин) и председатель Госкомитета монгольского правительства по высшему и среднему специальному образованию (Д. Цэвэгмид) подписали соглашение о непосредственном сотрудничестве между своими ведомствами. Этим актом было закончено формирование нормативно-правовой базы сотрудничества Советского Союза и Монгольской Народной Республики в вопросах высшего образования (Суржко, 2021).

Пожалуй, наибольший вклад в подготовку специалистов для народного хозяйства, здравоохранения и образования Монголии внесли иркутские вузы (Лиштованный, 2001. С. 5)²⁰. Они

подготовили для Монголии несколько тысяч квалифицированных специалистов. Наглядным подтверждением этому может служить тот факт, что ряд ведущих иркутских вузов (ИГУ, БГУЭП, ИрГТУ, ИГСХА) был награжден монгольским орденом Трудового Красного Знамени²¹. Так, к началу 1980-х гг. в Иркутске обучалось 1500 монгольских студентов, 300 из которых – в ИГУ им. А.А. Жданова. Подготовительный факультет университета за первые 15 лет своего существования выпустил 3300 граждан МНР, которые были направлены в вузы и техникумы СССР для дальнейшего обучения (Опыт содружества крепнет // Иркутский университет. 1981. 3 июня).

Историческая практика доказала высокую востребованность выпускников советских вузов, не только в экономическом секторе, но и особенно на политическом олимпе Монголии²². Любопытное подтверждение данного тезиса в своем диссертационном исследовании приводит Е.И. Лиштованный. Так, в энциклопедическом словаре «Монголия» представлены более 600 видных современных общественно-политических деятелей Монголии, а также деятелей науки и культуры, при этом 352 из них являются выпускниками советских учебных заведений (Лиштованный, 1998. С. 270)²³.

Научное сотрудничество СССР и МНР направлялось Монгольской комиссией при Академии наук СССР, созданной еще в 1925 г. Комиссия координировала исследовательскую работу советских ученых в Монголии и внесла огромный вклад в изучение и освоение ее природных ресурсов. В первые послевоенные годы деятельность комиссии развивалась по четырем основным направлениям: совместное написание «Истории МНР»; проведение историко-этнографической экспедиции под руководством С.В. Киселева, сельскохозяйственной экспедиции и палеонтологической

²¹ Международные связи ИГСХА начинались с Монголии // Россия и Монголия: журнал. URL: <http://www.pribaikal.ru/rus-mongol-item/article/3536.html> (дата обращения: 23.10.2023).

²² Там же.

²³ Лиштованный Е.И. Россия и Монголия в XX в.: региональный опыт взаимоотношений. На материалах Восточной Сибири: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 1998. 430 с.

²⁰ Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII – начало XX в.): учеб. пособие. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2001. 144 с.

экспедиции под руководством И.А. Ефремова (Монголия – Россия..., 2021. С. 76–100).

В 1946 г. СССР и МНР готовились к подписанию договора о научном сотрудничестве. Согласно проекту документа, стороны договаривались как о совместной научно-исследовательской деятельности, так и о самостоятельной работе АН СССР на территории Монголии. Однако, как отмечает Т.И. Юсупова, по непонятным причинам договор подписан не был (Юсупова, 2018). Более того в начале 1950-х гг. наметилась тенденция на сокращение научного сотрудничества между двумя странами, а в мае 1953 г. Монгольская комиссия была упразднена. Вероятно, это было связано с временной переориентацией советского внешнеполитического курса на Китай и другие страны «народной демократии».

Впрочем, начало 1960-х гг. ознаменовалось активизацией научных связей между СССР и МНР. В рамках этого процесса 12 декабря 1960 г. было подписано «Соглашение о научном сотрудничестве» между АН СССР и Комитетом наук и высшего образования МНР, а 3 апреля 1967 г. ему на смену пришло аналогичное соглашение между Академией наук СССР и созданной шестью годами ранее Академией наук МНР (Грайворонский, 2012. С. 202). Своими подписями его скрепили главы академий М.В. Келдыш и Б. Ширендыб. Оба соглашения подразумевали проведение совместных научных работ, обмен научной литературой и информационно-справочными материалами, научные командировки. Детальный перечень этих мероприятий оговаривался в ежегодных планах научного сотрудничества²⁴.

Наиболее продуктивно сотрудничество проходило в рамках совместных советско-монгольских экспедиций. Так, на протяжении нескольких десятилетий непрерывно работали биологическая, геологическая, палеонтологическая и историко-культурная (археологическая) экспедиции (Петрик, 2004. С. 150). Результаты, полученные по итогам их проведения, не только позволили достичь высоких научных результатов мирового уровня, но и стали прекрасной школой для мо-

лодых ученых из СССР и МНР, по материалам экспедиций было защищено большое количество диссертаций (Монголия – Россия..., 2021. С. 76–100). Заметной вехой в научно-техническом сотрудничестве СССР и МНР можно назвать совместный космический полет В.А. Джанибекова и Ж. Гуррагча в марте 1981 г.

Культурное и гуманитарное сотрудничество.

В целях расширения культурного сотрудничества между двумя странами СССР и МНР 24 апреля 1956 г. заключили «Соглашение о культурном сотрудничестве» (Цыремпилов, 1983). Этот документ имел большое значение для развития советско-монгольских отношений, поскольку охватывал такие аспекты двустороннего взаимодействия как науку, технику, литературу, искусство, высшее образование, просвещение, здравоохранение, физкультуры и спорт, а также другие области культуры. Сотрудничество должно было осуществляться путем взаимного направления делегаций, художественных и спортивных коллективов, отдельных деятелей науки и культуры, аспирантов, студентов, практикантов и туристов (Центр документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 209. Л. 1–2). Помимо этого стороны договаривались содействовать друг другу в предоставлении необходимой информации, в переводе и издании на своей территории литературы, а также прокате кинофильмов другой стороны. Заключенный на десять лет договор автоматически продлевался в 1966, 1976 и 1986 гг.

Для реализации основных положений соглашения была создана советско-монгольская комиссия по культурному сотрудничеству, состоящая из трех представителей от каждого государства. Основной задачей комиссии была разработка планов культурного сотрудничества, содержащих в себе перечень конкретных мероприятий. До 1964 г. эти планы были ежегодные, затем в 1965–1975 гг. – двухгодичные, а с 1976 г. – пятилетние.

Важную роль в развитии культурного сотрудничества между СССР и Монголией выполняли общественно-политические организации дружбы и сотрудничества (Шестаков, 2010. С. 124). Монгольская сторона еще в мае 1947 г. основала Монгольское общество культурной связи с Советским Союзом (через два года оно было преобразовано

²⁴ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 612 с. С. 589.

в Общество монголо-советской дружбы – ОМСД). Спустя почти десять лет, 14 мая 1958 г. в СССР было создано Общество советско-монгольской дружбы (ОСМД), одной из основных задач которого провозглашалось активно сотрудничать с МНР в деле широкого ознакомления советской и монгольской общественности с жизнью друг друга. Общества дружбы служили отличной базой для установления двусторонних связей между учреждениями и общественными организациями. Первым председателем ОСМД стал Маршал Советского Союза С.М. Буденный, а после его смерти в 1973 г. – космонавт В.И. Горбатко, который оставался в этой должности вплоть до распада СССР.

К середине 1970-х гг. ОСМД заметно разрослось и включало в себя 24 региональных отделения, большая часть которых располагалась в республиках Средней Азии и в Сибири (Бурятская и Тувинская АССР, Иркутская и Читинская области, Алтайский край)²⁵. В этой связи особую роль в советско-монгольских отношениях стали играть субъекты так называемого «монгольского мира» – народы с одинаковыми религиозными убеждениями, языковым и культурным сходством, общей старой письменностью, образом жизни и быта и т. д. Именно в таких регионах как Тува, Бурятия и Алтай отделения ОСМД работали наиболее продуктивно (Дэмбэрэл, 2021).

Гуманитарные контакты стали важнейшим элементом всей системы советско-монгольского взаимодействия на региональном уровне (в том числе и методами народной дипломатии). Например, базой для двустороннего сотрудниче-

ства в современных видах спорта стали регионы Восточной Сибири – Иркутская область и Бурятия (Дацышен, 2022). Зачастую непосредственно спортивная составляющая подобных мероприятий являлась вторичной, большее практическое значение имело развитие межкультурной и межнациональной коммуникации, знакомство с жизнью другой страны, безусловный обмен опытом, демонстрация взаимной дружбы и уважения, сохранение памяти об общем прошлом.

История советско-монгольских отношений закрывалась культурным мероприятием. Дело в том, что осенью 1991 г., когда распад СССР оказался неминуемым, представители промышленных предприятий, творческой интеллигенции и администрации Новосибирска провели традиционные Дни Советского Союза в Улан-Баторе (Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 703. Оп. 1. Д. 74. Л. 2–4). Мероприятие прошло успешно, казалось, что ничего не предвещало проблем в добрососедских отношениях двух стран, выраженных в сокращении экономических и культурных связей, а также в самих попытках пересмотреть всю трактовку монгольско-российских отношений.

Подводя итоги исследования, стоит заметить, что содержание и реализация рассмотренных договоров и соглашений обеспечили устойчивое и стабильное развитие двусторонних отношений в 1946–1991 гг. Характер советско-монгольских отношений в целом соответствовал интересам обеих стран. При поддержке СССР была в значительной степени укреплена материальная база Монголии, усилен ее международно-правовой статус. Однако наличие определенных противоречий в политических и экономических отношениях в значительной степени осложняли возможности для более конструктивного сотрудничества в последующий период (Джагаева, 2019).

²⁵ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 2. Москва : Междунар. отношения : Улаанбаатар, 1979. 612 с. С. 465.

Список источников

Батунаев Э.В. Россия и Монголия на новом этапе взаимодействия // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2020. С. 367–372. EDN: WZIYKF.

Батунаев Э.В., Григорьева Ю.Г. Российско-монгольские отношения: от спада до всеобъемлющего стратегического партнерства // Известия Восточного института. 2019. № 3 (43). С. 98–109. EDN: CQGMFC.

References

Batunaev E.V. (2020) Russia and Mongolia at a new stage of interaction. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. 2020. Irkutsk: Baikal State University. P. 367-372. (In Russ.). EDN: WZIYKF.

Batunaev E.V., Grigor'eva Yu.G. (2019) Russian-Mongolian relations: from recession to a comprehensive strategic partnership. *News of the Eastern Institute*. No. 3 (43). P. 98-109. (In Russ.). EDN: CQGMFC.

Галданов Г.А. Экономическое сотрудничество МНР и СССР в 1970–1980-е гг. // Новые подходы к изучению региональной истории : материалы Международной научно-практической конференции, II январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова, Улан-Удэ, 20 января 2022 года. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2022. С. 39–43. EDN: DOGDMP.

Гольман М.И. От спада до стратегического партнерства: российско-монгольские отношения 1990–2010 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 20–26. EDN: PVQZNI.

Грайворонский В.В. К 100-летию со дня рождения Базарын Ширендыба (1912–2001) // Восток. Afro-Азиатские общества: история и современность. 2012. № 5. С. 201–203. EDN: PFVDOB.

Дацышен В.Г. Восточная Сибирь и развитие современного спорта в Монголии в 1950-х гг. // Банзаровские чтения : материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ – БГУ, Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 года. Ч. 1. Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 2022. С. 340–342. DOI: 10.18101/978-5-9793-1709-0-340-342. EDN: KVHMGs.

Джагаева О.А. О некоторых проблемах советско-монгольского сотрудничества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2 (59). С. 42–47. DOI: 10.21672/1818-510X-2019-59-2-042-047. EDN: RLELUJ.

Дугаров В.Д., Нанзатова Ч.Д. Развитие советско-монгольских экономических отношений в 1950–1970-е гг. (вопросы историографии) // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6 (45). С. 200–205. EDN: RRYsFD.

Дэмбэрэл К. Пик советско-монгольских отношений (1960–1985 гг.): договоры, соглашения, их содержание // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 105–113. DOI: 10.31554/2222-9175-2021-43-105-113. EDN: VBMMNQ.

История Монголии. XX век / отв. ред. Г.С. Яскина. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 448 с.

История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; гл. ред.: А.П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др. М.: Наука, 1983. 661 с.

История советско-монгольских отношений. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. 351 с.

Galdanov G.A. (2022) Economic cooperation MPR and the USSR during 1970-1980s. *Novye podkhody k izucheniyu regional'noi istorii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsiya, II yanvarskie istoricheskie chteniya, posvyashchennye pamyati Yuriya Petrovicha Shagdurova, Ulan-Ude, 20 yanvarya 2022 goda* = New approaches to the study of regional history. *International scientific and practical conference, II January historical readings dedicated to the memory of Yuri Petrovich Shagdurov, Ulan-Ude, January 20, 2022*. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 39-43. (In Russ.). EDN: DOGDMP.

Gol'man M.I. (2011) From decline to strategic partnership: Russian-Mongolian relations, 1990-2010. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. P. 20-26. (In Russ.). EDN: PVQZNI.

Graivoronskii V.V. (2012) To the 100th anniversary of the birth of Bazaryn Shirendyb (1912-2001). *East. Afro-Asian societies: history and modernity*. No. 5. P. 201-203. (In Russ.). EDN: PFVDOB.

Datsyshen V.G. (2022) Eastern Siberia and modern sports development in Mongolia in the 1950s. *Banzarovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya D. Banzarova i 90-letiyu BGPI - BGU, Ulan-Ude, 30-31 marta 2022 goda. Chast' 1. Buryatskii gosudarstvennyi universitet imeni Dorzhi Banzarova* = Banzarov readings. *International scientific conference, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya D. Banzarova i 90-letiyu BGPI - BGU, Ulan-Ude, 30-31 marta 2022 goda. Chast' 1. Buryatskii gosudarstvennyi universitet imeni Dorzhi Banzarova, dedicated to the 200th anniversary of the birth of D. Banzarov and the 90th anniversary of BSPI - BSU, Ulan-Ude, March 30-31, 2022. Part 1. Dorji Banzarov Buryat State University*. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 340-342. (In Russ.). DOI: 10.18101/978-5-9793-1709-0-340-342. EDN: KVHMGs.

Dzhagaeva O.A. (2019) About some problems of Soviet-Mongolian cooperation. *Caspian region: politics, economics, cultures*. No. 2 (59). P. 42-47. (In Russ.). DOI: 10.21672/1818-510X-2019-59-2-042-047. EDN: RLELUJ.

Dugarov V.D., Nanzatova Ch.D. (2013) Development of Soviet-Mongolian economic relations in 1950-1970-s. (questions of historiography). *VSGUTU Bulletin*. No. 6 (45). P. 200-205. (In Russ.). EDN: RRYsFD.

Demberel K. (2021) The peak of Mongol-Soviet relations (1960-1985): agreements, contracts their contents. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 3 (43). P. 105-113. (In Russ.). DOI: 10.31554/2222-9175-2021-43-105-113. EDN: VBMMNQ.

Yaskina G.S. (2007) History of Mongolia. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 448 p. (In Russ.).

Natsagdorzh Sh., Tseden B., Shirendyb B. et al. (1983) History of the Mongolian People's Republic / eds. Okladnikov A.P. (SSSR), Sh. Bira (MNR) Moscow: Science. 661 p. (In Russ.).

(1981) History of Soviet-Mongolian relations Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 351 p. (In Russ.).

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М. : ОГНИ, 2003. 320 с. EDN: VVMCTT.

Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества / Андреев А.И., Дробышев Ю.И., Жабаяева Л.Б., Жуков В.Ю., Кузьмин Ю.В., Кульганек И.В., Курас Л.В., Носов Д.А., Орлова К.В., Петрова М.П., Попова И.Ф., Почкаев Р.Ю., Церенов В.З., Цыбенков Б.Д., Юсупова Т.И., Яхонтова Н.С. СПб. : Петрополис, 2021. 230 с. DOI: 10.25882/086r-y106. EDN: XFFFCP.

Петрик В.В. Из истории развития Международных научных связей высших учебных заведений Сибири с вузами и научными учреждениями социалистических стран в конце 1950-х – начале 1990-х гг. // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. № 3. С. 150–154. EDN: HOIAXH.

Пузыня Н.Н. Военно-политическое сотрудничество СССР и МНР // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность : материалы Международной научной конференции, Иркутск, 21 апреля 2021 года. Иркутск : Репроцентр+, 2021. С. 20–25. EDN: KDDIRT.

Суржко А.В. Советско-монгольское сотрудничество в сфере высшего образования (1946–1991 гг.): характеристика основных договоров и соглашений // Гришаевские чтения : материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева, Красноярск, 11–12 ноября 2021 года. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 94–99. EDN: ATYTFV.

Цыремпилов В.Б. Культурные и научные связи между МНР и приграничными республиками и областями РСФСР. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1983. 80 с.

Шестаков А.А. Общественно-политические организации дружбы в развитии приграничного сотрудничества СССР и МНР (историография вопроса) // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 124–127. EDN: MTWLNH.

Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество. Становление, развитие и основные результаты (1921–1961). М. : Нестор-История, 2018. 312 с. EDN: VNVYDQ.

Luzyanin S.G. (2003) Russia - Mongolia - China in the first half of the 20th century. Political relations in 1911-1946. Moscow: Publishing House "OGNI". 320 p. (In Russ.). EDN: VVMCTT.

Andreev A.I., Drobyshev Yu.I., et al. (2021) Mongolia - Russia: the age of independence - the age of cooperation. St. Petersburg: Petropolis. 230 p. (In Russ.). DOI: 10.25882/086r-y106. EDN: XFFFCP.

Petrik V.V. (2004). From the history of the development of international scientific relations between higher educational institutions of Siberia and universities and scientific institutions of socialist countries in the late 1950s - early 1990s. *News of Tomsk Polytechnic University*. Vol. 307. No. 3. P. 150-154. (In Russ.). EDN: HOIAXH.

Puzynya N.N. (2021) Military-political cooperation of USSR and the Mongolian People's Republic. *Narody Rossii, Sibiri i stran Vostoka: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Irkutsk, 21 aprelya 2021 goda = The peoples of Russia, Siberia and the countries of the East: history and modernity. International Scientific Conference. Irkutsk, April 21, 2021*. Irkutsk: Reprotsentr+. P. 20-25. (In Russ.). EDN: KDDIRT.

Surzhko A.V. (2021) Soviet-Mongolian cooperation in the sphere of higher education (1946-1991): characteristics of basic agreements and agreements. *Grishaevskie chteniya: materialy IV natsional'noi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora, zasluzhennogo rabotnika vysshei shkoly Vasiliya Vasil'evicha Grishaeva, Krasnoyarsk, 11-12 noyabrya 2021 goda = Grishaev readings. Materials of the IV National Scientific Conference dedicated to the memory of Vasily Vasil'yevich Grishaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education, Krasnoyarsk, November 11-12, 2021*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. P. 94-99. (In Russ.). EDN: ATYTFV.

Tsyrempilov V.B. (1983) Cultural and scientific ties between the MPR and border republics and regions of the RSFSR. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 80 p. (In Russ.).

Shestakov A.A. (2010) Socio-political organizations of friendship in the development of frontier cooperation of the USSR and Mongolia (historiography of the problem). *Bulletin of Buryat State University*. No. 7. P. 124-127. (In Russ.). EDN: MTWLNH.

Yusupova T.I. (2018) Soviet-Mongolian scientific cooperation: formation, development and main results (1921-1961). Moscow: Nestor-History. 312 p. (In Russ.). EDN: VNVYDQ.

Информация об авторе

Суржко Антон Валерьевич,
ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций,
Сибирский федеральный университет,
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, Россия;

Information about the author

Anton V. Surzhko,
assistant at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations,
Siberian Federal University,
79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk 660041, Russia;

младший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии,
Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр СО РАН»,
660036, г. Красноярск, ул. Академгородок, 50, Россия,
e-mail: surzhkoanton@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5875-2817>

Junior Researcher, Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia,
Federal Research Center “Krasnoyarsk Scientific Center Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
50, Akademgorodok St., Krasnoyarsk 660036, Russia,
e-mail: surzhkoanton@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5875-2817>

Вклад автора

Суржко А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2023 г.; одобрена после рецензирования 10 мая 2024 г.; принята к публикации 20 мая 2024 г.

Contribution of the author

Surzhko A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 19, 2023; approved after reviewing May 10, 2024; accepted for publication May 20, 2024.

Рецензия

Рецензия
УДК 9(С)16
EDN: NRILBC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-189-194>

**«Повседневность женской доли успевать всегда и везде»
Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века) / Е.В. Бурлуцкая, К.А. Абдархманов, А.Г. Фот, Н.В. Клементьева; отв. ред. Е.В. Бурлуцкая. Оренбург : Оренб. кн. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020. 472 с.**

Т.А. Кискидосова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

Аннотация. В рецензии рассматривается коллективная монография оренбургских исследователей «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века)», выпущенной в 2020 г. Оренбургским книжным издательством. В книге обобщены и систематизированы материалы о городском пространстве, этно-конфессиональном составе городского населения, семейной, трудовой и досуговой повседневности горожанок Оренбургской губернии эпохи модернизации. Особая ценность работы заключается в широкой источниковой базе. Книга будет интересна не только профессиональным историкам, но и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Оренбургская губерния, повседневная жизнь, город, горожанка, женщина, семья, образование

Для цитирования: Кискидосова Т.А. «Повседневность женской доли успевать всегда и везде», рецензия на коллективную монографию «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века)» под редакцией Е.В. Бурлуцкой // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 189–194. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-189-194. EDN: NRILBC.

Review

Review

**“The reality of a woman's burden is to keep up always and everywhere”
*Burlutskaya E.V. (2020) A provincial townswoman's daily life in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg Governorate of the second half of the 19th - early 20th century). Orenburg: G.P. Donkovtsev Orenburg Book Publishing House. 472 p. (In Russ.).***

Tatiana A. Kiskidosova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia

Abstract. The review considers the collective monograph of Orenburg researchers “A provincial townswoman's daily life in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg Governorate of the second half of the 19th - early 20th century)”, published by Orenburg Book Publishing House in 2020. The book summarizes and systematizes materials about the urban space, the ethno-confessional composition of the urban population, as well as the everyday family and working routine, leisure activities of the citizens in the Orenburg Governorate of the modernization epoch. The special value of this work is in the large source base. The

advantages of the Orenburg historians' collective monograph are noted. The book will be of interest not only to professional historians of everyday life, but also to a wide range of readers.

Keywords: Orenburg Governorate, daily life, town, townswomen, woman, family, education

For citation: Kiskidosova T.A. (2024) "The reality of a woman's burden is to keep up always and everywhere". Review on: Burlutskaya E.V. "A provincial townswoman's daily life in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg Governorate of the second half of the 19th - early 20th century)". *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 189-194. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-189-194. EDN: NRILBC.

Одним из популярных направлений в последние годы продолжает оставаться история повседневности¹. В поле зрения исследователей городская, сельская, купеческая, мещанская, рабочая, военная, женская, детская и прочая повседневность. По справедливому мнению ученых, исследование женской повседневности еще более сложная задача, чем воссоздание повседневности социального слоя, группы или этноса (Пушкарева, 2014. С. 5). Истории повседневной жизни российской женщины посвящен ряд работ современных исследователей Н.Л. Пушкаревой, А.В. Беловой, Ю.М. Гончарова, П.П. Щербинина, И.И. Юкиной, Е.Г. Подгайко, Н.Б. Кончаковской (Пушкарева, 1997; Пушкарева, 2002; Юкина, 2003; Щербинин, 2004; Белова, 2006; Гончаров, 2007; Белова, 2009; Подгайко², 2013; Кончаковская, 2019).

Коллективная монография «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века)» вышла в Оренбурге в 2020 г. На основе комплексного анализа в работе рассмотрены трудовая и досуговая повседневность провинциальных городских жительниц Оренбургской губернии в по-

реформенный период, их поведение и быт в рамках, указанных сфер повседневной жизни. Авторы, учитывая полиэтничность региона, акцентировали внимание на повседневности русскоговорящих горожанок православного вероисповедания. Основой исследования стала разработанная Е.В. Бурлуцкой (Банниковой) концепция процессуального характера повседневности, где повседневность представлена как двудеиный процесс взаимодействия человека с действительностью и ее субъективной интерпретацией (Банникова, 2014. С. 23).

Впечатляет источниковая база монографии, представленная разнообразными документами: архивные документы, справочно-статистические и историко-аналитические материалы, историко-географические описания и др. При изучении истории повседневности исследователи наряду с информативными источниками обращаются к

¹ «История повседневности» (everyday life history; Alltagsgeschichte; histoire de la vie quotidienne) – новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события (Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19. EDN: OXTAQR).

² Подгайко Е.Г. Повседневная жизнь женщин в городах Южного Урала в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. 26 с.

неформальным источникам (письма, мемуары, частные объявления, литературные произведения и т. д.).

В первой главе рассматривается городское пространство как условие повседневности. Читатели знакомятся с внешним обликом, средой обитания жителей Оренбургской губернии в пореформенную эпоху. Выявлены черты и проблемы, которые схожи с другими провинциальными городами России. В то же время показаны особенности городов исследуемого региона: полуазиатский характер, этническая и конфессиональная пестрота населения, социальная разобщенность, климатические условия. По мнению исследователей, все неблагоприятные условия региона отрицательно влияли на состояние женского здоровья и продолжительность жизни (Повседневная жизнь..., 2020. С. 65).

Следующая глава посвящена сословному, этническому и религиозному составу городского населения. Читателям представлена яркая палитра многообразия деятельности местного населения. Носители разных культур, традиций и ментальных установок находили свое место в новом обществе и мирно сосуществовали друг с другом. При анализе сословного, этнического и религиозного состава населения определенное место отводится характеристике женской части населения.

Семейная повседневность горожанок рассмотрена в третьей главе монографии, которая начинается с приватного пространства горожанок. В поле зрения исследователей дома и интерьеры семей дворян, купцов, священнослужителей. Материалы книги позволяют заинтересованному в бытовых вопросах читателю узнать: сколько в то время стоили меблированная квартира, отопление, прислуга, продукты питания и др. Из приведенных многочисленных примеров становится очевидным, что бытовая составляющая городских жительниц сильно разнилась в зависимости от сословной принадлежности.

Трудовой сфере повседневности горожанок Оренбургской губернии во второй половине XIX – начала XX в. посвящена четвертая глава. Экономический быт населения подвергся наиболее существенным переменам в эпоху урбанизации и модернизации, когда общая эмансипация женщин требовала поиска самостоятельного источ-

ника дохода. Основное внимание обращено на профессиональные занятия горожанок. Модернизационные процессы, расширявшие степень женской свободы, наиболее отчетливо наблюдались в Челябинске и Оренбурге. Другие городские центры сохраняли традиционную социальную структуру, при которой женщины оставались зависимыми, в том числе и финансово, от мужчин (Повседневная жизнь..., 2020. С. 219–220). Профессиональная занятость женщин непосредственно связана с уровнем развития образования в городах. К концу XIX в. среди горожанок грамотные женщины составляли 32,03 % (Повседневная жизнь..., 2020. С. 232). Однако по уровню женской грамотности в городах Оренбургская губерния уступала соседней Самарской губернии. В основном женское образование ограничивалось начальным и средним образованием. Получение девушкой высшего образования воспринималось обществом как блажь и роскошь, доступные девушкам из состоятельных семей (Повседневная жизнь..., 2020. С. 234). К сожалению, в работе приводится скудная информация об отношении местного населения к развитию женского образования. Исследование значительно обогатилось бы сведениями об отклике современников на открытие женских учебных заведений, благотворительной помощи малоимущим ученицам, материальной поддержке начальных школ и женских гимназий и т. д. Насколько востребованными в обществе были женские профессиональные училища? Стремилась ли сами горожанки получить образование? Как относились члены семьи к женскому образованию? Найти ответы на эти и другие вопросы, связанные с женским образованием, можно было бы на страницах местной периодической печати, где обсуждались многие проблемы развития образования. Использование подобной информации авторами книги позволило бы рассмотреть вопросы, касающиеся образования женщин, через призму общественного и индивидуального сознания.

Популярным вариантом заработка для женщин в начале XX в. становится занятие преподавательской деятельностью. Многочисленные объявления в местных газетах позволили авторам сделать вывод о востребованности профессии учительницы. Этот вид интеллектуального зара-

ботка получил распространение среди женщин, получивших образование. В обществе продолжало сохраняться традиционное отношение к предназначению женщины – «ее место у домашнего очага» и, следовательно, отсутствие необходимости в приобретении профессии (Повседневная жизнь..., 2020. С. 250). Подобное устоявшееся патриархальное представление о роли и месте женщины было прочно закреплено в общественном сознании, несмотря на перемены и проявление эмансипации в стране.

Авторы не оставили без внимания предпринимательскую деятельность горожанок Оренбургской губернии эпохи модернизации. Местные женщины-купчихи проявили себя во всех сферах предпринимательства. В работе приведены описания деятельности и значимости известных предпринимательниц – А.Н. Первушиной, Х.А. Рамеевой, М.М. Шиховой. На основе многочисленных примеров сделан вывод об успешной коммерческой деятельности купеческих жен и дочерей.

В монографии отдельным параграфом рассматривается ранее не затрагиваемая тема женской проституции как сфера профессиональной занятости горожанок (Повседневная жизнь..., 2020. С. 306). Последовательно исследованы такие аспекты, как причины для вовлечения в проституцию, возраст и социальное происхождение продажных женщин, а также последствия занятия этим видом деятельности. Показана незавидная судьба «жриц любви», часто сопровождавшаяся трагическим финалом – венерическими болезнями, криминальными историями и ранней смертью. На основе многочисленных примеров, авторы приходят к выводу, что основными причинами для занятия проституцией становились бедность, отсутствие образования, специальных знаний, умений и навыков (Повседневная жизнь..., 2020. С. 332).

Список источников

Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб.: «Полторак», 2014. 440 с. EDN: RVMEWX.

Белова А.В. Женская повседневность как предмет исторической повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97. EDN: HYLLFL.

В пятой главе рассматривается досуговая повседневность и общественная деятельность горожанок. Местная культурная жизнь имела особенности, обусловленные рядом факторов: отдаленность региона, полиэтнический состав населения, значительная военная прослойка в обществе, относительно низкий уровень грамотности местных жителей. Но, несмотря на ряд трудностей, тормозивших местную культурную жизнь, местные власти способствовали открытию библиотек, музеев и театра. Яркие примеры позволили рассмотреть разные виды досуга: балы, маскарады, танцевальные вечера, прогулки, посещение ресторанов и др. Одной из составляющих досуга женщин являлась общественная деятельность. Благотворительностью занимались преимущественно представительницы элитарных групп и слоев общества. Авторы справедливо отмечают, что на рубеже XIX–XX вв. общественная деятельность превратилась в важную составляющую досуговой повседневности горожанок, меняя их жизнь, гендерные роли, социальный статус (Повседневная жизнь..., 2020. С. 419).

В заключительной части коллективного труда сделаны выводы об особенностях обыденной жизни горожанок Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в. У женщин исследуемого региона наблюдался адаптивный, приспособительский вариант повседневной жизни. Данные обстоятельства способствовали тому, что оренбурженки отличались большей свободой нравов и действий, чем женщины центральных губерний (Повседневная жизнь..., 2020. С. 428). Представленная монография значительно расширяет существующие представления о повседневной жизни российских провинциальных городов пореформенного периода. Безусловно, книга заслуживает широкой читательской аудитории.

References

Bannikova E.V. (2014). Daily life of provincial merchants (based on the materials of the provinces of the Urals of the pre-Reform period). St. Petersburg: "Poltarak". 440 p. (In Russ.). EDN: RVMEWX.

Belova A.V. (2006) Women's everyday as a subject of the history of everyday life. *Ethnographic Review*. No. 4. P. 85-97. (In Russ.). EDN: HYLLFL.

Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб. : Алетея, 2009. 479 с.

Гончаров Ю.М. Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 23–25 сентября 2007 года. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2007. С. 59–71. EDN: YKXWWA.

Кончаковская Н.Б. Девичество горожанок Перми и Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. (в контексте повседневности) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 32–40. DOI: 10.17223/19988613/58/4. EDN: LGTSEQ.

Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века) / Е.В. Бурлуцкая, К.А. Абдрахманов, Ю.О. Куренкова, А.Г. Фот, Н.В. Клементьева: отв. ред. Е.В. Бурлуцкая. Оренбург : Оренб. кн. изд-во им. Г.П. Донковцева, 2020. 472 с. EDN: YGUYQK.

Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М. : Ладомир, 1997. 281 с. EDN: RAODZZ.

Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: материалы к библиографии. М. : Ладомир, 2002. 526 с. EDN: QOPPGD.

Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 3–11. EDN: RYLFHF.

Щербинин П.П. Женщина в русской армии в период Первой Мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 3 (35). С. 42–49. EDN: NDFHZL.

Юкина И.И. История женщин России: Женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб. : Алетея, 2003. 232 с.

Информация об авторе

Кискидосова Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук, заведующий сектором истории,
Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23, Россия,
e-mail: tak_74@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

Belova A.V. (2009) "Four ages of a woman": The daily life of a Russian provincial noblewoman of the XVIII - mid-XIX century. St. Petersburg: Alethea. 479 p. (In Russ.).

Goncharov Yu.M. (2007) Social status and gender roles of Siberian women in the second half of the XIX - early XX century. *Rol' gosudarstva v khozyaistvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoi Rossii XVII - nachala XX veka. Sbornik materialov regional'noi nauchnoi konferentsii. Novosibirsk, 23–25 sentyabrya 2007 goda = The role of the state in the economic and socio-cultural development of Asian Russia of XVIII – early XX century. Proceedings of the International Scientific Conference, Novosibirsk, September 23–25, 2007.* Novosibirsk: RIPEL plus. P. 59–71. (In Russ.). EDN: YKXWWA.

Konchakovskaya N.B. (2019). The girlhood among townswomen of the Perm Province at the end of XIX- the beginning of the XX-th century (in the context of daily occurrence). *Bulletin of the Tomsk State University. History.* No. 58. P. 32–40. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988613/58/4. EDN: LGTSEQ.

Burlutskaya E.V. (2020) A provincial townswoman's daily life in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg Governorate of the second half of the 19th - early 20th century). Orenburg: G.P. Donkovtsev Orenburg Book Publishing House. 472 p. (In Russ.). EDN: YGUYQK.

Pushkareva N.L. (1997) The private life of a Russian woman: bride, wife, mistress (X - early XIX century). Moscow: Ladamir. 281 p. (In Russ.). EDN: RAODZZ.

Pushkareva N.L. (2002) The Russian Woman: History and modernity: Two centuries of the study of the "female theme" by Russian and foreign science, 1800–2000: materials for the bibliography. Moscow: Ladamir. 526 p. (In Russ.). EDN: QOPPGD.

Pushkareva N.L. (2014) About empathy in anthropology and the importance of separate description and investigation of male and female daily life. *A woman in Russian society.* No. 1. P. 3–11. (In Russ.). EDN: RYLFHF.

Shcherbinin P.P. (2004) Women in the Russian army during the First World War of 1914–1918. *Bulletin of the Tomsk State University. Series Humanities.* No. 3(35). P. 42–49. (In Russ.). EDN: NDFHZL.

Yukina I.I. (2003) The history of Russian women: The Women's Movement and feminism in 1850–1920. Materials for the bibliography. St. Petersburg: Alethea. 232 p. (In Russ.).

Information about the author

Tatiana A. Kiskidosova,
Cand. Sci. (History), Head of History Department,
Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
23, Shchetinkin St., Abakan 655017, Russia,
e-mail: tak_74@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1031-835X>

Вклад автора

Кискидосова Т.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 21 февраля 2024 г.; одобрена после рецензирования 5 марта 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Contribution of the author

Kiskidosova T.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 21, 2024; approved after reviewing March 5, 2024; accepted for publication March 16, 2024.

Рецензия

Рецензия
УДК 94(57):355.2
EDN: OPALMW
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-195-198>

**Военная подготовка пополнения как основа успешного выполнения
боевых задач**

***Никулин Д.О. Подготовка пополнения для действующей армии в
запасных частях Омского военного округа в 1914–1917 гг. : моногр. /
Д.О. Никулин; Институт истории СО РАН. Новосибирск : Параллель, 2022.
292 с.***

С.В. Карасёв

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В рецензии рассматривается монография Д.О. Никулина «Подготовка пополнения для действующей армии и запасных частей Омского военного округа в 1914–1917 гг.», выпущенная издательством «Параллель» в 2022 г. Структура работы весьма логична и позволяет поэлементно проследить вопрос, вынесенный в тему исследования. Весьма значимо, что для полноты раскрытия вопросов, связанных с обучением и отправкой войск на передовую, автор раскрывает и сопутствующую проблематику. Работа состоит из введения, 4 глав, заключения, списка использованных источников и списка литературы. В рецензии отражаются несомненные достоинства данной монографии, а также и её отдельные недостатки.

Ключевые слова: армейский тыл, дисциплина, обучение, запасной батальон, маршевая рота, Омский военный округ, Первая мировая война, подготовка пополнения, фронт

Для цитирования: Карасёв С.В. Военная подготовка пополнения как основа успешного выполнения боевых задач: рецензия на монографию Д.О. Никулина «Подготовка пополнения для действующей армии в запасных частях Омского военного округа в 1914–1917 гг.» // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 195–198. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-195-198. EDN: OPALMW.

Review

Review

**Military training for replenishment as the basis for the successful completion
of combat missions**

***Nikulin D.O. (2022) Preparation of reinforcements for the active army in the
reserve units of the Omsk Military District in 1914-1917. Novosibirsk: Parallel.
292 p. (In Russ.).***

Sergey V. Karasev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The review examines the monograph by D.O. Nikulin “Preparation of reinforcements for the active army and reserve units of the Omsk Military District in 1914–1917”, published by Parallel Publishing House in 2022. The structure of the work is very logical and allows you to trace the question raised in the research topic step by step. It is very significant that in order to fully disclose issues related to training and sending troops to the front line, the author also reveals related issues. The work consists of an introduction, 4 chapters, a conclusion, a list of sources used and a list of references. The review reflects the undoubted ad-

© Карасёв С.В., 2024

vantages of this monograph, as well as its individual disadvantages.

Keywords: army rear, discipline, training, reserve battalion, marching company, Omsk Military District, World War I, preparation of replenishment, front

For citation: Karasev S.V. (2024) Military training of troops as the basis for successful implementation combat missions: a review of the monograph by D.O. Nikulin "Preparation of reinforcements for the active army and reserve units of the Omsk Military District in 1914-1917". *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 195-198. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-195-198. EDN: OPALMW.

Прежде всего, что хотелось бы отметить в данной монографии, это структурирование и логика в раскрытии вопросов, которые автор взял на рассмотрение в своем исследовании.

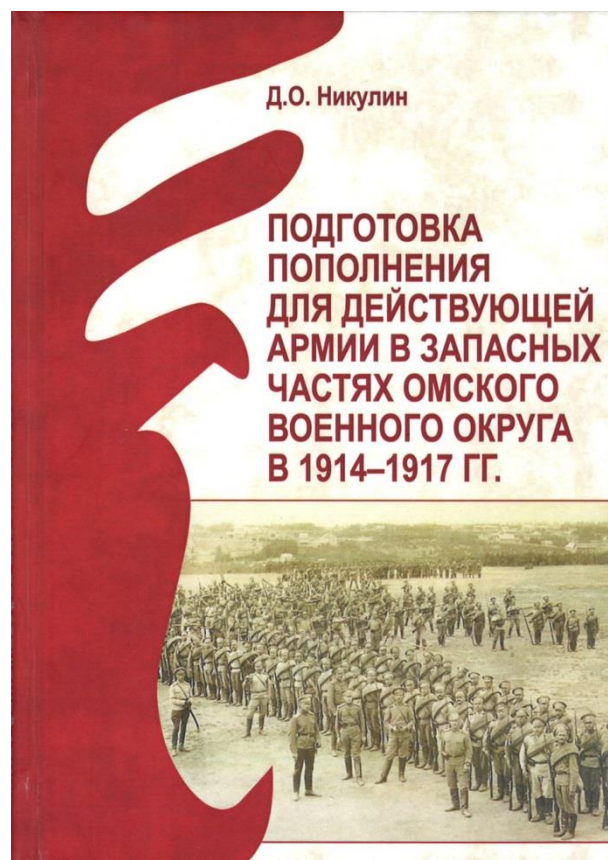
Подготовка пополнения для воинских формирований всегда являлась весьма значимым моментом в вопросе выполнения поставленных боевых задач. Однако здесь необходимо иметь в виду некоторую «разношёрстность» мобилизованного личного состава. Это и возраст, и, конечно, образование и другие составляющие прибывающих на обучение.

В данном исследовании весьма справедливо отражено, что « К 1917 г. почти вся армия состояла из офицеров военного времени и солдат, подготовленных в запасных частях уже во время войны» (С. 4).

Автор отмечает, что перед запасными батальонами стояла основная задача, которая заключалась в подготовке их личного состава, который шёл на укомплектование пехотных частей. Этой подготовкой занимался, так называемый постоянный состав запасных батальонов. Это были офицеры и нижние чины, направленные для такой работы из действующих частей и запаса (С. 34). Весьма справедливо автор указывает и на переменный состав этих структур – офицеры, прапорщики и зауряд-прапорщики призванные из запаса (С. 34).

В исследовании весьма полно раскрывается вопрос создания военных городков, трудности с выбором зданий для различных целей – казармы, столовые и подобные помещения (малый объём помещений, грязь в помещениях, плохое качество питьевой воды и пр.). Кроме этого, автором приведён и ещё один весьма специфический момент, связанный с вопросами расквартирования – компенсация за постой солдат (С. 48).

Что касается непосредственно общевойсковой и специальной подготовки новобранцев, то автору весьма успешно удалось проследить всю цепочку

этой составляющей – от теоретических занятий, до практического закрепления полученных навыков. Солдат учили исключительно тому, что было необходимо как при ведении боевых действий, так и в мирное время. Весьма важным моментов в подготовке было то, что упор делался именно на практическое усвоение полученных знаний, а не на простое заучивание материала. Материал должен был доводиться простым языком. Однако, как отмечает автор, практическое применение полученных знаний было не обязательным элементом, а проверялось лишь по возможности (С. 75).

Автор приводит перечень занятий с пополнением, среди которых отмечает такие занятия как: строевая подготовка, огневая подготовка (винтовка Мосина). Занятия проводились непосредственно по стрельбе (а на теоретической части этих занятий

разбирались такие элементы как неисправность винтовки, основы прицеливание, неисправности патронов и подобные). Имели место занятия по изучению уставов, основам окопного дела, проходили занятия по физической подготовке (гимнастика).

Ещё одним элементом являлась подготовка пополнения, что довольно ярко отражается в монографии, а также – идеологическая подготовка. Здесь рассматривались вопросы положения военнопленных в германском плену, жестокости в отношении военнопленных. Например, больных холерой сжигали в сарае (С. 99).

Первая мировая война отразилась применением против войск противника отравляющих веществ в ходе боевых действий. Для противодействия этой составляющей в 1917 г. в войска России была введена программа по обучению противогазовой борьбе.

Восьмичасовой учебный курс включал в себя, и это довольно подробно описывает автор монографии, такие занятия, как: общие сведения об удушающем газе, средства индивидуальной защиты и их применение. Заканчивался этот курс элементами практического использования средств защиты.

Проверки подготовки пополнения перед отправкой на фронт показывали, что полученные знания можно было, в основном, оценить на «удовлетворительно» и «хорошо». Весьма важно, и автор это отмечает, что одним из проверяемых элементов являлся медицинский осмотр военнослужащих.

По прибытию на фронт подразделения проходили всестороннюю проверку по умению применять полученные теоретические и практические знаний.

В деле подготовки войск имеется ещё один весьма важный элемент. Это привитие дисциплины. Здесь и неправильно заправленные койки, самовольные уходы в населённый пункт, несоблюдение воинского этикета по отношению к офицерам, торговля казённым имуществом и т. п. Дезертирство и неумышленное отставание от воинских эшелонов имели массовое распространение. Для понимания объёма таких явлений автором составлена интересная таблица по числу побегов или отлучек из эшелонов за 1914–1916 гг. (С. 166). Не

единичными были случаи появления и нижних чинов на посадку в воинский эшелон (С. 172).

Автор монографии, кроме перечисления элементов нарушения дисциплины, приводит мероприятия со стороны командования по недопущению таких явлений. Среди них были запреты на увольнения (в различных ситуациях), в том числе и для молодых солдат, не прошедших курс обучения. Наказания за нарушения воинской дисциплины применялись вплоть до содержания на гауптвахте или в военной тюрьме (С. 192). Здесь автор отмечает весьма важную мысль, которая заключается в том, что подобные нарушения воинской дисциплины имели место не только на гражданской территории, но и во фронтовых подразделениях (С. 201).

В этом вопросе хотелось бы увидеть статистику числа правонарушений по национальному составу военнослужащих, изменения подобных проявлений нарушения дисциплины в различные периоды и по родам войск. Конечно скорее всего автор не ставил перед собой подобной задачи, да и, возможно, такая статистика отсутствует в архивных документах вообще, но этот элемент только бы украсил данное исследование.

Летом 1917 г. качество подготовки маршевых рот падает. Автор в подтверждении этих слов приводит выдержки из инструкций, присланных из Главного управления Генерального штаба, которые предписывали незамедлительно навести порядок и дисциплину в запасных частях, увеличить продолжительность строевых занятий, обратить внимание на элементы тактической подготовки (выправка и сомкнутый строй, рассыпной строй владение штыком и под.).

Автор отмечает, что в декабре 1917 г. Сибирские стрелковые полки, на протяжении нескольких лет готовившие пополнение для фронта, окончательно перестали существовать (С. 258). Причиной этому стал массовый роспуск войск по домам.

В данной монографии хотелось бы увидеть сравнение в подходах при проведении занятий как на территории Омской области, так и в соседних областях; а также разницу (если она была) в методике и распределении часов проведения теоретических и практических занятий, для каких родов войск (артиллерия, пехота, специалисты сапёрного дела и др.).

Что касается литературы и источников, которые автор использовал для проведения своего исследования, то их перечень весьма солиден. Кроме прочего, здесь задействована информация из шести архивов различных уровней. Однако нужно отметить, что автор ряд источников озаглавил как «Источники личного происхождения» и включил в них воспоминания различных авторов, сборники писем. Это несколько «сбивает» читателя, давая ему понять, что слово «личные» относятся исключительно к источникам автора – «личный архив автора», что не так.

Кроме этого, в качестве «Источника личного происхождения» привлечены 1-й и 2-й тома монографии американского профессора Stone D. The Russian Army in the Great War: The Eastern Front, 1914-1917, вышедшие в Лондоне в 1921 г. Однако в этом издании сложно найти какие-либо упоминание о ходе учебного процесса с молодым пополнением. Тем более что в основном здесь представлены дневниковые записи. Трудно предположить, что автор дневников лично присутствовал на тео-

ретических занятиях, а тем более при отработке ими практических ситуаций. Кроме этого, необходимо отметить, что ряд источников имеет несколько отдалённое отношение к исследуемым вопросам. Это такие как «Мобилизация материальных и людских ресурсов Алтайского округа в годы Первой мировой войны»; «Вклад Барнаула и Барнаульского уезда в дело помощи фронту в годы Первой мировой войны»; «Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» и др. Отдельно эти работы, конечно, информативны и интересны, но о подготовке пополнения, как и в некоторых других источниках, там речь не ведётся.

В целом данная работа выполнена на высоком научном уровне. Стиль написания доходчив и будет понятен не только научным работникам, но и широкому кругу читателей. Работа читается на «одном дыхании» и нацеливает на более глубокое ознакомлении с доступными источниками и литературой, на которых базируется данное исследование.

Информация об авторе

Карасёв Сергей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: s.karasev@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3273-8443>

Вклад автора

Карасёв С.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26 января 2024 г.; одобрена после рецензирования 11 апреля 2024 г.; принята к публикации 15 апреля 2024 г.

Information about the author

Sergey V. Karasev,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: s.karasev@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3273-8443>

Contribution of the author

Karasev S.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 26, 2024; approved after reviewing April 11, 2024; accepted for publication April 15, 2024.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section **«References»** is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 2 (51) 2024

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 28.06.24. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 500 экз. Заказ 40. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А